ISSN 2619-0303

Вестник

Санкт-Петербургского государственного института культуры

№ 4 (41) / 2019

Научный журнал

декабрь

Vestnik of Saint Petersburg State University of Culture

ВЕСТНИК

Санкт-Петербургского государственного института культуры

Научный журнал

№ 4 (41) • декабрь • 2019

2019
ГОД ТЕАТРА
В РОССИИ

Санкт-Петербург

ВЕСТНИК

Санкт-Петербургского государственного института культуры
Vestnik of Saint Petersburg State University of Culture

№ 4 (41) декабрь • 2019
Издается с ноября 2003 г.

УЧРЕДИТЕЛЬ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Санкт-Петербургский государственный институт культуры»

Редакционный совет

А. С. Тургаев (председатель, заслуженный работник высшей школы РФ, д-р ист. наук, проф.,
ректор Санкт-Петербургского государственного института культуры),
Л. Е. Востряков (д-р полит. наук),
Р. С. Гиляревский (заслуженный деятель науки РФ, д-р филол. наук, проф., заведующий отделом ВИНИТИ РАН),
С. Н. Иконникова (заслуженный деятель науки РФ, д-р филос. наук, проф.),
Е. Я. Кальницкая (заслуженный работник культуры РФ, д-р культурологии,
генеральный директор Государственного музея-заповедника «Петергоф»),
А. В. Куманова (д-р пед. наук, проф., профессор Государственного университета
библиотековедения и информационных технологий Болгарии, София),
Г. М. Седова (заслуженный работник культуры РФ, д-р филол. наук, заведующая
Мемориальным музеем-квартирой А. С. Пушкина Всероссийского музея А. С. Пушкина, Санкт-Петербург,
А. В. Соколов (заслуженный деятель науки РФ, д-р пед. наук, проф.),
А. В. Шмелев (д-р русской истории, куратор Коллекции России и Евразии Гуверовского института войны,
революции и мира Стэнфордского университета, Стэнфорд, Калифорния, США),
Киёми Ямасита (д-р искусствоведения, профессор факультета искусств,
директор Научно-исследовательского института искусств Университета Нихон, Токио, Япония)

Редакционная коллегия

А. С. Мухин (главный редактор, д-р филос. наук, доцент),
Г. В. Михеева (заместитель главного редактора, заслуженный работник культуры РФ,
д-р пед. наук, проф.), Ю. И. Арутюнян (канд. искусствоведения, доцент),
П. Н. Базанов (д-р ист. наук, доцент), Г. В. Варганова (д-р пед. наук, проф.),
А. Ю. Демшина (д-р культурологии, доцент), Т. В. Захарчук (д-р пед. наук, доцент),
С. Т. Махлина (заслуженный работник высшей школы РФ, д-р филос. наук, проф.),
В. В. Молзинский (заслуженный работник высшей школы РФ, д-р ист. наук, проф.),
Е. Р. Пономарев (д-р филол. наук, доцент), Г. В. Скотникова (д-р культурологии, проф.),
Н. Н. Суворов (д-р филос. наук, проф.), А. А. Сукало (д-р пед. наук, проф.),
И. Н. Белобородова (ответственный секретарь)

Редактор Г. В. Михеева. Библиографическая редакция Н. Л. Щербак • Выпускающий редактор Т. В. Миронова
Техническое редактирование, компьютерная верстка Т. В. Мироновой

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Министерства связи и массовых коммуникаций Российской Федерации
Свидетельство ПИ № ФС77-72720 от 23.04.2018

191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., д. 2. СПбГИК. каб. 2556, тел. 318 97 16.
http://spbgik.ru • e-mail: vestnik@spbgik.ru • Лиц. ИД № 05313 от 09.07.2001
Подписано в печать 22.11.2019. Формат 60×84$^{1}/_{8}$. Усл. печ. л. 24. Тир. 500 (1-й завод 1–250). Зак.
Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии ООО «Первый издательско-полиграфический холдинг».
(ООО Первый ИПХ)194044, Санкт-Петербург, Б. Сампсониевский пр., д. 60, лит. У
Подписной индекс 80434 • ISSN 2619-0303 • Сайт: http://vestnik.spbgik.ru
Включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы
основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук,
на соискание ученой степени доктора наук: введ. 01.12.2015

© Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Санкт-Петербургский государственный институт культуры», 2019

СОДЕРЖАНИЕ • CONTENTS

Культурология • Cultural studies

И. Ю. Александров. Русский космизм и западный эзотеризм.
(Ilya Y. Alexandrov. Russian cosmism and Western esotericism) 6

В. П. Большаков. Индустрии досуга в культуре современности
(Valerii P. Bolshakov. Leisure in the culture of modernity). 11

Н. Л. Варова, Л. К. Нефедова. Логос и ratio в содержании
христианского храма (Natalia L. Varova, Ludmila K. Nefedova. Logos and ratio
n the content of the Christian temple) 15

Е. Е. Васильева. Роль научного стендапа в исследовательской деятельности
учащейся молодежи (Elizaveta E. Vasil'jeva. The role of the standup science
in the research activities of students) 23

М. В. Васинская. Культурный туризм в Петродворце в 1960-е гг
(Mariya V. Vasinskaya. Cultural tourism in Petrodvorets in 1960s) 28

И. В. Випулис. Витальная и танатальная основа инициации
(Irina V. Vipulis.Vital and tanatal basis of initiation). 33

М. А. Власникова. Аксиология памятников культовой архитектуры
и их сохранение (Mariya A. Vlasnikova. Axiology of Monuments
of Religious Architecture and their Preservation) 38

В. Д. Ермаков. Аксиология победы в контексте исторической персонификации:
маршалы СССР (Vladimir D. Ermakov. Aksiology of victory in the context
of historical personification: the marches of the USSR) 44

О. А. Игнатова. Дипломат Н. Ф. Петровский как составитель музейных коллекций
(Olga A. Ignatova. Diplomat N. F. Petrovsky as compiler of museum collections) 48

Э. В. Измайлова. Визуальные технологии формирования идентичности
в отечественной культуре детства (Emma V. Izmailova.Visual technologies
of identity formation in the national culture of childhood) 52

О. В. Лазарева. Генезис и типология корейских визуальных практик
(Ol'ga V. Lazareva. Genesis and typology of Korean visual practices). 57

Леонардо Викторино. Карнавал в современной культуре
(Leonardo Viktorino. The carnival in modern culture). 63

О. Б. Магомедова. Опыт воссоздания интерьеров
Екатерининского дворца
(Olga B. Magomedova. Experience in recreating the interiors of the Catherine Palace) 70

С. А. Маньков. Выставочные проекты музея «Россия в Великой войне» 2014–2018 гг.
(Sergei A. Man'kov. The exhibition projects of the Museum
«Russia in the Great War» 2014–2018) 75

Е. И. Мамаева. Музеефикации объекта культурного наследия:
опыт корпоративной инициативы (Yelena I. Mamaeva. Museumification
of cultural heritage: experience of corporate initiative). 83

К. Г. Назанян. Современный церковный музей: продолжение традиции
или актуальная тенденция (Karina G. Nazanyan. Modern Church Museum:
a continuation of the tradition or trend) 88

А. Н. Назаренко. Визуальный образ в контексте современных
исследований медиа (Aleksej N. Nazarenko. Visual image in the context
of modern media research) 93

Е. П. Островская. Апология счастья в буддийской нравственной культуре
раннесредневековой Индии (Elena P. Ostrovskaya. Apology of happiness
in Buddhist ethical culture of early medieval India) 98

А. А. Попов. Серебряные фалары со слоном из коллекции Эрмитажа
(Artem A. Popov. Silver phalerae with elephant from the Hermitage Collection) 103

Содержание • Contents

В. П. Поршнев. Художественные коллекции династии Птолемеев (205–30 гг. до н. э.) (Valerii P. Porshnev. Art-collections of Ptolemaic dynasty (205–30 BC)) 109

В. А. Радзиевский. Культурные процессы в современной Украине (Vitaliy A. Radzievsky. Cultural processes in modern Ukraine) 116

И. Х. Улинова. Динамика традиций в культуре: общая характеристика и фактор взаимодействия с инновациями (Inna Kh. Ulinova. Dynamics of traditions in culture: general characteristics and factor of interaction with innovations) 123

О. Е. Черкаева. Современный музейный ландшафт и новые тенденции музейной деятельности (Olga E. Cherkaeva. Modern museum landscape and new trends of museum activity) 131

Е. Д. Чигалейчик. Музей в экологическом образовании: современные технологии (Yelena D. Chigaleichik. Museum in environmental education: modern technology) 137

Педагогические науки • Pedagogical studies

Я. А. Радион. Формирование исполнительского аппарата вокалиста (Yana A. Radion. The formation of the vocalict) 142

О. В. Розина. Специфика культурологической компетентности преподавателей религиозной культуры (Olga V. Rozina. The specifics cultural competence of teachers of religious culture) 147

Т. В. Рябова. Социально-культурные практики в системе средств развития личности (Tatiana V. Ryabova. Social and cultural practices in system of personal development tools) 152

Документальная информация • Documentary information

В. А. Бородина, А. С. Тургаев. Концептуальные основы читателеведения в трудах А. Н. Ванеева и В. С. Крейденко (Valentina A. Borodina, Alexandr S. Turgaev. Conceptual foundations of reader studies in the works of A. N. Vaneev and V. S. Kreydenko) 160

М. Н. Колесникова. Некоторые итоги подготовки магистров библиотечно-информационной деятельности в СПбГИК (Marina N. Kolesnikova. Some results of preparation of masters of library and information activity in SPbGIK) 167

Г. В. Михеева. «Науки словесные» в Императорской Публичной библиотеке (1795–1849 гг.) (Galina V. Mikheeva. «Verbal sciences» at the Imperial Public Library (1795–1849)) 171

Д. А. Эльяшевич, В. А. Мутьев. Отечественные учебники по общему книговедению (Dmitry A. Elyashevich, Victor A. Mutyev. Local textbooks on the theory of book science) 179

Рецензии • Reviews

М. М. Аболина. Рецензия на веб-ресурс «Академический Бунин» (Margarita M. Abolina. Review of the «Academic Bunin» web resource) 184

А. А. Ермичев. Думают о себе, о гражданской нации (Alexander A. Ermichev. Think about themselves, about civil nation) 186

Сведения об авторах (Information about authors) 190

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Cultural studies

УДК 1(=161.1)"19":141.33

И. Ю. Александров

Русский космизм и западный эзотеризм

Статья посвящена самобытному культурному феномену русского космизма. Одним из методологических подходов к изучению русского космизма в настоящее время является использование концептуального аппарата эзотерических исследований. А. Февр, В. Ханеграаф, А. Верслиус, Дж. Крайпл и другие ученые показали, что эзотеризм является третьей важной областью западной культуры наряду с наукой и религией. «Западный эзотеризм» представляет собой относительно недавно сконструированную учеными модель. «Русский космизм» тоже является молодой научной моделью, которая обрела силу мессианского мифа в годы горбачевской «перестройки». Западный эзотеризм – это знание, отвергнутое в эпоху Просвещения, которое раньше было неотъемлемой частью науки, религии и философии. Мировоззренческие представления русских космистов до конца 80-х гг. XX в. не могли быть частью официальной советской культуры по идеологическим соображениям. Западный эзотеризм вплетен в различные сферы культуры, но независим от них. Подобно западному эзотеризму, русский космизм связан с различными областями культуры: наукой, философией, религией, искусством, но не сводится к ним. Исследование русского космизма в контексте истории эзотерической мысли редуцирует концепции русских космистов к эзотерическим концепциям русских и западных эзотериков, при этом незаслуженно мало внимания уделяется научному направлению в русском космизме.

Ключевые слова: русский космизм, западный эзотеризм, советская культура, культурный феномен, эпоха Просвещения, А. Февр, В. Ханеграаф, А. Верслиус, Дж. Янг, В. И. Вернадский

Ilya Y. Alexandrov

Russian cosmism and Western esotericism

The article is devoted to the original cultural phenomenon of Russian cosmism. One of the methodological approaches for studying of Russian cosmism now is to use the conceptual apparatus of esoteric studies. A. Faivre, W. Hanegraaff, A. Verslius, J. Kripal and other scholars revealed that esotericism is the third important area of Western culture along with science and religion. «Western esotericism» is a relatively recently constructed model by scholars. «Russian cosmism» is also a young scientific model that gained the strength of the messianic myth during the years of Gorbachev's «perestroika». Western esotericism is knowledge rejected during the Enlightenment, which used to be an integral part of science, religion and philosophy. Worldviews of Russian cosmists until the end of the 80s of the 20th century could not be part of the official Soviet culture for ideological reasons. Western esotericism is woven into various spheres of culture, but independent of them. Like Western esotericism, Russian cosmism is associated with various fields of culture: science, philosophy, religion, art, but is not reduced to them. The study of Russian cosmism in the context of the history of esoteric thought reduces the concepts of Russian cosmists to the esoteric concepts of Russian and Western esotericists, while little attention is paid to the scientific direction in Russian cosmism.

Keywords: Russian cosmism, Western esotericism, Soviet culture, cultural phenomenon, Age of Enlightenment, A. Faivre, W. Hanegraaff, A. Verslius, G. Young, V. I. Vernadsky

DOI 10.30725/2619-0303-2019-4-6-10

Русский космизм является самобытным культурным феноменом. Он включает в себя достаточно разнородные составляющие: от научных и философских трудов К. Э. Циолковского, В. И. Вернадского, А. Л. Чижевского, Н. Г. Холодного, И. А. Ефремова, В. Ф. Купревича и В. П. Казначеева, до поэзии биокосмистов 20-х гг. XX в. Дискурс о «русском космизме» внезапно вызрел в отечественной культуре на рубеже 60–70-х гг. и достиг кульминации в конце 80-х – начале 90-х гг. Романтические 90-е, с характерными для тех лет открытостью россиян всевозможным духовным практикам, многочисленными магазинчиками, торгующими литературой New Age, возникающими повсюду школами астрологии и экстрасенсорики, очень пестрыми эзотерическими направлениями, чье вольнодумство подвергалось критике православной церковью, закончились прагматичным капитализмом при усилившемся контроле со стороны государства. Появилась ли у россиян в постсоветские годы «бедная религия», о которой писал М. Эпштейн, или православные корни все-таки оказались прочней семидесятилетнего вытеснения христианства из официальной советской культуры, но очевидно, что российская культура XXI в. лишена романтизма «перестроечной», во многом наивной, открытости миру. На смену России – носительницы идей русского космизма, этого современного проявления характерного для русского народа мессианизма («Москва – Третий Рим» Филофея Псковского, «на-

род-богоносец» славянофилов и Ф. М. Достоевского, коммунистический советский мессианизм), пришла Россия второго десятилетия XXI в. с усилившейся армией, модернизированным оружием и активной внешней политикой. Россия вновь стала непонятной и непредсказуемой для Запада. Понять внезапное укрепление государства и армии пытаются при помощи анализа культурных корней России, трансформации идей и воплощения их в технологических проектах. Одним из методологических подходов к изучению русского космизма в настоящее время является использование понятийного аппарата эзотериологии – молодой науки, громко заявившей о себе на рубеже III тысячелетия.

Исследования А. Февра, В. Ханеграафа, А. Верслиуса, Дж. Крайпла и других ученых выявили, наряду с наукой и религией, третью важную сферу западной культуры – эзотеризм. Речь при этом не идет о том, что европейская культура связана только доминированием христианства в религиозной сфере и новоевропейским математическим и экспериментальным естествознанием, которое позволило покорить природу и определило лидерство стран Запада на столетия. «Западный эзотеризм» вплетен в различные сферы культуры, но при этом не ассоциируется с ними. В трехчастной схеме из науки и религии, посредником между которыми оказывается эзотеризм, религиозные представления находятся на полюсе догматичности, а научные знания – на полюсе эмпирической обоснованности. Один из вариантов такой модели западной культуры предложил С. А. Панин. Логические объемы понятий «наука» и «эзотеризм» пересекаются в понятиях «пограничная наука», «паранаука» и «оккультные науки». Понятие «чистый эзотеризм» не имеет отношения к науке и религии. Логические объемы понятий «религия» и «эзотеризм» пересекаются в понятиях «религиозная мистика», «мистическая религия» и «внеконфессиональная мистика» [1, с. 10]. В этих моделях интересна эвристическая роль эзотеризма – области, в которой рождаются новые религиозные и научные идеи. Эмпирическая чистая наука у Панина представлена по типу «нормальной науки» Т. Куна: соответственно, метафизики никакой она не допускает, и, к примеру, понятие «научного мировоззрения» В. И. Вернадского с помощью этой модели объяснить невозможно. Эзотеризму пока не удается дать однозначного определения, его исследователи скорее ориентируются на свои собственные образцы того, что следует относить к западному эзотеризму, и их анализ опирается на исторические примеры эзотеризма в западной культуре.

До XVIII в., когда академические дисциплины начали принимать современный вид, эзотеризм был важной составной частью научных поисков, хотя и не признавался бесспорным знанием. Представления, характерные для эзотеризма, обсуждались также теологами и философами и были неразрывной частью их доктрин и концепций. Только в эпоху Просвещения был искусственно создан образ невежественного и нерационального эзотеризма, концепции которого не заслуживают внимания ученых либо легко разоблачаются, если сторонники такого рода знаний очень настойчивы в их пропаганде. Алхимию начали рассматривать как обман искателей легкого золота, которые попутно совершили ряд опытных открытий, обогативших научную химию, а астрологию – как псевдонауку, поспособствовавшую развитию астрономии. После победы Лавуазье в полемике со сторонниками флогистонной теории горения и открытия им кислорода какие-либо представления об известных верующим проявлениях «тонкого огня» стали высмеиваться, и тот же Лавуазье, будучи членом научной комиссии, поставил жирный крест на лечении флюидами Месмера.

Представления об утонченной чувствительности человеческого организма в век господства грубых материалистических объяснений были вытеснены на обочину культуры, казалось бы, раз и навсегда. Эзотеризм с тех пор мог быть отнесен только к древним цивилизациям, примитивным народам современности и к маргинальным социальным группам. Но во второй половине XX в. кризис идеологии сциентизма в ходе полемики постпозитивистов, некоторые из которых апеллировали к демократизации науки, большему контролю над наукой со стороны общества, способствовал переосмыслению истории европейского знания и методов его получения. Если в XVIII в. эзотеризм начал ассоциироваться с невежеством и «тьмой» средневековья, то в результате постпозитивистской критики уже сами, некогда одержавшие над эзотеризмом идеологическую победу, методологические представления стали рассматриваться в качестве «лжи во спасение молодой спекулятивной науки в темную допопперианскую эпоху Просвещения» [2, с. 114].

Становление эзотериологии как междисциплинарной науки – это знаковое событие, эзотеризм перестает быть вытесняемым и замалчиваемым. Еще недавно эзотерические концепции обсуждались только некритичными к основаниям такого рода знания «ньюэйджерами» и замалчивались учеными, теперь же представитель самой академической науки В. Ханеграaф собирается ни много ни мало, а «изменить взгляд читателя на западную культуру и общество», исследуя «основные допущения о природе реальности, знаниях и истории, которые принимались европейцами как данность еще с античности» [3, с. 5]. Историчная, комплексная, открытая, междисциплинарная эзотериология тем самым претендует на подлинно философское иновидение всей европейской культуры, и такое

радикальное иновидение имеет много общего с русским космизмом, который, не будучи только академическим философским направлением, выдвигает мировоззренческие положения, радикально обновляющие всю традицию русского, и не только русского, философствования. «Западный эзотеризм» – это не существовавшая сама по себе независимая традиция, которую внезапно открыли историки, но современная, сконструированная учеными модель. В первую очередь, эзотеризм характеризуется гнозисом – «прямым невербализуемым постижением действительности, подразумевающим внутреннюю трансформацию адепта» [1, с. 10]. А. Верслиус максимально сближает западный эзотеризм с западным гностицизмом и выделяет во всем многообразии проявлений западных эзотерических традиций две общие характеристики: «гнозис или гностическое озарение, т. е. знание скрытых или невидимых сфер или аспектов существования (включая как космологический, так и метафизический гнозис) и эзотеризм, означающий, что это скрытое знание либо явно ограничено относительно небольшой группой людей, либо неявно самоограничено в силу своей сложности или тонкости» [4, p. 2].

Само определение эзотеризма остается предметом дискуссий. А. Февр для определения эзотеризма предложил четыре фундаментальных характеристики: «идею универсальных соответствий», «идею живой природы», «роль медиаторов и воображения» и «опыт трансмутации», а также две дополнительные: «принцип согласованности» и «идею преемственности» [5, с. 23–24]. У специалистов в области эзотериологии нет единства во взглядах и на периодизацию западного эзотеризма. В. Ханегграаф выделяет три основные модели: согласно первой из них, в Новое время существовало «зачарованное» мировоззрение, которое имело античные корни, но было отторгнуто настоящей наукой в эпоху Просвещения. В такой парадигме написаны исследования Ф. А. Йейтс. Вторая модель утверждает, что западный эзотеризм – это возникший после эпохи Просвещения широкий спектр «оккультных» обществ, которые стали альтернативой, как традиционной религии, так и экспериментальной науке. Третья модель постулирует, что в религиозных организациях и философских школах всегда была духовная элита, которой доверялось особое эзотерическое знание; утверждается, что подлинная эзотерическая духовность не зависит от социальных, исторических или культурных обстоятельств. Это учение о скрытой под внешними покровами эзотерической реальности принято называть «религионизмом». Несмотря на то, что влияние религионизма испытали многие крупные исследователи западного эзотеризма от М. Элиаде до А. Верслиуса и Н. Гудрик-Кларка, основная масса современных ученых все более критична к третьей модели [3, с. 11–12].

Можно усмотреть определенную аналогию между поздним созданием учеными модели «западного эзотеризма» и введением задним числом понятия «русский космизм» Р. А. Гальцевой в вышедшем в свет в 1970 г. пятом томе философской энциклопедии. Отметим, что Вернадский, Циолковский и Чижевский не подозревали, что принадлежат к «русским космистам». Научной школы «русского космизма» в 20–40-е гг. в нашей стране не было. Н. А. Бердяев отмечал «космическую ориентацию» [6, с. 15] софиологии и русской религиозной мысли начала XX в. в целом. В. В. Зеньковский подчеркивал, что «у Вернадского очень сильно чувство космоса» [7, с.19], но сказано это лишь в контексте антипозитивизма многих философствующих русских ученых. Мировоззренческие идеи А. Н. Радищева, В. Ф. Одоевского, Н. И. Пирогова, которые в наши дни принято относить к русскому космизму, анализируются им вне этого парадигмального представления. Н. О. Лосский в своей «Истории русской философии» упоминает учение Вернадского о переходе биосферы в ноосферу, но в главе XXI «Ученые-философы», в которой большое внимание уделяется биологическим теориям, выходящим за узкие рамки дарвинизма и близких лейбницианским воззрениям самого Лосского. Не называет космистом Лосский и Н. Ф. Федорова, хотя рассматривает его идеи регуляции природы и заселения планет. У Гальцевой указано: «Вернадский развивает натурфилософские идеи т. н. русского космизма…, рассматривающего Вселенную и человека как единую систему со своей регуляцией (гомеостазисом) и предполагающего разумное преобразование космоса» [8].

Идея универсальных соответствий в природе, которую А. Февр отнес к фундаментальным характеристикам западного эзотеризма, присутствует в трудах П. А. Флоренского и литературно-философском наследии Рерихов, в целом русский космизм не характеризует.

Для научного направления в русском космизме эта герметическая идея неприемлема. Идея живой природы, действительно, представлена у всех крупных представителей русского космизма. Эта идея максимально сближает западный эзотеризм и русский космизм. Нужно учитывать при этом, что В. И. Вернадский не был виталистом и не наделял косную материю на манер теософских представлений «латентными формами сознания».

Третья фундаментальная характеристика эзотеризма – «роль медиаторов и воображения» опять-таки не является характеристикой русского космизма, в мировоззрении П. А. Флоренского пространство наполнено множеством духовных существ, но представителям научного направления русского космизма медиумизм чужд. «Опыт

трансмутации» как фундаментальная характеристика эзотеризма не применима в полной мере к русскому космизму. Сближая западный эзотеризм с русским космизмом, ученые ссылаются на идею автотрофности В. И. Вернадского, при этом представление о трансмутации заимствуется ими из New Age-литературы. Автотрофность у Вернадского – это эволюционный этап развития человечества, на котором произойдет отказ от питания живыми организмами, но русский космизм далек как от традиционного герметизма с его всеобщей системой соответствий, так и от «нью-эйджевских» представлениях о трансмутации.

Дж. Янг, по-видимому, под влиянием такого рода распространенных в современной культуре представлений ошибочно приписывает Вернадскому представление о взаимопереходе живого и неживого – «научный аналог пифагорейского метемпсихоза» [9, p. 157]. В. П. Казначеев, отстаивавший представление о том, что клетки живых организмов получают энергию не только за счет известных науке окислительных процессов, но и за счет космических излучений, допускал возможность трансмутации живыми клетками химических элементов, но эти «энергетические» представления основаны на научной эмпирической базе и вытекают они из развития методологии В. И. Вернадского.

Таким образом, перечисленные выше четыре фундаментальных характеристики эзотеризма к русскому космизму не имеют прямого отношения. Идеи эзотерической преемственности, которую А. Февр относит к дополнительным характеристикам западного эзотеризма, в русском космизме тем более не было, потому что у русского космизма не было какой-либо школы. «Принцип согласованности» характеризует западный эзотеризм, объединяя различные его традиции для выявления более высокой истины, но решающей характеристикой русского космизма он не является.

Как западный эзотеризм, так и русский космизм имеют отношение к различным сферам культуры: науке, философии, религии, искусству, но не сводятся к ним. Русский космизм, не будучи эзотерикой, выдвигает необычные мировоззренческие положения, тем самым принадлежит к философии, в то же время не будучи похож на стандарты академического философствования. Научные положения русского космизма опережают время, не всегда соответствуют стандартам экспериментального подтверждения, требуют космичности мышления самих ученых для проведения соответствующих исследований, что приводит к тому, что без научных экспериментальных опровержений научный космизм относят к паранауке. Так М. Хагемайстер в статье «„Русский космизм“, философия будущего?» утверждает, что «в нынешнем виде „русский космизм“ является синкретической идеологией, объединяющей несколько совершенно разных идей» [10, p. 62] и относит к паранауке без какой-либо аргументации теорию «гелиотараксии» А. Л. Чижевского, биокосмическую теорию этногенеза Л. Н. Гумилева, а также эксперименты с «зеркалами Козырева», при этом даже не упоминая академика Российской академии медицинских наук В. П. Казначеева. По его мнению, «в настоящее время космисты занимаются исследованиями «биоэнергетики», инопланетян или морфогенетических полей, или же пытаются изменить ход времени с помощью „зеркала Козырева“» [10, p. 63]. Отмечая хорошее чувство юмора М. Хагемайстера, нужно уточнить, что инопланетянами, все-таки, занимаются уфологи, а не русские космисты, а теория морфогенетических полей принадлежит английскому биологу Р. Шелдрейку. Ставить знак равенства между понятием «морфогенетическое поле» и полевыми структурами живого вещества, открытыми в свое время В. П. Казначеевым в ходе исследований «зеркально-цитопатического эффекта», не следует. Отметим, что результаты многолетних экспериментов В. П. Казначеева и его сотрудников по изучению дистантных межклеточных взаимодействий так и не получили научного опровержения.

Автор двух монографий о Н. Ф. Федорове Дж. Янг в настоящее время исследует русский космизм в контексте истории эзотерических идей. По словам Янга, «русский космизм – это живое и все еще продуктивное направление в истории русской эзотерической мысли, важное, но малоизвестное за пределами России» [11, p. 124]. Янг прочитывает работы русских космистов через идеи, популярные на Западе благодаря движению New Age, среди них: «самостоятельная эволюция человека к более высоким уровням человечества; достижение человеком виртуального всеведения, всемогущества и даже бессмертия; восстановление к жизни мертвых; влияние астральных сил на человеческие дела; радикальное изменение и одухотворение материального мира» [11, p. 127]. New Age-идеология на Западе получила прививку от мыслителей-эзотериков, связанных с Россией: Е. П. Блаватской, Г. И. Гурджиева, П. Д. Успенского, Н. К. Рериха и Е. И. Рерих. Янг упоминает и более поздние российские влияния на западный New Age: Анастасию писателя В. Н. Мегре и Виссариона Последнего Завета. Русский космизм предстает в концепции Дж. Янга менее известным на Западе эзотерическим движением, чем упомянутые выше эзотерические мыслители.

Центральная фигура в русском космизме в исследованиях Янга – это Н. Ф. Федоров. Космисты предстают в его исследованиях развивающими ту или иную идею Федорова, при этом они превращаются в эзотериков, поскольку

уделяют серьезное внимание эзотерическим вопросам в своих философских, богословских и научных трудах. Такой методологический подход представляется очень спорным: крупный ученый В. И. Вернадский оказывается в одном ряду с эзотериком Гурджиевым, его учеником Успенским и в придачу с литературным персонажем писателя В. Н. Мегре Анастасией из «Звенящих кедров». У перечисленных Янгом авторов общее лишь то, что их идеи стали частью эклектичной, очень пестрой культуры New Age. Тем самым феномен русского космизма редуцируется к чему-то известному, пройденному ранее культурой Запада. Гнозис как главная характеристика западного эзотеризма в концепции А. Верслиуса в определенной мере применим к гносеологии философского русского космизма, но научный русский космизм опирается, прежде всего, на эмпирические научные методы. К нему не приложимы в полной мере предложенные В. Ханеграафом три модели западного эзотеризма, поскольку русские космисты, за исключением Рерихов, не придерживались утверждения о наличии «внутреннего» духовного измерения у религий, а отечественная история науки никак не вписывается в западную схему смены подлинной наукой «зачарованного мировоззрения». Тем более русский космизм не имеет ничего общего с постмодернисткой разновидностью виртуального эзотеризма в кинематографе, играх и т. п., который стирает границы реальности.

Пафос русской философии – искание жизненной правды. Научный русский космизм устремлен к реальности самой по себе. В нем нет места игровым моментам. Русский космизм находился на положении «отверженного знания» в несколько ином смысле, если проводить параллель с вытеснением позитивистской наукой эзотерики. Научные труды В. И. Вернадского печатались с сокращениями и правками цензоров в советские годы. Мировоззренческие представления космистов до «перестройки» конца 80-х гг. попадали в публичный дискурс только в той мере, в какой они были созвучны коммунистическим идеалам. Дж. Янг стремится протянуть цепочку преемственности от русских масонов к космистам, однако космизм – это современный этап развития науки, но не истории эзотерической мысли.

Список литературы

1. Панин С. А. Философия эзотеризма. Эзотеризм как предмет исторической и философской рефлексии. Москва: Новое лит. обозрение, 2019. 208 с.

2. Лакатос И. Бесконечный регресс и основания математики // Современная философия науки: знание, рациональность, ценности в трудах мыслителей Запада: учеб. хрестоматия. Изд. 2-е, перераб. и доп. Москва: Логос, 1996. С. 106–135.

3. Ханеграаф В. Западный эзотеризм: путеводитель для запутавшихся. Москва: Центр книги Рудомино, 2016. 256 с.

4. Verslius A. Magic and mysticism: an introduction to Western esotericism. Lanham: Rowman and Littlefield publ., Inc., 2007. 179 p.

5. Февр А. Западный эзотеризм. Краткая история. Москва: Касталия, 2018. 220 с.

6. Бердяев Н. А. Русский духовный ренессанс начала XX в. и журнал «Путь». (К десятилетию «Пути») // Путь. 1935. № 49, окт.-дек. С. 3–22.

7. Зеньковский В. В. История русской философии. Ленинград: Эго, 1991. Т. 2, ч. 2. 270 с.

8. Гальцева Р. Вернадский В. И. // Философская энциклопедия. Москва: Совет. энцикл. 1970. Т. 5. С. 624

9. Young G. The Russian cosmists: the esoteric futurism of Nikolai Fedorov and his followers. New York: Oxford Univ. Press, 2012. 280 p.

10. Hagemeister M. Le «Cosmisme russe», philosophie de l'avenir? // Slavica Occitania / Univ. Toulouse. 2018. № 46: Le Cosmisme russe, I. Tentative de définition. S. 49–67.

11. Young G. Esoteric elements in Russian cosmism // The Rose+Croix j. 2011. Vol. 8. P. 124–139.

References

1. Panin S. A. The philosophy of esotericism: esotericism as subject of historical and philosophical reflection. Moscow: Novoe lit. obozrenie, 2019. 208 (in Russ.).

2. Lakatos I. Endless regression and the foundations of mathematics. Modern philosophy of science: knowledge, rationality, values in the works of Western thinkers: educational anthology. Moscow: Logos, 1996. 106–135 (in Russ.).

3. Hanegraaff W. Western esotericism. A Guide for the perplexed. Moscow: Rudomino Book Center, 2016. 256 (in Russ.).

4. Verslius A. Magic and Mysticism: an Introduction to Western esotericism. Lanham: Rowman and Littlefield publ., Inc., 2007. 179.

5. Faivre A. Western esotericism: a concise history. Moscow: Castalia, 2018. 220 (in Russ.).

6. Berdyaev N. A. Russian spiritual Renaissance of beginning XX century and the journal «the Way». (To the decade of «the Way»). The Way. 1935. 49 (Oct.-Dec.). 3–22 (in Russ.).

7. Zenkovsky V. V. History of Russian philosophy. Leningrad: Ego, 1991. 2, 2. 270 (in Russ.).

8. Galtseva R. Vernadsky V. I. Philosophical encyclopedia. Moscow: Sov. encycl. 1970. 5, 624 (in Russ.).

9. Young G. The Russian cosmists: the esoteric futurism of Nikolai Fedorov and his followers. New York: Oxford Univ. Press, 2012. 280.

10. Hagemeister M. Le «Cosmisme russe», philosophie de l'avenir? Slavica Occitania / Univ. Toulouse. 2018. 46: Le Cosmisme russe, I. Tentative de definition, 49–67.

11. Young G. Esoteric elements in Russian cosmism. The Rose+Croix j. 2011. 8, 124–139.

УДК 316.733 : 379.8

В. П. Большаков

Индустрии досуга в культуре современности

Существенное значение для проведения досуга имела и имеет игровая активность, реализуемая в формах разнообразных, в том числе и художественных, практик и развлекательно-зрелищных, эстетически и художественно оформленных действ. Статья посвящена проблематике причин и следствий индустриализации культурных практик современности, в частности практик досуга. Показано, что особенно заметны следствия индустриализации в превращении практик физической культуры в спорт, который перестал быть по преимуществу игровым элементом культуры. А также в рыночной организации развития экранных искусств и музыки и оформления развлекательно-зрелищных событий. В результате всего этого, хотя и не бесспорны, но и не беспочвенны, утверждения о явном снижении уровней культурности всеми практиками индустриализованного досуга современности.

Ключевые слова: досуг, культурные практики, игровые практики, индустрии досуга, креативные индустрии, кластеры, производство и потребление, рыночная организация досуга

Valerii P. Bolshakov

Leisure in the culture of modernity

Essential for leisure activities was and has play activity, which is implemented in forms of various, including artistic, practices and entertainment and entertainment, aesthetically and artistically designed actions. The article is devoted to the problems and causes of the industrialization of modern cultural practices, in particular the practice of leisure. It is shown that the effects of industrialization in the transformation of physical culture practices into sports, which have ceased to be primarily a game element of culture, are particularly noticeable. And also in the market organization of the development of screen arts and music and the design of entertainment and entertainment events. As a result of all this, although not indisputable, but not groundless, the allegations of a clear decrease in cultural levels by all practitioners of modernized industrialized leisure.

Key words: leisure, cultural practices, gaming practices, leisure industries, creative industries, clusters, production and consumption, market organization of leisure

DOI 10.30725/2619-0303-2019-4-11-14

Вообще говоря, досуг – время жизни, свободное от необходимости трудиться – понимается весьма различно. Довольно часто его отождествляют прежде всего с отдыхом, заполненным разве что развлечениями, а то и просто с «обломовским» ничего не деланием. В словаре античности, однако, дается такое определение досуга: «досуг (греч. schole, лат. Otium) – необходимое предварительное условие для занятий научным трудом и наслаждения искусством. Радость досуга – не в безделии, а в отсутствии жесткой необходимости зарабатывать на жизнь. Поэтому Досуг мог быть только у свободных людей.» [1, с. 192].

Ю. В. Бромлей и Р. Г. Подольный в книге «Создано человечеством» отметили, что: «для Аристотеля, например, досуг – высшая форма жизни, в досуге – блаженство, он – цель сама по себе, ведь если войну, например, ведут ради достижения мира, то досуг – вещь, к которой стремятся ради нее самой» [2, с. 224]. Конечно, под досугом Аристотель понимал не только отдых в «чистом виде», но и созерцание мира, осмысление его. И это был досуг, давший человечеству философию, науку, литературу, точнее – всяческую письменную, да и устную, изящную словесность.

Существенное значение для проведения досуга такого рода имела и имеет игровая активность, реализуемая в формах разнообразных, в том числе и художественных, практик и развлекательно-зрелищных, эстетически и художественно оформленных действ.

Игровые практики составляли существенную часть культуры досуга, и не только в Древней Греции, в которой агонистика, состязательность была ядром динамики культуры, и продолжением реализации культуры в современности, но превращаясь из собственно игровых практик в индустрии.

Как показал Й. Хейзинга постепенное превращение физической культуры в спорт, а спорта – в спорт профессиональный, привели к тому, что агонистика почти утратила свой сущностный игровой характер. Спорт перестал быть игровым элементом нашей культуры [3, с. 222–223]. Даже детские игры, при занятиях в специальных школах, секциях стали профессионализироваться и начально коммерциализироваться, хотя бы по затратам родителей. Спорт вообще стал индустрией колоссального масштаба.

Сдвиг от игрового начала к серьезному коснулся и разного рода неспортивных игр, которые хотя бы частично становились спортивными. Даже в карты стали играть, как в спорте: устраиваются чемпионаты. Игровой элемент испытания судьбы был поставлен на технические рельсы в множащихся казино, а главное – в нашествии игровых автоматов, которых в народе метко прозвали «однорукими бандитами». Собственно игровой элемент повсюду стал подчиненным практической, прагматичной полезности.

В сфере досуга, в которой большую роль продолжает выполнять то, что мы привыкли называть искусством или художественным творчеством, ремеслом, ситуация с индустриализацией несколько иная. Игровой элемент не исчез, но сам стал предметом современного производства и потребления.

Вообще, культурные практики индустриализуются тогда, когда индивидуальное творчество преобразуется в производство. «Шедевры», художественные тексты выступают не в качестве собственно ценностей, а в виде продуктов, товаров (и услуг), тиражируемых для продажи, организации массового спроса в целях массового же потребления, обретающего характер коммерческой деятельности, направленной на получение максимальной прибыли.

В результате, по мнению многих исследователей, возникают так называемые творческие индустрии, которые также именуют креативными. Возникают они не только в сфере художественной культуры, но и не в отрыве от этой сферы. В статье Н. Г. Федотовой «Культурный капитал как фактор региональной модернизации» приведено определение, данное М. Гнедовским, отметившим, что «креативные или творческие индустрии (Creative Industries) – виды деятельности, в основе которых лежит индивидуальное творческое начало, навык или талант, и которые могут создавать добавленную стоимость и рабочие места путем производства и эксплуатации интеллектуальной собственности» [цит. по: 4, с. 23]. Федотова при этом заметила, что в настоящее время креативные индустрии становятся наиболее распространенными формами реализации творческого потенциала поддерживаемого бизнесом и/или государством путем предоставления льгот, спонсорства, проведения соответствующей политики.

Креативные индустрии реализуются, в частности, в таких сферах, как мода и визуальное (изобразительное) искусство. Безусловно, креативные индустрии действенны и в сферах масс-медиа и рекламы, а также дизайна повседневной и неповседневной среды, в сферах кино и видео, теле-, радио- и интернет- вещания, в бытии современных музыки, звукозаписи и звуковоспроизведения. И, наконец, в порождении современной индустрии развлечений, особенно праздничных.

При объединении производителей и распространителей продукции творческих индустрий возникают так называемые кластеры. Креативный кластер – это особое место бытования нескольких предприятий, фирм, мастерских, студий, даже отдельных творцов, объединенных в общем пространстве города или района и занятых в сфере конкретной творческой индустрии. В кластере творцы в известной мере взаимосвязаны и в нем складывается атмосфера единства творчества и бизнеса [5].

В креативном кластере сосуществуют выставки, ремесленные и художественные мастерские, магазины книг и одежды, лекционные залы и т. д. Образуются площадки – либо музыкально-развлекательные, либо визуально-галерейные, либо любые другие.

В современных городах кластеры образуют активно действующие культурные центры. Вместе с этим, да и без этого, творческие индустрии сегодня изменяют содержание и формы культурной деятельности в самых разных сферах повседневности и неповседневности.

В рыночной стихии Европы эти изменения начали сказываться прежде всего в развитии книгоиздательской деятельности. Однако в полной мере художественные практики преобразуются в индустрии в XX в. в связи с их реализацией в пространстве массовой культуры при резко возросшей технизации процессов производства, распространения и потребления художественной, и имитирующей художе-

ственную, продукции. И ярче всего такие изменения выразились в развитии индустрий экранных искусств и музыки, а также в рыночной организации и технической оформленности развлекательно-зрелищных мероприятий.

Начало всего этого просматривается в развитии киноиндустрии, в значительной мере дополнившейся телеиндустрией и производством и потреблением видеопродукции самого разного рода. Сложились, например, развитые системы производства и «проката» кинопродукции. Киностудии, киноконцерны, телестудии стали во многом напоминать технические и коммерческие учреждения. Наряду с этим, образовалась музыкальная индустрия как отрасль мировой экономики, основанная на возможностях извлечения прибыли из музыки в виде товара или услуги.

Развитие массовой культуры как культуры потребительской, коммерчески обусловленной, потребовало стандартизации продуктов и процессов, в том числе и в духовной деятельности. В условиях, когда у масс людей резко повысился общеобразовательный уровень и произошло разделение жизнедеятельности на работу и досуг, возник повышенный спрос на товары и услуги, которые помогают «заполнить» досуг. Рынок ответил на это предложением «типовых», легко тиражируемых культурных продуктов во все возрастающем количестве книг, фильмов, телепрограмм, пластинок, компакт-дисков, сидиромов и т. д., а также особо стандартизованных зрелищно-развлекательных услуг в системах шоу-бизнеса и туризма. В производстве, распространении и потреблении этих товаров и услуг используются новейшие технологии.

Определяющими их качество становятся вкусы человека массы, ибо они определяют коммерческий успех или коммерческую неудачу в организации «купли-продажи» художественной, или уже только напоминающей художественную, продукцию. Именно в это время в XX в., острой становится проблема границ искусства, границ художественности, причем и в так называемой элитарной и в массовой культуре. В последней критериями качества «художественной» продукции становятся общедоступность, занимательность, технологичность в производстве (легкость тиражирования), серийность, сходное с наркотическим воздействие на восприятие и, вследствие всего этого – коммерческий успех. Очевидно, например, скажем в кинопродукции, всем этим определяется кассовость прокатываемого кинофильма, в музыке – усиленное воздействие на подсознание, на физиологию и «коллективные», групповые, массовые всплески эмоций. Это не значит, что вся продукция массовой культуры лишена любой эстетической и художественной ценности.

Однако некоторые свойства потребительской культуры открыли дорогу к успешному функционированию имитаций, подделок в пространстве художественных ценностей. Само требование легкой тиражируемости продукта ведет к торжеству копии над оригиналом, подмене оригинального стандартным. Участие в производстве и организации потребления большого количества технических работников и устройств действует в ту же сторону. В музыкальном творчестве, например, не только в звукозаписи и воспроизведении, но и в исполнительстве, существенно возросла роль технических устройств и звукооператора, уж не говоря уже о пении «под фонограмму». Организация исполнительской деятельности: концертов, конкурсов, развлекательных программ и шоу – предполагает развитие солидного административного аппарата, руководящего процессом, осуществляющего управление созданием и функционированием эстетически и художественно значимой (привлекательной для массы, ценимой ею хотя бы сиюминутно) продукции. Продюсерская деятельность, менеджмент, маркетинг становятся необходимыми и неизбежными моментами, организующими творчество и сотворчество с целью массового и непременно успешного непосредственного воздействия.

Именно поэтому возникает не бесспорное представление об утрате собственно культурности индустриями в сфере художественной культуры. Индустриями, которые становятся заложниками рыночной стихии, активного вовлечения художественных ценностей в предпринимательскую, коммерческую деятельность. Индустриями, которые в известной мере характеризуют преобразование того, что мы называем культурой в то, что именуется цивилизацией. Не в том смысле, в котором О. Шпенглер описывал это преобразование как вообще деградацию культуры, а, скорее, в значении, которое П. Сорокин придавал излишнему доминированию пользы при утрате ее единства с ценностями истины, добра и красоты в индустриальном обществе.

Список литературы

1. Словарь античности: пер. с нем. / ред.: В. И. Кузищин (отв. ред.) и др. Москва: Прогресс, 1989. 704 с.

2. Бромлей Ю. В., Подольный Р. Г. Создано человечеством. Москва: Прогресс, 1984. 328 с.

3. Хейзинга Й. Homo ludens; В тени завтрашнего дня / пер. с нидерл. и примеч. В. В. Ошиса; общ. ред. и послесл. Г. М. Тавризян. Москва: Прогресс; Прогресс-Академия, 1992. 459 с.

4. Федотова Н. Г. Культурный капитал как фактор региональной модернизации // Культурное обозрение: информ.-акад. сб. Великий Новгород, 2010. № 2. С. 23–33.

5. Гончарук А. Политика в области творческих индустрий; зарубежный опыт и российские реалии. URL: http://creativeindustries.ru/rus/publications/6 (дата обращения: 05.06.2019).

References

1. Kuzishin V I. (ed.) Dictionary of antiquity: transl. from German. Moscow: Progress, 1989. 704 (in Russ.).

2. Bromley Yu. V., Podolny R. G. Created by mankind. Moscow: Progress, 1984. 328 (in Russ.).

3. Huizinga J.; Oshisa V. (transl.); Tavrizyan G. M. (ed.) Homo ludens; In the shadow of tomorrow. Moscow: Progress; Progress-Academy, 1992 (in Russ.).

4. Fedotov N. G. Cultural Capital as a Factor of Regional Modernization. Cultural review: inform. and acad. compendium. Veliky Novgorod, 2010. 2, 23–33 (in Russ.).

5. Goncharuk A. Policy in the field of creative industries; foreign experience and Russian realities. URL: http://creativeindustries.ru/rus/publications/6 (accessed: July 5. 2019) (in Russ.).

УДК [069.9:7](083.94)

Н. Л. Варова, Л. К. Нефедова

Логос и ratio в содержании христианского храма

Христианский храм в современной действительности не утратил своего культурного и исторического значения, напротив, продолжает раскрывать через формы и средства изобразительного искусства смыслы любви, воли и разума. Данные смыслы человеческого существования, определяя ядро христианской религиозной культуры и культуры стран христианского региона, имеют в западном и восточном христианстве свою специфику как концепты *логоса* и *ratio*. Методологический подход к рассмотрению оппозиции *логоса* и *ratio* в содержании христианского храма строится на философской рефлексии *чувства, воли* и *разума* в трудах Л. Фейербаха, *логоса* и *ratio*, обозначенных в трудах А. Ф. Лосева, а также на искусствоведческой рефлексии, представленной как осмысление особенностей храмовой архитектуры. На основании указанной методологии и искусствоведческой эмпирики исследована специфика репрезентации *логоса* и *ratio* в архитектуре готического и православного храмов с позиций культурологии и философии культуры, объединяющих свои интенции в рассмотрении феноменов культуры в их развитии, в формах объективации в них сущностных характеристик культуры и человека как субъекта культуры. Сопоставление объективации идеи Разума в ее сопряжении с идеями Любви и Воли в содержании христианского храма представляется новым подходом к решению задачи прояснения его культурных смыслов в современной действительности, выявления в архитектурных формах храма категорий любви, воли и разума как сакрального ядра культуры стран христианского региона.

Ключевые слова: храм, христианство, католицизм, православие, готика, разум, ratio, логос, любовь, воля

Natalia L. Varova, Ludmila K. Nefedova

Logos and ratio in the content of the Christian temple

Christian church in modern reality has not lost its cultural and historical significance, on the contrary, continues to reveal through the forms and means of art the meanings of love, will and mind. These meanings of human existence, defining the core of Christian religious culture and culture of the countries of the Christian region, have their own specifics in Western and Eastern Christianity as the concepts of *logos* and *ratio*. Philosophical reflection of the *logos* and *ratio*, most fully realized in the writings of A. F. Losev, as well as art reflection, presented as an understanding of the features of temple architecture, requires the continuation in the discourse of cultural studies and philosophy of culture, combining their intentions of considering the phenomena of culture in their development, in the forms of objectification in their essential characteristics of culture and man as a subject of culture. The mapping of presentation of the ideas of Reason in its pairing with the ideas of Love and Will in the content of the Christian church is represented by the approach to solving the problem of clarifying its cultural meanings in contemporary reality, revealing the architecture of the temple of the categories of love, of will and reason as the sacred core of the culture of Christian countries in the region.

Keywords: church, Christianity, Catholicism, orthodoxy, gothic, reason, ratio, logos, love, will
DOI 10.30725/2619-0303-2019-4-15-22

Осмысление коррелята *логоса* и *ratio* в содержании христианского храма имеет целью выявление специфических особенностей восточной и западной христианской культуры, нашедших свое визуальное выражение в храмовом зодчестве. Интенция сохранения и наследования культурных форм и осуществления на этой основе дальнейшего культуротворчества в современном обществе делает как никогда актуальным обращение к интерпретации визуальных репрезентаций идей, лежащих в основании культуры. Заметим, что речь идет отнюдь не о культурном фундаментализме, но о культуре как возделывании на основе необходимо сложившегося в ней сакрального ядра. Визуальной репрезентацией такового в культуре стран православного региона условно можно считать русский православный собор, а в странах католического региона – готический собор.

И тот, и другой соборы репрезентируют комплекс идей иудео-христианской культурной парадигмы, пришедшей на смену культурной парадигме античности. Модернизационные процессы в современной культуре, нашедшие выражение в феноменах, определяемых как общество потребления или культура постмодернизма, не привели к элиминированию сакрального ядра христианской культуры, убедитель-

ным свидетельством чему является отношение к христианскому храму. Это отношение, в котором религиозное чувство верующих сочетается с вполне секулярным пониманием исторической, культурной и художественной ценности храма, определяется, прежде всего, тем, что он является носителем антропологических и культурных смыслов: любви, воли и разума. Рассмотрим далее особенности их репрезентации.

Храм в христианской культуре независимо от конфессиональной принадлежности мыслится как организованное пространство для единения с Богом. Всеобщий смысл христианского храма – это овеществление тела вселенской церкви, ее души. Кроме того, храм и в прямом, и в переносном смысле представляет собой крепость, защищающую верующих в лихие годины общих и личных бедствий. Храм есть корпус, тело, место отправления ритуала, иными словами, он является агентом формализации отношений человека с трансцендентным объектом – Богом. Таким образом, храм имеет в своем содержании комплекс базовых идей культуры, которую он представляет в единстве религиозного и светского, исторического и вневременного, регионального и вселенского, национального, сословного и всечеловеческого содержания.

Христианский храм любой конфессии, как правило, узнаваем, репрезентируя общие для христианской культуры ценности: любовь, братское единство, мудрость и красоту. В христианском храме любой конфессии можно обнаружить репрезентацию этих базовых философских идей христианства, раскрытых Л. Фейербахом, который увидел их объективацию в системе человеческих представлений о сердце (чувстве), воле, разуме [1, с. 31–33], взятых в их идеальном выражении, достигшем столь высокой степени абстрагирования данных качеств, что они определились как трансцендентные умозрения по отношению к человеку, стремящемуся быть носителем данных сущностных характеристик. Так возникает религия с идеей христианского Бога.

Действительно, христианский храм, будучи домом Бога, является визуальным воплощением идеи любви *(сердце)*, силы и красоты *(воли)*, мировой гармонии *(разума)*. Этот концепт обнаруживается в храмовой постройке любой исторической эпохи, любого художественного направления, любой христианской конфессии. Однако эти идеи имеют свое развитие и особенное выражение, как в их философской трактовке, так и в особенностях их визуально органимической репрезентации в православном и католическом храмах.

Обратимся, во-первых, к особенностям репрезентации ч*увства* в католическом (преимущественно готическом) и православном (преимущественно русском) храмах. У Л. Фейербаха чувство мыслится как *любовь*, *сердце* [1]. Идея любви, сердечности тесно связана с феноменом *света*. Заметим, что *свет* не просто заполняет пространство храма, но и есть само сакральное пространство. Место и количество света в православном и католическом храмах имеют отличие. Православный храм обычно меньших размеров, чем католический, но света в нем больше. Готические постройки отличаются, как правило, бóльшими размерами, чем православные, но вмещают меньше света.

Свет в храме выступает как многоплановое явление: физическое – освещенность внутреннего пространства; знаковое – сияние вокруг изображенных фигур святых; смысловое – божественный свет. Свет обретает символический смысл, порождаемый его физическим воздействием на восприятие пребывающего в храме человека, постигающего его как всепронизывающий божественный свет, дающий переживание непосредственной связи с Богом, ощущение проживания в божественном мире.

Максимумом света было наполнено пространство византийских храмов. Стремление вместить свет определяло развитие инженерной мысли: уйдя в прошлое, Византия оставила прямоугольные в плане постройки, с доминантой горизонтали в общей форме. В центре перекрытия храма возводился огромный сферический купол, который содержал оконные проемы, как, например, в храме Святой Софии в Константинополе (VI в.), где их было сорок. Купол играл главную роль и во внешней, и во внутренней форме храма. Византийское строительство, базируясь на римских инженерных достижениях, разработало более совершенную систему устройства перекрытия: между аркадой и куполом появляются паруса, которые создают изнутри эффект свободного парения купола. Окна в основании купола дают возможность свету литься непрерывным потоком и освещать все внутреннее пространство. В оценке Н. Шибил, «зодчие Св. Софии сознательно создали пространство, в котором идея божественной имманентности и трансцендентности могла быть воспринята в форме света» [2, с. 208; 3].

Вторая концептуально значимая идея, определяющая сущность христианства в учении Л. Фейербаха, – *воля*. Воля определяет в христианской философии цель, выбор средств в ее достижении, саму веру в цель и смысл христианского бытия. Здесь целесообразно обратиться к образу мира, представленного храмом.

Православный храм задает бытие мира, Бога, человека как целостное единство, в кото-

ром тем не менее артикулируется божественная воля созидания мира и человеческое устремление к спасению, к вечной жизни. При этом божественное и человеческое едины в синергийном устремлении к цели. В католическом храме виртуозная внешняя и внутренняя проработка архитектурных и интерьерных пространств и деталей декора вольно или невольно задает регулятивы, нормы, определяет границу между творением и творцом.

Воля – это энергия, направленная на достижение цели. Храм выполняет функцию указателя цели, создает условия для ее постижения. Сакральное пространство организуется таким образом, что, попадая в него, человек испытывает воздействие, меняющее его психосоматическое состояние. Огромную роль здесь играют пропорции и ритм материальной конструкции, художественная выразительность живописи и скульптуры, комплекс воздействий света, запаха, музыкального звучания.

Шопенгауэровская идея мира как воли и представления [4] вполне объективирована в храме любой конфессии. Звучит она и в христианском храме. Воля осуществляется в мире, а храм формирует представление об этом осуществлении, оперируя материальными формами, используя контрасты массы и пустоты, неподвижности конструктивных элементов и динамики зрительного восприятия.

Актуализация духовного содержания воли имеет свою нюансировку в архитектуре православия и католицизма. Так в византийском храме важное самостоятельное значение в формировании переживания ощущения светоносного воздушного пространства имеют пластические массы [2, с. 206–207; 5, с. 794–795]. Ступенчатые сферические формы перекрытия (система купола и полукуполов) влекут взгляд от стены к центру купола, но с такой же легкостью взгляд от центра купола скользит по сферическим ступеням полукуполов к колоннам и стенам. В этом созерцании не найти изначальную или конечную точку, поскольку здесь земля и небо смотрят друг на друга и отражаются друг в друге.

Важная черта константинопольского храма Софии – наличие двух архитектурных и смысловых центров: алтарного и подкупольного пространств. Движение раскрывается в двух направлениях: горизонтальном вдоль продольной оси Запад–Восток по направлению к алтарю, и центростремительном по отношению к подкупольному пространству. Два полюса притяжения внимания обусловливают динамизм самого восприятия, различия в переживании формы каждым конкретным индивидом, раскрывающим индивидуальный путь *свободного* движения души к спасению в светоносном воздушном пространстве. Так представлена идея единства Бога, мира, человека. В храмах Древней Руси, имеющих в основании форму греческого равноконечного креста, эта идея находит развитие в сближении подкупольного и алтарного пространств. Динамика внутреннего пространства здесь более статична, чем в готике, движение пластических масс не является самоцелью, но служит оформлению воздушного пространства, пронизанного светом, символизируя свободное движение духовного нисхождения и восхождения.

Однако эта свобода духовного движения не была беспредельной ни для зодчих, ни для прихожан и монашества. Она была ограничена строгим уставом и каноном во всех культурных формах.

Репрезентация воли во внутреннем пространстве готического храма несколько иная: расстояния от входа до алтаря, от пола до «неба» увеличиваются, при этом теряется возможность *свободного* обозрения внутреннего пространства из-за многочисленных колонн и крестовых сводов. Рисунок нервюр подчеркивает конструктивность и рукотворность решения. Спасение как цель верующего прихожанина, таким образом, словно удаляется, путь к нему затруднен.

При этом романская и готическая архитектура свидетельствует о глубоких знаниях свободных искусств, о художественном поиске и техническом экспериментировании зодчих. Но и здесь были серьезные ограничения: сама историческая эпоха создания готики, ценя математику, астрономию и музыку, считала занятия, требующие ручного труда, низшими. Изобразительные искусства, требующие виртуозного владения рукотворными техниками, попадали в этот ряд и обозначались понятием «механические искусства» (в противоположность «свободным искусствам», описанным в романе Марциана Капеллы «О бракосочетании Филологии и Меркурия»). В словаре Мартина Ланского, ученика Эриугены, составленном в IX в., дается определение механического искусства: «вещь хитрейшая и претончайшая и в своем изготовлении или сотворении непонятная, так что видящие ее ощущают себя как бы лишившимися способности зрения, ибо не могут познать ее хитрой замысловатости» [6, с. 73]. Произведения западного искусства подражают природе, поэтому они подобны обману, требующему большой ловкости и умения. Очевиден диссонанс: стремясь обозначить волю творца, тварь словно исподволь сопротивляется этой воле и соперничает с ней.

Достойное место механические искусства занимают к XII столетию, «и осмысливаются как

один из этапов на пути человека к спасению» [6, с. 68]. Занятие искусством предполагает созерцание мира, а для человека, созерцающего мир, открыты два пути постижения Бога: отказ от мира – в постижении отделенности ущербного мира от совершенного Бога; погружение в мир – создатель откроется в познании упорядоченности мира. Если первый путь вел к монашескому служению, то второй реализовался в изучении строения мира в его целостности и гармонии и возвышал значение художника и архитектора как подобия творцу, которые одухотворяют материю.

Воля визуально представлена вертикалью. Как православные, так и католические храмы пойдут по пути усиления роли вертикали, символизирующей интенцию связи с Всевышним.

Готическая вертикаль символизирует устремленность за границы человеческих возможностей. Именно доминанта вертикали придавала готическому храму устрашающе величественный вид, овеществляя недостижимость идеала и неистовое стремление к нему. Эта страстная неистовость воплощения воли (божественной ли, человеческой ли?), вероятно и послужила основой для пересмотра смыслов готики в истории культуры в диапазоне от ее отрицания до восторженного принятия как недостижимого образца. В любом случае, готическая вертикаль холодна, рационалистична, абстрактна. В ней нет детской наивности луковичного завершения человеческого обращения к Всевышнему или прагматики шатровой конструкции, служащей символической защитой от божественной непогоды. Готическая вертикаль подобна игле, прошивающей пространство, вонзающейся в него. Е. Трубецкой подчеркивает значение конструкции и формы навершия в устроении активного связующего пространства и его внешнего образного выражения: в византийском храме купол изображает собою свод небесный, покрывший землю; готический шпиц выражает собою неудержимое стремление ввысь, подъемлющее от земли к небу каменные громады; «отечественная „луковица" воплощает в себе идею глубокого молитвенного горения к небесам, через которое наш земной мир становится причастным потустороннему богатству» [7, с. 198].

В православии вертикаль обрастает овалами, сферами – луковицами, цилиндрическими сводами, закомарами. Вертикаль словно заземляется, утверждая возможность обретения божественной любви на земле. На внешних фасадах архитектурные детали соответствуют делению внутреннего пространства на нефы. Устремленность к небу подчеркнута дополнительным вертикальным членением стен снаружи храма: закомарами, трехлопастными завершениями, лопатками. Барабаны принимают вытянутые пропорции, вместо сферического купола устраиваются шлемовидные и луковичные главы. Оконные проемы располагаются в барабане и в верхней части стен, соответственно количество света, поступающего извне, уменьшается. Свет сосредоточивается вверху храма, освещая росписи в куполе и парусах, что наряду с обратной перспективой иконописи обеспечивает преобразование внутреннего физического пространства в сакральную реальность. Свет нижнего пространства: зажженные свечи, блики на позолоченных элементах интерьера и культовых предметах, – все это визуализирует градацию света как духовного пути, связующего дольний и горний миры. Так определялось ощущение причастности духовному пути, даже при осознании себя в самых нижних пространствах храма.

Репрезентация *чувства* и *воли* в храме представлена в их взаимосвязи в образе мира, сотворенного волею Творца. Христианский собор наполнен многочисленными изображениями растений, животных из мира, в котором проходит земная жизнь человека, и фантастических, указывающих на мир потусторонний. Изображены библейские сцены с участием ветхозаветных пророков, событий священной истории, Святая Троица, Иисус, Богоматерь, а также фигуры людей в морализаторских сюжетных сценах: грешников и праведников, святых и мучеников.

Фрески с изображениями растений и животных покрывают стены, колонны, витражи. Имеет место резьба по камню, выполненная артелями ремесленников, в мировоззрении которых переплетались христианские догматы и языческие образы, в связи с чем множество сюжетов выходит за границы и реального мира, и священной истории.

В католическом соборе множество фантастических существ соответствует пласту фольклорной культуры, пронизанной языческими представлениями, наполненными страхом и ужасом перед неумолимостью сил природы.

В православном храме также мотивы флоры и фауны представляют как реально существующих, так и фантастических существ, которые могут обладать и когтями, и клыками и иметь устрашающий характер. Однако в целом, образы, выполненные в камне, в православном храме не несут смысла угрозы, скорее, выражают сущность природных созданий. В языческом аспекте народного мировоззрения каменное убранство храма содержит идею неувядаемого «древа жизни» – символа «матери-земли», «великой богини» [8, с. 26]. С точки зрения христианского мировоззрения, образы в камне выражают идею разнообразия и богатства творения и его стремления соответствовать божественному

замыслу, живописуют образ будущего царства божьего. Языческие мотивы не противоречат христианскому идеалу, а дополняют его в народном мировоззрении.

Таким образом, картина мира имеет свою нюансировку в католическом и православном храмах. В католическом соборе большое значение имеют изображения страшного суда, мук грешников в аду и чертей, их истязающих. В православном храме преобладает праздничность, мотив спасения. Праздничный, идеальный образ мира в православном храме обусловлен отбором радостного материала. Здесь достаточно редко эксплицируется визуально категория ужасного. Католицизм же наряду с пышностью и красочностью форм зримого мира визуально эксплицирует формы греха и результаты грешной жизни: чудовищ, болезни, уродство. Такая визуальная концепция мира актуализирует *чувство любви* к нему. В православном храме *любовь* представлена как абсолют, по апостолу Павлу, без конфликтной оппозиции с грехом. В католическом храме *любовь* и гармония альтернативны греху, безобразию, ужасу.

Любовь и воля, будучи взаимосвязанными, слиты в своих проявлениях с *Разумом*. Христианский храм репрезентирует идею *Разума*, которая в западной и восточной культурной традиции имела свои интерпретации и свое развитие.

В восточном христианстве разум обозначался словом *Логос*, а затем словом *София* и мыслился как начало, посредующее между миром и Богом [9, с. 87]. Обратимся прежде к западной культуре, которая видит разум как ratio. Разум-ratio вполне определенно репрезентирован в готической архитектуре западноевропейского средневековья, выразившей стремление католической церкви к всеобъемлемости и охвату христианской идеей всех слоев и сословий средневекового общества, что по существу уже было социально бытовой основой рационализации. Утверждению рационального уклада способствовали малая дифференциация социальных вкусов, новые цеховые формы организации ремесленного труда, практика сотрудничества богослова и художника в выработке иконографии, заметно меняющейся в истории средневековья. При этом в ходе сотрудничества художник и архитектор, с одной стороны, зависели от церковного заказчика, с другой – имели свободу индивидуально интерпретировать прототипы сюжетов и персонажей.

Рационален и сам геометрический метод готического зодчества: с пропорционированием, применением «секрета» единого модуля (квадрат с диагоналями) для выражения пропорциональных отношений не только в процессе первичного проектирования, но и непосредственно в практических работах на протяжении всего строительства. Однако именно строгий рационализм готического собора явился раскрытием высшей формы развития христианского спиритуализма. Действительно, парадокс готического строительства заключается в единстве предельной иррациональности и холодного интеллекта.

Строительство готического храма, занимавшее иной раз несколько веков, представляя синтез конструктивных и эстетических решений разных исторических эпох, наглядно отражало связь поколений в культурном процессе как сохранение, наследование и возделывание самой культуры, ее овеществленного сакрального ядра. Накопление и фиксация мастерства, художественного видения, значимость достижений в этих сферах делает из готического храма летопись эпох, этапов развития художественного стиля и их роли в вещной объективация идеи воли, прежде всего, человеческой в ее устремленности к трансцендентному. Подобно тому, как Бог создал и упорядочил творение, так и человек в своей деятельности руководствуется принципами порядка. Благодаря действию разума, произведенные художником материальные формы суть композиция, порядок и фигура. Воля художника направляется разумом на создание красоты, объективными свойствами которой являются целостность, соответствие частей и ясность [6, с. 112–114]. Деятельность человека, созидающего готический храм, можно определить, по Фоме Аквинскому, как приложение интеллекта (высочайшей способности) к благороднейшему объекту, каковым является Бог.

Готическая архитектура в ее высшем выражении есть синтез идеи Божественной воли и идеи свободы человека в дерзновенном преобразовании материи, которая, будучи преобразованной, становится репрезентацией Духа. Человеческий разум преобразует, одухотворяет материю, соперничая с Творцом.

«Творчество художника представляется интеллектуальным актом, берущим начало в мыслительной форме красоты» [6, с. 59]. В ходе творчества открывается иерархия красоты: умозрительная абсолютная красота – красота представляемого образа – красота созданного произведения (низший уровень красоты). Идеи неоплатонизма становятся основанием христианской эстетики. Художник очищает материю, привнося в нее форму, которая уже была в мысли до работы с материалом.

Неоплатонизм и резко отрицательное отношение раннего христианства к наследию изобразительных искусств, связанных с языческими

культурами, ведут мысль художника к изображению неизобразимого, к изображению мира земного как проекции трансцендентного, к выработке условного языка. В обосновании возможности творчества лежат два тезиса: 1) бог воплотился в человеке в образе Христа; 2) человек создан по образу и подобию божьему, его ум и способности подобны божественному образцу. Следовательно, во власти человека воплотить сверхчувственную идею в чувственном облике. В творчестве человек придает видимый образ трансцендентному и наделяет духовным смыслом материю в границах созданного им произведения. В сочинении «О Троице» Августин пишет: «Слово стало плотью, но не обратилось в плоть, а возвысило ее, в нее не обратившись» [цит. по: 6, с. 60].

Человек – единственное существо, наделенное разумом, благодаря которому, он по аналогии повторяет процесс творения. Именно в разуме идеи красоты, истины и блага соединяются в единство. Ничто не прекрасно, не будучи разумным. Качества прекрасного – это разумная соразмерность частей, гармония, соответствие, порядок, пропорциональность, ясность [6, с. 61].

Художник древнего мира – язычник – вырабатывал идеал красоты на основе анализа и синтеза форм чувственного мира. Художник средневековья – христианин – стремился «воплотить Священное Предание и отразить идеальный божественный архетип, условное изображение которого являлось одним из наиболее традиционных, канонизированных и бережно сохраняемых признаков христианской экзегезы. Освященная преданием и традицией изобразительная система – иконография – определяла творчество средневекового мастера» [6, с. 62], творческий метод основывался на работе по образцам.

В основе средневековой концепции искусства лежит разумное знание. В западной традиции корпус знаний разрабатывается и содержательно, и логически, стремясь охватить весь мир (в единстве творца и творения) и тщательно дифференцирует деятельность человека с учетом того, какому плану бытия принадлежат цели, направляющие его волю.

«По Августину, изобретая искусства, разум шел от слова к слуху, от слуха – к зрению, от грамматики – к диалектике и риторике, затем к музыке и поэзии и лишь потом переходил к знаниям, представляющим зрение в системе свободных искусств, – к геометрии и астрономии» [6, с. 65]. Зрение как способность нашего тела легко обманывается, видя то, чего в действительности нет. Разумное зрение постигает истину. Ремесла, искусство, мирские знания суть благо для человека как природного существа. Исидор Севильский проводил четкое различие между понятиями «искусство» (ars) – это вещь свободная, и «художество» (artificium) – основанное на ручном труде. В то же время во множестве средневековых текстов мы видим использование слова ars по отношению к различным видам изобразительного искусства. Например, Гуго Сен-Викторский писал: «знание… может быть названо искусством (ars), когда речь идет о вещах, которые только похожи на истину, или когда оно приобретает форму в материале путем обработки этого материала, как в случае архитектуры; но оно должно быть названо дисциплиной (disciplina), когда оно приобретает форму в мысли» [цит. по: 6, с. 66].

К XIII в. математика будет существовать в строго разделенных контекстах: в предельно абстрактной форме как необходимое знание для уразумения абсолютной истины; как практическое знание в рамках вспомогательных, служебных в отношении архитектуры дисциплин. В эпоху зрелого средневековья архитектура будет пониматься как прикладная геометрия, в архитектуре и живописи найдет применение идея числа в символическом и аллегорическом аспектах. Архитектура готических соборов украшена множеством образов, среди которых появляется аллегорическая фигура Архитектуры с теми же атрибутами, что и аллегория Геометрии: циркулем, линейкой, наугольником – атрибутами геометрии как практического знания [6, с. 79–80]. В средневековых изображениях мы найдем образ Бога-творца с циркулем в руке, как artifexmundi – образ Бога конкретизируется и сближается с образом человека.

Архитектура из среды «механических искусств» выходит и сближается со свободными искусствами. Архитектура дает начало сложению системы знаний Нового времени. В XII–XIII вв. архитектура квалифицируется как наука, а не ремесло. Альберт Великий описывает работу художника как разумную деятельность, требующую и рациональных знаний и умения применять их к материи. Художники отличаются от других мастеров-практиков тем, что знают законы искусства (artisrationem). Художники работают на основании разумных принципов исполнения произведения (ratiofaciendorum). «Архитекторы разумно применяют знания и к делу исполнения, и к материи, и к форме, и к завершению вещи, а ремесленники же работают приложением форм к действию…» [6, с. 81]. Таким образом, актуализировано ratio как рациональная разумная творческая деятельность человека. Храм является выразителем виртуозного мастерства человека.

Готическая эпоха понимала искусство как знание, как науку. Ценность искусства заключалась в совершенстве человеческой рационалистической деятельности. В начале готической эпохи источником представлений о порядке был априори абстрактный идеал соразмерности, гармонии и пропорционального строя; в XIII в. равноправное слияние абстрактного идеала и конкретного опыта породило великие целостные произведения; в конце готического периода и начале Возрождения источником строя и порядка станет живой и конкретный опыт чувственного мира [6, с. 82].

Столь высокое развитие храмового зодчества в западной культуре, доходящее до соперничества с Творцом, вело к тому, что Божественный Разум достаточно часто стал отождествляться с разумом человеческим, и просто с умом и знанием, в свою очередь, это вело русскую философию к стремлению дифференцировать содержание данного понятия в западном и русском дискурсах. Так по А. Лосеву разум как *ratio* в западном понимании есть человеческое свойство, абстрактная интеллектуальная систематизация в то время как *Логос* в восточном христианстве метафизичен и божествен, а *София* выражает любовь, единство [9, с. 73].

Данный концепт Логоса как связи мира, Бога, человека читаем уже в византийском храме, который наследует античную идею гармонии, соразмерности космоса и микрокосма. В описаниях Прокопия Кесарийского, Павла Силенциария, Михаила Солунского проводится сравнение здания Святой Софии в Константинополе и отдельных его частей с человеком и человеческим телом [5, с. 791]. Форма храма повторяет порядок природы: пол уподобляется морю, купол и полукупола – небесным сферам, арки – радуге, цветной облицовочный мрамор на стенах – цветущим лугам. Ректор патриаршего училища, «магистр философов» Михаил Солунский дает более абстрактную умозрительную трактовку формы храма, например: «Каждая арка – а их четыре – соответствует одной стихии. Ибо процесс становления идет по кругу и соединяет простые тела друг с другом, которые, используя одинаковые формы, прокладывают путь к порождению одного из другого. Поэтому каждая арка хочет согнуться в подобие круга и желает коснуться соседки, и так это творение искусства подражает космосу» [цит. по: 5, с. 795]. Кроме того, он дает «описание какой-либо части храма языком одной из произвольно выбранных областей знания или искусства: наружный вид – риторика, атриум – геометрия, нартекс – оптика, наос – богословие, колоннады – поэзия, своды – стереометрия и космография, стены – петрология, пол – живопись, киворий престола – стереометрия, «точило», солея и амвон – живопись, «голубка» – экзегеза» [5, с. 792].

На основе целого и части постройки, представленных во взаимосвязи и единстве, конструируется понимание мироздания, значимости всех его частей, их соразмерности и гармонического сосуществования, что определяет полноту и целостность мира. Логос представлен как синтез идеи и материальной формы, образа и понятия.

В православном храме, соразмерном человеку, дан образ будущего, соборности, единства творца и творения. Человек не уверен в себе, но, обращаясь к Богу, приобщается к единству в церкви. Здесь воплощается принцип антропоморфности. Храму присваивается символическое значение Христа: пространство соединения двух миров (человеческого и божественного), место спасения, акт спасения во Христе. В названиях элементов храма прослеживается антропоморфная символика: подножие храма, рукава креста, плечи сводов, окна, бровки. «Верх церковный есть глава Господня», «главу убо церковную держит Христос, а шию апостолы, а пазухи евангелисты. А пояс праздници», «трапеза есть перси Господня», «столпци олтарни суть колена агня» – примеры уподобления из «Толковых служб» [10, с. 28]. Г. А. Лаврецкий приводит примеры двунаправленности уподобления. Во-первых, и церковь, и храм уподобляются человеку в высказываниях: «Святая церковь Божия подобна человеку, имея святилищем душу, божественный жертвенник – ум и храм – тело, и служа как бы образом и подобием человека... И наоборот, человек есть в таинственном смысле церковь» (Максим Исповедник); «Храм Божий – человек безукоризненный» (Евагрий). Во-вторых, в сакральном контексте описание физического пространства приобретает смысл духовного свершения, в определенном смысле человек сам становится храмом: «Ты же, егда молишися, вниди в клеть твою, и затворив двери твоя, помолися Отцу твоему» (Мф., 6:6) [цит. по: 10, с. 28].

Важную роль в христианском храме любой конфессии отводилась организации внешнего пространства. Храм всегда выполнял связующую роль с миром. Галереи православного храма вокруг основной его части могли охватывать три стороны храма или служить переходами между постройками. Территория вокруг христианского храма облагораживалась, устраивалось место для крестного хода. Храм выполнял объединяющую социальную роль, был символическим центром и градостроительной доминантой. К храму можно было подойти с разных сторон; эстетический образ храма всегда был динамичным, формировался по

мере смены перспектив в ходе движения к храму. Отношение храма и среды также играло большую роль в раскрытии смыслов *логоса* и *ratio*. Строгость и торжественность готической постройки требуют поддержки городского пространства, русские православные храмы прекрасно смотрятся в окружении природного ландшафта. С виртуозной математической инженерией готических мастеров вполне успешно соперничает интуитивное чувство соразмерности, свойственное православному русскому зодчему, позволяющее вписать храм не только в городской, но и в природный ландшафт и вызвать чувство детской радости при его созерцании.

Подводя итоги осмыслению концептов *логоса* и *ratio*, отметим, что мы далеки от намерения дать какую-либо этико-эстетическую оценку готике или православному зодчеству. Полагаем, что храмовое зодчество в любой культуре определяется деятельностью человека, стремящегося постичь в бытии, как рациональное, так и иррациональное, закон и благодать, стремление разработать и воплотить идею разума, придать материи форму и одухотворить ее. Храм представляет воплощение через выразительность изобразительных средств синтеза постижимого и непостижимого человеческим разумом, объективируя его значимость, раскрывая в нем бесконечное и конечное, его стремление через самотрансцендирование раскрыть свои смыслы и возможности как в аспекте *ratio*, так и в аспекте Софии.

Список литературы

1. Фейербах Л. А. Сущность христианства // Фейербах Л. А. Избранные философские произведения: в 2 т. Москва: Гос. Изд-во полит. лит., 1955. Т. 2. 942 с.

2. Захарова А. В. Логика чуда. Переосмысление классической тектоники в Св. Софии Константинопольской и ее византийских описаниях // Актуальные проблемы теории и истории искусства: сб. науч. ст. / под ред. С. В. Мальцевой, Е. Ю. Станюкович-Денисовой, А. В. Захаровой. Санкт-Петербург: Изд-во СПбГУ, 2017. Вып. 7. С. 205–221.

3. Schibille N. Hagia Sophia and the Byzantine Aesthetic Experience. Farnham: Ashgate publ. comp., 2014. 282 p.

4. Шопенгауэр А. Мир как воля и представление // Шопенгауэр А. О четверояком корне… Мир как воля и представление: пер. с нем. / Ин-т философии. Москва: Наука, 1993. Т. 1: Критика кантовской философии. С. 125–502.

5. Виноградов А. Ю., Захарова А. В. Описание Святой Софии Константинопольской Михаила Солунского: пер. и коммент. // Актуальные проблемы теории и истории искусства: сб. науч. ст. / под ред. А. В. Захаровой, С. В. Мальцевой, Е. Ю. Станюкович-Денисовой. Санкт-Петербург: НП-Принт, 2016. Вып. 6 С. 791–799.

6. Муратова К. М. Мастера французской готики XII–XIII веков: проблемы теории и практики художеств. творчества. Москва: Искусство, 1988. 349 с.

7. Трубецкой Е. Умозрение в красках // Философия русского религиозного искусства XVI–XX вв.: антология / сост., общ. ред. и предисл. Н. К. Гаврюшина. Москва: Прогресс, 1993. С. 195–219.

8. Юрьев-Польской. Памятники архитектуры и искусства: альбом / сост. альбома Н. Н. Трофимова; науч. ред. и послесл. Г. К. Вагнера. Москва: Совет. Россия, 1985. 144 с.

9. Лосев А. Ф. Русская философия // Введенский А. И., Лосев А. Ф., Радлов Э. Л., Шпет Г. Г. Очерки истории русской философии / сост., вступ. ст., примеч. Б. В. Емельянова, К. Н. Любутина. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1991. С. 67–95.

10. Лаврецкий Г. А. Спасо-Преображенская церковь Спасо-Евфросиниевского монастыря в Полоцке. Образная основа архитектурной формы // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. F. 2011. № 8. С. 25–28.

References

1. Feuerbach L. A. the Essence of Christianity. Feuerbach L. A. Selected philosophical works: in 2 vols. Moscow: State publ. house of polit. lit., 1955. 2, 942 (in Russ.).

2. Zakharov A. V.; The logic of a miracle. Reinventing the classic tectonics in St. Sophia of Constantinople and its Byzantine descriptions. Actual problems of theory and history of art: coll. of sci. art. / ed. S. V. Maltseva, E. Yu. Stanyukovich-Denisova, A. V. Zakharova. Saint-Petersburg: St. Petersburg State Univ. publ., 2017. 7, 205–221 (in Russ.).

3. Schibille N. Hagia Sophia and the Byzantine Aesthetic Experience. Farnham: Ashgate publ. comp., 2014. 282.

4. Schopenhauer A. The world as will and representation. Schopenhauer A. About the quadruple root ... Peace as will and representation. Moscow: Nauka, 1993. 1: Criticism of Kant's philosophy: trans. from Germ., 125–502.

5. Vinogradov A. Yu., Zakharova A. V.; Maltseva S. V. (ed.), Stanyukovich-Denisova E. Yu. (ed.). Description of St. Sophia of Constantinople Michael of Thessalonica: transl. and comm. Actual problems of theory and history of art: coll. of sci. art. / ed. S. V. Maltseva, E. Yu. Stanyukovich-Denisova, A. V. Zakharova. Saint-Petersburg: NP-Print, 2016. 6, 791–799 (in Russ.).

6. Muratova K. M. Masters of French Gothic of XII–XIII centuries : problems of theory and practice of art. Moscow: Iskusstvo, 1988. 349 (in Russ.).

7. Trubetskoy E. Speculation in paints. The philosophy of russian religious art of XVI-XX centuries: the anthology / comp., ed., forew. N. K. Gavryushina. Moscow: Progress, 1993. 195–219 (in Russ.).

8. Mills N. N. (comp.); Wagner G. K. (ed., afterw.) Yuriev-Polish. Monuments of architecture and art: album. Moscow: "Soviet Russia", 1985. 144 (in Russ.).

9. Losev A. F. Russian philosophy. Vvedensky A. I., Losev A. F., Radlov E. L., Spet G. G.: Essays on the history of Russian philosophy / comp., introd., note B. V. Yemelyanov, K. N. Louboutin. Sverdlovsk: Publ. house Ural. Univ., 1991. 67–95 (in Russ.).

10. Lavretsky G. A. Spaso-Preobrazhenskaya Church of the Spaso-evfrosinievsky monastery in Polotsk. Figurative basis of architectural form. Bull. of Polotsk State Univ. Ser. F. 2011. 8, 25–28 (in Russ.).

УДК 001.891-057.875:374.7

Е. Е. Васильева

Роль научного стендапа в исследовательской деятельности учащейся молодежи

Научно-исследовательская активность как важнейший компонент культуры личности и условия ее профессиональной и творческой самореализации формируются в образовательном пространстве вуза. Проведенное эмпирическое исследование показывает, что уровень вовлеченности учащейся молодежи в научно-исследовательскую работу постепенно снижается. Одна из причин такого показателя связана со снижением интереса к традиционным формам научно-исследовательской деятельности. Большим и нереализованным потенциалом в стимулировании ее развития обладают инновационные формы социально-культурной деятельности, которые носят интеграционный характер и содержат в себе элементы научно-исследовательской деятельности, среди которых можно выделить научный стендап. Рассмотрение научного стендапа как аттрактивной формы привлечения студентов к научно-исследовательской деятельности позволяет выйти за традиционно сложившиеся рамки изучения данного феномена и расширить границы применимости средств социально-культурной деятельности.

Ключевые слова: исследовательская деятельность, научный стендап, студенты, учащаяся молодежь, инновации, аттрактивность, социально-культурная деятельность

Elizaveta E. Vasil'jeva

The role of the standup science in the research activities of students

Research activity as the most important component of the personality culture and the conditions for its professional and creative self-realization are formed in the educational space of the university. An empirical study shows that the level of involvement of young students in research work is gradually decreasing. One of the reasons for this indicator is associated with a decrease in interest in traditional forms of research. Innovative forms of sociocultural activity, which are integrative in nature and contain elements of scientific research activity, among which one can distinguish a scientific stand-up, have great and unrealized potential in stimulating its development. Consideration of the scientific stand-up as an attractive form of attracting students to research activities allows us to go beyond the traditionally established framework for studying this phenomenon and expand the boundaries of applicability of social and cultural activities.

Keywords: research activity, scientific stand-up, students, studying youth, innovation, attractiveness, sociocultural activity

DOI 10.30725/2619-0303-2019-4-23-27

В основе исследовательской деятельности каждого человека лежит одна из важнейших потребностей, которая выражается в поиске актуальной информации, приобретении и развитии компетенций в различных сферах деятельности, а также в постоянном достижении качественно новых результатов; она является неотъемлемой составляющей формирования и развития успешной личности.

В исследованиях В. А. Иванникова подробно раскрывается исследовательская потребность человека. Автор делает акцент на том, что изначально она носила природный характер. Но в процессе развития человечества поднялась на новый культурный уровень и преобразовалась в познавательную потребность, которая раскрывается в профессиональной и личностной самореализации. Завершая свой путь, она трансформировалась в аксиологическую основу развития личности. Таким образом, можно сделать вывод, что исследовательская потребность носит «вертикальный» характер, то есть пронизывает все уровни потребностей человека [1, с. 151].

А. Н. Поддьяков рассматривал понятие исследовательской активности как «творческое отношение личности к миру, которое выражается в мотивационной готовности и интеллектуальной способности к познанию реальности путем практического взаимодействия с ней, к тельского поиска. Операциональный компонент отражает опыт практического использования студентом исследовательских умений для решения возникающих проблем в процессе проведения эксперимента.

Современная студенческая молодежь нацелена на быстрое и эффективное достижение

самостоятельной постановке разнообразных исследовательских целей, к изобретению новых способов и средств их достижения, к получению разнообразных, в том числе неожиданных, непрогнозируемых результатов исследования и их использованию для дальнейшего познания» [2, с. 17]. Данное понятие также тесно связано с таким термином как «познавательная активность», что отражается и в работах М. И. Лисиной [3]. В исследованиях Д. Б. Богоявленской данный термин раскрывается через «интеллектуальную активность» [4]. Т. М. Землянухина считает, что исследовательская активность неразрывна с понятием «креативность» [5]. Таким образом, правомерно будет говорить и о том, что развитие исследовательской активности тесно связано с научным творчеством, которое и включает в себя все вышеперечисленные элементы.

Исследовательская активность рассматривается как один из видов продуктивного развития личности, сущность которого раскрывается в выходе за существующие рамки и в стремлении к поиску новых объектов исследования, определению гипотез, формам проведения, и получению нового опыта. «Данный вид активности характеризуется состоянием готовности и стремлением к самостоятельной исследовательской деятельности, ценностном отношении к процессу познания и экспериментирования, творческом способе решения проблем, проявляется в высокой избирательности и заинтересованности субъекта к исследуемому. Проявляя исследовательскую активность, человек приобретает не только знания о действительности, но и опыт взаимодействия с ней, опыт осознания себя в разных ситуациях» [6, с. 3].

Особый интерес в процессе изучения исследовательской активности и ее влияния на учащуюся молодежь представляет такая социальная группа, как студенты, деятельность которых направлена не только на получение профессиональных знаний, навыков и умений, но и на достижение значительных результатов в профессиональной и общественной деятельности через креативный, нестандартный подход и творческое решение.

Как свидетельствует анализ научных публикаций, исследовательская активность студентов имеет сложную структуру. Несмотря на существование множества подходов к изучению данного понятия, выделяют три основных компонента. Мотивационный компонент, который связан с интересом к исследовательскому поиску в решении проблемы и проявлением настойчивости в достижении целей. Содержательный компонент, который раскрывается в изучении способов и средств осуществления исследований результатов и реализации поставленных целей. При этом, с учетом стремительного развития информационных технологий, затраченные ресурсы сводятся к минимуму. Основным ресурсов выступают интернет-технологии. Если раньше для разработки и реализации проекта необходим был год плодотворной работы, то на современном этапе такой проект может быть разработан за несколько месяцев. Так, например, проработав категориально-понятийный аппарат и определив проблему, цели и задачи исследования, студент переходит к проведению эмпирического исследования в форме социологического опроса. Если раньше для его осуществления требовалось личное присутствие респондентов, специально отведенное время на сбор информации, материально-техническое оснащение и другие ресурсы, то сейчас анкетирование может быть проведено дистанционно, с помощью таких интернет-сервисов, как Google Forms, SurveyMonkey, Simpoll, Typeform, Anketolog Online, MySurveylab, Testograf, Яндекс.Взгляд, WordPress и многих других. При этом число респондентов может быть увеличено без особых усилий. Данные программы позволяют не только оперативно провести эмпирическое исследование, но и обработать полученные данные.

Технологии и методики представления результатов эмпирического исследования также модернизировались. В настоящее время они тесно интегрировались с формами социально-культурной деятельности, которая раскрывается в трудах М. А. Ариарского как деятельность, направленная на создание, освоение и распространение культурных ценностей и развитие личности [7, с. 435].

Н. Н. Ярошенко раскрывает данное понятие как «совокупность педагогических технологий, которые обеспечивают превращение культурных ценностей в регулятив социального взаимодействия» [8, с. 24].

А. В. Соколов рассматривает социально-культурную деятельность в виде «культурной деятельности социальных субъектов по созданию культурных ценностей (творчества); развитию способностей индивидов и обслуживанию их творческой деятельности» [9, с. 15].

Особый интерес представляет социально-культурная деятельность как «междисциплинарная область научных исследований, предметом которой выступает изучение культурной, образовательной, просветительной среды обитания человека, особенностей духовного развития различных социальных, возрастных, профессиональных и этнических групп» [8, с. 22].

Как учебно-образовательный феномен социально-культурная деятельность включает в

себя «специалистов средней и высшей квалификации в области культуры и искусства, способных обеспечивать социально-педагогическое, психолого-педагогическое, информационное, организационно-методическое содействие развитию личности в процессе производства, интеграции, сохранения и распространения культурных ценностей» [8, с. 22].

При этом формы социально-культурной деятельности раскрываются как «запланированная информационно-просветительская, социально-педагогическая и культурно-воспитательная акция, которая направлена на аудиторию и ставящая цель – донесение определенной информации до заранее продуманного объекта» [10, с. 31].

Социально-культурная деятельность студентов в культурно-образовательном пространстве вуза развивается по следующим направлениям: информационно-просветительское, спортивное, культурно-досуговое, художественно-творческая, гражданско-патриотическое, а также волонтерство.

Особый интерес в процессе развития творческой и профессиональной активности студентов вызывает информационно-просветительская деятельность. В работе Г. Ю. Литвинцевой «Культурология досуга» данный термин рассматривается с точки зрения «приобщения человека к различным областям знания и удовлетворения его потребности в получении необходимой информации, в самостоятельном ее осмыслении, в приобретении навыков критического мышления, анализа интерпретации полученной информации, путем включения в стабильные и эпизодические формы социально-культурной деятельности» [11, с. 112].

В рамках информационно-просветительского направления деятельности студентов значимую роль играют формы научно-исследовательской активности, включающие научные клубы и кружки, а также формы научного творчества.

На базе кафедры социально-культурной деятельности Санкт-Петербургского государственного института культуры в 2018 г. было проведено эмпирическое исследование, которое включало с себя устный опрос и анкетирование. Цель исследования заключалась в выявлении у студентов знаний о научно-исследовательской работе, ее специфике и формах реализации, а также определении уровня научно-исследовательской активности студентов во внеучебное время.

По результатам устного опроса было выявлено, что значимость научно-исследовательской деятельности, по мнению молодежи, возрастает. Как отмечают студенты 3-го и 4-го курсов, границы применимости форм, методов и средств научно-исследовательской деятельности постоянно расширяются. Полученные знания могут быть применены не только в рамках учебной дисциплины «Методология и методика научного исследования», а также при написании реферата, курсовой или дипломной работы, но и в рамках разработки социально-культурных проектов. Ведь исследовательский компонент является базовой частью любого проекта или программы, будь то социальный или маркетинговый проект. Прежде всего, он раскрывается при определении актуальности и проблемного поля исследования. Порой первичный социологический опрос задает основное направление работы и влияет непосредственно на гипотезу исследования. Далее формы научно-исследовательской деятельности встречаются и при выявлении интересов и потребностей целевой и контактной аудитории проекта. Полученные статистические данные являются основой для разработки программы или проекта, поскольку от них зависит успешность предполагаемого мероприятия. Заключительным этапом применения форм и средств научно-исследовательской деятельности является анализ проведенного мероприятия, обратная связь с аудиторией, которая помогает определить сильные и слабые стороны, плюсы и минусы проведенной работы, а также выявить преимущества и недостатки проекта.

По результатам проведенного анкетирования было выявлено, что одним из факторов снижения интереса студентов к научно-исследовательской деятельности является неаттрактивность традиционных форм научно-исследовательской работы. В связи со стремительным развитием информационных и интернет-технологий, а также в условиях современной общественной жизни, критериями которой выступают мобильность, оперативность и эффективная коммуникативность, некоторые формы не являются релевантными. Именно поэтому современная молодежь постепенно переходит на инновационные формы научно-исследовательской работы, которые зачастую носят интеграционный характер.

Одной из таких современных, аттрактивных и востребованных форм научно-исследовательской активности среди студенческой молодежи является «Научный стендап» (standup science), что также подтверждают результаты эмпирического исследования.

Современный стендап начал развиваться из комедийного жанра, где молодые люди в юмо-

ристической форме рассказывают о различных политических, социальных, общественных проблемах и о своем взгляде на них. Исторически данная форма существовала еще в античное время, когда известные философы, математики, историки собирались для обсуждения насущных вопросов.

Современный научный стендап зародился в Германии около 10 лет назад и назывался Science Slam [12]. Это специальный проект, направленный на популяризацию науки, автором которой является Грегор Бьюнинг, представивший его в 2010 г. Он включал в себя серию научных лекций, которые читали молодые ученые. Регламент каждого выступления был ограничен и составлял не более 10 минут. За данный период времени выступающий должен изложить свою идею и результаты проведенного исследования в доступной и интересной форме, которая была бы понятна неподготовленной аудитории. Победителя определяли с помощью специального прибора – шумомера по громкости аплодисментов слушателей.

В России научный стендап активно начал популяризоваться в 2013 г. Данную форму стали включать в различные студенческие молодежные научные мероприятия, а с 2017 г. она стала основой для проведения телевизионной версии, которая получила положительные отзывы и была продлена на второй сезон.

Суть научного стендапа заключается в том, что молодые ученые и исследователи различных научно-технических, естественнонаучных и гуманитарных специальностей – от филологов и психологов до специалистов в области физики, химии и биоинформатики представляют свои проекты в интересной, оригинальной форме. Время для подобной презентации ограничено. Всего максимум за десять минут участник должен обозначить проблемное поле, озвучить цель и задачи исследования, а также заявить гипотезу исследования. Далее кратко, но при этом емко и креативно, представить результаты эмпирического исследования, а также сам проект решения данной проблемы.

С одной стороны, научный стендап можно рассматривать как аттрактивную форму привлечения молодежи к получению грантов в научно-исследовательской сфере, с другой – это мощный мотиватор для творческого и профессионального развития личности и одно из наиболее эффективных средств для самореализации молодых исследователей через научное творчество.

Если рассмотреть данную форму социально-культурной деятельности более подробно, то мы можем увидеть, что за десяти минутным выступлением стоит большая научно-исследовательской работы. Для определения актуальности и проблемы исследования должно было быть проведено глубокое теоретическое и эмпирическое исследование, которое занимало у исследователя не несколько дней, а зачастую несколько лет (даже с учетом современных интернет-технологий, о которых говорилось ранее). Чаще всего участниками научных стендапов становятся студенты старших курсов, которые занимаются представленной темой в рамках дипломных работ более года, не говоря уже об исследованиях в рамках диссертаций магистрантов и аспирантов.

Зачастую участники научного стендапа включают в свое выступление и сам проект, направленный на решение выявленной проблемы. Тематика проектов также разнообразна, начиная от разработки вакцины против опасной болезни и технологии получения кислорода в новых условиях, до различных социально-культурных и маркетинговых проектов, направленных на духовное, творческое, профессиональное развитие личности, формирование ценностно-ориентационных установок и многое другое. Порой презентация самого проекта является решающим показателем при подведении итогов и выборе победителей. За проведением мероприятия и выбором призеров следит экспертное жюри. Несмотря на то, что победителей часто выбирают именно сами зрители, отдельный приз участники могут получить и от жюри в виде грантового финансирования на реализацию проекта. Кроме того, успешное выступление может принести бонусы не только победителю. Некоторые проекты, не занявшие призового места, также могут получить финансовую и другую поддержку одного из членов жюри, а также предложения о профессиональном развитии и работе в крупной компании.

Таким образом, можно говорить о научном стендапе как форме, стимулирующей интерес студенческой молодежи к научно-исследовательской деятельности. Во-первых, данная форма включает в себя современные технологии проведения исследований, что, безусловно, является более привлекательным для молодежи по сравнению с традиционными формами исследования. Во-вторых, несмотря на развлекательный характер, в основу материалов для выступления закладываются глубокие научно-исследовательские знания, умения и навыки, которые студент получает за время обучения в вузе. И, в-третьих, данная форма способствует

творческой и профессиональной самореализации, что для студенческой молодежи выступает одним из наиболее значимых факторов.

Кроме того, стоит отметить, что научный стендап интегрирует в себе социально-культурные и научно-исследовательские технологии, включая реализацию информационно-просветительских, художественно-зрелищных, развлекательных и игровых функций.

Аттрактивность данной формы среди студенческой молодежи связана и с широкой тематикой научного стендапа. Студенты могут сами проявить инициативу в выборе тем, а также форм, методов и средств презентации результатов своего исследования.

Таким образом, благодаря появлению таких интеграционных форм научно-исследовательской и социально-культурной деятельности, как научный стендап, появилась возможность комплексно сочетать учебную и внеучебную деятельность, тем самым расширяя границы применимости социально-культурной деятельности и способствуя стимулированию научно-исследовательской активности студентов в разных средах.

Список литературы

1. Иванников В. А. Психологические механизмы волевой регуляции: учеб. пособие. 3-е изд. Санкт-Петербург: Питер, 2006. 208 с.

2. Поддьяков А. Н. Развитие исследовательской инициативности в детском возрасте: дис. … д-ра психол. наук: 19.00.07 / Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. Москва, 2001. 350 с.

3. Лисина М. И. Развитие познавательной активности детей в ходе общения со взрослыми и сверстниками // Вопросы психологии. 1982. № 4. С. 18–35.

4. Богоявленская Д. Б. Интеллектуальная активность как проблема творчества. Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 1983. 172 с.

5. Землянухина Т. М. Особенности формирования любознательности // Дошкольное воспитание. 1986. № 11. С. 32–35.

6. Шурыгина Ю. А. Организация профессионально-ориентированной исследовательской деятельности как фактор профессионального становления студентов педагогического вуза: автореф. дис. … канд. пед. наук: 13.00.08 / Пенз. гос. пед. ун-т им. В. Г. Белинского. Пенза, 2011. 23 с.

7. Ариарский М. А. Педагогическая культурология: в 2 т. Санкт-Петербург: Концерт, 2012. Т. 2: Социально-культурная деятельность и технологии ее организации. 448 с.

8. Ярошенко Н. Н. История и методология теории социально-культурной деятельности: учебник. Москва: МГУКИ,2007. 360 с.

9. Соколов А. В. Феномен социально-культурной деятельности. Санкт-Петербург: С.-Петерб. гуманит. ун-т профсоюзов, 2003. 204 с.

10. Григорьева Е. И. Формы социально-культурной деятельности // Современные технологии социально-культурной деятельности: учеб. пособие / Е. И. Григорьева и др.; под науч. ред. Е. И. Григорьевой. Тамбов: Першина, 2004. С. 31.

11. Литвинцева Г. Ю. Культурология досуга: учеб. пособие. Санкт-Петербург: Изд-во «Культ-Информ-Пресс», 2018. 268 с.

12. Science Slam: сайт. URL: http://www.ru.scienceslam.net/ (дата обращения: 11.11.2019).

References

1. Ivannikov V. A. Psychological mechanisms of volitional regulation: tutorial. 3rd ed. Saint-Petersburg: Peter, 2006. 208 (in Russ.).

2. Poddyakov A. N. Development of research initiative in childhood: dis. on competition of sci. degree PhD in psychology: 19.00.07 / Moscow State Univ named after M. V. Lomonosov. Moscow, 2001. 350 (in Russ.).

3. Lisina M. I. The development of cognitive activity of children in the course of communication with adults and peers. Psychology Issues. 1982. 4, 18–35 (in Russ.).

4. Bogoyavlenskaya D. B. Intellectual activity as a problem of creativity. Rostov on Don: Rostov Univ. Publ. house, 1983. 172 (in Russ.).

5. Zemlyanukhina T. M. Features of the formation of curiosity. Preschool education. 1986. 11, 32–35 (in Russ.).

6. Shurygina Yu. A. Organization of professionally-oriented research activities as a factor in the professional development of students of a pedagogical university: abstract dis. on competition of sci. degree PhD in pedagogics: 13.00.08 / Penza State Ped. Univ. named after V. G. Belinsky. Penza, 2011. 23 (in Russ.).

7. Ariarsky M. A. Pedagogical cultural studies: in 2 vols. Saint-Petersburg: Concert, 2012. 2. Socio-cultural activities and technologies of its organization, 448 (in Russ.).

8. Yaroshenko N. N. History and methodology of the theory of socio-cultural activities: textbook. Moscow: Moscow State Univ. of Culture and Art, 2007. 360 (in Russ.).

9. Sokolov A. V. The phenomenon of socio-cultural activities. Saint-Petersburg: Saint-Petersburg Univ. of the Humanities and Social Sciences, 2003. 204 (in Russ.).

10. Grigorieva E. I. Forms of socio-cultural activities. Grigorieva E. I. et al. Modern technologies of socio-cultural activities: training manual / ed. E. I. Grigorieva. Tambov: Pershina, 2004. 31 (in Russ.).

11. Litvintseva G. Yu. Leisure culturology: training manual. Saint-Petersburg: «Kult-Inform-Press» Publ. house, 2018. 268 (in Russ.).

12. Science slam: site. URL: http://www.ru.scienceslam.net/ (accessed: Nov. 11.2019).

УДК 338.483.12:069(470.23)"196"

М. В. Васинская

Культурный туризм в Петродворце в 1960-е гг.

В отечественной культуре в 1960-е гг. в результате государственной политики произошли изменения, затронувшие музейную и туристическую сферы. Приоритетные направления в деятельности музеев определили способы и формы, посредством которых человек расширял свой интеллектуальный и культурный уровень. Музеи составляют значительную долю объектов культурного туризма, который в ряду основных видов туризма на современном этапе занимает главенствующее положение. Культурный туризм в 1960-е гг. рассматривается на примере дворцов-музеев и парков города Петродворца, которые уже тогда были одним из лидеров в этой области. На основе неопубликованных архивных музейных документов анализируется специфика экскурсионной, лекционной и других видов культурно-просветительской и культурно-массовой работы. Выявленные особенности позволяют проследить основные тенденции того времени в работе музеев и парков культуры и отдыха

Ключевые слова: культурный туризм, музей, экскурсия, культурно-массовая работа, политико-просветительская работа, Петродворец

Mariya V. Vasinskaya

Cultural tourism in Petrodvorets in 1960s

Changes in Russian culture in the 1960s are arised as a result of state policy affected the museum and tourist spheres. Priority directions in the activities of museums defined ways and forms by which a person expands his intellectual and cultural level. Museums constitute a significant proportion of cultural tourism objects, which, among the main types of tourism at the present stage, occupies a dominant position. Cultural tourism in the 1960s is considered by the example of palaces-museums and parks of Petrodvorets town, which were already one of the leaders in this area. On the basis of unpublished archival museum documents, the specifics of excursion, lecture and other types of cultural and educational work, as well as mass cultural work are analyzed. The revealed features allow us to trace the main trends of the time in the work of museums and parks of culture and recreation.

Key words: cultural tourism, museum, excursion, mass cultural work, political education, Petrodvorets

DOI 10.30725/2619-0303-2019-4-28-32

Сегодня Государственный музей-заповедник (ГМЗ) «Петергоф» – один из лидеров культурного туризма в России. Многообразие практик, ориентированных на туриста, которые реализуются в музее в настоящее время, является результатом накопленного за долгие годы опыта. Поэтому актуальным становится обращение к истории развития туризма в музее-заповеднике, который с 1944 г. назывался «Дворцы-музеи и парки города Петродворца». В данной статье рассматривается культурный туризм в Петродворце в 1960-е гг. Для исследования этого вопроса были проанализированы неопубликованные архивные источники ГМЗ «Петергоф»: отчеты научных сотрудников и научного отдела, планы по работе музея за 1960 г., книга отзывов павильона «Эрмитаж» за 1960–1961 гг., штатное расписание Дирекции дворцов-музеев и парков на 1968 г., отчет дирекции по культурно-просветительской работе за 1969 г., методические разработки экскурсий по Нижнему парку и павильону Эрмитаж конца 1950-х гг.

С середины 1950-х до 1960-х гг. в результате государственной политики произошло ослабление контроля над культурной жизнью страны, в том числе и в музейной сфере, с целью стимулировать творческие силы для усиления позиций социализма. В значительной степени активизировалось внимание к проблеме охраны природного и культурного наследия [1, с. 160]. В результате дискуссий, которые охватили, помимо указанного, круг вопросов, связанных с музейной деятельностью и музеями в целом, последние привлекают внимание общественности, а, начиная с 1960-х гг. становятся популярными туристическими дестинациями. В эти годы туристическое движение по всей стране быстро приобретает широкий масштаб, и начинается период, нередко определяемый в литературе как «музейный бум», или «музейный взрыв», выразившийся в резком росте количества музеев и их посещаемости во всем мире. Во второй половине рассматриваемого периода массовый советский туризм приобретает значительный размах и становится более доступным, что было обусловлено рядом причин: целенаправленной работой Советов по туризму, активной пропа-

гандой туристического строительства, а также переходом предприятий на 5-дневную рабочую неделю с двумя выходными [2, с. 51]. Это определило и возросшую потребность в отдыхе.

Организации свободного времени и культурно-просветительской работы для советских граждан государство уделяло большое внимание. Это наблюдалось и в Петродворце, где для улучшения условий досуга посетителей парков работала комсомольская организация Дирекции дворцов-музеев. Существовала система комсомольских постов, которые позволяли находить препятствия, мешавшие подготовке мероприятий в летнее время, и заранее сообщать о них [3, с. 1]. Дворцы и парки Петродворца значительно пострадали в период Великой Отечественной войны. Возрождение и развитие этого города-музея стало первым шагом на пути к возобновлению культурного туризма в Петродворце и входило в общий план культурного строительства в СССР. Поэтому на восстановление и содержание дворцово-паркового комплекса в Петродворце в послевоенные годы вплоть до 1960 г. было выделено более 36 млн рублей [4]. В 1946 г. заработали первые фонтаны в Нижнем парке. В 1952 г. начал функционировать первый музей Петродворца – павильон Эрмитаж. С 1958 г. стали открываться залы дворца Монплезир, к 1961 г. он был полностью введен в строй. После многолетней реставрации в 1964 г. с четырьмя интерьерами распахнул свои двери для посетителей Большой дворец [4, с. 95]. Дворцы-музеи в те годы открывались, даже не будучи до конца восстановленными, ради поднятия духа советского народа, а также активизации интереса к этому пригороду Ленинграда как к объекту культурного наследия.

В течение сезона 1960 г. посетитель в Петродворце мог увидеть Нижний парк, в котором практически все фонтаны возобновили свою работу, павильон Эрмитаж и частично отреставрированный дворец Монплезир. В Ассамблейном зале была устроена выставка, на которой демонстрировались предметы из фондов дворцов-музеев с целью познакомить посетителей с предметами художественного убранства петергофских дворцов: Большого, Марли, Коттеджа, Царицына павильона. Экспонировались 14 картин, 32 предмета стекла, 80 единиц фарфора, шпалеры, часы и мебель из исторического собрания [5, л. 10].

Очевидно, что основной туристической целью тогда, как и сегодня, оставался именно Нижний парк. Его даже при небольшом разнообразии действующих музейных объектов, согласно отчету научного отдела о работе за 1960 г., посетили 1 110 958 человек, из них с экскурсией – 261 396. На иностранных туристов пришлось менее 3% посетителей музейного комплекса, количество которых составило 30 313 человек [5, л. 13]. Об их пребывании напоминают записи, оставленные на иностранных языках, в книге отзывов павильона «Эрмитаж». Там также часто встречались благодарности и пожелания на языках народов республик СССР [6].

Экскурсионной работе органы государственной власти уделяли особое внимание. В связи с ростом туризма по всей стране и как следствие увеличившимся спросом на экскурсии в музеях в 1960-е гг. ЦК КПСС, Совет Министров СССР и Всесоюзный центральный совет профессиональных союзов издали Постановление от 30 мая 1969 г. «О мерах по дальнейшему развитию туризма и экскурсий в стране». В нем обозначена целесообразность развития деятельности туристских и экскурсионных учреждений, в одном из его пунктов предписывалось принять меры по улучшению экспозиций и экскурсионного обслуживания в музеях, увеличить выпуск музейных и выставочных путеводителей и справочников [7]. Постановление послужило основой совершенствования экскурсионной работы, в которой действительно за предшествующие годы обнаружились сложности и проблемы.

Так в Петродворце в 1960 г. научные сотрудники музея отмечали в отчете, что запросов на экскурсии было больше, чем удалось провести на практике, но дирекция не могла удовлетворить их все. Главная причина – недостаточное количество экскурсоводов, хотя для этой деятельности к сезону были подготовлены 43 человека. Экскурсии проводились преимущественно по Нижнему парку, поэтому научному отделу было предложено подумать о расширении тематики экскурсий в Петродворце [5, л. 14].

Проблема отсутствия экскурсионного обслуживания в музеях Петродворца в начале 1960-х гг. стояла достаточно остро, о чем свидетельствуют отзывы туристов. В одном из них группа в количестве 40 человек, посетившая павильон Эрмитаж, написала пожелание о предоставлении в нем экскурсовода, на что старший научный сотрудник Е. А. Клочкова ответила: «Музей Эрмитаж обслуживается консультантом ежедневно с 13 до 17 часов. Экскурсионное обслуживание невозможно в виду его малого размера» [6, л. 18]. Консультант мог дать некоторые сведения о конкретных вещах единичным посетителям или небольшим группам в случае их обращения с вопросом. Очевидно, что в малых музеях проблема обслуживания больших туристических групп могла быть разрешена путем их деления на маленькие группы и предоставления экскурсовода каждой из них. Но для этого необходимо было обеспечить музей достаточным количеством экскурсоводов

и определить предельную наполняемость группы. Именно такой вариант работы с туристами сегодня используется в ГМЗ «Петергоф».

В другом отзыве один из работников автотранспортной конторы города Зеленогорска, для которых была организована экскурсия на пароходе «Котлин» писал с сожалением о несостоявшейся организованной экскурсии по музеям Петергофа. Автор также выдвинул предложения по развитию экскурсионно-туристической деятельности и подчеркнул необходимость перехода организованной поездки на теплоходе в организованную экскурсию по музеям Петергофа [6, л. 10]. Иначе говоря, он предложил создать туристический маршрут, который выходил за территориальные рамки петергофского музейного комплекса, а потому не мог быть реализован только силами музейных сотрудников. Эта идея лежит в основе современного партнерства ГМЗ «Петергоф» и туристических фирм, которые сами проводят экскурсии по пути в Петергоф и решают организационные вопросы, касающиеся проведения экскурсий по объектам Петергофа его сотрудниками.

Способы решения проблемы экскурсионного обслуживания в музеях предлагались нередко гостями. Учителя Оренбурга внесли предложение проводить экскурсии и в Монплезире, и в Эрмитаже, поскольку «консультант вполне это сможет сделать при большом сборе экскурсантов» [6, л. 23]. Один из посетителей посоветовал использовать в экспозиции магнитофонную запись с пояснительной информацией [6, л. 58]. Такой подход к информированию индивидуальных посетителей на практике оказывается удобным для музейных павильонов, посещаемость которых не очень высока, а также там, где экспозиция сосредоточена в одном просторном зале. Сегодня такую альтернативу аудиогиду или живому экскурсоводу можно встретить, например, в некоторых павильонах ГМЗ «Гатчина» (павильон Венеры, Березовый домик).

Экскурсии, проводимые научными сотрудниками, часто вызывали положительный отклик у посетителей. Так Л. Я. Рубайло благодарили за «содержательное изложение и хорошее отношение к посетителям» [6, л. 11]. Вежливость и хороший уровень обслуживания отмечали разные категории одиночных посетителей, в том числе семьи и студенты. Из книги отзывов видно, что неоднократно организовывались коллективные экскурсии для дома отдыха «Сестрорецк», проводились шефские экскурсии для базы однодневного отдыха и базы семейного двухдневного отдыха, входивших в состав дворцов-музеев и парков Петродворца [8, л. 9].

Многие приезжали в Петергоф самостоятельно, при таком варианте посещения получить информацию можно было, приобретая путеводители по паркам и дворцам, авторами которых были Н. И. Архипов и А. Г. Раскин, В. Е. Ардикуца. Возле дворцов, павильонов, фонтанов и скульптур можно было воспользоваться кратким этикетажем. Возле архитектурных сооружений указывались сведения о зодчих, времени создания, судьбе в военные годы. У скульптур можно было узнать о ваятеле и найти комментарии к сюжетам: у изображений богов пояснялось, чему они покровительствовали, у героев Древний Греции давалось краткое, в одном-двух предложениях, описание мифа, где они участвовали. Одним из достоинств этикетажа являлась его ориентированность не только на русского, но и на зарубежного туриста, поэтому весь текст писался на русском, английском и французском языках [9]. Этикетаж перепроверялся и обновлялся перед началом сезона 1960 г. в соответствии с планом по научной и музейной работе [10, л. 6]. Также продавались листовки с планом парка и краткой справкой о нем, регулярно переиздававшиеся с целью внесения в них дополнений, связанных с ходом реставрационных работ [6, л. 30].

Традиционными для парка культуры и отдыха, каким в то время являлся Петергоф, были народные гулянья, приуроченные ко Дню военно-морского флота, Дню здоровья и др., театрализованные праздники и праздники искусств, например, раскрывавшие патриотическую тему «Невские мелодии», или светозвуковой спектакль «Преданьями своими славен», посвященный истории воссоздания Петергофа, концерты. Популярной формой работы в парках того времени, а также в библиотеках и клубах были устные журналы, которые подразумевали знакомство с разными людьми. Именно к этой категории досуга относится прошедшая в сезон 1969 г. в Нижнем парке серия творческих альманахов «Знай и люби свой город», целиком посвященная Петродворцу: его прошлому, настоящему, будущему и перспективам развития. Эти мероприятия проводили искусствоведы, спортивные комментаторы, представители производственных предприятий и работники научного отдела музея [11, л. 8]. Чтобы сделать Петергоф более привлекательным для посетителей во время проведения массовых гуляний, стали подкрашивать воду в фонтанах. В погоне за эффектом порой забывали о сохранности фонтанов и использовали красители, вредно действующие на мрамор. Об этом говорит составленная научным сотрудником Е. А. Клочковой внеплановая справка «О подкрашивании воды фонтанов в Нижнем парке», в которой давался рецепт возможных для применения красителей [5, л. 3].

В 1960-е гг. в развитии музейной сферы положительную роль сыграло Постановление ЦК КПСС от 12 мая 1964 г. «О повышении роли музеев в коммунистическом воспитании трудящихся». В этом документе говорилось о формальных и содержательных недостатках музейной экспозиции, почти тридцать лет строящихся на основе иллюстративно-дидактических принципов. Руководство музеев Петродворца следовало партийным указаниям и принимало меры, направленные на воспитание патриотизма. Согласно отчету Дирекции о политико-просветительской и культурно-массовой работе за 1969 г., лучшей формой наглядной пропаганды патриотизма могли стать только качественные, исторически подлинные экспозиции, содержание парка, скульптуры, фонтанов в аккуратном и ухоженном виде [11, л. 9]. Стоит заметить, что характер экспозиций дворцов-музеев, при условии их максимального приближения к исторической достоверности, на первый взгляд, не позволял в должной мере раскрыть туристам тему успехов социалистического строительства, как это могли бы сделать специально созданные музеи или учрежденные музейные отделы. Но в экскурсионном рассказе по мере открытия новых музеев и залов обогащалась тема возрождения и реставрации дворцово-паркового ансамбля. В разрабатываемых методических пособиях для проведения экскурсий давалась целевая установка охарактеризовать роль партии и правительства в деле сохранения наследия [12, л. 2]. Акцент на этом делается в статье «О задачах восстановления парков и парковых сооружений Петродворца. 1966 г.», в которой особо подчеркнута возможность показать расцвет советской науки и культуры путем демонстрации методов, принципов и результатов реставрационных работ [13, л. 2]. Постановление также предписывало «укрепить связь музеев с промышленными и сельскохозяйственными предприятиями, школами, учебными заведениями, творческими союзами, научными обществами. Развивать движение краеведов…» [14, с. 416]. В соответствии с этими распоряжениями на предприятиях, в школах района и города научными сотрудниками регулярно читались лекции, посвященные истории Петергофа и его окрестностей [5, л. 14; 11, л. 1], способствовавшие его популяризации среди ленинградцев. Также проводились занятия в краеведческих кружках школ Петродворца и занятия с экскурсоводами Городского экскурсионного бюро [15, л. 23].

В курс, заданный упомянутым документом, укладывалась распространенная в Петродворце практика проведения коллективных дней отдыха, например, в 1969 г. в течение сезона их было 10. Они были рассчитаны на группы трудящихся конкретного предприятия или отрасли: рабочих Петродворцового часового завода, фабрики «Красное знамя», ленинградских строителей, трудящихся пищевой промышленности и др. Лейтмотивом этих дней становилась тема трудовых будней Ленинграда. Поэтому в рамках таких дней в парке проводилась демонстрация изделий предприятий, сопровождавшаяся выступлениями коллективов дворцов культуры им. Горького, Кирова, Крупской, клубов заводов и фабрик. Каждый выступающий рассказывал также и о роде своей деятельности [11, л. 6–7]. Кинофильмы, которые показывали на аллеях Нижнего парка, формировали представление о труде и досуге рабочих, например, такой прием был использован в 1969 г. во время проведения «Дня строителя» [11, л. 10].

Устоявшимся явлением для Петродворца стали организованные встречи с зарубежными творческими коллективами, на которые в 1969 г. приезжали «хор Дрезденского университета, молодежь Швеции, туристический поезд из Венгрии» [11, л. 6] и многие другие. Выступали многочисленные художественные коллективы из республик СССР: Украины, Прибалтики, Узбекистана и др. Преимущественно эти встречи были ориентированы на советских граждан и носили образовательно-развивающий характер.

Согласно отчету о политико-просветительской и культурно-массовой работе дирекции дворцов-музеев и парков Петродворца в летний период 1969 г., важную содержательную роль в организованных мероприятиях сыграла тема пропаганды международной и внутренней политики Советского государства. Каждую вторую пятницу месяца проводились беседы за круглым столом «У карты мира». В них участвовали ученые, занимающиеся вопросами международных отношений, делились опытом и впечатлениями путешественники, выступали писатели и поэты, выезжавшие в Англию, Францию, Польшу и другие страны, они рассказывали о достопримечательностях и встречах с трудящимися тех мест. Эти рассказы пользовались большой популярностью у слушателей [11, л. 6–7] и давали им представление о жизни в других государствах. Таким образом, Нижний парк становился площадкой для обмена культурным опытом. Советские туристы, приезжая в Петродворец, получали опосредованную возможность соприкоснуться с искусством и традициями других стран, с их общественным устройством.

Музей, как и в предшествующие десятилетия, был не только средством образовательного воздействия, но и местом отдыха, проведения свободного времени. В письме от 11 апреля 1966 г. главному архитектору Ленинграда

В. А. Каменскому директор Дворцов-музеев и парков Петродворца Е. И. Корчагина назвала Петродворец «лучшим в Ленинграде парком аттракционов» [16]. К этому времени в его состав входили аттракционы, точный перечень которых можно установить из штатного расписания Дирекции дворцов-музеев и парков г. Петродворца на 1968 г.: детская карусель, качели, карусель на воде, колесо смеха, лопинги, комната смеха, воздушная карусель, виражные самолеты, цепочная карусель, ракетоплан, силомер «вытяжной» и молот, детская карусель, стрельба из лука [8, л. 12–17]. В зимнее время работали каток, лыжная база и лыжная горка [8, л. 8–9].

В заключение заметим, что культурный туризм в дворцах-музеях и парках Петродворца в период 1960-х гг. развивался в соответствии с государственной политикой. Все формы музейной работы (экскурсии, выставки, лекции, праздники) пропагандировали советский образ жизни. Сохранение культурного наследия и восстановление дворцов и парков Петродворца служило, с одной стороны, успешной демонстрацией достижений культурного строительства, с другой – способствовало активизации внимания иностранных туристов к отечественным музеям. Петродворец в этот период оставался не только городом-музеем, но и парком культуры и отдыха, удовлетворяя возросшие по сравнению с предыдущим послевоенным периодом потребности советских граждан в культурной рекреации.

Список литературы

1. Музейное дело России / под ред. М. Е. Каулен, И. М. Косовой, А. А. Сундиевой. Москва: ВК, 2010. 676 с.

2. Колупанова И. А. Проблемы становления массового туризма в СССР в 1960–1970-е годы (на примере Западной и Восточной Сибири) // Вестн. Том. гос. пед. ун-та. 2016. № 9 (174). С. 51–58.

3. Молодежь нашего района встала на трудовую вахту // Заря коммунизма. 1960. 28 янв., № 8 (1449).

4. Петров П. В. Восстановление дворцов и парков Петродворца в 1940–1950-е гг. // Вестн. С.-Петерб. гос. ин-та культуры. 2017. № 1 (30). С. 89–95.

5. Архив ГМЗ «Петергоф». Кабинет вспомогательных документов (КВД) 2334.

6. Архив ГМЗ «Петергоф». КВД 2313.

7. Постановление ЦК КПСС, Совета Министров СССР и ВЦСПС от 30 мая 1969 г. № 411 «О мерах по дальнейшему развитию туризма и экскурсий в стране» // Библиотека нормативно-правовых актов СССР: сайт. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_7088.htm (дата обращения: 22.05.2019).

8. Архив ГМЗ «Петергоф». Вспомогательный учет (ВУ)-7918ар.

9. Архив ГМЗ «Петергоф». КВД 2299.

10. Архив ГМЗ «Петергоф». КВД 2333.

11. Архив ГМЗ «Петергоф». ВУ-7929ар.

12. Архив ГМЗ «Петергоф». КВД 2347.

13. Архив ГМЗ «Петергоф». КВД 2352.

14. Постановление ЦК КПСС «О повышении роли музеев в коммунистическом воспитании трудящихся» // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Москва, 1986. Т. 10. С. 416–417.

15. Архив ГМЗ «Петергоф». КВД 2308.

16. Архив ГМЗ «Петергоф». ВУ-7932ар.

References

1. Kaulen M. E. (ed.), Kosova I. M. (ed.), Sundieva A. A. (ed.) Museum business of Russia. Moscow: VK, 2010. 676 (in Russ).

2. Kolupanova I. A. Problems of mass tourism formation in USSR in 1960's–1970's (based on the example of West and East Siberia). Tomsk State Ped. Univ. bul. 2016. 9 (174), 51–58 (in Russ.).

3. The youth of our region took up a labor shift. Zarya kommunizma. 1960. 28 Jan., 8 (1449) (in Russ.).

4. Petrov P. V. Restoration of Peterhof palaces and parks in 1940–1950's: main trends and problems. Bul. of Saint-Petersburg State Univ. of Culture. 2017. 1 (30), 89–95 (in Russ.).

5. Archive of the Peterhof State Museum-Reserve. Cabinet of supporting documents (CSD) 2334 (in Russ.).

6. Archive of the Peterhof State Museum-Reserve. CSD 2313 (in Russ.).

7. Resolution of the Central Committee of the CPSU, Council of Ministers of the USSR and the All-Union Central Council of Trade Unions of May 30, 1969 № 411 «On measures for the further development of tourism and excursions in the country». Library of USSR regulatory legal acts: site. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_7088.htm (accessed: May 22. 2019).

8. Archive of the Peterhof State Museum-Reserve. Auxiliary accounting (AA)-7918ar (in Russ.).

9. Archive of the Peterhof State Museum-Reserve. CSD 2299 (in Russ.).

10. Archive of the Peterhof State Museum-Reserve. CSD 2333 (in Russ.).

11. Archive of the Peterhof State Museum-Reserve. AA-7929ar (in Russ.).

12. Archive of the Peterhof State Museum-Reserve. CSD 2347 (in Russ.).

13. Archive of the Peterhof State Museum-Reserve. CSD 2352 (in Russ.).

14. Resolution of the Central Committee of the CPSU «On enhancing the role of museums in the communist education of the working people». CPSU in resolutions and decisions of congresses, conferences and plenums of the Central Committee. Moscow, 1986. 10, 416–417 (in Russ.).

15. Archive of the Peterhof State Museum-Reserve. CSD 2308 (in Russ.).

16. Archive of the Peterhof State Museum-Reserve. AA-7932ar (in Russ.).

УДК 130.2:2-558

И. В. Випулис

Витальная и танатальная[1] основа инициации

Актуальность заявленной темы связана с растущим в современном обществе практическим интересом к инициации, древнейшей духовной практике человечества, обладающей потенциалом социальной стабилизации и идентификации личности. Неэффективность рецепций данного ритуала во многом объясняется непониманием содержания витальной и танатальной основ посвящения и специфики их взаимодействия. На примере архаического возрастного посвящения, исторически базового для посвятительной практики, выявляются тематические особенности, составляющие витальную основу инициации. В главной теме посвящения – новом рождении (воскрешении) индивида – витальная направленность инициации выражалась наиболее явно. Один из парадоксов инициации состоял в том, что витальная миссия активизировалась после предварительной реализации танатальной миссии. Переживание ритуальной смерти было направлено не только на обнаружение скрытых способностей неофита, но, что самое главное, давало ему возможность открыть духовный мир и, «возродившись», стать его частью. Это имело мировоззренческий характер, способствовало необходимому изменению сознания неофита, что было равносильно победе человеческого духа над ограниченностью материального мира, над смертью. Именно витальная значимость инициации объясняет феномен ее исторической устойчивости, существование на всех этапах культурогенеза.

Ключевые слова: архаическая инициация, возрастное посвящение, социализация, сакрализация, духовное рождение, витальное значение, танатальная миссия ритуала

[1] Танатальный (от др.-греч. Θάνατος – танатос, смерть) – направленный на подрыв жизненных основ.

Irina V. Vipulis

Vital and tanatal basis of initiation

The relevance of the stated theme is connected with the growing practical interest in initiation, the most ancient spiritual practice of mankind, which has the potential of social stabilization and identification of an individual. The ineffectiveness of the reception of this ritual is largely due to a lack of understanding of the content of the vital and tantalistic nature of initiation and the specifics of their interaction. In the article, using the example of archaic age initiation, historically basic for initiating practice, the thematic features that constitute the vital basis of initiation are identified. In the main theme of initiation – the new birth (resurrection) of the individual – the vital direction of initiation was expressed most clearly. One of the paradoxes of initiation was that the vital mission intensified after the preliminary realization of the tanatal mission. The experience of ritual death was not only aimed at discovering the hidden abilities of a neophyte, but, most importantly, gave him the opportunity to discover the spiritual world and, having «reborn», become part of it. This had a philosophical nature, contributed to the necessary change in the consciousness of the neophyte, which was equivalent to the victory of the human spirit over the limitations of the material world, over death. It is the vital significance of initiation that explains the phenomenon of its historical stability, the existence at all stages of cultural genesis.

Keywords: archaic initiation, age dedication, cultural functions, socialization, sacralization, spiritual birth, vital meaning, the tanatal mission of the ritual

DOI 10.30725/2619-0303-2019-4-33-37

В современном мире в условиях обострившихся проблем витального характера, дегуманизации общества, неэффективности существующих форм социализации личности остро обозначился запрос на реактуализацию инициации. «Инициационный голод» привел к стихийному и массовому возрождению инициации в различных субкультурах (криминальная среда, наркосообщество и т. д.). Осознавая потребность общества в инициации, ее пытаются уже сознательно возродить ряд психологов и педагогов. По мнению ученых, «с упразднением общественно-государственных институтов „посвящения“ подрастающее поколение потеряло эффективный инструмент регуляции социально-психологического созревания личности. Такое блокирование фило- и онтогенетически обусловленной потребности в инициации проявляется в подсознательно направляемом агрессивно-асоциальном поведении стихий-

но формирующихся подростковых групп и/или психических расстройствах, типологически сходных с ключевыми переживаниями во время инициации» [1]. Однако современные попытки возродить практику инициации чаще всего оказываются неэффективными, а иногда порождают и обратный результат, так как в них присутствуют серьезные нарушения инициационного механизма, связанные с непониманием содержания витальной и танатальной основ посвящения и специфики их взаимодействия.

Инициация (от лат. *initiatio* – вводить, посвящать в таинство) – это «общее название системы ритуалов и обрядов, обозначающих изменение социального, полового или возрастного статуса. В узком значении слова инициация есть характерное главным образом для первобытной культуры посвящение подростков во взрослые полноправные члены социума,… обряды инициации со временем приобрели религиозный характер и стали связываться с переживанием религиозного опыта…» [2]. Инициация – одна из древнейших духовных практик человечества. Ранние проявления инициации относят к эпохе палеолита, когда в первобытной праобщине появилась необходимость «обуздать зоологический индивидуализм своих членов» и оформить охотничье-производственные табу [3, с. 396]. Тогда же сформировалась ритуальная основа инициации, ставшая базовой для всех последующих исторических модификаций. Данный обряд имел большое значение для антропо- и социогенеза. Главные функции посвящения – социализация и сакрализация – обеспечивали гармоничное и устойчивое положение неофитов, как во внешнем окружающем их социуме, так и во внутренней духовной их жизни. А социовитальная (имеющая существенное значение в поддержании процессов жизнедеятельности индивида, общества) значимость ритуала объясняет феномен ее исторической устойчивости, существование на всех этапах развития культуры.

Во многих современных практиках использование элементов инициации направлено на нейтрализацию страха смерти, характерного для общества с доминирующими атеистическими представлениями. Как в официально организованных психологических инициациях, иногда с экстремальным содержанием, так и в неофициальных посвящениях «игры со смертью» в определенной мере решают проблемы самореализации, идентификации личности. Психологи предполагают, что эти действия мотивированы врожденной потребностью инициации у человека [1].

Но, несмотря на значительные заимствования элементов ритуального комплекса архаической инициации (действенной и высокоэффективной), отдельные варианты современных посвящений можно отнести лишь к категории псевдоинициаций, а другие – и вовсе, к контриницациям, поскольку они выполняют не витальную (главную функцию инициации), а противоположную ей танатальную функцию. Во многом это зависит от особенностей реализации главной темы посвящения – нового рождения (воскрешения) индивида.

Рассмотрим витальные и танатальные основы посвящения через особенности инициационного механизма. Для этого необходимо указать на такой парадокс инициации, как активизацию витальной миссии посвящения только после предварительной реализации танатальной миссии. Особо очевидно это было в архаических посвящениях, так как для архаического сознания характерным были: во-первых, восприятие первого, физического рождения (от матери) как незначительного, а нового, духовного рождения (от тотема, духа, Предка, Бога и т. п.) как истинного; во-вторых, убежденность, что для нового рождения неофиту необходимо сначала умереть в прежнем качестве. Поэтому в процессе инициации часто использовались образы и символы похоронного содержания – для выражения ритуальной смерти, а гинекологического и эмбриологического характера – для оформления темы нового рождения. В качестве примера оформления нового рождения приведем описание философом П. Л. Зайцевым посвящения с проявленными эмбриологическими признаками. «Инициация начинается с возвращения молодых людей в младенческое состояние. Оно может проявляться обнажением, удалением волосяного покрова, нанесением на тело каолина, лишением передних зубов. Например, у африканских племен юноши должны нагишом пройти через сделанный из колючих листьев узкий проход, затем, скользя по грязи, переносить испытания, которым их подвергает маска-акушер» [4, с. 98], «…юноши спят на спине, туго перевязанные лианами к постели – что соответствует разлучению младенца с его матерью… Это время соотносится с рождением плаценты и маркируется свежеснятой шкурой жертвенного животного… Инициируемого непосредственно заворачивают в шкуру козы или овцы, обматывают извлеченной из животного кишкой, изображающей пуповину, перерезая ее, требуют кричать, подражая новорожденному» [4, с. 92].

Многие ведущие исследователи инициации (М. Элиаде [5, с. 40], А. ван Геннеп [6, с. 102] и др.) отмечали взаимозаменяемость понятий «посвящение» и «ритуальная смерть». В традиционной культуре наименование данных ритуалов также

связано со смертью (африканских неофитов у пангве называют «обреченные на смерть», меланезийских «дук-дук» – «умерший» и др.). Обрезание, часто используемое при инициации, на языках многих племен обозначает «убийство». Разберем подробнее реализацию танатальной миссии в силу ее особой значимости в архаическом посвящении.

Уже самые ранние формы посвятительной практики были связаны с темой смерти, о чем свидетельствуют археологические находки палеолитических массовых захоронений подростков [7; 8]. Антропологи выдвигают версии о преднамеренном характере этих смертей и соотносят их с ранними формами посвятительных обрядов. Таким образом, палеолитическая инициация хоть и стала ритуальной заменой стихийного инфантицида[2] в первобытных общинах, но еще допускала реальную смерть отдельных индивидов (функция социальной селекции). Позже в процессе социогенеза стали практиковать психофизические испытания неофита. Историк Ю. И. Семенов предполагает, что сначала экзекуции были формой наказания за нарушение установленного табу, но позже стали традиционными и носили профилактический характер [3, с. 396]. Так смерть посредством инициации была заменена болью, а психофизическая боль стала олицетворением ритуальной смерти.

Смерть-боль постепенно приобретала мировоззренческий характер, и в возрастной инициации ее переживание стало означать конец детства (т. е. состояния неведения, безответственности), а также переход в возрастную группу взрослых. На втором этапе трехчастной структуры посвятительных обрядов (прелиминарный–лиминарный–постлиминарный), как правило, связанном с психофизическими испытаниями, неофит зачастую доводился до состояния обморока, клинической смерти. Примеры символического «убийства» во время архаического посвящения перечислил Л. Леви-Брюль: «Тут мы встречаем и лишение сна, пищи, бичевание и сечение палками, удары дубиной по голове, выщипывание волос, соскабливание кожи, вырывание зубов, обрезание, подрезание, кровопускание, укусы ядовитых муравьев, душение дымом, подвешивание при помощи крючков, вонзаемых в тело, и т. д.» [9, с. 238–239]. К этому можно добавить различные аскезы (например, долгое смотрение на землю, натирание тела соком жгучих растений (в женских посвящениях – крапивой), опускание рук в змеиное дупло (у африканских ниембе), скарификацию и татуирование. Физическая и психическая боль при экзекуциях могла интерпретироваться и как ритуальное унижение (психическая смерть), и как жесткая форма передачи особых качеств неофиту (например, при избиении неофита взрослыми – мужской силы, при бичевании кожаным хлыстом – звериной свирепости и т. п.). Иногда физические операции отсутствовали, и неофита подвергали усиленным психическим испытаниям (например, у индейских хиваро требовали убить ленивца и из его законсервированной головы изготовить фетиш, у австралийцев – добыть голову врага и др.). Ритуальная жестокость могла мифологически оправдываться реактуализацией мифа о жертвенности Верховного божества, героического Предка ради сотворения мира, его спасения и т. п. В таком случае обрядовая смерть посвящаемого являлась повторением образцового мифологического действа. Выполняя богоподобные действия, неофиты становились богоподобными, веруя, что только познавший смерть способен познать полноту жизни. Таким образом, боль обретала амбивалентное значение в инициации (и смерти, и жизни).

В связи с этим обратим внимание на исследования философов Г. Р. Хайдаровой и А. Ю. Ветлесена об экзистенциальном значении боли в мировой культуре.

Хайдарова, отмечая особенность человека в рефлексии своего страдания, находит в претерпевании боли накопление сил у индивида, в памяти о боли – движущий мотив воспитания личности [10, с. 268]. При рациональном конструировании боли обществом (как в ритуале инициации) она превращается в функцию разума, духа, так как «любое сильное и глубокое переживание является экзистенциальным опытом» [10, с. 260]. Хайдарова объясняет это преодолением человеком через боль самого главного своего барьера – страха смерти. «Замыкая человека в его экзистенции, боль служит помощью в постижении смерти, на которую невозможно взглянуть прямо» [10, с. 274]. Таким образом, «человек утверждает свое превосходство над природой, свою способность быть культурным существом, быть не обусловленным природным страхом» [10, с. 269].

Исследование А. Ю. Ветлесена раскрывает сам механизм, в котором боль играет функцию

[2] Инфантицид (от лат. infans, infantis – младенец, дитя и caedo – убивать), обычай умерщвления детей, как правило, новорожденных. В первобытных обществах (особенно у охотников-собирателей) был одним из способов регуляции демографических процессов, обусловленных ограниченными возможностями социальных коллективов содержать большое число их нетрудоспособных членов.

инструмента, разрушающего прежнее психическое состояние индивида. Автор, основываясь на результатах американской исследовательницы Э. Скэрри, изложенной ею в книге «Тело и боль», приходит к следующим выводам: сильная боль «приводит индивида к полной и безоговорочной капитуляции и отказу от всего, что в норме составляет основу нашего духовного существования», так как «преследует единую цель превращения человеческого существа в животное» [11, с. 18–19]. Одним из самых явных признаков этого «одичания» является потеря языка: «Мы выражаем боль через языковой регресс, прибегая к звукам, напоминающим о нашей животной природе, находящимся за пределами выученного в социуме человеческого языка» [11, с. 20]. В контексте инициации нарушение речевых способностей индивида в результате болевых испытаний приобретает иные качественные характеристики. Нечеловеческие звуки становятся ритуальным подражанием голосу тотема (ритуальная териантропия, т. е. гипотетическая трансформация человека в животное). «Боль заставляет тело обратиться против личности» [11, с. 27]. «Тело становится единовластным правителем, потому что оно разрушается, и это разрушение столь болезненно, что боль вынуждает жертву отказаться от всего содержания своей психики…» [11, с. 28].

Механизм боли, стирающий маркеры личности, в посвятительной практике способствует его временной ритуальной декультуризации и десоциализации. Этот «шаг назад» в программе инициации необходим для последующих «двух шагов вперед» [1]. Инициаторы, формулируя этот этап как «возвращение в мифологическое время, в первоначальный Хаос», помогали неофиту правильно пройти переживание смерти, открывая пути в сакральный мир, в котором законы смерти не действуют. Философ Г. В. Гриненко, рассматривая этот переход как сакральную коммуникацию, обращает внимание на особенность мистического сознания воспринимать два мира – обыденный (О-мир) и мистический (М-мир) как две стороны единой реальности (О/М-мира) и фиксирует две очевидные точки перехода: рождение человека как переход в О-реальность и смерть – в М-реальность, а обряд инициации представляет как «точку перехода», в процессе которого посвящаемый «умирает», а затем «воскресает» [12, с. 49]. Таким образом, в данной генетической связи обряд инициации, занимая промежуточное положение, рассматривается как подготовка к окончательному переходу в М-мир. А неофит, становясь его частью уже во время «репетиции», побеждал смерть, при жизни освобождаясь от страха смерти, а после смерти обретая возможность на последующее существование. Исходя из данных наблюдений, можно предположить, что преодоление страха смерти через переживание боли, способствует интериоризации (формированию внутренних структур человеческой психики посредством усвоения внешней социальной деятельности, приобретению жизненного опыта) у индивида, обеспечивает качественный кардинальный переход его сознания на более высокий уровень, давая возможность войти в духовный мир, в котором страх смерти нейтрализуется. По словам Элиаде, «чтобы проникнуть в потусторонний мир и достичь трансцендентного состояния, необходимо приобрести качество „духа“», так как «испытания, которые предполагают „препятствия“, не могут быть побеждены физической силой, они могут быть разрушены только актом духа» [5, с. 163]. Невозможно «во плоти (in concreto) пройти между жерновами, находящимися в непрерывном движении. Пройти между ними можно только „в духе“, т. е. „в воображении“, а воображение предполагает свободу по отношению к материи. „Препятствия“ подразумевают выбор – характерное для посвящения разделение между теми, кто неспособен оторваться от мгновенной реальности, и теми, кто способен на свободу духа, и может с помощью мысли освободиться от законов материи» [5, с. 164]. Поэтому ученые считают преодоление психофизических испытаний самым значимым элементом, необходимым условием для нового рождения, духовного пробуждения.

Танатальный опыт был необходимым предварительным этапом активизации витальной миссии. Как мы отметили вше, смерть была не целью, а самым действенным инструментом, средством вхождения в сакральный мир. В результате ритуальной энтропии (саморазрушения и саморазложения) происходила люстрация неофита – очищение от прежнего несовершенного состояния, когда в нем «стирались» прежние социально-культурные установки ребенка и формировались новые качества взрослой личности. Элиаде выразился по этому поводу образно и точно: «Смерть в обряде посвящения создает „чистую табличку“ (tabula rasa), на которой будут записаны знания, необходимые для формирования нового человека» [5, с. 17]. Состояние временной смерти автоматически включало у неофита механизм негэнтропии – стремления к упорядочиванию, к организации системы. Так объясняется поведение самоорганизующихся живых систем. Человек как сложный природный организм представляет собой самоорганизующуюся систему, имеющую потен-

цию и к энтропии, и к негэнтропии [13, с. 75–95]. Таким образом, инициация призвана обнаруживать и активировать потенцию у индивида к энтропии, а исчерпав ее и, тем самым нейтрализовав, утверждать витальные установки личности. По мнению исследователей, во многом именно отсутствие данного механизма лишает современные псевдопосвятительные практики статуса реальной инициации.

Другая проблема современных посвятительных практик (в отдельных субкультурах, в наркосообществе, в криминальной среде и др.) состоит в смещении акцента на танатальном содержании посвящения, в данных вариантах играющего не подготовительную, а центральную роль. При этом реализуются цели не инициации, а наоборот, контриниции. В результате этого у неофита активируется и утверждается деструктивное энтропийное начало, а витальное не устанавливается. Реальная же инициация, как правило, завершая преобразовательный процесс, закладывает духовные (в исторических посвящениях – сакральные) основания личности созидательного негэнтропийного характера. Важно вновь подчеркнуть, что во многом определяющим фактором в инициации той или иной направленности является личность инициатора, который, как мы заметили выше, является проводником в сакральный мир. Данный вопрос требует отдельного внимательного рассмотрения.

Список литературы

1. Шевченко Ю. С. Инициация: этолого-психиатрический аспект // Неврол. вестн. 2015. Т. 47, № 3. С. 78–89. URL: https://journals.eco-vector.com/1027-4898/article/view/13960/pdf (дата обращения: 18.10.2019).

2. Овсиенко Ф. Г. Инициация // Новая философская энциклопедия: в 4 т. Москва: Мысль, 2010. Т. 2. С. 121.

3. Семенов Ю. И. Как возникло человечество. 2-е изд. Москва: Гос. публ. ист. б-ка России, 2002. 790 с.

4. Зайцев П. Л. Инициация: религиоведческие и культурфилософские контексты. Омск: Амфора, 2011. 268 с.

5. Элиаде М. Тайные общества и обряды инициации и посвящения. София: ИД Гелиос, 2002. 352 с.

6. Геннеп А. ван. Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов: пер. с фр. Москва: Издат. фирма «Вост. лит.» РАН, 1999. 198 с.

7. Бужилова А. П. К вопросу о семантике коллективных захоронений в эпоху палеолита // Этология человека и смежные дисциплины: соврем. методы исслед. Москва: Ин-т этнологии и антропологии, 2004. С. 21–35.

8. Медникова М. Б. Ритуальное посвящение у древних народов Евразии по данным антропологии: символические трепанации // Археология, этнография и антропология Евразии. 2003. № 1. С. 147–155.

9. Леви-Брюль Л. Первобытное мышление. Москва: Акад. проект, 2015. 427 с.

10. Хайдарова Г. Р. Феномен боли в культуре. Санкт-Петербург: Изд-во Рус. христ. гуманит. акад., 2013. 317 с.

11. Ветлесен А. Ю. Философия боли. Москва: Прогресс-Традиция, 2010. 240 с.

12. Гриненко Г. В. Сакральные тексты и сакральная коммуникация: логико-семиотический анализ вербальной магии. Москва: Новый век, 2000. 448 с.

13. Годлевский А. В. Природные основания витального и танатального в человеческом бытии: дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.01. Омск, 2005. 354 с. URL: https://dlib.rsl.ru/viewer/01002850109#?page=1. (дата обращения: 20.01.2019).

References

1. Shevchenko Yu. S. Initiation: ethology-psychiatric aspects. Neurological bul. 2015. 47 (3), 78–89. URL: https://journals.eco-vector.com/1027-4898/article/view/13960/pdf (accesed: Oct.10. 2019) (in Russ.).

2. Ovsienko F. G. Initiation. New philosophical encyclopedia: in 4 vols. Moscow: Mysl', 2010. 2, 121 (In Russ.).

3. Semenov Yu. I. How mankind arose. 2nd ed. Moscow: State publ. hist. library of Russia, 2002. 790 (in Russ.).

4. Zaitsev P. L. Initiation: religious studies and cultural philosophical context. Omsk: Amphora, 2011. 268 (in Russ.).

5. Eliade M. Secret societies and rites of initiation and initiation. Sofia: Publ. house Helios, 2002. 352 (in Russ.).

6. Gennep A. van. Rites of passage. A systematic study of rites: transl. from Fr. Moscow: Publ. firm «the East. lit.» RAS, 1999. 198 (in Russ.).

7. Buzhilova A. P. On the question of the semantics of collective graves in the Paleolithic era. Ethology of human and related disciplines. Modern research methods. Moscow: Instit.te of ethnology and anthropology, 2004. 21–35 (in Russ.).

8. Mednikova M. B. Ritual initiation of ancient peoples of Eurasia according to anthropology: symbolic trepanation. Archeology, ethnography and anthropology of Eurasia. 2003. 1, 147–155 (in Russ.).

9. Levi-Bruhl L. Primitive thinking. Moscow: Akad. project, 2015. 427 (in Russ.).

10. Khaydarova G. R. The Phenomenon of pain in the culture. Saint-Petersburg: Russ. Christian humanitarian acad. publ. house, 2013. 317 (in Russ.).

11. Vetlesen A. Yu. Philosophy of pain. Moscow: Progress-Tradition, 2010. 240 (in Russ.).

12. Grinenko G. V. Sacred texts and sacred communication: logical-semiotic analysis of verbal magic. Moscow: New age, 2000. 448 (in Russ.).

13. Godlevskij A. V. The natural foundations of vital and thanatal in human being: dis. on competition of sci. degree PhD in Philosjhpy: 09. 00. 01. Ovsk, 2005. 354. URL: https://dlib.rsl.ru/viewer/01002850109#?page=1 (accessed: Jan. 20. 2019) (in Russ.).

УДК [726:271.2-523.4] : 124.51

М. А. Власникова

Аксиология памятников культовой архитектуры и их сохранение

Предметом исследования является влияние исторического и религиозного сознания на восприятие и поддержание историко-культурной ценности и сохранение памятника. Объектом исследования являются памятники культовой архитектуры – каменные православные храмы. Особое внимание уделяется рассмотрению памятника культовой архитектуры как одновременно исторического источника и святыни, объяснению зависимости архитектурной концепции храма от религиозного сознания и его трансформаций, вопросам взаимодействия исторического и религиозного сознания в сохранении памятников культовой архитектуры. Выявлено, что в случае забвения религиозной ценности памятника культовой архитектуры существенно сокращаются доступные историко-культурные смыслы объекта, а в случае забвения его исторической ценности возникает опасность его утраты. Если историческое и религиозное сознание соединяются в одном человеке, имеющем отношение к использованию памятника культовой архитектуры, это может способствовать максимально полному его сохранению.

Ключевые слова: религиозная ценность, историческая ценность, храм, памятник культовой архитектуры, святыня, символика храма, историческое сознание, религиозное сознание

Mariya A. Vlasnikova

Axiology of Monuments of Religious Architecture and their Preservation

The subject of the research is the influence of historical and religious consciousness on the perception and maintenance of historical and cultural values and preservation of the monument. The object of the research is the monuments of religious architecture – Orthodox churches made of stone. Particular attention is paid to the consideration of the monument of religious architecture as a historical source and a shrine; also explaining the dependence of the architectural concept of the church on religious consciousness and its transformations, the interaction of historical and religious consciousness in preserving monuments of religious architecture. It is revealed that in the case of neglect of the religious value of the monument of religious architecture, the available historical and cultural meanings of the object are significantly reduced, and in the case of forgetting of its historical value, there is a danger of losing it. If historical and religious forms of consciousness are united in one person relating to using of the monument of religious architecture, this can contribute to its comprehensive preservation.

Keywords: religious value, historical value, temple, monument of religious architecture, shrine, symbolics of temple, historical consciousness, religious consciousness

DOI 10.30725/2619-0303-2019-4-38-43 I

Исследуя ценностные основания памятников культовой архитектуры, мы сталкиваемся с их глубиной и многоплановостью. Полноценное прочтение и сохранение памятника возможно только со знанием и пониманием всех содержательных уровней, заключенных в нем. Для понимания ценности памятника культовой архитектуры необходимо рассмотреть основания, являющиеся источниками его ценностей. Требуется изучить формы сознания, влияющие на восприятие ценностей памятника культового зодчества, роль и вопросы взаимодействия этих форм в сохранении памятников культовой архитектуры. Актуальность темы обусловлена необходимостью понимания причин и преодоления разногласий, возникающих между светским и церковным сообществом в вопросах использования и сохранения памятников культовой архитектуры и необходимостью их сохранения. Понимание сущности исторического и религиозного сознания, их связи с образом и ценностями памятников культового зодчества может способствовать их эффективному сохранению и раскрытию историко-культурной ценности. Существует значительное количество исследований, посвященных изучению символики и богословского содержания православного храма, влияния религиозного сознания на архитектурную концепцию храма, ценностей памятников архитектуры, месте религиозной святыни в культуре и жизни общества. Однако при широком интересе к указанным темам практически не изученной остается область, связанная с комплексным раскрытием историко-культурной ценности православного храма, ее материальных и духовных оснований, взаимодействием исторического и религиозного сознания в сохранении памятников культовой архитектуры.

Цель настоящей статьи – выявить влияние и взаимодействие исторического и религиозного сознания в сохранении памятников культовой архитектуры и раскрытии их историко-культурной ценности.

Сохранение памятника культовой архитектуры мы понимаем в контексте теории П. А. Флоренского, выдвинувшего идеи о «живом музее» и «храмовом действе как синтезе искусств» [1, с. 370–373], т. е. в первую очередь как меры, направленные на корректное, максимально полное раскрытие историко-культурной ценности объекта культурного наследия и обеспечение его физической сохранности.

Ценность рассматривается как базовый признак любого явления культуры. Чтобы показать связь между ценностью и сознанием, изучить грани ценности культурных феноменов, используется определение, данное Г. Риккертом: ценность – отличительный признак объекта культуры (понимаемого как надприродный объект), и этот признак может существовать только при наличии воспринимающего психического существа [2]. В рамках концепции Э. Дюркгейма сущность ценностей можно рассматривать как «констатацию впечатлений», которые производит тот или иной материальный или нематериальный объект или явление ввиду присущих ему внутренних свойств [3, с. 106]. В подобных впечатлениях велика роль самого субъекта и его готовности к их рецепции. Такое понимание является конструктивным при изучении тем, связанных с восприятием храма как святыни и взаимодействия религиозного и исторического сознания в сохранении памятников культовой архитектуры.

Выделим виды историко-культурной ценности, являющиеся основаниями для законодательного признания объекта церковного зодчества памятником (т. е. включения его в Реестр объектов культурного наследия). Культовый тип памятника архитектуры сочетает в себе, во-первых, свойственные всем типам памятников архитектуры виды ценности, являющиеся основаниями для включения объекта в Реестр, такие как историческая (мемориальная), эстетическая, архитектурно-художественная, градостроительная, научная (спектр ценностей общих для всех типов памятников архитектуры может быть расширен), во-вторых, специфическую религиозную ценность, связанную с функциональным назначением объекта и его обликом. Историческую ценность и древность объекта можно рассматривать в качестве основополагающей: сегодня в России памятником истории и культуры может быть признан только объект старше сорока лет (первоначально возраст охраняемых памятников, согласно законопроекту 1850 года, определялся старше ста пятидесяти лет [4, с. 55]). Поэтому целесообразно акцентировать внимание на рассмотрении вопросов, связанных с основополагающей исторической и специфической религиозной ценностями.

Религия может пониматься как составляющая культуры. В религии все, что имеет отношение к религиозному культу, ритуалу и поклонению, признается святыней, которая носит характер абсолютной, наивысшей ценности. Для осознания религиозной святыни как предельной ценности необходимо обладание определенным мировоззрением, которому свойственна способность выходить за пределы чувственного мира и признавать существование Божественного мира. Такое мировоззрение основано на религиозном сознании человека, порожденном потребностью и способностью возвышения над реальным, добавления к чувственному миру иного мира. Для достижения этих целей носитель религиозного сознания создает и использует религиозную культуру, которая включает в себя различные виды искусства, в том числе храмовую архитектуру, приобретающую характер святыни.

Храмовая архитектура помогает верующим сосредоточиться, получить одухотворение, настроиться на молитву, получить знание о божественном: с присущей ей символикой она иллюстрирует «идею небесности, духовности, с которой и начинается собственно религиозное чувство верующего» [5, с. 780]. Архитектор православного храма, необходимо обладая знаниями о вероучении, назначении храма, семантике его элементов и внутреннего пространства, «основывался на необходимости выразить особое сакральное содержание возводимого архитектурного произведения» [6, с. 521–522], выражал в нем свое религиозное чувство. Религиозное сознание зодчего способствовало внесению сверхмирского содержания в архитектурное произведение, чувствующегося каждым верующим христианином и способствующего восприятию эстетических свойств храма: исток эстетической выразительности храмовой архитектуры находился в религиозном сознании зодчего.

Религиозное сознание трансформировалось с течением времени, что оказывало влияние на архитектурную концепцию храма, его композиционное решение и художественный образ. Это демонстрирует тесную связь духовного и материального в храмовой архитектуре. Особенности и оттенки религиозного мировоззрения, присущие разным историческим периодам, детерминировали облик храмов. Этот тезис крайне важен в понимании культурно-истори-

ческой обусловленности православного храма, ставшего выражением догматов православного вероучения.

В контексте религиозной концепции творчества связь религиозного сознания и образа храмовой архитектуры подтверждает работа матери Марии (Скобцовой), выделившей пять типов религиозного благочестия, являющегося проявлением религиозного сознания. Особый интерес представляют следующие: синодальный (присущий секуляризованному государству, обладающему религией как национальной традицией), эстетический (рассматривающий религиозные обряды, искусство, архитектуру с точки зрения их художественных свойств и внешних проявлений), евангельский (обладающий «жаждой охристовления жизни») [7]. С изменением преобладающего типа религиозного благочестия с евангелического, более характерного для средневековья, на синодальный, что явственно происходит с начала XVIII в., смещается акцент с поиска образа, адекватного «сакральной сущности храма как Дворца Царя Небесного и как места присутствия Неба на земле» [6, с. 521–522], на следование национальной традиции в храмостроении и историзм.

Понимание и знание символики и богословского содержания православного храма возможно в научной среде и среди любителей культовой архитектуры. Кроме того, отсутствие знания и понимания символики храма, его религиозной составляющей не отрицает возможности эстетического восприятия, чувства восхищения памятником, осознания и преклонения перед древностью объекта (т. е. понимание эстетической, исторической, мемориальной ценностей). Религиозное сознание не является определяющим в понимании символической стороны православной архитектуры, но оно может способствовать не только пониманию, но и «чувствованию» символики и образа памятника культовой архитектуры, основанному на практическом опыте воцерковленного человека. Носители религиозного сознания обеспечивают использование храма в соответствии с первоначальной функцией (что признается оптимальным способом использования памятника архитектуры), включая его в актуальную культуру и способствуя раскрытию и трансляции религиозной ценности памятника. Это более полно раскрывает его историко-культурные смыслы. Авторы методического пособия для церковных древлехранителей справедливо отметили: «Отношение к храмам как к святыням сохраняло их первозданность на протяжении многих столетий и свидетельствовало о признании ценности зодчества Древней Руси как хранителя церковной традиции, церковного предания» [8, с. 10]. История знает примеры, когда почитание памятника культовой архитектуры как святыни способствовало бережному обращению с объектом: почитание святыни продуцировало стремление сохранить ее в первозданном виде.

Однако у древних народов «главным образом объектом поклонения служило само священное место и его духовное содержание <…>. Конкретные же формы и элементы отходили на второй план, ими дорожили, но их сохранение было не принципиально» [9, с. 17], в случае обветшания здания его зачастую разбирали и на том же самом месте строили новое. Таким образом, религиозное сознание, как бы ни было это необходимо, не всегда предопределяет почтительное отношение к древности святыни и понимание важности сохранения ее исторического облика, поддержания сохранности памятника. Религиозное сознание может продуцировать и такое восприятие культуры, которое характеризуется небрежением к культурным и цивилизационным ценностям, отношением к ним как к бренному, «не имеющему значения перед лицом надвигающегося конца» [10]. Но целенаправленно пренебрежительное восприятие культурных ценностей не имеет богословского основания и не находит поощрения среди священнослужителей.

В сохранении памятников культовой архитектуры значительную роль играет историческое сознание, рассматриваемое как способность относить объект к событиям и людям прошлого и понимать ценность оригинала.

Историческое сознание формирует ценностное отношение к прошлому, осознание культурного наследия важным историческим источником. В России оно развивается в начале XVIII в. и связано с ростом исторической науки. Первые шаги в централизованном сохранении культурного наследия относятся ко времени правления Петра I, положившего начало процессам секуляризации в целях модернизации общества. Тогда закладывается отношение к культурному наследию как к историческим памятникам, начинает осознаваться их историческая ценность, а объекты культурного наследия получают наименование «древностей». Однако принципиально новая культура XVIII в. строится на ориентации на западноевропейские образцы и отказе от средневекового наследия, значительную часть которого составляет церковная архитектура. Но уже во второй половине XIX в. «памятники воспринимались как материальные свидетельства ушедшего прошлого» [11, с. 335]. С 1860-х гг. серьезное влия-

ние начинают оказывать принципы историзма: появляется стремление максимально сохранить подлинные элементы, а памятники древности, к которым в этот период в основном относили уже церковную архитектуру, понимаются как «исторический источник, подлежащий сохранению со всеми его частями» [9, с. 29].

Одной из важнейших характеристик исторического сознания является исторический интерес и стремление понимать прошлое исторически. Феномен исторического сознания может рассматриваться с разных сторон, при этом «в своем генезисе историческое сознание – это становление различия и связи времен в материальной и духовной культуре каждой данной человеческой общности, которая является в то же время условием исторической устойчивости носителя этой культуры» [12].

Необходимо отличать историческое сознание от исторической памяти: историческое сознание формируется под влиянием исторической науки, а историческая память – это «способность к воспроизведению прошлого, одно из фундаментальных свойств и человека, и человеческого общества. <…> историческая память <…> несет в себе оценочный момент» относительно события в прошлом и «формирует практический, обыденный, массовый уровень исторического сознания» [13, с. 7]. Поскольку историческая память оценочна, то восприятие фактов и памятников прошлого приобретает бóльшую субъективность, чем при развитом историческом сознании. Историческая память как обращенность к прошлому развита в религиозном сознании: в христианстве существует ориентация на Священное Предание и древнюю Церковь, что формирует и определенный консерватизм. Но историческая память не является достаточным механизмом восприятия исторической ценности памятника; ввиду субъективности исторической памяти, объект может восприниматься как достойный сохранения или требующий уничтожения исходя из своей принадлежности к определенным событиям, эпохе, государственному строю, а не своей историко-культурной ценности (примерами тому служат уничтожение памятников старой Франции во время Великой французской революции, памятников Церкви в некоторые этапы советской эпохи). Историческое сознание же, сложившееся под влиянием исторической науки, содействует восприятию памятника как важного исторического источника, документа, а его ценности – пропорционально древности объекта и его роли в истории и культуре, что, как правило, способствует сохранению памятника.

Религиозное и историческое сознание не являются взаимоисключающими и могут гармонично сочетаться в одном человеке. Между ними можно усмотреть генетическую связь: в XVIII – первой половине XIX в. памятники Соборной площади в Москве воспринимались как святыни и древности, объекты религиозного и мемориального значения [11, с. 333].

Примечательно отношение ряда священнослужителей как дореволюционного и советского, так и современного периодов к памятникам Церкви. Их воззрения отличает комплексный подход: осознание объекта святыней и памятником одновременно, стремление подчеркнуть историческую ценность объекта при четком определении его религиозного значения. Такие священнослужители активно участвуют в сохранении и популяризации объектов, стремятся повысить осведомленность духовенства в вопросах сохранения культовой архитектуры и искусства, способствовать росту чувства персональной ответственности настоятелей за вверенные им в пользование объекты культурного наследия. Функционирует Патриарший совет по культуре, в юрисдикции которого находятся вопросы сохранения памятников церковной архитектуры и создания церковных музеев; работает Экспертный совет по церковному искусству, архитектуре и реставрации; проводятся конференции епархиальных древлехранителей; при храме Воскресения Христова в Кадашах регулярно проводятся научно-общественные конференции «Кадашевские чтения», посвященные, в частности, краеведению, истории архитектуры, реставрации. Некоторые священнослужители участвуют в волонтерских проектах по сохранению памятников культовой архитектуры (прот. Алексей Яковлев руководит проектом «Общее дело», направленным на участие волонтеров в сохранении памятников деревянного культового зодчества).

Памятник культовой архитектуры необходимо рассматривать не только с точки зрения сакральной и исторической ценностей. Как произведение архитектуры, храм обладает определенными материальными характеристиками, эстетическими свойствами, формой и символикой, имеющими свою специфику. Как любой объект архитектуры (в отличие от других видов искусства), храм имеет функциональное назначение. А. С. Мухин определил это как физическую природу архитектуры как культурного феномена («служение телесности человека, исполнение функционального назначения по созданию комфортной среды или решение утилитарных задач самого широкого профиля» [14, с. 223]). Отличие храмовой архитектуры от других ее типов в том, что функция храма четко определена и узконаправленна, что создает

его характерный, хорошо узнаваемый облик. Он достаточно традиционен, что относится как к внешней форме храма, так и к интерьерам.

Следование традиции и определенным правилам объясняется необходимостью воплощения в храмовой архитектуре догматов православного вероучения, благодаря чему «сакральная архитектура служит формой фиксации, трансляции и презентации базисных культурных архетипов» [15, с. 59], т. е. «аксиологических, историко-культурных и экзистенциальных смыслов» [15, с. 63], которые объемлет религиозная вера с ее догматическим и обрядовым содержанием. Без понимания этого историко-культурная ценность объекта не может быть раскрыта и воспринята в полноте, хотя эстетическая сторона и мастерство исполнения, грандиозность и древность сооружения могут производить большое впечатление и раскрывать такие виды историко-культурной ценности, как эстетическая и архитектурно-художественная, историческая и мемориальная, так же играющими большую роль в сохранении памятников архитектуры и отношении к ним. Богословская символика тесным образом связана с сакральным значением храмовой архитектуры, которое можно отнести к выявленной А. С. Мухиным метафизической природе архитектуры («детерминирование смыслов на различных уровнях, когда объект архитектуры важен вне своих „пользы и прочности", как образ, позволяющий обозначить явления, порой далекие от строительного искусства» [14, с. 223]). Так в храмовой архитектуре сочетаются материальная и духовная составляющие, являющиеся источниками ее ценностей.

Сохранение памятника культовой архитектуры, раскрытие и понимание его историко-культурной ценности связаны с совокупностью материальных и духовных начал, пониманием памятника как исторического источника и религиозной святыни, воспринимаемых историческим и религиозным сознанием. Религиозное сознание, став одной из главных движущих сил в храмостроительстве, способствует включению памятника в актуальную культуру, сохранению и трансляции историко-культурных смыслов, пониманию и восприятию символики храма. Но религиозное сознание необязательно предопределяет почтительное отношение к древности святыни. Эту функцию более полно исполняет историческое сознание, продуцирующее интерес к памятнику и его истории, понимание исторической ценности объекта, ответственность за его сохранение. В случае забвения исторической ценности памятника культовой архитектуры возникает опасность его утраты, в случае забвения религиозной ценности существенно сокращаются доступные историко-культурные смыслы. Если историческое и религиозное сознание сочетаются в человеке, имеющем отношение к использованию памятника культовой архитектуры, это может способствовать максимально полному его сохранению. Храм будет сохраняться как святыня для верующих, как памятник истории и культуры для современников и потомков, а его значение в истории и культуре будет раскрыто полностью: религиозная ценность – благодаря соответствующим экспозиционным приемам и экскурсионному обслуживанию в музеефицированном храме или совершению богослужений и живой приходской жизни в действующем храме; его историческая, научная и художественная ценность – посредством поддержания физической сохранности объекта, этикетажа и экскурсионного обслуживания, что может успешно осуществляться как в музеефицированном, так и действующем храме.

Список литературы

1. Флоренский П. А. Храмовое действо как синтез искусств // Флоренский П. А. Сочинения: в 4 т. Москва: Мысль, 1996. Т. 2. С. 370–383.

2. Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре. Москва: Республика, 1998. URL: https://platona.net/load/knigi_po_filosofii/neokantianstvo/rikkert_g_nauki_o_prirode_i_nauki_o_kulture_1998/66-1-0-1811 (дата обращения: 04.03.2019).

3. Дюркгейм Э. Ценностные и «реальные» суждения // Социол. исслед. 1991. № 2. С. 106–114.

4. Охрана памятников истории и культуры в России: XVIII – начало XX вв.: сб. док. / Ин-т археологии АН СССР (Ленингр. отд-ние), и др.; отв. ред. Л. Г. Бескровный. Москва, 1978. 356 с.

5. Протасов Н. Д. Архитектура храма и настроение // Богосл. вестн. 1912. Т. 4, № 12. С. 772–794.

6. Архитектура русского православного храма / под общ. ред. А. С. Щенкова. Москва: Памятники ист. мысли, 2013. 528 с.

7. Мать Мария (Скобцова). Типы религиозной жизни. 1937. URL: http://www.messia.ru/bibliotk/s/skobcovam/tipy.htm (дата обращения: 04.03.2019).

8. Церковный древлехранитель: метод. пособие по сохранению памятников церков. архитектуры и искусства. 2-е изд., испр. и доп. Москва: Изд-во Сретенского монастыря, 2017. 312 с.

9. Ядрышников В. А. Чудо возрождения: История новгородской архитектурной реставрации. Санкт-Петербург: Крига, 2017. 368 с.

10. Флоровский Г. Вера и культура // Электронная библиотека Одинцовского благочиния. URL: http://www.odinblago.ru/pravoslavie/flor2/ (дата обращения: 28.03.2019).

11. Топычканов А. В. Охрана и музеефикация культурного наследия России в XVIII – начала XX века // Историче-

ская культура императорской России: формирование представлений о прошлом: коллектив. моногр. в честь проф. И. М. Савельевой / отв. ред. А. Дмитриев. Москва: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. С. 327–354.

12. Барг М. Эпохи и идеи: Становление историзма. URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/barg/ (дата обращения: 02.04.2019)

13. Егоров В. К. История в нашей жизни. Москва: Наука, 1990. 191 с.

14. Мухин А. С. Архитектура и архетип. Санкт-Петербург: Изд-во С.-Петерб. гос. ун-та культуры и искусств, 2013. 308 с.

15. Аванесов С. С. Религиозная архитектура: визуально-семиотические аспекты // Вестн. Том. гос. пед. ун-та. 2014. № 7 (148). С. 59–64.

References

1. Florensky P. A. Temple act as a synthesis of arts. Florensky P. A. Works: in 4 vols. Moscow: Mysl', 1996. 2, 370–383 (in Russ.).

2. Rickert G. Science of nature and the science of culture. Moscow: Respublica, 1998. URL: https://platona.net/load/knigi_po_filosofii/neokantianstvo/rikkert_g_nauki_o_prirode_i_nauki_o_kulture_1998/66-1-0-1811 (accessed: March 4. 2019) (in Russ.).

3. Durkheim E. Value and «real» judgments. Sociol. кesearches. 1991. 2, 106–114.

4. Beskrovny L. G. (ed.). Protection of monuments of history and culture in Russia: XVIII – early XX centuries: col. doc / Inst. of Archeology of the Acad. of Sciences of the USSR (Leningrad Depart.), ets. Moscow, 1978. 356 (in Russ.).

5. Protasov N. D. The architecture of the temple and the mood. Theological bull. 1912. 4 (12), 772–794 (in Russ.).

6. Schenkova A. S. (ed.) The architecture of the Russian Orthodox church. Moscow: Pamyatniki ist. mysli, 2013. (in Russ.).

7. Mother Maria (Skobtsova). Types of religious life. 1937. URL: http://www.messia.ru/bibliotk/s/skobcovam/tipy.htm (accessed: March 4. 2019) (in Russ.).

8. Church guard: a methodological guide for the preservation of monuments of the church. architecture and art. 2nd ed., rev. and add. Moscow: Sretensky Monastery publ. house, 2017. 312 (in Russ.).

9. Yadryshnikov V. A. The Miracle of Revival: The History of Novgorod Architectural Restoration. Saint Petersburg: Kriga, 2017. 368 (in Russ.).

10. Florovsky G. Faith and Culture. Electronic Library of the Odintsovo Deanery. URL: http://www.odinblago.ru/pravoslavie/flor2/ (accessed: March 28. 2019) (in Russ.).

11. Topychkanov A. V. Protection and museumification of the cultural heritage of Russia in the XVIII – beginning of the XX century. Historical culture of Imperial Russia: the formation of ideas about the past: collective monograph in honor of prof. I. M. Savelieva / resp. ed. A. Dmitriev. Moscow: Publ. house of the Higher School of Economics, 2012. 327–354 (in Russ.).

12. Barg M. Epochs and Ideas: formation of historicism. URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/barg/ (accessed: 02.04.2019) (in Russ.).

13. Egorov V. K. History in our life. Moscow: Nauka, 1990. 191 (in Russ.).

14. Mukhin A. S. Architecture and archetype. Saint Petersburg: Publ. house of St. Petersburg State Univ. of Culture and Arts, 2013. 308 (in Russ.).

15. Avanesov S. S. Religious architecture: visual semiotic aspects. Bull. of Tomsk State Ped. Univ. 2014. 7 (148), 59–64 (in Russ.).

УДК 94(470)"1941/1945":355.083

В. Д. Ермаков

Аксиология победы в контексте исторической персонификации: маршалы СССР

В статье речь идет о завершающем периоде Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., о взаимоотношениях И. В. Сталина с генералами и маршалами – командующими фронтами. Уничтожение многих выдающихся ученых, работавших в оборонных отраслях, а также изоляция значительного их числа в тюрьмах и лагерях нанесли непоправимый ущерб как военному производству в целом, так и созданию различных видов вооружений. Поставки многих новейших образцов военной техники в армию, по разным причинам и, прежде всего, из-за репрессий, были задержаны на длительное время. Все это в совокупности в условиях начавшейся войны привело к значительным потерям личного состава армии и флота, гражданского населения, разрушению советских городов и деревень, длительной оккупации значительной территории страны. Автор убедительно показывать, что война была выиграна вопреки сталинизму и репрессиям, благодаря полководческому таланту бывших офицеров императорской армии и генералам, освобожденным из тюрем.

Ключевые слова: репрессии, сталинизм, И. В. Сталин, маршалы Великой Отечественной войны, Великая Отечественная война, военачальники, полководцы, командующие фронтами

Vladimir D. Ermakov

Aksiology of victory in the context of historical personification: the marches of the USSR

The article is devoted to the final period of the Great Patriotic War 1941-1945, about the relationship of I. Stalin and the generals and marshals, who were the Fronts commanders. The destruction of many prominent scientists working in the defense industries, as well as the isolation of a significant number of them in prisons and camps, caused irreparable damage to both the military production as a whole and the creation of various types of weapons. Deliveries of many of the latest models of military equipment to the army, for various reasons and, above all, because of repression, were delayed for a long time.All this together in the conditions of the outbreak of war led to significant losses in the personnel of the army and navy, civilians, the destruction of Soviet cities and villages, and the prolonged occupation of a significant territory of the country. The author convincingly demonstrates that the War was won contrary to the Stalinism and repressions, mostly because of the strategy talent of the former officers of the Russian Imperial army and of the generals that were released from prisons.

Keywords: repressions, Stalinism, I. V. Stalin, marshals of the Great Patriotic War, Great Patriotic War, generals, former officers, fronts commanders

DOI 10.30725/2619-0303-2019-4-44-47

Вскоре наша страна отметит знаменательную и воистину всенародную дату в своей истории – 75-летие Победы в Великой Отечественной войне.

Зададимся вопросом: кто из командующих войсками советских фронтов сломал хребет немецкой военной машине? Кто эти генералы и маршалы, под командованием которых советские войска добились коренного перелома в ходе Великой Отечественной и Второй мировой войн, вошли в логово врага, Берлин, и добили его там!?

Победа Советского Союза над нацистской Германией и ее союзниками была добыта дорогой ценой. Накануне Великой Отечественной войны в ходе сталинских репрессий был уничтожен высший командный состав армии и флота, имевший весьма значительный боевой опыт Первой мировой войны 1914–1918 гг. и Гражданской войны 1917–1922 гг. Были обезглавлены центральные органы управления армией, флотом, военно-воздушными силами и противовоздушной обороны, разведки, военные округа и флоты, высшие военные учебные заведения и прежде всего Академия Генерального штаба. Работа всех центральных органов управления армией и флотом на длительное время была парализована и постоянно, вплоть до начала войны, да и в ходе ее, подвергалась серьезным сбоям, связанным с арестами их руководителей.

Уничтожение многих выдающихся ученых, работавших в оборонных отраслях, а также изоляция значительного их числа в тюрьмах и лагерях нанесли непоправимый ущерб как военному производству в целом, так и созданию различных видов вооружений. Поставки многих

новейших образцов военной техники в армию, по разным причинам и, прежде всего, из-за репрессий, были задержаны на длительное время.

Все это в совокупности в условиях начавшейся войны привело к значительным потерям личного состава армии и флота, гражданского населения, разрушению советских городов и деревень, длительной оккупации значительной территории страны. Советский Союз понес огромные, невосполнимые людские и материальные потери, которых можно было бы избежать или значительно уменьшить. И все же, несмотря на это, победа была одержана.

По мнению авторов солидного 12-томного издания «Великая Отечественная война 1941–1945 годов», «определяющий вклад в победу над Германией и Японией внесли Маршалы Советского Союза А. М. Василевский, Л. А. Говоров, Г. К. Жуков, И. С. Конев, Р. Я. Малиновский, К. А. Мерецков, К. К. Рокоссовский, С. К. Тимошенко, Ф. И. Толбухин, генералы армии И. Х. Баграмян, Н. Ф. Ватутин, А. И. Еременко, И. Е. Петров и И. Д. Черняховский... Девять из этих военачальников удостоились награждения орденом „Победа“ (А. М. Василевский и г. К. Жуков дважды)» [1, с. 741]. И. В. Сталин также дважды был награжден орденом «Победа». Постараемся несколько детализировать этот, несомненно, важный, вывод огромного коллектива маститых российских историков.

В середине 1943 г., в период Курской битвы, когда советские войска окончательно овладели стратегической инициативой и закрепили коренной перелом в ходе Великой Отечественной и Второй мировой войн, вплоть до Победы над нацистской Германией, советскими фронтами командовали 22 генерала и маршала.

Выдающие советские военачальники, генералы армии Герой Советского Союза Н. Ф. Ватутин и дважды Герой Советского Союза И. Д. Черняховский погибли на фронте (15 апреля 1944 г. и 18 февраля 1945 г.). Ряд генералов командовали фронтами до весны 1944 г. Генерал армии, Герой Советского Союза М. М. Попов в апреле 1944 г. был снят с должности командующего 2-м Прибалтийским фронтом и понижен в звании с генерала армии до генерал-полковника с формулировкой «как не справившийся с командованием фронтом». В 1953 г. ему опять было присвоено звание генерала армии.

Генерал армии, Герой Советского Союза В. Д. Соколовский в апреле 1944 г. был снят с должности командующего Западным фронтом и переведен на штабную работу. Генерал-полковник В. А. Фролов командовал Карельским фронтом до февраля 1944 г., затем фронт был расформирован. Особое место среди командующих фронтами, «чужой среди кадровых военных, занимал генерал армии (звание Героя Советского Союза он получил уже после окончания войны) И. И. Масленников, который с февраля 1939 г. являлся заместителем народного комиссара внутренних дел по пограничным и внутренним войскам. В годы войны он стоял во главе различных воинских подразделений и очень короткое время, с 21 апреля по 16 октября 1944 г., командовал 3-м Прибалтийским фронтом.

Генерал-полковник М. П. Ковалев командовал в период с 1941 по 1945 г. Забайкальским фронтом и в боевых действиях против войск нацистской Германии участия не принимал. Генерал армии М. А. Пуркаев до апреля 1943 г. командовал Калининским фронтом, а затем убыл на Дальний Восток, где в период Советско-японской войны будет командовать 2-м Дальневосточным фронтом.

Подлинными полководцами в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. проявили себя (имена полководцев приводятся в алфавитном порядке по следующим работам [2–14]):

И. Х. Баграмян, генерал армии (с марта 1955 г. – Маршал Советского Союза), дважды Герой Советского Союза (1944 и 1977 гг.) ;

А. М. Василевский, Маршал Советского Союза (1943), дважды Герой Советского Союза (1944 и 1945 гг.);

Л. А. Говоров, Маршал Советского Союза (1944 г.), Герой Советского Союза (1945 г.);

А. И. Еременко, генерал армии, Герой Советского Союза (1944 г.), Маршал Советского Союза (1955 г.);

Г. К. Жуков, «Маршал Победы» (1943 г.), четырежды Герой Советского Союза (1939, 1944, 1945 и 1956 гг.);

Г. Ф. Захаров, генерал армии (1944 г.);

И. С. Конев, Маршал Советского Союза (1944 г.), дважды Герой Советского Союза (1944, 1945 гг.);

П. А. Курочкин, генерал-полковник, генерал армии (1959 г.), Герой Советского Союза (1945 г.);

Р. Я. Малиновский, Маршал Советского Союза (1944 г.), дважды Герой Советского Союза (1945 и 1958 гг.);

Генерал армии И. Е. Петров 3 марта 1944 г. за неудачное проведение ряда операций был освобожден от должности командующего Приморской армией, понижен в звании до генерал-полковника. С апреля 1944 г. он командовал 2-м Белорусским, с августа – 4-м Украинским фронтом. 26 октября 1944 г. ему вновь было присвоено звание генерала армии. 25 марта 1945 г. он был снят с должности командующего фронтом, отозван в Ставку. В марте 1945 г. назначен на-

чальником штаба 1-го Украинского фронта. 29 мая 1945 г. ему было присвоено звание Героя Советского Союза;

К. К. Рокоссовский, единственный в истории СССР маршал двух стран: Маршал Советского Союза (1944 г.) и Маршал Польши (1949 г.), дважды Герой Советского Союза (1944 и 1945 гг.);

Ф. И. Толбухин – Маршал Советского Союза (1944 г.), Герой Советского Союза (1965 г.) посмертно;

И. В. Тюленев, генерал армии (1940 г.), Герой Советского Союза (1978 г.).

Из этих 14 военачальников и полководцев восемь человек являлись офицерами военного времени в период Первой мировой войны 1914–1918 гг., т. е. служили в царской армии (И. Х. Баграмян, А. М. Василевский, Л. А. Говоров, г. Ф. Захаров, П. А. Курочкин, И. Е. Петров, Ф. И. Толбухин, И. В. Тюленев), два маршала – К. К. Рокоссовский и К. А. Мерецков чудом остались в живых, будучи репрессированными, а значит победу нашей армии в войне в ее высшем звене, вопреки сталинским репрессиям, обеспечили бывшие офицеры императорской армии и политзаключенные.

Если к этому добавить, что в годы Великой Отечественной войны работой Генерального штаба, наряду с маршалом А. М. Василевским руководили бывший полковник царской армии Б. М. Шапошников (Маршал Советского Союза), а также бывший прапорщик А. И. Антонов (единственный из всех советских военачальников, награжденный орденом «Победа» в звании генерала армии и единственный кавалер этого ордена, гражданин СССР, которому не было присвоено звание Героя Советского Союза, то получается, что все вышло вопреки воле Сталина. Мозговым центром Красной армии стали совсем не сталинские любимчики и проходимцы. Небольшая группа оставшихся в армии военспецов сыграла исключительно важную роль в организации и проведении крупнейших стратегических наступательных операций.

По данным доктора исторических наук О. Ф. Сувенирова, на восемь выше перечисленных военачальников (к ним необходимо добавить еще К. К. Рокоссовского и М. А. Мерецкова): И. Х. Баграмяна, г. К. Жукова, И. С. Конева, Р. Я. Малиновского, И. Е. Петрова, Ф. И. Толбухина, И. В. Тюленева, Б. М. Шапошникова, в распоряжении особистов имелись показания других лиц, якобы изобличающие их как участников военно-фашистского заговора [15]. Лишь по прихоти одного человека – И. Сталина – они в свое время не были арестованы.

И еще один весьма важный факт. Первыми Маршалами Советского Союза в 1935 г. стали: А. И. Егоров, В. К. Блюхер, М. Н. Тухачевский, К. Е. Ворошилов, С. М. Буденный. Первые трое из них были репрессированы и погибли. К оставшимся в живых К. Е. Ворошилову и С. М. Буденному накануне Великой Отечественной войны присоединились пролучившие это воинское звание С. К. Тимошенко, Б. М. Шапошников и г. И. Кулик, т. е. в Красной армии опять стало пять Маршалов Советского Союза.

Непосредственно в период Великой Отечественной войны высшее воинское звание Маршала Советского Союза только в 1943 и 1944 гг. получили 9 человек:

Г. К. Жуков (18 января 1943 г.);
А. М. Василевский (16 февраля 1943 г.);
И. В. Сталин (6 марта 1943 г.);
И. С. Конев (20 февраля 1944 г.);
Л. А. Говоров (18 июня 1944 г.);
К. К. Рокоссовский (29 июня 1944 г.);
Р. Я. Малиновский (10 сентября 1944 г.);
Ф. И. Толбухин (12 сентября 1944 г.);
К. А. Мерецков (26 октября 1944 г.).

Сталина исключим из этого списка, так как он получил это звание по должности не будучи военным и реально никогда не воевавшим. Из оставшихся восьми маршалов были бывшими офицерами царской армии военного времени, двое – прошли через ад репрессий.

Так чего же добился И. В. Сталин? Без выдающихся военных-профессионалов он не смог бы успешно руководить военными операциями. Вот мнение самого авторитетного военачальника в годы войны Маршала Советского Союза г. К. Жукова о Сталине как полководце: «В стратегических вопросах Сталин разбирался с самого начала войны. Стратегия была близка к его привычной сфере – политике... В вопросах оперативного искусства в начале войны он разбирался плохо. Ощущение, что он владеет оперативными вопросами, у меня лично начало складываться в последний период Сталинградской битвы, а ко времени Курской дуги уже можно было сказать, что он в этих вопросах чувствует себя вполне уверенно. Что касается вопросов тактики, строго говоря, он не разбирался в них до самого конца». И далее маршал Жуков отмечал, что судя по замечаниям, которые делал Сталин, выслушивая доклады, можно было судить о его «элементарном непонимании обстановки и недостаточном знании военного дела» [цит. по: 16, с. 68].

В этой связи встает вопрос, как при столь беспощадном отношении к военным кадрам в Советском Союзе и к обороноспособности страны в целом, наш народ выстоял, выдержал невиданный натиск практически всей порабощенной нацистами Европы и победил? Как это

могло произойти вопреки «Великому» Сталину, страшным, просто катастрофическим поражениям войск Красной армии начального этапа Великой Отечественной войны и иным объективным и субъективным обстоятельствам? На наш взгляд, истоки этой Великой Победы и Великого Подвига многонационального российского народа до сих пор не до конца изучены, поняты и названы. Хотя все довольно просто: русский (советский) народ в который уже раз в своей истории не захотел быть рабом и, положив на алтарь Великой Победы миллионы жизней своих лучших сыновей и дочерей, победил! Заодно Великий Русский народ, уничтоживший нацизм и фашизм – добрый и справедливый по природе своей – предоставил право ранее порабощенным европейским народам сохранить свою идентичность, культуру и воссоздать государственность.

Ключ к пониманию истоков Великого Подвига народа – залог того, что над нашей Родиной будет всегда светить мирное голубое небо...

Список литературы

1. Великая Отечественная война 1941–1945 годов. Москва, 2015. Т. 11. 864 с.
2. Залесский К. А. Великая отечественная:. большая биогр. энцикл. Москва, 2013. 832 с.
3. Кавтарадзе А. Г. Военные специалисты на службе Республики Советов. Москва, 1988. 276 с.
4. Печенкин А. А. Командующие фронтами 1944 года // Военно-исторический журнал. 2005. № 10. С. 4–14.
5. Печенкин А. А. Командующие фронтами 1944 года // Военно-исторический журнал. 2005. № 11. С. 17–22.
6. Светлинский Н. А. Орден «Победа» – полководцам. Москва, 1988. 238 с.
7. Белов М. И. Маршалы Победы. Москва, 1995. 257 с.
8. Симонов Ф. В. Они командовали фронтами. Подольск, 1995. 172 с.
9. Маршалы Советского Союза. Личные дела рассказывают. Москва, 1996. 95 с.
10. Три Маршала Победы. Москва, 1999. 347 с.
11. Кавалеры ордена «Победа». Москва, 2000. 591 с.
12. Рубцов Ю. В. Жезлы на эполетах и гербы на погонах. Все генерал-фельдмаршалы России и Маршалы Советского Союза. Москва, 2002. 381 с.
13. Малашенко Е. И. Командующие фронтами и армиями в годы Великой Отечественной войны. Москва, 2019. 285 с.
14. Щукин В. Т. Полководцы Великой Победы. Москва, 2010. 510 с.
15. Сувениров О. Ф. Трагедия РККА 1937–1938. Москва, 1998. 528 с.
16. Кулиш В. М. Военно-исторический журнал в 1959–1967 гг. // Военно-исторический журнал. 2009. № 8. С. 63–69.

References

1. Great Patriotic War 1941–1945. Moscow., 2015. 11, 864 (in Russ.).
2. Zalesskiy K. A. Great Patriotic. Large Biographic Encyclopedia. Moscow, 2013. 832 (in Russ.).
3. Kavtaridze A. G. Military specialist on the in the Service of the Republic of Soviets. Moscow., 1988. 276 (in Russ.).
4. Pechenkin A. A. Front Commanders of 1944. Military Historical magazine. 2005. 10, 4–14 (in Russ.).
5. Pechenkin A. A. Front Commanders of 1944. Military Historical magazine. 2005. 11, 17–22 (in Russ.).
6. Svetlinskiy N. A. Award «Victory» to Commanders. Moscow, 1988. 238 (in Russ.).
7. Below M. I. The Marshals of Victory. Moscow, 1995. 257 (in Russ.).
8. Simonov F. V. They Were Front Commanders. Podolsk, 1995. 172 (in Russ.).
9. The Marshals of the Soviet Union. Союза. The Personal Records Tell. Moscow, 1996. 95 (in Russ.).
10. Three Marshals of Victory. Moscow, 1999. 347 (in Russ.).
11. Chevaliers of the Order of Victory. Moscow, 2000. 591 (in Russ.).
12. Rubtsov J. V. Staffs on the Epaulets and Coats of Arms on the Shoulder Straps. All the General Field-Marshals of Russia and Marshals of the Soviet Union. Moscow, 2002. 381 (in Russ.).
13. Malashenko E. I. The Commanders of the Fronts and Armies during the years of the Great Patriotic War. Moscow., 2019. 285 (in Russ.).
14. Schukin V. T. The Commanders of the Great Victory. Moscow, 2010. 510 (in Russ.).
15. Suvenirov O. F. Tragedy of the WPRA 1937–1938. Moscow, 1998. 528 (in Russ.).
16. Kulish V. M. Military Historical magazine in 1959–1967. Military Historical magazine. 2009. 8, 63–69 (in Russ.).

УДК 069.41(091):341.71(=161.1)"18/19"

О. А. Игнатова

Дипломат Н. Ф. Петровский как составитель музейных коллекций

Одним из источников пополнения музейных фондов в XIX – начале XX в. были коллекции, собранные с помощью дипломатов Российской империи в странах Востока. В статье рассматривается вопрос о том, каким образом служащие Министерства иностранных дел способствовали развитию отечественных музеев, выявлены основные направления деятельности дипломата, вовлеченного в собирание древностей за рубежом. В этом случае он мог выступать как частный коллекционер, как источник уникальной информации для работы археологических экспедиций и как помощник во временном хранении и транспортировке коллекций. Показано, что в деятельности Генерального консула Российской империи в Кашгаре Н. Ф. Петровского совмещались коллекционирование восточных древностей и координация исследовательских экспедиций, в то время как помощь в хранении и транспортировке коллекций осуществлялась его коллегами на дипломатических постах в Восточном Туркестане. Также обосновывается представление о том, что ключевым условием, позволившим Н. Ф. Петровскому участвовать в пополнении музейных собраний, были его научные связи с крупнейшими востоковедами В. Р. Розеном и С. Ф. Ольденбургом.

Ключевые слова: Н. Ф. Петровский, дипломат, музейные коллекции, коллекционирование, экспедиции, В. Р. Розен, С. Ф. Ольденбург, восточные коллекции

Olga A. Ignatova

Diplomat N. F. Petrovsky as compiler of museum collections

Collections compiled with the help of Russian diplomats in Eastern countries were among the sources of enrichment of museum collections in the 19th and early 20th century. The article explores different ways that employees of Ministry of Foreign Affairs used to contribute the development of domestic museums. Main functions of a diplomat who was involved in collecting antiques abroad are figured out. In this case, the diplomat could have been a collector himself, a source of unique information for archaeological expeditions and a helper in temporary storage and transportation of collections. It is shown that Consul General in Kashgar N. F. Petrovsky combined collecting of eastern antiques with coordination of research expeditions, while his colleagues in East Turkestan contributed to storage and transportation of collections. The article also justifies the idea that the main reasons that helped Petrovsky to take part in forming of museum collections were his scientific links with major Russian orientalists V. R. Rosen and S. F. Oldenburg.

Keywords: N. F. Petrovsky, diplomat, museum collections, collecting, expeditions, V. R. Rosen, S. F. Oldenburg, eastern collections

DOI 10.30725/2619-0303-2019-4-48-51

Современный музей и, прежде всего, музей универсальный, стремится стать местом встречи и диалогов культур. Памятники, изъятые однажды из своего культурного окружения и собранные в пространстве музея, приобретают в нем дополнительное значение. Они позволяют выстраивать диалоги между различными культурами, показывать их многообразие и равенство. История формирования восточных коллекций в российских музеях демонстрирует, как складывались условия для возникновения таких диалогов.

На рубеже XIX–XX в., в эпоху интенсивного развития востоковедческой науки, музеи с азиатскими коллекциями служили научным интересам. Такими музеями были принадлежавшие Императорской Академии наук Музей антропологии и этнографии и Азиатский музей, а также собрания научных обществ и ведомств, чья деятельность была связана с исследованиями Востока. В их числе – музей Императорского Русского археологического общества (РАО) и музей Учебного отделения Азиатского департамента Министерства иностранных дел (МИД).

С организацией при МИДе «Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом и лингвистическом отношении» (РКСВА) в 1903 г. активизировались архитектурно-археологические и этнографические научные экспедиции в восточную часть России и за ее пределы. Находки участников экспедиций стали существенным вкладом в пополнение музейных сокровищниц. Размышляя над своей деятельностью, ученые противопоставляли ее подходу, который получил распространение среди некоторых их иностранных коллег [1, с. 358], тому, о чем ака-

демик В. В. Бартольд позже писал как о «самом вредном для науки типе раскопок – раскопках с музейными целями» [2, с. 388]. Руководя экспедициями на территории других государств, такие ученые как С. Ф. Ольденбург и М. М. Березовский стремились к минимальному вмешательству в целостность памятника, проводя его графическую фиксацию и вывозя, как правило, лишь подъемный материал. Очевидно, под «музейными целями» понимали устаревшие музейные практики, нацеленные на экспонирование наиболее зрелищных экспонатов, которые собирались с нарушением единства архитектурно-археологического памятника и исключались из его контекста. В противовес этому ведущие востоковедные силы того времени поддерживали научный профиль музея.

Особенности изучения Востока на закате Российской империи и в первые годы Советской власти анализируются в книге В. Тольц «Собственный Восток России», посвященной ученым востоковедческой школы барона В. Р. Розена – Ф. И. Щербатскому, С. Ф. Ольденбургу, В. В. Бартольду, Н. Я. Марру. Эти ученые критиковали европейскую науку за противопоставление Востока и Запада, сотрудничали с туземными исследователями и, по мнению Тольц, предугадали главные положения постколониальной критики, касающиеся неизбежной зависимости науки от политики [3, с. 147]. Именно с В. Р. Розеном и С. Ф. Ольденбургом интенсивно сотрудничал коллекционер древностей Н. Ф. Петровский – консул Российской империи в Кашгаре (Восточный Туркестан или Синьцзян, Цинская империя) в 1882–1902 гг. (с 1886 г. – Генеральный консул).

Дипломаты в Российской империи XIX – начала XX в. представляли собой особый и практически закрытый «класс», который действовал вне границ государства на страже его интересов. Многие служащие МИДа на Востоке были выдающимися востоковедами. Интерес дипломатов был направлен на современное положение дел, актуальные социально-экономические и политические вопросы, но среди них были и те, кто составил замечательные коллекции предметов старины. В разное время коллекционированием памятников занимались: дипломат, историк-востоковед П. Л. Шиллинг, драгоман З. Ф. Леонтьевский, Генеральный консул в Шанхае, Поверенный в делах в Корее П. А. Дмитриевский, посланник в Сиаме Г. А. Плансон и др.

Фигура консула Николая Федоровича Петровского (1837–1908) особо выделяется в ряду дипломатов-коллекционеров. Его интерес к собирательству проявился еще в русском Туркестане, где Петровский служил чиновником особых поручений Министерства финансов. Но именно в китайской Кашгарии Петровский привел собирание памятников древности в систему, наладив диалог с учеными, научными обществами и через них – с музеями. Консул занимался самостоятельной археологической разведкой памятников, он обсуждал гипотезы по интерпретации находок с учеными, отправлял их в Восточное отделение Русского археологического общества. Более того, Петровский заложил своего рода местную школу изучения края через памятники материальной культуры: его преемники и сослуживцы тоже занимались составлением коллекций, поиском древностей и передачей находок в музейные собрания. Среди этих людей – секретарь консульства в Кашгаре, ученик В. Р. Розена востоковед Я. Я. Лютш, секретарь консульства, затем Генеральный консул в Кашгаре С. А. Колоколов, секретарь консульства в Кашгаре М. И. Лавров, секретарь консульства в Кульдже, затем консул в Урумчи А. А. Дьяков. Ближайшим коллегой Петровского по коллекционированию древностей в Синьцзяне был консул в Урумчи востоковед Н. Н. Кротков.

Специфика положения дипломата позволяла получить нужную информацию для того, чтобы стать обладателем особых, редких, порой эксклюзивных вещей. Петровский приобретал древности у своих агентов, которые скупали их у местных жителей, проводивших поиски на местах древних культовых построек и поселений. Таким образом, дипломат мог проникнуть туда, куда не могли попасть кабинетные ученые, и собрать ценные материалы, которые те использовали в своей работе.

Коллекция Петровского состояла из памятников письменности и материальной культуры Восточного Туркестана, относящихся к I тысячелетию н. э. Одна часть консульской коллекции представляла собой фрагменты рукописей. В основном это были тексты на санскрите и других языках, написанные на бумаге, по содержанию – буддийские тексты и хозяйственные документы. Другая часть коллекции насчитывала более трех тысяч памятников изобразительного искусства и художественного ремесла: в ней были изделия из терракоты – сосуды и их фрагменты, статуэтки людей и животных, терракотовые и бронзовые фигурки – рельефы и фрагменты скульптур божеств буддийского пантеона. В коллекции были также миниатюрные фигурки – памятники Гандхары из резного камня, привозимые на эти земли индийскими паломниками и монахами, нефритовые изделия, религиозная живопись (иконы на дереве).

Н. Ф. Петровский писал С. Ф. Ольденбургу: «Вы самый главный виновник тому, что я стал усердно разыскивать здешние древности. Не будь Вашего заявления в „Отделении“

я довольствовался бы тем, что случайно приносилось мне для покупки, и откладывал бы все, что приобретал, на случай приезда моего в Петербург» [4, с. 255]. Только благодаря продуманным действиям Петровского, исходящего из понимания серьезной научной ценности этих находок, предметы из его коллекции оказались в музейных собраниях. Консул копил находки и посылал их партиями в Петербург – Розену и Ольденбургу («Целый вечер сегодня разбирал сундук и только теперь увидел, сколько за короткое время накопилось» [4, с. 257]), рукописи поступали на хранение в Азиатский музей Императорской Академии наук. Крупнейшим единовременным поступлением была покупка памятников изобразительного искусства и материальной культуры Императорским Эрмитажем в ноябре 1897 г. по предложению хранителя Г. Е. Кизерцкого [5, с. 428]. На момент смерти Петровского предметы из его собрания находились в Эрмитаже, Азиатском музее и музее Русского археологического общества. Предметы, которые консул оставил у себя, были переданы в музеи в соответствии с его завещанием.

Как известно, Петровский был участником геополитического противостояния между Британской и Российской империями в Центральной Азии, которое получило название «Большой игры». Частью этого противостояния была борьба за первенство в сборе памятников. В 1892 г. Петровский, раздосадованный опередившим его находкой древней санскритской рукописи британским лейтенантом Боуэром, писал Розену с предложением помочь какому-либо археологу или экспедиции в Кашгарии, если таковые будут туда направлены. К тому времени он уже помогал многим ученым, от «американцев до шведов включительно» [4, с. 223]. Вскоре Петровский стал снабжать российских ученых информацией о маршрутах, доступных для прохождения в Синьцзяне. Он присылал в Петербург составленные им топографические карты, где отмечал археологические памятники, дороги, ведущие к ним, и расстояния между объектами. Благодаря этим данным собрание Азиатского музея пополнилось множеством рукописей, обнаруженных в ходе экспедиций Академии наук и Русского географического общества. Генконсулу Петровскому удалось сыграть ключевую роль в подготовке первой экспедиции РКСВА за рубеж – командировке М. М. Березовского в Кучарский оазис (1905–1907), доставившей уникальные изобразительные материалы, фрагменты храмовой настенной живописи и памятников письменности (ныне – в коллекции Государственного Эрмитажа и Азиатского музея).

Во время первой и второй Русских Туркестанских экспедиций С. Ф. Ольденбурга, снаряженных РКСВА, ученым помогали дипломаты Н. Н. Кротков и А. А. Дьяков [6, с. 442–445]. Имя консула в Урумчи Кроткова можно поместить в ряд тех дипломатов, что помогали русским ученым, путешественникам и коллекционерам в деле временного хранения за границей и транспортировки предметов, которые направлялись в фонды отечественных музеев [7, с. 177–178, 180–181]. Из переписки Кроткова и Ольденбурга мы узнаем, например, о 12 ящиках с находками из Карашара, которые были благополучно доставлены в Урумчи и поступили на временное хранение в консульство [8, с. 415]. Эта сторона деятельности сотрудников МИДа является третьим направлением работы дипломатов по пополнению музейных фондов наряду с частным коллекционированием и организационной поддержкой экспедиций.

К успеху в создании и выживании коллекции Петровского привели его увлеченность и знания в совокупности с верно использованными особенностями его положения как должностного лица. Составить и сохранить коллекцию в том виде, в котором это было сделано, было бы невозможно без тесного и продолжительного взаимодействия дипломата с ведущими учеными. Несомненно, в идейном смысле Петровский был ближе петербургским ученым-востоковедам, чем своим петербургским коллегам по Министерству. «На Кашгар я положил часть своей души», – признавался консул [4, с. 276]. Тем обиднее было встретить непонимание среди влиятельных столичных чиновников МИДа: «Это не М[инистерство], там дорожат каждым, даже незначительным, сведением о наших древностях», – писал Н. Ф. Петровский ученому и чиновнику МИДа Ф. Р. Остен-Сакену о Восточном отделении РАО после того, как в «Записках» Общества был опубликован знаменитый памятник из его коллекции, так называемая «Кашгарская рукопись Петровского», – санскритский оригинал «Лотосовой сутры» из Хотана, VII в. [4, с. 239].

Петровский интересовался отнюдь не традиционной культурой Китая или уйгурского Синьцзяна. Его находки были связаны с истоками буддийской культуры и историей индоевропейских народов, населявших Восточный Туркестан в первом тысячелетии н. э. Консульская коллекция имела большое значение для академика С. Ф. Ольденбурга, выдающегося ученого, индолога и буддолога. Предметы коллекции Петровского относились к «белым пятнам» в истории распространения буддизма, всесторонне изучаемой Ольденбургом буддийской культуре, как за рубежом, так и в России.

Известно высказывание социолога Б. Андерсона: «Музеи и музеизирующее воображение в глубине своей политичны» [9, с. 290]. Андерсон отмечал при этом, что политичность, лежащая в основе такого воображения и порождаемых им процессов, неосознаваема [9, с. 295]. Понимание учеными и некоторыми дипломатами огромной научной и политической значимости их работ вовсе не означало понимание этого чиновниками центрального аппарата имперского МИДа. Не найдено какой-либо государственной программы по сбору памятников, которой мог бы руководствоваться Петровский. Напротив, сам дипломат, будучи непревзойденным знатоком Туркестанского края, стал автором подобной программы для организации работ «Туркестанского кружка любителей археологии» [10, с. 7].

Исследования древних археологических памятников, тактично проводимые российскими учеными на территории другого государства, демонстрировали дружественные намерения по отношению к восточным соседям России. Благодаря работе российских дипломатов в Восточном Туркестане по поддержке этих экспедиций была заложена основа для развития новых направлений в пополнении отечественных музейных фондов, открыты новые грани изучения древних культур. Дальнейшее изучение роли служащих МИДа Российской империи в умножении музейных коллекций позволит лучше понять механизмы взаимодействия власти и музеев в прошлом. Задача имеет особую актуальность, поскольку коллекции памятников из восточных стран, составленные самими дипломатами и при их содействии, внесли значительный вклад в построение диалогов культур, ведущихся в музеях сегодня.

Список литературы

1. История отечественного востоковедения с середины XIX века до 1917 года. Москва: «Вост. лит.» РАН, 1997. 536 с.

2. Бартольд В. В. Отчет о командировке в Туркестан. Август–декабрь 1920 г. // Бартольд В. В. Сочинения: в 9 т. Москва: Наука, 1977. Т. 8. С. 366–397.

3. Тольц В. «Собственный Восток России»: Политика идентичности и востоковедение в позднеимперский и раннесоветский период. Москва: Новое лит. обозрение, 2013. 336 с.

4. Петровский Н. Ф. Туркестанские письма / отв. ред. В. С. Мясников, сост. В. Г. Бухерт. Москва: Памятники ист. мысли, 2010. 358 с.

5. Тихонов И. Л. Хранитель древностей Императорского Эрмитажа Г. Е. Кизерицкий // Мнемон: исслед. и публ. по истории античного мира. 2012. Вып. 11. С. 419–438.

6. Бухарин М. Д. Письма А. А. Дьякова С. Ф. Ольденбургу из собрания СПФ АРАН // Вестн. истории, литературы, искусства. 2013. Т. 9. С. 440–448.

7. Соболева Е. С. В. В. Радлов и система транспортировки в МАЭ (конец XIX – начало XX в.) // Primus inter pares (к 175-летию со дня рождения В. В. Радлова). 2015. С. 155–184.

8. Бухарин М. Д. «Мы оба работаем для России, для науки…»: переписка С. Ф. Ольденбурга и Н. Н. Кроткова из архивных собраний РАН // Scripta antique. Вопр. древней истории, филологии, искусства и материал. культуры. 2016. Т. 5. С. 395–457.

9. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. Москва: Кучково поле, 2016. 416 с.

10. Ольденбург С. Ф. Памяти Николая Федоровича Петровского. 1837–1908 // Зап. Вост. отд-ния Имп. Рус. археол. о-ва. 1912. Т. 20, вып. 1. С. 1–8.

References

1. History of domestic orientalism from the middle of the XIX century till 1917. Moscow: «Vostochnaya lit.» RAN, 1997. 536 (in Russ.).

2. Bartol'd V. V. Report about business trip to Turkestan. August–December 1920. Writings of V. V. Bartol'd: in 9 vols. Moscow: Nauka, 1977. 8, 366–397 (in Russ.).

3. Tolz V. Russia's own Orient: The politics of identity and oriental studies in the late imperial and early Soviet periods. Moscow: Novoye lit. obozrenie, 2013. 336 (in Russ.).

4. Petrovsky N. F.; Myasnikov V. S. (ed.); Bukhert V. G. (comp.). Letters from Turkestan. Moscow: Pamyatniki ist. mysli, 2010. 358 (in Russ.).

5. Tikhonov I. L. G. E. Kizeritskii: conservator of antiques of Imperial Hermitage. Mnemon: studies and publications on the history of the ancient world. 2012. 11, 419–438 (in Russ.).

6. Bukharin M. D. Letters of A. A. Dyakov to S. F. Oldenburg from the Collection of Saint-Petersburg Branch of the Russian Academy of Sciences. J. of history, literature, arts. 2013. 9, 440–448 (in Russ).

7. Soboleva Ye. S. V. V. Radlov and system of transportation in Museum of Anthropology and Ethnography (late XIX – beginning of the XX century). Primus inter pares (to the 175th jubilee of V. V. Radlov). 2015. 155–184 (in Russ.).

8. Bukharin M. D. «We both work for Russia, for science…»: correspondence of S. F. Oldenburg and N. N. Krotkov from the archives of the Russian Academy of Sciences. Scripta antique. Ancient history, philology, arts and material culture. 2016. 5, 395–457 (in Russ.).

9. Anderson B. Imagined communities: reflections on the origin and spread of nationalism. Moscow: Kuchkovo pole, 2016. 416 (in Russ.).

10. Ol'denburg S. F. In memory of Nikolay Fedorovich Petrovsky. 1837–1908. Notes of Eastern dep. of Imp. Russ. Archeol. Soc. 1912. 20 (1), 1–8 (in Russ.).

УДК [316.613:159.922.736.3]:316.776-028.22

Э. В. Измайлова

Визуальные технологии формирования идентичности в отечественной культуре детства

Статья посвящена анализу воздействия визуальной среды на отечественную культуру детства, включая советский, постсоветский и современный периоды. В частности, рассматривается исторический опыт и технологические возможности визуальных коммуникаций в вопросах формирования идентичности на уровне культуры детства. Отдельное внимание уделяется специфике различных коммуникаций, имевших разные степени воздействия на культуру детства указанных периодов. Дается характеристика идеалов и ценностно-смысловых оснований, под воздействием которых формировались эталонные образы носителей отечественной культурной идентичности. Приводятся многочисленные конкретные примеры визуальной продукции, транслирующие образы культурной идентичности, включая кино, мультфильмы, печатную продукцию. Обозначается проблема «экологии» современной культуры детства, включая экспертный и коррекционный потенциал культурологии в данной сфере.

Ключевые слова: культура детства, идентичность, визуальная коммуникация, образ, гуманитарные технологии

Emma V. Izmailova

Visual technologies of identity formation in the national culture of childhood

The article is devoted to the analysis of the impact of the visual environment on the national culture of childhood, including the Soviet, post-Soviet and modern periods. In particular, it considers the historical experience and technological capabilities of visual communications in the formation of identity at the level of the culture of childhood. Special attention is paid to the specifics of various communications that had different degrees of impact on the culture of childhood of these periods. The characteristic of ideals and value-semantic bases, under the influence of which the reference images of carriers of national cultural identity were formed, are given. There are numerous specific examples of visual products that broadcast images of cultural identity, including movies, cartoons, and printed materials. The problem of the «ecology» of the modern culture of childhood is indicated, including the expert and correctional potential of cultural science in this field.

Key words: childhood culture, identity, visual communication, image, humanitarian technologies

DOI 10.30725/2619-0303-2019-4-52-56

В течение последних десятилетий культура России пережила качественные трансформации, выраженные в ее движении от советского к постсоветскому и далее к современному типу отечественной культуры. Данные изменения коснулись всех сфер культуры, включая один из ее стержневых компонентов – культурную идентичность. От советского «монолитного» типа культуры, содержавшего устойчивую форму идентичности, прививаемую всеми средствами культурно-идеологического воздействия, произошел переход к новому типу российской культуры, с обновленной формой идентичности.

Отдельный акцент в процессе формировании культурной идентичности в советской и современной культуре России делался и делается на детскую аудиторию, при высокой роли государственного участия. Ребенок, будучи в терминологии Дж. Локка «чистой доской», легче всего поддается воздействию извне. Ему относительно быстро и легко прививается не только идентичность, но и картина мира, ценностные ориентации, культурные установки и стереотипы поведения.

В настоящее время одна из основных ролей в данном процессе отводится целому арсеналу средств визуального воздействия. Сюда можно отнести телевидение, Интернет, печатную продукцию и другие коммуникации. Визуальное наиболее эффективно влияет на ребенка, поскольку визуальные образы занимают в современном мире первоочередные позиции. Они окружают человека с самого рождения, влияя на его формирование как личности и носителя определенной культуры.

Перед тем как перейти к анализу технологий визуального привития идентичности в культуре детства указанного периода, необходимо остановиться на проблеме подбора источников, позволяющих отслеживать и соотносить отмеченные процессы на том или ином этапе развития детской культуры. Визуальные формы коммуникации с течением времени преобразуются и усложняются, поочередно доминируя и оттеняя друг друга, появляясь и исчезая. В результате встает вопрос о том, насколько правомерно опираться на ту или иную форму коммуникации

в отслеживании формирования идентичности на уровне культуры детства, на том или ином этапе ее генезиса. Существуют формы визуальных коммуникаций, которые сохраняют высокую степень значимости на всех этапах рассматриваемого отрезка истории. К таковым относятся, с одной стороны, кино, анимация, плакаты, книжные иллюстрации, периодические издания и др. С другой – существуют коммуникации, доминанты которых носят краткосрочный или непостоянный характер. Среди них: Интернет, марки, открытки, принты, календари и др. Однозначно ответить на вопрос, какую группу источников необходимо предпочесть в отношении анализа заявленной проблемы, достаточно трудно. В данной статье представляется уместным опереться на обе группы источников, с учетом специфики их постоянства или изменчивости.

Советская культурная идентичность имела ярко выраженную идеологическую обусловленность и в своей основе содержала устойчивый перечень ценностей и качеств человека – носителя коммунистических идей, готового защищать Родину, бескорыстно помогать братским народам, отстаивая идеалы справедливости, человека труда, стремящегося к всеобщему благу и равенству, а также многие другие качества.

Специфика визуальных технологий формирования идентичности в культуре СССР была выражена в том, что советский ребенок был окружен образами типичных и идеализированных представителей культуры советского и предыдущих периодов истории, служащих образцом для подражания. Порой данные идеализации достигали максимальной дистанции, породив целую серию образов, лишь отдаленно соответствующих реальным прототипам. Однако как указывают С. Н. Иконникова и И. В. Леонов, данного рода «преломления», выполняя функцию инструмента трансляции определенной формы идентичности, включая ее политико-идеологический аспект, формировали основу для воспитания подрастающего поколения в рамках общества, строящего коммунистическое будущее. Кроме того, «не стоит забывать о том, что большое число похожих биографий советских людей, искренне веривших в идеалы советского времени и совершавших во имя их достижения трудовые и военные подвиги, не являлись выдуманными и идеологически выправленными» [1, с. 166]. В любом случае образы идеализированных представителей культуры, включая взрослых и детей, имели высокую степень влияния на процесс привития идеалов, ценностей и образцов поведения советского ребенка.

Отмеченный потенциал эталонных образов и биографий человека используется во многих странах и в настоящее время, а «гуманитарные технологии» его применения, суть которых сводится к целенаправленному воздействию на сознание некоего человека, чтобы сориентировать его определенным, заранее спланированным образом [2, с. 26], должны изучаться и внедряться в интересах сохранения ценностных основ и гуманистической направленности культуры.

Кроме того, советского ребенка окружали образы представителей других культур, моральные качества которых во многих аспектах соответствовали требованиям, предъявляемых к человеку в рамках советского времени. Наконец, стоит упомянуть и о вымышленных персонажах, имевших воздействие на сознание советского ребенка.

Эталонные персонажи создавались посредством кино и телевидения, книжной и плакатной продукции. В частности, советская киноиндустрия была призвана транслировать данные образы, формируя в сознании общества необходимые установки. Ребенок в СССР впитывал образы культурной идентичности через такие фильмы, как: «Верные друзья» (1954), «Добровольцы» (1958), «Баллада о солдате» (1959), «Отец солдата» (1965), «Неуловимые мстители» (1967), «Новые приключения неуловимых» (1968), «Корона Российской империи, или снова неуловимые» (1971), «Офицеры» (1971) и др.

Особый эффект на формирование культурной идентичности на уровне детства имели эталонные или приближенные к ним детские образы – героев, пионеров, активистов, отличников, спортсменов и т. д. Важную роль в этом процессе в советский период истории играли фильмы: «Корешки Коммуны» (1931), «Личное дело» (1939), «Патриот» (1939), «Тимур и его команда» (1940), «Первоклассница» (1948), «Кортик» (1954), «Старик Хоттабыч» (1956), «Друзья-товарищи» (1959), «Меня зовут Кожа» (1963), «Тайна» (1963), «Сказка о Мальчише-Кибальчише» (1964), «Звонят, откройте дверь!» (1965), «Республика ШКИД» (1966), «Тайна железной двери» (1970), «Мальчики» (1971), «Бронзовая птица» (1974), «Есть у меня друг» (1974), «Мальчишки ехали на фронт» (1975) и т. д. Данные фильмы содержали образы настоящего советского ребенка с присущими для него качествами и идеологической направленностью. Особый акцент делался на верность своему слову, честность, отзывчивость, уважительное отношение к авторитетам, патриотизм, готовность прийти на помощь и др.

Огромную роль в процессе формирования советской идентичности на уровне культуры детства играла периодическая литература, журналы, газеты. В 1922 г. при ЦК ВЛКСМ создается кооперативное издание «Молодая гвардия», при котором получил вторую жизнь такой журнал,

как «Вокруг света» (1861), а также вышли в свет журналы «Молодой коммунист» (1918), «Мурзилка» (1924), «Сельская молодежь» (1924), «Веселые картинки» (1956), «Комсомольская жизнь» (1958), «Ровесник» (1962) и др. С 1923 по 1925 г. при газете «Петроградская правда» выходил ежемесячный журнал для детей «Новый Робинзон». Большую популярность имели детские журналы, выпускаемые с середины 1920- х гг. Детским отделом Ленгиза «ЕЖ» и «ЧИЖ». С 1936 г. стал выпускаться ежемесячный литературно-художественный журнал для школьников «Костер». С 1968 по 1992 г. выходил советский и российский литературно-музыкальный детский журнал «Колобок».

Детская периодическая литература была носителем и эффективным транслятором основных ценностей и идеологических оснований советского периода. Вот, например, четверостишие, размещенное на титульном листе детского юмористического журнала «Веселые картинки» за февраль 1981 г.: «Сегодня съезду партии сказать мы можем смело: за маленькими партами растет большая смена!». На титульном листе журнала «Мурзилка» за 1980 г. размещен портрет В. И. Ленина в окружении детей, держащих флаг с надписью: «Ленин с нами!».

Важную роль в формировании советской идентичности на уровне культуры детства играли плакаты, книжные иллюстрации, открытки. Плакаты занимали особую нишу в визуальном опыте советского ребенка, отображая элементы культурного пространства СССР. Плакаты для детей и подростков, как правило, размещались в детских садах, школах, училищах, институтах, в пионерских лагерях. Они носили идеолого-воспитательный характер, прививали общечеловеческие ценности: «Научитесь ребятишки не трепать, не портить книжки», «Школьники! Домашние задания выполняйте самостоятельно!», «Пионер! Учись сражаться за дело рабочего класса», «Учись все делать сам!», «Не обижай малыша!», «Если книг читать не будешь, скоро грамоту забудешь», «Будь достойным сыном Родины!», «Все умеем делать сами, помогаем нашей маме», «Учись и работай! Работай и учись!», «Будь чист, опрятен пионер. Показывай во всем пример!», «Готовься к жизни трудовой – учись, изобретай и строй!». Марки, так же как и плакаты, носили информационно-пропагандистский характер: «Пионер предан родине, партии, коммунизму», «Учеба – главный труд пионера». Отмеченный «визуальный арсенал» был очень эффективным и активно применялся на протяжении всей истории Советского Союза.

Были еще и антигерои, и ребенок точно понимал, что они плохие, так как они выступали антиподами типичных советских персонажей. Их образы тоже нашли свое отражение в кинематографе, плакатной и иллюстративной продукции. Например: Мальчиш-Плохиш, персонажи бандитов из кинофильма «Место встречи изменить нельзя», полковник Кудасов из серии фильмов о «Неуловимых мстителях», образы полицаев и предателей Родины в фильмах о войне и др. Так же к антигероям можно отнести тунеядцев, пьяниц, хулиганов, чей образ жизни активно осуждался и порицался в обществе. В данном случае можно вспомнить Великого Нехочуху из мультфильма «Нехочуха» и многих других персонажей. В антипропаганде алкоголизма, курения и тунеядства особую роль играла плакатная продукция: «Из рабочей гущи выгоним пьющих», «Кто умен, а кто дурак! Один за книгу, другой в кабак», «Долой пьяниц! Заявим громко – от пьяниц только хулиганство и поломка», «Брось курить!», «Физическая культура и курение – несовместимы», «Тунеядец – всему коллективу обуза, избавляться пора от подобного груза!», «Тунеядцы – наши враги. Хлеб трудовой от них береги!», «Это лентяй, дармоед, паразит. Пусть гнев народа его поразит!».

После распада СССР коренным трансформациям подверглась и присущая данному типу культуры идентичность. В постсоветский период произошло размывание и дробление культурной идентичности с утратой ее общепринятых репрезентаций. В этот период возник целый спектр идентичностей, включая ее советскую форму, элементы которой сохраняются и в наше время. Особую притягательность на данном этапе получила идентичность, ориентированная на западноевропейский тип культуры, с присущей системой ценностей и личностных качеств. Данная тенденция нашла свое выражение, например, в мультипликационной короткометражке 1991 г. «Мистер Пронька», по сюжету которой в Россию прибывает очень состоятельный американец со своими друзьями-партнерами, имеющий правительственное задание. Задание состоит в том, чтобы «обратить в американскую веру» русских людей. С первых же кадров мы слышим голос рассказчика, приглашающего зрителя к просмотру: «За медный пятак покажу все этак и так, у кого валюта есть, тому особый показ и честь». Далее следует: «За морем-океаном жили братаны-американы». Данная фраза показывает нам, что Америка больше не рассматривается как страна-агрессор, а напротив, выступает как союзник, как пример для подражания. Эта же направленность на культуру Запада просматривается в выпусках «Ералаша» 1990-х гг., в которых активно поднимается тема денег, а главные герои носят импортную одежду, курят, целуются за доллары,

читают журнал «VOGUE», используют косметику «Cristian Dior», притворяются попрошайками-африканцами, выпрашивающими американскую валюту. Озвученные темы можно увидеть в таких выпусках Ералаша, как «Дуэль» (1992), «Шел отряд по берегу» (1992), «Перекресток» (1992), «Дай закурить» (1992), «Маша+Саша=?» (1993), «Крутая тусовка» (1993), «Связанные одной цепью» (1993), «Прости, Жмуриков» (1993), «Жил был художник один» (1994), «Черное и белое» (1994), «Соринка» (1996) и др.

В это же время на фоне снижения возрастного порога детской культуры в кино- и мультфильмах нашли свое отражение и другие направления поисков ценностно-смысловых и мировоззренческих ориентиров общества. Так, например, в 1992 г. вышел в свет короткометражный мультфильм «Сон смешного человека» по одноименному фантастическому рассказу Ф. М. Достоевского, в котором поднимаются вопросы добра и зла, совести, поиска человеком Бога. Так же в 1992 г. был снят мультипликационный фильм «Я вас слышу» по мотивам сказки американского писателя Доктора Сьюза. Этот мультфильм про слона, который размышлял о личности, верил в добро и отзывался на стоны нуждающихся, пытаясь защитить их от дождя и ветра. Примечательно, что прототипом доброго слона Хортона режиссер решил сделать академика А. Д. Сахарова. Действие сказки разворачивается в джунглях, где то и дело аллегорично мелькают вещи из советского быта: марки, удочка, фотоаппарат, авоськи с продуктами, веревки с постиранным бельем. Отражая духовную растерянность общества, данные работы поднимают недетские вопросы об истинных ценностях, о смысле жизни и о поиске человеком самого себя, при этом не давая на них четких ответов.

На фоне общего снижения ценностного подтекста визуальной продукции, направленной на культуру детства, в ней нашли отражение некоторые мировоззренческие и смысловые установки, не имевшие всеобщего распространения, но пытавшиеся заполнить образовавшийся «идейный вакуум». Так, стали проявляться формы идентичности, ориентированные на архаическое прошлое [3], появились идентичности, направленные на этно-традиционную составляющую, стали возникать идентичности, соотносимые с локальными периодами отечественной и мировой истории, а также идентичности, связанные с религиозной компонентой. Все эти идентичности в разной степени находили воплощения и на визуальном уровне и, безусловно, отражались не только на взрослом, но и на детском самовосприятии. В результате этого многообразия общество лишилось четкой культурной самоидентификации, пребывая в «мозаике идентичностей» переходного периода.

Современный период, который С. Н. Иконникова и И. В. Леонов трактуют как ситуацию исчерпания переходных процессов и начало стабилизации отечественной культуры [4, с. 9], характеризуется качественными архитектоническими сдвигами в изучаемой сфере, в частности, в оформлении новой культурной идентичности, отражаемой и на уровне культуры детства.

При сохранении многообразия различных форм культурной идентичности, в России обозначился центральный вектор формирования общей культурной самоидентификации. Данный вектор можно охарактеризовать как синтез наиболее устойчивых смыслов и ценностей, характерных и для всех этапов развития культуры России, и для ее отдельных периодов. Многие ценности, смыслы и образы, свойственные для носителя отечественной культуры, происходят из фольклорной среды, другие носят ярко выраженный религиозный характер, некоторые связаны с имперским и советским прошлым, с особенностями и исторической миссией российской цивилизации. Характерно, что отмеченный спектр, как указывает И. В. Кондаков [5], состоит преимущественно из компонентов, отражающих различные аспекты прошлого, включая соответствующие формы идентичности. Тем не менее, процессы трансформации идентичности продолжаются, так или иначе содействуя образованию и развитию ее стержневых структур.

В современной сфере детства наиболее показательными примерами визуальной продукции, направленной на формирование культурной идентичности, являются мультфильмы, герои которых отражают черты национального российского менталитета, гендера и характера: «Маша и Медведь» (2009), «Иван Царевич и Серый волк» (2011), «Три богатыря на дальних берегах» (2012), «Снежная королева» (2012), «Снежная королева 2: перезаморозка» (2014), «Три богатыря: ход конем» (2015), «Крепость: щитом и мечом» (2015), «Снежная королева 3. Огонь и лед» (2016), «Смешарики. Легенда о золотом драконе» (2016), «Три богатыря и морской царь» (2016), «Три богатыря и принцесса Египта» (2017), «Сказ о Петре и Февронии» (2017), «Принцесса и дракон» (2018), «Садко» (2018), «Знаешь, мама, где я был?» (2018) и др. При этом необходимо указать на то, что во многих современных проектах визуальное соответствие традиционным образам культуры не всегда достигает успеха в реализации технологий формирования национальной идентичности. Нередко более успешными становятся мультфильмы и фильмы, в которых акцент делается не столько на внешнем соответствии того или

иного образа природе ретранслируемой культуры, сколько на внутренних, ментальных характеристиках персонажей как носителей определенной культурной традиции. В первую очередь, здесь можно выделить такие фильмы, сериалы и мультфильмы, как «Кадетство» (2006–2007), «Смешарики» (с 2004), «Последний богатырь» (2017) и некоторые другие. В данных работах авторам удалось передать многие особенности характера и менталитета главных героев в соответствии с ключевыми аспектами отечественной культурной идентичности, не прибегая к порой излишнему акценту на сугубо внешние маркеры культуры.

В настоящее время при формировании общекультурной идентичности возвращаются многие «тексты» при помощи которых она формировалась в советское время. Так, помимо новых фильмов и анимации, интерес представляет возврат на экраны советского кино и мультипликации, с соответствующими эталонами культурной идентичности. При этом следует отметить, что все чаще советское обретает новое звучание в современной переработке и интерпретациях. В данном случае необходимо указать на явный рост показов продукции советского производства на телевидении, а также на феномен ремейков советских «текстов», например, «Королева бензоколонки 2» (2004), «Розыгрыш» (2008), «Веселые ребята» (2014), «Белые Росы. Возвращение» (2014), «А зори здесь тихие» (2015), из детского – «Ну, погоди!» (2005), «Новые приключения кота Леопольда» (2015), «Новое Простоквашино» (2018) и др.

В заключение необходимо обратить внимание на то, что в настоящее время в изучаемой сфере наблюдается образование «защитного пояса» культуры детства, одной из особенностей которого является формирование цензa в сфере идентичности, призванного остановить ее «размывание» [6]. На современном этапе стало очевидным, что на уровне культуры детства необходимо корректировать и «фильтровать» продукцию, с которой соприкасается ребенок, тем самым направляя процесс формирования детской культурной идентичности в нужное русло. Это особенно важно в современном информационном мире, поскольку неконтролируемые информационные потоки способны нанести вред молодому подрастающему поколению, предлагая виртуальный суррогат реальности взамен настоящей жизни, с соответствующими суррогатными формами идентичности. Понимание механизмов формирования идентичности, а также экспертиза и дозирование продукции в данной сфере позволяют вполне эффективно реализовывать задачи привития и коррекции детского мировоззрения, ценностно-смысловых установок и идентичности [7]. В контексте данной проблематики особую роль может сыграть культурология, обладающая соответствующим экспертным и аналитическим потенциалом,

Список литературы

1. Иконникова С. Н., Леонов И. В. Основные модели и «когнитивные ловушки» биографических исследований // Человек. Культура Образование. 2018. №4 (30). С. 164–174.

2. Тхагапсоев Х. Г., Мосолова Л. М., Леонов И. В., Соловьева В. Л. Идентичность как навигатор сознания: монография. Санкт-Петербург: Астерион, 2016. 170 с.

3. Ламажаа Ч. К. Архаизация общества в период социальных трансформаций // Знание. Понимание. Умение. 2011. № 3. С. 35–42.

4. Иконникова С. Н., Леонов И. В. Российская культурология в новой парадигме модернизации // Вестн. С.-Петерб. гос. ин-та культуры. 2018. № 4 (37). С. 6–10.

5. Кондаков И.В. Цивилизационный дрейф постсоветской России // Альманах Научно-образовательного культурологического общества России «Мир культуры и культурология». Санкт-Петербург: Центр гуманитар. инициатив, 2016. Вып. 5. С. 144–158.

6. Иконникова С. Н. «Защитный пояс» культуры и стратегии отношения к детству // Вестн. С.-Петерб. гос. ин-та культуры. 2018. № 4 (37). С. 56–59.

7. Иконникова С. Н., Леонов И. В. Основные векторы самоотождествлений в формировании культурной идентичности // Вестн. С.-Петерб. гос. ин-та культуры. 2019. № 2 (39). С. 6–10.

References

1. Ikonnikova S. N., Leonov I. V. Basic models and «cognitive traps» of biographical research. Man. Culture. Education. 2018. 4 (30), 164–174 (in Russ.).

2. Thagapsoev K. G., Mosolova L. M., Leonov I. V., Solovyova V. L. Identity as a navigator of consciousness: a monograph. Saint-Petersburg: Asterion, 2016. 170 (in Russ.).

3. Lamazhaa C. K. Archaization of society in the period of social transformations. Knowledge. Understanding. Skill. 2011. 3, 35–42 (in Russ.).

4. Ikonnikova S. N., Leonov I. V. Russian cultural studies in the modernization paradigm. Bul. of the Saint-Petersburg State Univ. of Culture. 2018. 4 (37), 6–10 (in Russ.).

5. Kondakov I. V. Civilization drift in Post-Soviet Russia. Almanac of the Scienc. and Educational Cultural Society of Russia «World Culture and Cultural Studies». Saint-Petersburg: Center for humanitarian initiatives, 2016. 5, 144–158 (in Russ.).

6. Ikonnikova S. N. «Protective belt» of culture and strategy of attitude to childhood. Bul. of the Saint-Petersburg State Univ. of Culture. 2018. 4 (37), 56–59 (in Russ.).

7. Ikonnikova S. N., Leonov I. V. The main vectors of self-identification in the formation of cultural identity. Bul. of the Saint-Petersburg State Univ. of Culture. 2019. 2 (39), 6–10 (in Russ.).

УДК 130.2:7(=531)

О. В. Лазарева

Генезис и типология корейских визуальных практик

Для понимания корейской культуры особое значение имеет интерпретация ее визуальных образов. Ведь именно посредством них находят свое воплощение ценностные смыслы данной культуры, а значит, открывается путь к пониманию ее специфики. Визуальные образы обладают коммуникативной природой, согласно которой образ рождается в процессе его интерпретации через призму культурных ценностей и смыслов. Статья посвящена установлению специфики «корейского взгляда» посредством обращения к истории развития визуальных практик. Методологические основания исследования включают прочтение визуального в рамках традиции visual studies и аксиологический ракурс культурологии. Выделяются четыре типа корейских визуальных практик, в рамках каждого из которых создание и интерпретация визуальных образов происходит характерным способом ввиду исторической трансформации ценностных смыслов. Осуществление реконструкции истории видения позволило установить целостность и непрерывность корейской визуальной культуры.

Ключевые слова: визуальные исследования, визуальные практики, ценностные смыслы, Республика Корея, корейская культура, визуальный образ

Ol'ga V. Lazareva

Genesis and typology of Korean visual practices

For understanding Korean culture, the interpretation of its visual images is of particular importance. After all, it is through them that the value meanings of a given culture are embodied, and this means that a way is open for understanding its specificity. Visual images have a communicative nature, according to which an image is born in the process of its interpretation through the prism of cultural values and meanings.The article is devoted to establishing the specifics of the "Korean view" by referring to the history of the development of visual practices. Visual studies and the axiological perspective of cultural studies are the methodological foundations of this study of Korean visual culture. Four types of Korean visual practices were identified, based on the historical reconstruction of the vision. Each type of visual practice involves the visual communication specifics in accordance with values. The results showed a historical difference in the motivation for creating and interpreting Korean images. Reconstruction of the history of vision allowed to establish the integrity and continuity of Korean visual culture.

Keywords: visual studies, visual practices, the value senses, the Republic of Korea, korean culture, visual image
DOI 10.30725/2619-0303-2019-4-57-62

Для понимания корейской культуры особое значение имеет интерпретация ее визуальных образов. Ведь именно посредством них находят свое воплощение ценностные смыслы данной культуры, а значит, открывается путь к пониманию ее специфики.

Визуальные образы обладают коммуникативной природой, согласно которой образ рождается в процессе его интерпретации через призму культурных ценностей и смыслов [1, с. 11]. Спецификой визуальных образов является то, что они не столько связаны с реальностью, сколько с нашими представлениями о ней, явленными сознанию, поэтому методология визуальных исследований [2] предполагает перенос акцента с непосредственного знака на процесс видения [3, с. 224], который заключает ответ на вопросы: почему мы видим? Что мы видим? Что мы ожидаем увидеть? Ответы на данные вопросы лежат в поле визуальных практик, выступающих фоном и включающих контекст создания, распространения и потребления визуальных образов.

Существует множество способов осуществления визуальных практик, поэтому перспективным представляется опыт их упорядочивания. В рамках культурологии типологизация визуальных практик возможна посредством соотношения с ценностными смыслами культуры, определяющими специфичный внутри культурный опыт и интерпретацию образов. Понятие «ценностные смыслы» [4, с. 13] выражает систему ценностей определенной пространственно-временной группы, на повседневное существование которой указанные смыслы оказывают решающее влияние.

Предлагается выделить несколько типов корейских визуальных практик, в рамках каждого из которых создание и интерпретация визуальных образов происходят характерным способом ввиду исторической трансформации ценностных смыслов.

Первый тип корейских визуальных практик реализовывается в среде, находящейся внутри ритуальной традиции, и ориентируется на веками развивающиеся представления о сакральном. Визуальные образы указывают на целостность мира и основные принципы его существования, а также предустановленное место человека в нем. В качестве воспринимающей стороны выступают как человек, которому делается наказа или объясняются основные законы мироздания, так и сверхъестественные силы – многочисленные духи, населяющие мир.

Исследование корейских визуальных образов возможно с точки зрения места территории в мировой иерархии, где кроме человека действуют сверхъестественные силы. Это самый глубокий пласт самосознания, связанный с фундаментальными для культуры мифологическими, религиозными и философскими системами. В своем самом первом варианте он осуществлялся в рамках шаманской церемонии, когда в качестве предполагаемого интерпретатора визуальных образов выступали сверхъестественные силы, к которым обращались с целью умилостивить или попросить о чем-либо. Позже, с приходом буддизма, визуальные артефакты сделались преднамеренно доступными для человеческого взгляда и рассчитанными на произведение необходимого эффекта встречи со сверхъестественным [5, с. 191].

Одновременно с оформлением государственности и возрастанием роли конфуцианства визуальную презентацию стали осуществлять казенные мастера – ремесленники, работавшие в государственных мастерских. Впоследствии закрепляется государственный контроль над визуальным производством, так как необходимые в повседневном обиходе предметы различаются в зависимости от социального статуса и степени знатности человека [6, с. 53–62], тем самым осуществляется манифестация предустановленного общественного порядка. Усиление аристократии актуализировало масштабное создание визуальных артефактов, которые распространяли бы идею государственной власти и покровительства ей сверхъестественными силами. В визуальной коммуникации возрастает роль человеческого взгляда, с чем можно связать повышение декоративности артефактов.

В период государства Чосон (1392–1897) это тип визуальных практик дифференцировался, что отражало оформившийся к этому времени сложный комплекс представлений о мироустройстве. В академической живописи [5, с. 212] Чосон предстает как сильное конфуцианское государство. Например, через портреты ванов, призванные указывать на их благородные качества [7, с. 164–165]; пейзажи, визуализирующие проявление «ли» и иерархичность мира в духе конфуцианской традиции [8]; значимые события и церемонии, осуществляющие своеобразную живописную летопись. Художники являлись выразителями официальной конфуцианской идеологии и осуществляли государственные заказы, что определяло каноничность жанров и форм. При этом сохраняется значительная роль казенных ремесленников [9], однако с XVII в. появляется все больше частных мастерских. Открытый рынок лишил визуальные артефакты возможности осуществлять стратификацию традиционного конфуцианского общества и перенес фокус внимания на повышение техники исполнения для успешной конкуренции.

В этот период получило распространение индивидуальное творчество, представляющее собой художественную медитацию – живопись ученых-литераторов (мунинхва) [10]. Обладающие большей свободой творчества, эти художники впервые обратились к реальной природе Корейского полуострова, выражая эмоциональные переживания от созерцания родного ландшафта.

Наконец, продолжают существовать визуальные практики, обращавшиеся к богатому корейскому фольклору и отражающие настроения и переживания народа – минхва [11]. Народная живопись имела практическую магическую направленность, создавалась для украшения дома или в рамках важных событий, что указывает на сохранявшуюся ритуальную природу визуальных практик.

Сегодня визуальные практики данного типа являются мощным источником культурной идентификации, который хранит древние образы мира.

Второй тип корейских визуальных практик связан с развитием искусства как «fineart»с начала XX в. Понятие искусства в его европейском понимании – «мисуль» [12] – появилось в Корее в конце XIX в. и указывало на отход визуальных практик от исключительно ритуального содержания.

Создателем визуальных артефактов по преимуществу является индивидуальный художник, обладающий способностью к критическому осмыслению реальности. Визуальные артефакты представляют личный взгляд художника на кризисное явление, сосредоточены на вскрытии

и манифестации существующих социальных, политических, культурных противоречий. Таким же личным взглядом обладает и предполагаемый зритель, подготовленный к встрече с артефактом и способный распознать концепцию автора. Для участия в визуальных практиках и развития карьеры, художнику необходимо быть тесно связанным с институциями (музеями, галереями, независимыми выставочными пространствами и т. д.), оставаться в русле актуальных тем, а также учитывать общемировые художественные тренды. Корейские визуальные образы в рамках данного типа находятся в зависимости от актуальной социокультурной ситуации и выступают индикатором общественного настроения. Темы менялись на протяжении десятилетий, однако доминирующим оставался поиск корейской национальной специфики. Короче на протяжении полувека находится перед сложным выбором между сохранением своей идентичности и интеграцией в глобальный мир.

Если обратиться к истории, то развитие этого типа связано со сменой актуальных проблем, решением или комментированием которых занимается художник. Если ранее речь шла об обнаружении законов и поднятии «вечных вопросов», то теперь идет непосредственная зависимость от социальной ситуации.

Колониальная политика Японии в XX в. актуализировала альтернативные способы визуальных практик, отображение духа времени в которых являлось гораздо более актуальным и адекватным, нежели поддерживание традиций через многократное повторение. Трансформируется процесс создания визуальных артефактов, который лишается тесной связи с двором, мастера получают относительную идеологическую автономию. Формируется система художественного образования, которая оборвала многовековую традицию личной передачи знания от наставника к ученику, появляются профессиональные учреждения, теоретики искусства, создаются неофициальные художественные сообщества [13, с. 101].

Корейское актуальное искусство второй половины XX века ориентировано на преодоление кризиса между традиционной и современной Кореей, обнаруживает в качестве выхода обращение к национальной специфике, которая была бы квинтэссенцией корейского способа жизни и мироощущения. «Национальное», являясь элементом дискурса системы модерн, стало новой темой для корейских визуальных практик и определило их ориентацию на ближайшие десятилетия [14, с. 186–249].

Начало 1990-х гг. стало периодом обогащения опытом западных художников и тенденциями постмодерна. Этот период получил название «поколение без направления» [15, p. 437], так как установилось демократическое творческое многоголосье. На современном этапе корейское актуальное искусство сформировало ряд отличительных характеристик, поэтому с окончанием оживленного обсуждения сути «корейского», оно осталось в качестве основополагающих ориентиров при создании произведений, их внутренним стержнем [16, с. 49–50].

Третий тип корейских визуальных практик включает деятельность разнообразных культурных индустрий, зарождение которых также совпадает с кардинальными перестройками начала XX в. Этот тип отвечает потребности в новых способах конструирования коллективной идентичности, которая бы ориентировалась на перемены и обновленные способы понимания себя, из своего места в мире. В качестве создателя визуального продукта выступает уже не один человек, а целая команда профессионалов, дифференцированных по роду деятельности. Кроме непосредственного создания визуальных артефактов, необходимо было обеспечить коммуникацию с массовым зрителем, поэтому вопросы дистрибуции оказываются определяющими для всей структуры производства. Восприятие образов определяется их развлекательным характером, при этом они способны оказывать влияние на столь значительные категории жизни человека, как мировоззрение, стиль жизни и практики потребления, формируя соответствующее сообщество. На протяжении всей истории культурные индустрии в тесной связи с государственной политикой.

Потому визуальные образы в рамках культурных индустрий связаны с общепринятыми ценностями и практиками, совокупность которых представляется как отличительная характеристика данного общества.

Если обратиться в качестве примера к истории корейской киноиндустрии, то обнаруживается история регулирования, определявшая содержание и процесс производства, содержание образов. До освобождения Кореи от колониальной власти возможно говорить о корейской киноиндустрии как о дополнительном рынке по отношению к японской [17]. В этот период доминирует японский капитал, в целом киноиндустрия была ориентирована на получение прибыли, а также на легитимизацию японской власти.

Освобождение страны от японской колониальной политики позволило развиваться собственно корейской киноиндустрии. Впервые стало возможным создавать действительно национальное кино, которое было сосредоточено на актуальных для корейского общества

темах. С 1950-х до середины 1980-х гг. оформляется первый вариант корейской киноиндустрии. В указанный период государство играло решающую роль в регулировании кинопроизводства [18, p. 18], поддерживая местного производителя сложной системой квот. Одновременно с подобной поддержкой процесс создания кино был ограничен существовавшей цензурой и необходимостью продвижения государственных идей. Приобретает очертания будущая аудитория киноиндустрии, сосредоточенная в городах, обладающая свободным временем для проведения досуга и стремящаяся преодолеть внутренний кризис после разрыва с традиционной культурой прошлого. Создание кино отдаляется от искусства в и приближается к промышленности, активно заимствуются приемы производства американских фильмов, и используется иностранное оборудование, увеличивается число сотрудников кинокомпаний.

В середине 1980-х гг. был принят ряд законов, изменивший уровень государственного участия с полного контроля до невмешательства в дела кинематографии, а также приведший к трансформации системы киноиндустрии. В частности, была отменена монопольная система, открыт кинорынок для иностранных участников, и разрешено независимое кинопроизводство.

В 1990-х гг. в киноиндустрию пришел крупный бизнес – чеболи [19, с. 16–23], преимущественно занимавшийся производством видеотехники и заинтересованный в масштабном выпуске нового культурного продукта. Крупный бизнес принес с собой собственные законы, сделав производство фильмов действительно промышленным процессом. Так активно использовались маркетинговые приемы, которые устанавливали запросы целевой аудитории и корректировали конечный культурный продукт. Период чеболей подготовил условия для дальнейшего развития киноиндустрии: были сконцентрированы творческие силы, опробованы маркетинговые приемы, стали известными новые имена. В системе киноиндустрии в 2000-х гг. крупные корпорации сменили венчурные капиталисты и инвестиционные фирмы, что позволило киноиндустрии быть более гибкой и отзывчивой.

Четвертый тип корейских визуальных практик реализуется в интернет-пространстве на платформах многочисленных социальных сетей. Создателем визуального контента выступает каждый человек, обладающий доступом к Интернету и камерой на личном устройстве. Массовая и виртуальная аудитория также осуществляет визуальную коммуникацию через личные устройства, которые всегда находятся в доступе. Визуальный контент заключает в себе альтернативные способы самовыражения, высказывания точки зрения пользователя на актуальные события, формирование личного имиджа и выстраивание межличностных отношений. Тем самым представляются многообразие способов переживания действительности и полиморфность человеческой природы. Визуальные образы в корейской сети остаются зависимы от господствующих конфуцианских взглядов, хотя демонстрируют явно выраженное стремление к их преодолению. Визуальные образы Корея, существующие в рамках данного типа визуальных практик, имеют ярко выраженную индивидуальную оценку и восприятие. Их изучение возможно с точки зрения девиации, проявления особенностей отдельного человека, которые могут найти отражения в общих тенденциях.

История данного типа визуальных практик связан с освоением виртуального пространства и формированием интернет-сообществ, что предполагает создание пользователем визуального контента. Так, 1990-е гг. были отмечены интенсивным развитием информационного общества при всестороннем содействии государства, всего за одно десятилетие страна сделал рывок в построении единого информационного пространства. Происходило массовое подключение к Сети, в действие были введены скоростные оптоволоконные линии, был запущен бесплатный интернет-сервис, включая поисковую систему и услуги электронной почты для частного использования.

В 1999 г. был открыт первый публичный форум на платформе Daumn, а уже через несколько лет социальные сети (socialnetworkingsites (SNS)) заняли важное место в культуре повседневности. Появившийся термин «нетизен» (net-izens) демонстрировал новую форму гражданской принадлежности к Интернету. Специфика Интернета – автономность, массовость, доступность – определила актуальность виртуальных сообществ для корейского конфуцианского общества.

Однако особое значения в корейском Интернете имело распространение практики ведения блога. Возможность создать свою личную страницу в сети, которая стала бы продолжением личности и ее представлением в виртуальном мире, дало новые способы для самовыражения. Для наполнения многочисленных блогов и личных страниц создается персонализированный контент [20, p. 335–337], который позволяет поделиться повседневным опытом, а так же позиционировать себя. Больше всего визуального контента приходится на повседневные занятия,

затем по процентному соотношению следуют путешествия, отдых, хобби, еда, социальные отношения [21] и т. д. В то же время особенностью корейского языка интернет-культуры является существующий стресс при создании собственного контента, который вызван социальными ожиданиями[22].

В данной статье были предложены исследовательские ориентиры для дальнейшего изучения визуальных образов корейской культуры. Значительный период до начала XX в. визуальные практики реализовывались в рамках ритуальной традиции. XX век принес кардинальные перемены в обществе и изменение ключевых категории мировосприятия, что определило появление критико-ориентированного актуального искусства. В то же время, потребность в новых основаниях консолидации корейского общества и трансляции правил и законов функционирования демократического государства сделали культурные индустрии важнейшим фактором внутреннего развития. На рубеже XX–XXI вв. информатизация корейского общества привела к оформлению виртуального пространства, которое остается тесно связанным с пространством реальным и предлагает новые способы визуальной само презентации и самореализации.

Реконструкция особенностей корейской истории видения позволила обозначить связь ценностных смыслов и визуальных практик, посредством которых смыслы получают опредмечивание. Порождение и реализация ценностных смыслов в рамках визуальных практик связаны с общими преобразованиями в корейском обществе. Кардинальные перемены в представлениях о мире и связанных с ними ценностными смыслами вели к преобразованию структуры визуальной коммуникации, тем самым корейская визуальная культура во всем своем многообразии предстает как целостная и непрерывная традиция.

Список литературы

1. Бергер Дж. Искусство видеть. Санкт-Петербург: Клаудберри, 2012. 184 с.

2. Инишев И. Н. «Иконический поворот» в теориях культуры и общества // Логос. 2012. № 1(85). С. 184–211.

3. Баль М. Визуальный эссенциализм и объект визуальных исследований // Логос. 2012. № 1 (85). С. 212–249.

4. Большаков В. П. Ценности культуры и время (некоторые проблемы современной теории культуры). Великий Новгород: Новгород. гос. ун-т им. Ярослава Мудрого, 2002. 112 с.

5. Виноградова Н. А. Китай, Корея, Япония. Образ мира в искусстве. Москва: Прогресс-Традиция, 2010. 287 с.

6. Ким Бусик. Самгук саги: в 3 т. / изд. текста, пер., вступ. ст., коммент., прил. под общ. ред. М. Н. Пака и Л. Р. Концевича. Москва: Вост. лит., 2002. Т. 3: Разные описания. Биографии. 444 с.

7. Глухарева О. Н. Искусство Кореи с древнейших времен до конца XIX века. Москва: Искусство, 1982. 255 с.

8. Гутарева Ю. И. Художественно-эстетические традиции корейского классического пейзажа // Изв. Вост. ин-та. 2013. № 1 (21). С. 80–87.

9. Сиренко О. А. Положение ремесленников в эпоху правления династии Чосон в Корее (конец XIV–XV вв.) // Гуманитар. исслед. в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2013. №4 (24). С. 9–13.

10. Гутарева Ю. И. Корейская пейзажная живопись «ученых-литераторов» (мунинхва) // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2013. № 2 (27). С. 164–168.

11. Киреева Л. И. Декоративные иероглифы мунччадо в корейской культуре // Проблемы истории, филологии, культуры. 2007. № 18. С. 429–446.

12. Шмакова А. С. Социально-политические факторы развития искусства и процессы актуализации национальной идентичности в Корее начала XX века // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. 2014. Т. 13, вып. 4: Востоковедение. С. 126–132.

13. Шмакова А. С. Корейское искусство начала XX века (по материалам новейших исследований) // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. 2013. Т. 12, вып. 4: Востоковедение. С. 99–110.

14. Марков В. М. Искусство Республики Корея второй половины XX века. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2002. 336 с.

15. Ahn Soyeon. Korean contemporary art opens towards polyphonic voices as cultural criticism // Art and social change: contemporary art in Asia and the Pacific / ed. C. Turner. Canberra, ACT: Pandanus Books: Research School of Pacific and Asian Studies: the Australian Nat. Univ., 2005. P. 431–444.

16. Ким А., Ли Х. С., Хохлова Е., Черкашина Д. Корейское современное искусство: ориентирование на местности. Санкт-Петербург: Свое изд-во, 2016. 121 с.

17. Noh Kwang Woo. Formation of Korean Film Industry under Japanese Occupation // Asian Cinema. 2001. Vol. 12, № 2. P. 20–33.

18. Park Seung Hyun. Korean Cinema after Liberation: production, industry, and regulatory trends // Seoul searching: culture and identity in contemporary Korean cinema / ed. Frances Gateward. New York: State Univ. of New York Press, 2007. P. 15–36.

19. Doobo Shim. The Growth of Korean Cultural Industries and the Korean Wave // East Asia pop culture: analising the Korean wave / ed. Chua Beng Huat, Koichi Iwabuchi. Hong Kong: Hong Kong Univ. Press, 2008. P. 15–32.

20. Ok Hyeryoung. New Media Practices in Korea // Intern. j. of communication. 2011. Vol. 5. P. 320–348.

21. Lee Jung-Ah, Sung Yongjun. Hide-and-Seek: Narcissism and «Selfie»-Related Behavior // Cyberpsychology, behavior, and social networking. 2016. Vol. 19, № 5. P. 347–351.

22. Hjorth Larissa. Locating the online: creativity and user-created content in Seoul // Media Intern. Australia incorp. Culture and Policy. 2011. Vol. 141, № 1. P. 118–127.

References

1. Berger D. Ways of seeing. Saint-Petersburg: Klaudberri, 2012. 184 (in Russ.)

2. Inishev I. N. The «iconical turn» in theories of Culture and Society. Logos. 2012. 1 (85), 184–211 (in Russ.).

3. Bal M. Visual essentialism and the object of visual culture. Logos. 2012. 1 (85), 212–249 (in Russ.).

4. Bol'shakov V. P. Values of culture and time (some problems of the modern theory of culture). Velikiy Novgorod: Yaroslav-the-Wise Novgorod State Univ. Press, 2002. 112 (in Russ.).

5. Vinogradova N. A. China, Korea, Japan. The image of the world in art. Moscow: Progress Tradition publ., 2010. 287 (in Russ.).

6. Kim Busik; Pak M. N. (ed., comment., transl.); Kontsevich L. R. (ed., comment., transl.). Samguk sagi: in 3 vols. Moscow: Vost. lit., 2002. 3, 444 (in Russ.).

7. Gluhareva O. N. Art of Korea from ancient times to the end of the XIX century. Moscow: Iskusstvo, 1982. 255 (in Russ.).

8. Gutareva Yu. I. Art-aesthetic traditions of Korean classical landscape painting. Oriental inst. j. 2013. 1 (21), 80–87 (in Russ.).

9. Sirenko O. A. The status of the craftsmen during Joseon dynasty time in Korea (the end of the 14th 15th centuries). Humanitarian research in Eastern Siberia and the Far East. 2013. 4 (24), 9–13 (in Russ.).

10. Gutareva Yu. I. Korean landscape painting «literary scholars» (muninhwa). Society. Environment. Development (Terra Humana). 2013. 2 (27). 164–168 (in Russ.).

11. Kireeva L. I. Decorative munchchado hieroglyphs in Korean culture. Problems of history, philology, culture. 2007. 18, 429–446 (in Russ.).

12. Shmakova A. S. Sociopolitical factors in development of art and actualization of the national identity in Korea in the early XX century. Novosibirsk State Univ. Bull. 2014. 13 (4), 126–132 (in Russ.).

13. Shmakova A. S. Korean art of the early XX century (based on the latest research). Novosibirsk State Univ. Bull. 2013. 12 (4), 99–110 (in Russ.).

14. Markov V. M. Art of the Republic of Korea in the second half of the twentieth century. Vladivostok: Far Eastern Univ. publ. house, 2002. 336 (in Russ.).

15. Ahn Soyeon. Korean contemporary art opens towards polyphonic voices as cultural criticism. Art and social change: contemporary art in Asia and the Pacific / ed. C. Turner. Canberra, ACT: Pandanus Books: Research School of Pacific and Asian Studies: the Australian Nat. Univ., 2005. 431–444.

16. Kim A., Lee Kh. S., Khokhlova E., Cherkashina D. Korean contemporary art: orienteering to the Terrain. Saint Petersburg: Svoye izdatel'stvo, 2016. 121 (in Russ.).

17. Noh Kwang Woo. Formation of Korean film idustry under Japanese occupation. Asian Cinema. 2001. 12 (2), 20–33.

18. Park Seung Hyun. Korean cinema after liberation: production, industry, and regulatory trends. Seoul searching: culture and identity in contemporary Korean cinema / ed. Frances Gateward. New York: State Univ. of New York Press, 2007. 15–36.

19. Doobo Shim. The growth of Korean cultural industries and the Korean wave. East Asia pop culture: analising the Korean wave / ed. Chua Beng Huat, Koichi Iwabuchi. Hong Kong: Hong Kong Univ. Press, 2008. 15–32.

20. Ok Hyeryoung. New media practices in Korea. Intern. J. of communication. 2011. 5, 320–348.

21. Lee Jung-Ah, Sung Yongjun. Hide-and-Seek: Narcissism and «Selfie»-Related Behavior. Cyberpsychology, behavior, and social networking. 2016. 19 (5), 347–351.

22. Hjorth Larissa. Locating the online: creativity and user-created content in Seoul. Media Intern. Australia incorp. Culture and Policy. 2011. 141 (1), 118–127.

УДК 394.25:316.722

Викторино Леонардо

Карнавал в современной культуре

Концепция карнавала М. Бахтина часто встречается в явной форме в других культурных феноменах, не обязательно в карнавале. Для того чтобы это показать, надо иметь в виду термин «карнавализация». Дух карнавала сегодня можно встретить в различных сферах художественной культуры. Это могут быть кинофильмы, театральные постановки, оперы и т. п. В статье это показано на материале фильма «В – значит вендетта» (2006), и телесериала «Террор» (2018). В телесериале «Террор» используются элементы карнавализации. Реальная история экспедиции Королевского военно-морского флота Великобритании под руководством сэра Джона Франклина в 1845 г. на кораблях «Террор» и «Эребус», в которой погибли 128 человек, смешивается с вымышленными событиями. В сериале члены экипажа двух затертых льдами кораблей становятся жертвами мистического животного. Далее, понимая, что им не дождаться таяния льдов, капитан одного из судна решает покинуть судна в поисках нового пути. Перед этим он организовывает карнавал. Однако этот карнавал отличается от обычной карнавальной традиции. Здесь сжигают не чучело, а короля карнавала. После этого развиваются события, также связанные с карнавалом. В первую очередь это связано с каннибализмом. В этом также отражается характер карнавала. В фильме «В – значит вендетта» также показаны черты и символы карнавала. Символизм этого фильма повлиял на современную реальность и социальные феномены. Таким образом, современная культура содержит многообразные проявления символов карнавала.

Ключевые слова: карнавал, символ, маска, каннибализм, современная культура, кинофильм, телесериал

Viktorino Leonardo

The carnival in modern culture

The concept of carnival M. Bakhtin is often found in apparent form in other cultural phenomena, not necessarily in the carnival. In order to show this, we need to bear in mind the term «carnival». The spirit of the carnival today can be found in various spheres of artistic culture. These can be movies, theatrical productions, operas, etc. In the article, this is shown on the material of the film «V for Vendetta» (2006), and the television series «Terror» (2018). In the television series «Terror» elements of carnival are used. The real history of the expedition of the Royal Navy of Great Britain under the leadership of Sir John Franklin in 1845 on the ships «Terror» and «Erebus», in which 128 people were killed, is mixed with fictional events. In the series, the crew members of two ice-dried ships are victims of a mystical animal. Further, realizing that they do not wait for the melting of ice, the captain of one of the ship decides to leave the ship in search of a new way. Before that, he organizes a carnival. However, this carnival differs from the usual carnival tradition. Here they do not burn anyone, but the king of the carnival. After that, events develop, also related to the carnival. First of all, this is due to cannibalism. This also reflects the character of the carnival. In the film «V for Vendetta» also shows the features and symbols of the carnival. The symbolism of this film influenced modern reality and social phenomena. Thus, modern culture contains a variety of manifestations of carnival symbols.

Key words: carnival, symbol, mask, cannibalism, modern culture, film, television series
DOI 10.30725/2619-0303-2019-4-63-69

Концепция карнавала Бахтина вне пространства и времени, в которых определяется этот культурный феномен, часто встречается в явной форме в других культурных явлениях, не обязательно в карнавале, например, в песне или в контексте политических событий. Для того чтобы осознать это, необходимо понять термин «карнавализация», употребляемый Бахтиным. Это слово относится, прежде всего, к тому типу литературы, который в той или иной форме отражает дух карнавала по своей сути. В настоящее время термин «карнавализация» вышел за пределы области литературной критики и используется для различных отраслей знаний – таких, как социология, политика и, конечно, культурология. Дух карнавала востребован учеными разных дисциплин, его можно встретить в различных сферах культуры, таких как кино, телевидение, политика, рокфестивали, образование и др.

Существуют разнообразные кинематографические работы, которые используют тему карнавала и показывают особенности разнообразных карнавалов мира. Например,

фильм «Нищий из Кельнского собора» (1927) немецкого режиссера Рольфа Рандольфа включает в сюжет сцены Кельнского карнавала; фильм Феллини «Казанова» (1976) начинается с воссоздания карнавала в Венеции в эпоху этого знаменитого на весь мир авантюриста; в фильме «Карнавал в тропиках» (1942) мексиканский режиссер Карлос Вийяторо берет в качестве сценария самый важный мексиканский карнавал в Веракруз; фильм «Карнавал в былые времена» (1940) аргентинского режиссера Мануэля Ромеро сосредоточивает свое внимание на происхождении и развитии карнавалов в Аргентине.

Это примеры фильмов не очень современных нашей эпохе, но это образец того, как различные карнавалы, существующие по всему миру, послужили мотивом для воссоздания на большом экране. Для того чтобы подойти к теме карнавала в современном кино и телевидении, или, как ее называли некоторые, в эпоху постмодерна, проанализируем телесериал «Террор» (2018) и фильм «В – значит вендетта» (2006). Обе эти работы не представляют какой-либо карнавал мира в отдельности, но используют много символов и содержания, относящихся к карнавалу и его духу.

Чтобы объяснить, почему телесериал «Террор» использует элементы карнавализации, необходимо сначала ознакомиться с историей, которая рассказывается в этом проекте. Этот 10-серийный фильм является экранизацией романа Дэна Симмонза, который, в свою очередь, взял за основу реальную историю, относящуюся к XIX в., трагедию, унесшую жизни 128 человек.

Экспедиция под руководством капитана сэра Джона Франклина, известная как «Пропавшая экспедиция Франклина», отправилась в путешествие по исследованию Арктики от берегов Англии 19 мая 1845 г. Ее целью было пересечь и исследовать последний участок Северо-Западного Прохода, ранее не исследованный. Франклин и 128 членов экипажа погибли, сойдя с кораблей Королевского военно-морского флота Великобритании «Террор» и «Эребус», скованных льдами в проливе Виктория, неподалеку от острова Кинг-Вильям Канадского Арктического архипелага. И это путешествие оставалось окутанным тайной с того времени … по настоящий момент, когда новое расследование позволило проанализировать причины столь загадочного исчезновения и указало на некую болезнь, которую не рассматривали ранее.

В этом телесериале реальная история экспедиции смешивается с вымышленными событиями. В сериале мы видим, как члены экипажа двух затертых льдами кораблей становятся жертвами мистического животного, которое постепенно их уничтожает. Это необыкновенное существо, или, правильнее, чудовище, управляется с помощью обрядов эскимосов-шаманов. Главный шаман – тот, кто контролирует это чудовище, похожее на белого медведя с чертами волка, но без определенной морды. У него есть только огромная пасть, полная клыков. Его язык также состоит из крошечных клыков. Один из моряков по ошибке убивает этого шамана, из-за чего чудовище становится свободным, так как его больше некому контролировать. Так он начинает уничтожать участников экспедиции. Это чудовище хочет очистить от иноземных чужаков место, священное для эскимосов. Членам экипажа не остается ничего иного, кроме как прятаться на борту суден в ожидании смены времен года, что приведет к таянию льда, сковавшего корабли. Однако люди начинают погружаться в отчаяние, и продовольственные запасы заканчиваются. Члены экспедиции постепенно теряют здоровье и рассудок.

Один из капитанов, видя, что они не смогут дождаться таяния льдов, приказывает экипажу покинуть судна в поисках нового пути и эскимосов, которые смогут оказать им помощь и дать еду. Но прежде чем отправиться в путь, он решает организовать карнавал, чтобы люди смогли развлечься, восстановить энергию с помощью остатков еды и питья и набраться сил перед долгой дорогой, которая им предстоит. Моряки надевают разнообразные костюмы, многие переодеваются в женщин, другие – в персонажей, известных в ту эпоху. Устанавливают огромный шатер, в центре которого помещают одного из своих капитанов, очень больного, парализованного, в вегетативном состоянии. На него надевают корону и делают его королем карнавала. Элемент карнавала – король – очень удачно обыгрывается в этом эпизоде, поскольку обычно на таких праздниках король карнавала, или король Момо, как он зовется на различных карнавалах, – дурак или человек, известный в обществе своей экстравагантностью или глупостью. Таким образом, в данном телесериале этот символ карнавала используется правильно, и королем выбирается человек живой, но с полной потерей интеллектуальных способностей.

Один из моряков в состоянии помешательства и болезни приходит к выводу, что его миссией является спасение всех от страданий и болезней посредством огня: его задача – спа-

сти всех и спастись самому, предав огню всех живых. Этот человек закрывает все выходы из огромного разбитого шатра и поджигает его. Созданное подобие ярмарки загорается, некоторые погибают в огне, однако большинство спасается, поскольку кому-то удается вскрыть выход ножом.

Карнавал, празднуемый этой командой, выполняет общую для многих карнавалов функцию, он знаменует начало нового цикла, новой жизни. Так на следующий день после карнавала, долгая зимняя арктическая ночь заканчивается, и начинается весна…

Являясь традиционным в различных празднованиях этого типа, огонь означает кульминационную точку. Например, празднование колумбийского Карнавала Риосусио, главным персонажем которого является дьявол, заканчивается, когда сжигают огромную фигуру дьявола и она разлетается в воздух на тысячи кусочков благодаря помещенному внутрь нее пороху. В России аналог таких традиций и карнавала – масленица. На этом празднике также присутствует сжигание огромного соломенного чучела, и это тесно связано с переходом от зимы к весне.

В сериале «Террор» сжигают не фигуру из картона и не чучело, как на масленице, а короля карнавала и других членов экипажа. Сжигание живого человека – прямая отсылка к карнавальной традиции, таким образом, это можно считать еще одним символом этого праздника в данном телесериале.

Другой символ, который можно отметить в этом сериале, – то, что само слово «карнавал» раскрывает в себе свое значение. По своей этимологии оно означает «отказ от мяса». Как правило, на карнавалах, связанных с религиозным календарем, допускаются любые излишества как окончание подготовки к периоду поста. К подобным излишествам относятся чрезмерное потребление алкоголя, мясных блюд и плотские утехи. Так, например, согласно исследованию, проведенному в Колумбии, отмечается рост рождаемости в г. Барранкилья спустя девять месяцев после знаменитого карнавала. Этих детей принято называть детьми карнавала. Что касается символичности мяса в сериале «Террор», она принимает неожиданный и очень интересный оборот.

Первоначальная идея капитана заключалась в том, чтобы устроить карнавал для придания людям сил перед предстоящей тяжелой дорогой, без гарантии найти мясную провизию. Единственное, что у них оставалось, – это большие запасы консервированного супа и томатной пасты. Однако сжигание шатра и сожженный заживо король вызывают в памяти членов экспедиции запах жареного мяса. Этот карнавал не выполняет функцию подготовки людей к отказу от мяса, а наоборот, запах, исходящий от горящих тел их товарищей по экспедиции, возбуждает у них аппетит к мясу. Поскольку уже много месяцев они питались исключительно консервами и не видели ни куска мяса, услышав ароматы, исходящие от горящего человеческого тела, некоторые приходят к выводу, что запах жареной свинины не сильно отличается от запаха сжигаемого человека.

И эта психологическая реакция, вызванная в людях запахом человеческого жженого мяса, будет играть роль в борьбе за выживание. Таким образом, на следующий день после празднования, при свете солнца, которого долго не было, путешественники отправляются в путь в поисках помощи, еды и дороги. Однако они не могут долго идти из-за отсутствия сил. Один из них очень болен, врач предупреждает, что его ждет скорая мучительная смерть. Человек, командующий экспедицией, убивает больного, чтобы ускорить смерть и предотвратить мучения, и приказывает врачу расчленить труп и поделить съедобное мясо между оставшимися членами команды. Им не остается иного выбора, кроме каннибализма для продления жизни в ненадежных условиях существования, в которых они оказались.

Изображение горящего короля карнавала и желание есть мясо, возникающее у людей, являются знаком будущего каннибализма, ожидающего этих путешественников. Значение слова «карнавал» принимает нетрадиционный оборот по мере развития сюжета данного сериала. Поскольку люди не только не отказываются от мяса, как предполагает ритуал карнавала, но даже не могут удержаться от того, чтобы не съесть человеческое мясо, что запрещено большинством религий и общественных норм.

Эти образы могут раздражать зрителей сериала, тем не менее можно вспомнить, что даже в рамках телепроекта создатели применяют язык кинематографии, который схож с языком таких художественных областей, как изобразительное искусство или литература; т. е. язык символический, метафорический. Особенность этого языка заключается в художественной форме: мир, очевидно, реальный, и движение, показываемое в кадре, то, что мы видим на экране. И каждое изображение на экране – это символ, другими словами, что-то, представляющее важность, несущее информацию. Ю. Лотман объясняет своеобразие этого кинематографического языка в своей книге «Семиотика кино и про-

блемы киноэстетики» [1]. Он объясняет, что эти символы в кинематографическом плане имеют одновременно двойственное значение. Другими словами, они могут иметь значения, порой независимые друг от друга; во-первых, образы на экране воспроизводят объекты реального мира; а во-вторых, несут дополнительный и даже неожиданный символизм. Таким образом, например, возвращаясь снова к образу сжигаемого короля карнавала, мы видим на экране изображение реального объекта, в данном случае, реально сжигаемое живое существо. Это первое значение, которое можно воспринимать как буквальное; однако второе значение, – это то, что сжигаемое живое существо напоминает символ, встречающийся в определенных карнавальных традициях, когда в конце праздника сжигают или закапывают в землю короля или персонажа, представляющего карнавал.

Каннибализм, представленный в этой истории, – один из тех гротескных элементов, которые являются характеристиками карнавала и произведениями искусства, называемыми литературной критикой «карнавальными» на основании трудов Бахтина. Гротеск в этом сериале тесно связан с телом. В данном случае показано, насколько человек подчинен своим физиологическим потребностям, включая способность дойти до того, чтобы поедать человеческое мясо для удовлетворения своих первичных потребностей в еде. Эти гротескные образы испепеляемых тел, людей, пожирающих других, и людей, убивающих своих товарищей, составляют систему, которую можно определить как гротескное тело. Это концепция, созданная Бахтиным, которая рассматривается почти как литературный троп [2, с. 250].

И эта трагедия тела, как ее определяет Бахтин, явно видна в истории, рассказываемой в этом сериале. Это трагедия выживания, в которой не только один человек, но все участники экспедиции умирают, постепенно ослабевая, заболевая, агонизируя и уничтожаясь, до тех пор, пока не остается в живых один-единственный человек. В этом также отражается характер карнавала; поскольку мы не можем понять гротескное тело вне рамок понимания коллективного, общего. Поскольку, по определению Бахтина, смысл, придаваемый телесным потребностям и мирскому наслаждению, из-за их скоротечности, выражается особенно на карнавальной площади – месте стечения народа, в котором актер и зритель – представление и аудитория – сливаются воедино, стирая пространственные границы, таким образом, карнавал не наблюдают, а переживают и чувствуют.

Чтобы понять причину, почему фильм «В – значит вендетта» имеет черты, признаки и символы карнавала, необходимо раскрыть сюжет и темы, затрагиваемые в фильме. Ядерная война глобальных размеров разрушила бóльшую часть нашего мира. Только Соединенное Королевство осталось почти нетронутым. Оно управляется фашистской партией Norsefire, которая истребила большинство противников в концентрационных лагерях. На фоне этого В – революционер, скрывающий лицо под маской Гая Фоукса, начинает кампанию террористических актов для того, чтобы низвергнуть правительство и убедить людей взять власть в свои руки.

Это, в общем и целом, антиутопический контекст, в котором нам позиционируется данный фильм. Он в свою очередь, является экранизацией одноименного графического романа Алана Мура с иллюстрациями Дэвида Ллойда, опубликованного в 1982–1989 гг. Автор писал в стиле киносценария, но, увидев результат, решил, что его имя не будет упоминаться в титрах. Видимо, ему не понравилась обработка некоторых тем в этом фильме. Так, например, в его графическом романе герой В имеет политическую тенденцию, больше похожую на анархизм, тогда как в фильме этот персонаж защищает идеи либерализма.

Эти либеральные идеи, воплощаемые главным героем, ассоциируются, по мнению Бахтина, с различными характеристиками карнавала. Особенно, что касается мятежного и освободительного характера, присущего этому празднику. В конце фильма мы видим, что в дома ко всем жителям города доставили такие же маски Гая Фокса, какую носит В. Он предлагает им собраться вместе в определенный час и надеть маски для того, чтобы они проголосовали и увидели падение диктатуры. В результате здание Парламента разрушается бомбами, заложенными главным героем, и все горожане собираются на площади в масках и наблюдают зрелище взрыва. Финальной части этого фильма присущи заметные черты карнавализации: горожане, собравшиеся на площади, напоминают то, как собираются жители деревни на площади для празднования карнавала; и конечно, маска, неотъемлемый элемент карнавала, скрывает личность и позволяет всем освободиться от общественных иерархий, расовых, идеологических и классовых различий, и объединиться по-братски с общей целью низвергнуть тирана.

Бахтин определил свободу как закон, доминирующий на карнавале. И только в период этого праздника деревня может жить по этому

закону. Это закон, который также господствует в карнавальной финальной сцене этого фильма. Деревня, собравшаяся на площади, освобождается от пут тирана и выражает свое несогласие с помощью масок. Это не простая маска, скрывающая личность, это элемент освобождения. Маска являлась компонентом маскарадов и карнавалов и выполняет раскрепощающую роль, поскольку человек, используя ее, обладает способностью совершать поступки, которые обычно он бы не совершил из-за стыдливости или из-за того, что такие поступки социально неприемлемы. В маске люди превращаются в другого человека, которому позволено менять свое поведение и становиться анонимом: «Благодаря анонимности маски и костюма, маскарады способствовали поведению, являющимся табу в иных условиях… поощрялась вербальная интимность с незнакомыми и возник новый свободный язык жестов… Женщины… наравне с мужчинами могли инициировать вербальный или физический контакт с незнакомыми» [3].

В случае фильма «В – значит вендетта» уместно проанализировать тип маски: почему используется маска именно этого исторического персонажа (Гая Фоукса), а не кого-либо другого? Несомненно, эта ассоциация с конкретным именем и фамилией несет особое значение в случае персонажа, называющего себя посредством всего лишь одной буквы. Идея заключается в том, что личность В, и в особенности его идеологическую личность, необходимо искать в том, кем он стремится быть.

Считается, что Гай Фоукс родился в 1570 г. в Йорке. Его отец умер, когда мальчику было 8 лет, и его мать вслед за тем вышла замуж за католика. Некоторое время спустя Гай обратился в католичество, и, окончив учебу, отправился в континентальную Европу. Причиной его путешествия было участие в борьбе вместе с испанцами против голландских протестантов, в том, что позднее было названо Восьмидесятилетней войной. По окончании конфликта он отправился в Испанию с целью добиться поддержки для организации католического восстания в Англии, – предприятия, которому не суждено было иметь успех. Однако во время своего пребывания на континенте он познакомился с Томасом Винтуром, вместе с которым вернулся домой и которого представил Роберту Кейтсби. У Кейтсби был рискованный и дерзкий план: убить короля протестантов Якова I и посадить на престол его дочь Елизавету. Основным намерением было гораздо больше, чем сменить управление, оно заключалось в восстановлении католической монархии в Англии. План известен как «Пороховой заговор», поскольку задумывался взрыв Вестминстерского дворца, резиденции английского парламента.

Покушение, планировавшееся на 5 ноября 1605 г., было бы мощным ударом для администрации правительства Якова I. Однако анонимное письмо предупредило его об опасности, и Фоукс, охранявший склад пороха, оказался первым задержанным заговорщиком. В конце концов, через несколько дней заточения и мучительных пыток, он был приговорен к смертной казни за государственную измену, приговор исполнен 31 января 1606 г.

С тех пор в этот день в Великобритании отмечают провал «Порохового заговора». Изначально было решено в качестве празднования разжигать костры в разных местах Лондона. Вскоре традиция дополнилась сжиганием чучел, представляющих Гая Фоукса. Сегодня, четыре столетия спустя, дата 5 ноября превратилась в один из самых характерных празднеств Великобритании, и сжигание распространилось, в разных случаях, на чучела, представляющие другие персонажи, негативные по мнению публики.

Таким образом, при выборе маски герой В обращается к персонажу хорошо известному, но ненавидимому общественностью. Однако, что более значимо, он пробуждает в памяти вызов, бросаемый монархии, и далее, угрозу предусмотренной законом власти фашистов Norsefire. Это удачно дополняется декламацией героем В известного английского стихотворения, первые строки которого звучат так:

> «Запомните на века
> события пятого ноября.
> Порох, измена и сговор. Ведь нет причин
> забывать как мог бунт колыхать»
> (Уинтер Фоллс).

В превращает в угрозу существующему государственному устройству то, что веками, по мнению англичан, являлось символом силы и прочности монархии, и все это, не меняя ни единого слова стихов, и исходящее от персонажа – символа пути к мятежу. Успех этого опыта нового толкования проявляется не только в самом произведении, но и за его пределами, в своем культурном воздействии. До выхода графического романа слова «Запомните! Запомните!» вызывали в памяти непоколебимость, прочность монархии. Сегодня, напротив, они слышатся как претензия к властям.

Таково было культурное влияние маски в фильме «В – значит вендетта», что ее символизм вышел за пределы художественной речи и стал частью нашей современной реальности в социальных феноменах, таких как политические протесты на стороне активистов, или в виртуальном мире социальных сетей и Интернета. Таков случай Анонимуса, это имя, которое используют определенные группы и организации для осуществления протестных акций за свободу выражения, свободу Интернета и против разных организаций. Таким образом, например, хакеры Анонимуса атаковали правительственные агентства различных стран, таких как Израиль, США, Тунис или Уганда, точно так же, как и вебстраницы, принадлежащие Исламскому Государству, помимо сайтов с детской порнографией. Анонимус не имеет ни лидеров, ни кого-либо, кто его контролирует или управляет им. Он опирается на силу своих участников. С тех пор, как он стал Анонимусом, маска, которую носил персонаж В, превратилась в его символ. Ее целью является не только скрывать личности активистов, но и пробуждать в них осознание общего единства.

Выше речь шла о проявлении этой маски в виртуальном мире в социальных сетях, таких как Facebook или сайтах типа youtube. А в реальном мире организация Анонимус появилась в определенных социальных протестах – в таких, где их участники носили упомянутую маску Гая Фоукса. Одно из ее первых появлений было в 2005 г. на Уолл-стрит. Как комментирует историк Роберт Д. Зарецкий, это был один из тех моментов, когда мы можем видеть манифест гротеска в нашей современной жизни, за пределами художественного мира. И не нужно забывать о том, что гротеск является одной из показательных характеристик карнавала по Бахтину. Для Роберта Д. Зарецкого гротеск непросто объяснить словами, но мы можем оценить его действиями [4].

Хотя гротеск и сложно характеризовать, мы узнаем его, когда видим. Когда белые и синие воротнички присоединились к студентам-активистам, чтобы протестовать против бесчеловечных принципов, которые воплощает в себе Уолл-стрит, многие из их надевали зловещую маску анонимного героя-анархиста фильма «В – значит вендетта» (2006). Маска не только скрывает их идентичности, но также означает, что, несмотря на разное происхождение этих мужчин и женщин, их объединяют общечеловеческие проблемы.

В фильме «В – значит Вендетта», так же как и в графическом романе, показывается, как символы могут иметь большое влияние на людей, и даже стать мощным оружием. Персонаж В говорит это следующим образом: символам придают силу люди. Отдельно символ не имеет значения, но с достаточным количеством людей, взрыв здания может изменить мир. Герой В объясняет, что обычный человек может выражать свое мнение, свою философию, свою идеологию и политические партии, которым он симпатизирует; однако он всегда будет ограничен своей человеческой природой: его лицо, которое ежедневно стареет, т. е. его кратковременное существование, ведет его к неумолимой смерти. Напротив, символ не имеет природы столь мимолетной, как человеческая жизнь, и не обязательно связан с человеком. В конце фильма «В – значит вендетта» показывается необычный пример сверхчеловеческой силы символов. В героя В стреляют, его убивают, но перед смертью В шепчет: «Вы не можете убить идею. Идеи пуленепробиваемы». То же самое могло бы быть сказано о символах: хотя В погибает, он передает своему преданному ученику Эвею Хэммонду свой дом, свои знания и, самое главное, свои символы, – маску, плащ и букву В. Эвей позднее надевает старую маску В и появляется в Лондоне в виде героя В. Эвей и В – всего лишь люди, но символы V нерушимы: переходя от одного человека к другому, они живут собственной жизнью.

И такова отдельная жизнь этих символов, тех, которые, как в случае маски персонажа В, могут выходить за рамки вымышленной жизни киноповествования и превратиться в часть нашей повседневной жизни, как вышеупомянутый случай группы Анонимус и протестов на Уолл-стрит. В этой связи следует упомянуть слова Ю. Лотмана о важности культурного контекста в развитии и изменении символа. Так как без влияния контекста символ является просто объектом без смысла: символ активно коррелирует с культурным контекстом, трансформируется под его влиянием и сам его трансформирует. Его инвариантная сущность реализуется в вариантах. Именно в тех изменениях, которым подвергается «вечный» смысл символа, в данном культурном контексте, контекст этот ярче всего выявляет свою изменяемость [5, с. 171].

Символ маски, столь используемой в карнавале, уходит корнями в начало самой цивилизации. Это одна из характеристик, присущих символам, согласно Лотману: «В символе всегда есть что-то архаическое» [5, с. 169]. И карнавал - это широкая концепция мира, неизменная с незапамятных времен. Его концепция и его символы имеют архаичную природу, которая ведет нас в эпоху земледельчества.

Список литературы

1. Лотман Ю. Семиотика кино и проблемы киноэстетики. Таллин: Ээсти раамат, 1973. 140 с.

2. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. Москва: Худож. лит., 1990. 640 с.

3. Castle T. Eros and liberty at the English masquerade, 1710–1790 // Eighteenth-Century Studies. 1984. Vol. 17, № 2. P. 156–176.

4. Zaretski R. Return of the grotesque. URL: https://aeon.co/essays/the-grotesque-is-back-but-this-time-no-one-is-laughing (дата обращения: 11.11.19).

5. Лотман Ю. Символ в системе культуры. Внутри мыслящих миров. Санкт Петербург: Азбука, 2016. 443 с.

References

1. Lotman Yu. Semiotics of cinema and problems of cinema aesthetics. Tallinn: Eesti Raamat, 1973. 140 (in Russ).

2. Bakhtin M. M. The work of Francois Rabelais and the folk culture of the Middle Ages and the Renaissance. Moscow: Fiction, 1990. 640 (in Russ).

3. Castle T. Eros and liberty at the English masquerade, 1710–1790. Eighteenth-Century Studies. 1984. 17 (2), 156–176.

4. Zaretski R. Return of the grotesque. URL: https://aeon.co/essays/the-grotesque-is-back-but-this-time-no-one-is-laughing (accessed: Nov. 11.2019).

5. Lotman Yu. Symbol in the system of culture. Inside the thinking worlds. Saint-Petersburg: Alphabet, 2016. 443 (in Russ).

УДК 72.025.4[747.012:069(470.23)]

О. Б. Магомедова

Опыт воссоздания интерьеров Екатерининского дворца

В статье рассмотрено изменение принципов реставрации памятников культурного наследия от воссоздания на «период расцвета» к реставрации «на оптимальную дату» на примере трех интерьеров Екатерининского дворца в Царском Селе: Большого, Арабескового и Лионского залов. Актуальность данной темы обусловлена тем, что долгие годы в Советском Союзе два этих понятия были приравнены друг другу, в то время как в современной реставрации, под влиянием Венецианской хартии и Нарского документа о подлинности, понятие «оптимальной даты» приобрело новое научное значение. В статье анализируется современное содержание термина «оптимальная дата», рассматривается представленная научная аргументация для выбора того или иного периода, изучается влияние старого и нового подходов на сохранение подлинности памятника архитектуры.

Ключевые слова: реставрация, теория реставрации, воссоздание, аутентичность, реконструкция, Екатерининский дворец, дворцовые интерьеры

Olga B. Magomedova

Experience in recreating the interiors of the Catherine Palace

The article considers the evolutionary principle of the restoration from the «heyday» to the «optimal date» using the example of recreating three interiors of the Catherine Palace: Grand, Arabesque and Lyon halls. The relevance of this topic is due to the fact that for many years in the Soviet Union these two concepts were equated with each other. In the modern restoration, under the influence of the Venice Charter and the Nara Document of Authenticity, the concept of «optimal date» acquired a new scientific meaning. The purpose of this work was to analyze the changes that occurred: the meaning that is embedded in the term «optimal date» is updated, examples of scientific arguments for choosing one or another period are given, the influence of the old and new approaches on the architectural monument is studied.

Keywords: restoration, restoration theory, reconstruction, authenticity, reconstruction, Catherine Palace, palace interiors

DOI 10.30725/2619-0303-2019-4-70-74

С момента официальной публикации Венецианской хартии в СССР (1974 г.), многие специалисты весьма скептически относятся к воссозданию памятников архитектуры «на оптимальную дату». Основной причиной такого отношения было послевоенное восстановление большинства объектов исключительно «на период расцвета», хотя официальные документы также включали формулировку о возможности воссоздания «на определенную научно обоснованную оптимальную дату» [1]. Поскольку с идеологической стороны восстановление первоначального вида памятника было предпочтительным, два этих понятия в итоге слились воедино. В постсоветский период ситуация изменилась, и концепция воссоздания «на оптимальную дату» стала опираться на совершенно новые принципы.

В качестве примера эволюции отношения к воссоздаваемым интерьерам рассмотрим Большой, Лионский и Арабесковый залы Екатерининского дворца. Такой выбор связан с тем, что, во-первых, эта часть дворца была наиболее разрушена, следовательно, реставраторы получили свободу выбора при ее реконструкции; во-вторых, проекты реставрационных работ были разработаны в советское время, а реализованы (за исключением Большого зала) уже в постсоветский период.

Вот в каком виде находит Большой зал А. М. Кучумов в апреле 1944 г.: «Над половиной зала открытое небо, крыши и потолка нет. Другая часть потолка сохранила плафонную роспись. Зеркала все разбиты, осколки их устилают пол» [2, с. 94].

При воссоздании Екатерининского дворца, начавшемся в конце 1950-х гг., реставраторы располагали информацией его всех ремонтах и переделках. Во многих документах указывается, что дворец был построен наспех, и из этого вытекал ряд проблем [3, с. 82–83]. В Большом зале неоднократно проводился ремонт перекрытий. В 1795 г. конструкции пришли в аварийное состояние, и живопис-

ные панно кисти Валериани были сняты. В дальнейшем две боковых картины, «Аллегория Победы» и «Аллегория Мира», были использованы в Тронном зале Михайловского замка, а центральная часть помещена в кладовые Зимнего дворца. Кроме того, в начале XIX в. была произведена замена стропильных систем по проекту В. П. Стасова. Его конструктивное решение требовало надстройки стен, соответственно, уровень потолка повысился, а сам он сузился. Между карнизом и плафоном была введена переходная падуга, впоследствии декорированная золотой резьбой.

Новый плафон был написан в конце 1850- х гг. художниками Ф. Вундерлихом и Э. Франчиоли, тогда же падуга была доработана А. И. Штакеншнейдером [3, с. 106]. Несмотря на высокую оценку комиссии, принимавшей работу, специалисты более поздних периодов находят эту работу неудовлетворительной. А. Н. Бенуа характеризует живописное панно так: «Все… нарисовано по-ребячески и беспомощно написано в уродливых холодных красках» [3, с. 106]. Суждение знаменитого критика оказало сильное влияние на реставраторов, воссоздававших зал после Великой Отечественной войны.

А. А. Кедринский, под руководством которого велась реставрация многих залов Екатерининского дворца, основными задачами проекта 1959 г. указывает: исправление искажения силуэта кровли дворца, возникшего в результате вышеуказанной переделки Стасовым, понижение потолка до растреллиевского уровня и возвращение оригинального плафона Валериани [4, с. 128]. В современных условиях ситуация невероятная, когда ради подлинности одного памятника жертвуют подлинностью другого, ведь «Аллегория Победы» и «Аллегория Мира» также являются аутентичной частью Тронного зала Михайловского замка. Кроме того, воплощение изначального растреллиевского замысла потребовало принести в жертву падугу Стасова и Штакеншнейдера, так как она не вписывалась в оригинальную композицию [4, с. 128]. Тем не менее результат реставрации впечатляет именно процентом аутентичности, что говорит о действительно титанических усилиях советских специалистов.

Реставрацию следующих за Большим залом трех антикамер стоит опустить, поскольку какой-либо полемики они не вызывали, что не сказать про Арабесковый и Лионский залы. На их месте некогда располагались Четвертая и Пятая антикамеры, престроенные в 80-х гг. XVIII в Ч. Камероном [3, с. 96]. В середине XIX в. над переделкой этих интерьеров работал И. А. Монигетти, и если Лионский зал был кардинально преобразован, то в Арабесковом изменения были минимальными, но при этом достаточными для научных споров.

О состоянии Арабескового зала в 1944 г. А. М. Кучумов пишет следующее: «Как и в предыдущих залах голубое небо вместо крыши <…> Резьба стен исчезла, местами заметны контуры от нее. Живопись панно от огня превратилась в черные траурные арабески. На верхнем поясе панно через новую роспись проглядывает контурами старая, Камероновская, или, вернее, Стасовская, именно такая как на акварели Гау. Лепка орнаментов и пилястр очень сильно пострадала» [2, с. 95].

Проект воссоздания этого зала был разработан в 1979 г., но осуществлен не был. В 2006 г. в реставрационное задание Арабескового зала были внесены изменения. При пересмотре проекта А. А. Кедринского был обнаружен ряд несоответствий [5, л. 2–3].

За основу проекта 1979 г. были взяты эскизы Ч. Камерона [6–8], акварели Э. Гау [9] и довоенные фотографии [10]. Однако в ходе современного анализа было выявлено, что эскиз, на который опирался А. А. Кедринский, никогда не был осуществлен в натуре, являясь одним из предварительных вариантов [5, л. 3]. В итоге реставрационный проект советского времени представлял собой компиляцию из реальных и никогда не существовавших элементов. Например, декоративная роспись в нишах соответствует росписи, зафиксированной на акварели Э. Гау и обнаруженной в 1944 г., но не соответствует росписи на эскизе Камерона; орнамент из сплетенных пальмовых листьев верхнего яруса соответствует росписи на эскизе, а на акварели он не изображен и под позднейшими штукатурными слоями не обнаружен; в декоративной отделке верхнего яруса стен фигуры в овальных медальонах соответствуют эскизам Ч. Камерона, но не соответствуют акварели Э. Гау [5, л. 3].

При современной реставрации за основу были взяты довоенные фотографии и все те же акварели Э. Гау. В итоге оптимальной датой также явилась редакция Ч. Камерона, но подход сместился с желания показать идеальный, но никогда не существовавший интерьер, в сторону большей научной обоснованности. К сожалению, при разработке орнамента фриза не удалось обойтись без аналогий, но несмотря на все послевоенные разрушения, реставраторам удалось вернуть в Арабесковый зал подлинные компоненты,

например, 4 медальона живописного плафона и единственные в России образцы мебели Ж. Жакоба [11, с. 17–18].

Состояние последнего в этой связке, Лионского зала, на 1944 г. описано А. М. Кучумовым как самое мрачное, не сохранилось практически ничего. В 1978 г. А. А. Кедринский принимает решение о воссоздании интерьера на редакцию Ч. Камерона несмотря на скудность имеющегося материала. Основной причиной такого выбора было пренебрежительное отношение к творчеству И. А. Монигетти в советский период.

Проблема воссоздания интерьера на редакцию Камерона заключалась в том, что сохранилось пять недатированных эскизных вариантов отделки зала [12–15], и невозможно сделать вывод, какой из них окончательный, поскольку известно, что изменения вносились уже в процессе осуществления работ и никак не фиксировались. При корректировке реставрационного задания в 2004 г., как и в Арабесковом зале, был выявлен ряд несоответствий:

1. Верхний живописный фриз взят с чертежей Камерона, хотя документально известно, что вместо живописи поверхность фриза была выложена лазуритом.

2. Для панно на стенах показано два варианта ткани, один из которых повторяет рисунок с проекта Камерона, другой копирует образец из Переходной. Но ни тот, ни другой не соответствуют ткани, которой первоначально были затянуты стены.

3. В проекте предложены печи-ротонды, однако конфигурация этих печей достоверно не известна.

4. В медальонах над печами использованы рисунки из двух разных эскизов.

5. Проект западной стены выполнен без учета сохранившегося чертежа Камерона, а представляет собой игру с аналогиями по образцу Арабескового зала и Голубой гостиной [16, л. 4].

В итоге мы снова имеем дело с компиляцией, основной целью которой является показать идеальный интерьер. Кроме того, в проекте А. А. Кедринского не нашел места оригинальный мебельный гарнитур, выполненный по эскизам И. А. Монигетти, который благополучно пережил войну в эвакуации и был возвращен в Ленинград.

При современной реставрации использована редакция И. А. Монигетти. Сохранилось достаточно иконографического материала, чтобы ее воссоздать: это и чертежи, и акварель Л. Примацци [17], и многочисленные довоенные фотографии, и комплект обмеров 1938 г. А использование оригинального гарнитура, состоящего из 25 предметов, украшенных лазуритом, безусловно, повысило значимость и ценность как интерьера, так и самого гарнитура.

Рассмотрев три вышеуказанных зала, можно выявить следующую тенденцию. На первоначальном этапе, к которому можно отнести проект реставрации Большого зала, главенствует синтез научности и идеологии, в основу которой положено желание воссоздания памятников максимально близко к их первоначальному состоянию. К концу 1970-х гг. эта идеология прорастает и в научную часть, полностью ее себе подчинив, и приобретает вид самостоятельного художественного творчества. За провалом 1990-х гг. следует новый научный подъем в реставрации. Выбор оптимальной даты теперь базируется на желании показать памятник за весь период его бытования.

Такая смена приоритетов произошла не без влияния Нарского документа о подлинности, который несколько расширил понятия, введенные Венецианской хартией: важным дополнением к уже имеющимся международным соглашениям является линия уважения ко всем мировым культурам во всем многообразии их материального и нематериального проявления (пункты 5–8) [18]. С одной стороны, такой подход несколько сглаживает вопрос о реставрации как об экстренной мере, по сути оставляя это на усмотрение страны, в которой находится тот или иной памятник. С другой, в Приложении I документ указывает на то, что при оценке подлинности памятника должны быть использованы все доступные знания и умения (исторические источники, документы и т. п., а также современные технологии).

Концепция подлинности также утверждена и во многих федеральных и региональных нормативных документах РФ [19]. Но изменения в отношении к реставрации шли не столько извне, сколько изнутри. Процесс переоценки ценностей был связан с изменившимся взглядом на предшествующие эпохи. Поскольку такие архитектурные стили, как эклектика, являлись воплощением буржуазных эстетических представлений, то после революции они априори не могли высоко оцениваться. Реабилитация «безвкусных украшательств» второй половины XIX в. происходила в 1970–1990-е гг., и никак не могла повлиять на реставрационные проекты, начатые до этого периода.

Ситуация, когда «оптимальную дату» приравнивали к воссозданию на «период расцвета», была во многих случаях абсолютно справедлива вплоть до начала 2000-х гг. Но со-

временное понятие «оптимальной даты», как можно было видеть в приведенных ранее примерах, весьма гибкое. На данный момент оно может зависеть от ряда факторов, таких как наличие наиболее полного пакета документов или подлинных вещей того или иного периода.

В контексте современных концепций музеефикации можно говорить о воссоздании «на оптимальную дату» не как о реконструкции памятника в качестве «макета в натуральную величину», но как о возможности представить подлинные вещи в среде, близкой к аутентичной, что расширяет возможности для их правильного прочтения. Безусловно, необходимо учитывать, что это только один из вариантов реставрации-реконструкции, и он не может быть применим абсолютно во всех случаях, но при должном научном подходе, негативного влияния на памятник он не оказывает.

Список литературы

1. Зверев В. В. О толковании основных терминов научной реставрации // ArtConservation. URL: http://art-con.ru/node/1636 (дата обращения: 11.11.2019).

2. Гафифуллин Р. Р. Анатолий Михайлович Кучумов. Статьи, воспоминания, письма. Санкт-Петербург: Арт-Палас, 2004. 339 с.

3. Бенуа А. Н. Царское Село в царствование императрицы Елисаветы Петровны. Санкт-Петербург: Р. Голике и А. Вильборг, 1910. 262 с.

4. Кедринский А. А. Большой Царскосельский (Екатерининский) дворец: от пригородной усадьбы до парадной резиденции, 1710–1760. Санкт-Петербург, 2013. 269 с.

5. ГМЗ «Царское село», Отдел учета. Протокол № 14 Реставрационного совета от 13.04.2006. 5 л.

6. Государственный Эрмитаж (ГЭ). Русское искусство и культура. Рисунок. Камерон Чарльз. Арабесковая гостиная в Екатерининском дворце Царского Села, продольный разрез, 1780–1782 гг. ОР-10983.

7. ГЭ. Русское искусство и культура. Рисунок. Камерон Чарльз. Плафон Арабесковой гостиной в Большом Царскосельском дворце, Начало 1780-х гг. ОР-11035.

8. ГЭ. Русское искусство и культура. Рисунок. Камерон Чарльз. Проект отделки торцовой стены арабесковой комнаты в Царскосельском дворце, нач. 1780-х гг. ОР-10984.

9. ГМЗ «Царское село», Акварели – XI. Гау Э. П. Арабесковый зал в Большом Царскосельском дворце. ЕД-2-XI, КП-9901.

10. Ботт И. К., Плауде В. Ф. Дворец трактуемый как музей. Царскосельские интерьеры в автохромах 1917 года. Санкт-Петербург: Аврора, 2010. 111 с.

11. Лукомский Г. К. Краткий каталог музея Екатерининского дворца. Петроград, 1918. 96 с.

12. ГЭ. Европейское изобразительное искусство. Рисунок. Камерон Чарльз. Лионская гостиная в Большом Царскосельском дворце, начало 1780-х гг. ОР-11078.

13. ГЭ. Европейское изобразительное искусство. Рисунок. Камерон Чарльз. Лионская гостиная в Большом Царскосельском дворце. Продольный разрез, начало 1780-х гг. ОР-10975.

14. ГЭ. Европейское изобразительное искусство. Рисунок. Камерон Чарльз. Проект отделки Лионской гостиной в Большом Царскосельском дворце, начало 1780-х гг. ОР-11041.

15. ГЭ. Европейское изобразительное искусство. Рисунок. Камерон Чарльз. Проект плафона в Лионской гостиной Большого Царскосельского дворца, начало 1780-х гг. ОР-11061.

16. ГМЗ «Царское село», Отдел учета. Протокол № 2 Реставрационного совета от 21.01.2004. 5 л.

17. ГМЗ «Царское село», Акварели – XI. Премацци Л. Желтая гостиная в Большом Царскосельском дворце (Лионский зал), 1878 г. ЕД-25-XI, КП-9924.

18. Нарский документ о подлинности // ArtConservation. URL: http://art-con.ru/node/5740 (дата обращения: 11.11.2019).

19. О Петербургской стратегии сохранения культурного наследия: постановление Правительства Санкт-Петербурга от 1 нояб. 2005 г. № 1681. URL: http://docs.cntd.ru/document/8421327 (дата обращения: 11.11.2019).

References

1. Zverev V. V. On the interpretation of the basic terms of scientific restoration. ArtConservation. URL: http://art-con.ru/node/1636 (accessed: Nov. 11.2019) (in Russ.).

2. Gafifullin R. R. Anatoly Mikhailovich Kuchumov. Articles, memories, letters. Saint-Petersburg: Art Palace, 2004. 339 (in Russ.).

3. Benois A. N. Tsarskoe Selo during the reign of Empress Elizabeth Petrovna. Saint-Petersburg: R. Golike and A. Wilborg, 1910. 262 (in Russ.).

4. Kedrinsky A. A. Grand Tsarskoye Selo (Catherine) Palace: from a suburban estate to the main residence, 1710–1760. Saint-Petersburg, 2013. 269 (in Russ.).

5. The Tsarskoe Selo State Museum and Heritage Site, Accounting Department. Protocol № 14 of the Restoration Council of April 13, 2006. 5 (in Russ.).

6. The State Hermitage Museum. Russian art and culture. Drawings. Cameron Charles. Arabesque drawing room in the Catherine Palace of Tsarskoye Selo, longitudinal section, 1780–1782. OP-10983.

7. The State Hermitage Museum. Russian art and culture. Drawings. Cameron Charles. Plafond Arabesque living room in the Grand Palace of Tsarskoye Selo, early 1780s. OP-11035.

8. The State Hermitage Museum. Russian art and culture. Drawings. Cameron Charles. The project of finishing the end wall of the arabesque room in the Tsarskoye Selo Palace, beginning. 1780s. OP-10984.

9. The Tsarskoe Selo State Museum and Heritage Site, Watercolors – XI. ED-2-XI, KP-9901.

10. Bott I. K., Plaude V. F. Palace interpreted as a museum. Tsarskoe Selo interiors in 1917 autochromes. Saint-Petersburg: Aurora, 2010. 111 (in Russ.).

11. Lukomsky G. K. A short catalog of the museum of the Catherine Palace. Petrograd, 1918. 96 (in Russ.).

12. The State Hermitage Museum. European art. Drawings. Cameron Charles. Lyon Lounge in the Grand Palace of Tsarskoe Selo, early 1780s. OP-11078.

13. The State Hermitage Museum. European art. Drawings. Cameron Charles. Lyon living room in the Grand Palace of Tsarskoe Selo. Longitudinal section, early 1780s. OP-10975.

14. The State Hermitage Museum. European art. Drawings. Cameron Charles. Tsarskoe Selo Palace, early 1780s. OP-11041.

15. The State Hermitage Museum. European art. Drawings. Cameron Charles. Project ceiling in the Lyon living room of the Grand Palace of Tsarskoe Selo, the beginning of the 1780s. OP-11061.

16. The Tsarskoe Selo State Museum and Heritage Site, Accounting Department. Protocol № 2 of the Restoration Council of January 21, 2004. 5 (in Russ.).

17. The Tsarskoe Selo State Museum and Heritage Site, Watercolors – XI. ED-25-XI, KP-9924.

18. Nara document on authenticity. ArtConservation. URL: http://art-con.ru/node/5740 (accessed: Nov. 11.2019) (in Russ.).

19. On the St. Petersburg Strategy for the Preservation of Cultural Heritage: decree of the Government of St. Petersburg of November 1, 2005 № 1681. URL: http://docs.cntd.ru/document/8421327 (accessed: Nov. 11.2019) (in Russ.).

УДК 069:94(470)"1914/1918"

С. А. Маньков

Выставочные проекты музея «Россия в Великой войне» 2014–2018 гг.

Освещение событий Первой мировой войны, в силу исторических и идеологических обстоятельств, в течение многих десятилетий не находило места в экпозиционно-выставочном пространстве отечественных музеев. Побудительным толчком к изменению сложившейся ситуации и заполнению образовавшейся в России культурно-исторической «лакуны» стал 100-летний юбилей начала Первой мировой войны. 4 августа 2014 г. в г. Пушкине в Ратной палате был открыт новый музей «Россия в Великой войне». В статье дан обзор выставочных проектов, реализованных коллективом «молодого» музея на протяжении юбилейных лет в 2014–2018 гг., основанных как на показе предметов из собственных коллекций, не вошедших в основную экспозицию, так и на представлении частных собраний. Продемонстрирована актуальность тематики выставок, дана характеристика направлений деятельности музея.

Ключевые слова: Первая мировая война, военно-исторические музеи, Ратная палата, временные выставки, коллекционирование

Sergei A. Man'kov

The exhibition projects of the Museum «Russia in the Great War» 2014–2018

The consecration of the events of the World War I, due to historical and ideological circumstances, for many decades did not find a place in the exhibition and exhibition space of domestic museums. The 100 years anniversary of the outbreak of the World War I was the impetus for changing the current situation and filling the cultural-historical «lacuna» formed in Russia. On August 4, 2014, a new museum «Russia in the Great War» was opened in the City of Pushkin in the Martial Chamber. The article provides an overview of the exhibition projects implemented by the team of the «young» museum during the jubilee years in 2014–2018, based both on the display of items from their own collections that were not included in the main exhibition, and on the presentation of private collections. The relevance of the subject matter of the exhibitions is shown, a description of the activities of the museum is given.

Keywords: World War I, military and historical museums, Martial Chamber, temporary exhibitions, collection
DOI 0.30725/2619-0303-2019-4-75-82

Первая мировая война 1914–1918 гг. является краеугольным событием всемирной истории XX столетия, коренным образом повлиявшим на процессы распада одних государств и возникновения других, смены политических и государственных форм правления, возникновения революций, прорыва в науке и технике и т. д., оставившим огромный след в культуре и психологии военного поколения. Но с сожалением необходимо констатировать, что в Российском государстве Первой мировой войне, или Великой, как ее официально именуют в странах Западной Европы и США, не повезло в смысле сохранения и увековечивания памяти о ней. Начало войны было связано не с отражением нападения противника на русскую землю, а с политическими амбициями правительственных кругов в отношении влияния на Балканском полуострове и на живущее там славянское население. Затяжной характер боевых действий, морально-психологическая усталость населения, разразившаяся через три года после начала войны революция, свержение монархического государственного строя и начавшийся под лозунгами свобод и демократии управленческий хаос привели к большевистскому социальному перевороту.

Сразу после начала войны родилась идея увековечивания ее трагических и героических событий. В столице Российской империи и в провинциальных городах проходили агитационно-выставочные акции, издавались красочные каталоги трофеев, а в апреле 1917 г. был открыт музей в Государевой Ратной Палате в Царском Селе [1]. Однако все эти усилия были сведены на нет новыми советскими властями, которые в идеологических целях заклеймили войну 1914–1918 гг. определением «империалистическая» и трансформировали ее во внутреннее гражданское противостояние.

В силу этих причин, невзирая на немногочисленные примеры, памяти о Первой мировой войне в течение десятилетий не находилось места в отечественной музейном практике, в то время как во многих зарубежных странах суще-

ствуют десятки тематических военно-исторических музеев, посвященных исключительно данному событию, которыми накоплен солидный опыт по изучению, демонстрации и визуализации его образов новым поколениям посетителей экспозиционно-выставочного пространства.

Побудительным толчком к изменению сложившейся ситуации и заполнению образовавшейся в России культурно-исторической «лакуны» стал 100-летний юбилей начала Первой мировой войны, в ходе которого было организовано множество выставок, военно-исторических реконструкций, научно-практических конференций, запущены информационные интернет-ресурсы, открыты новые монументы и памятные знаки, отреставрированы мемориальные комплексы и отдельные захоронения и т. д.

Одним из самых значимых событий для музейного мира России в череде памятных мероприятий 2014 г. стало открытие 4 августа в г. Пушкине нового музея «Россия в Великой войне» в Государевой Ратной палате, осуществленное по концепции, разработанной начальником военно-исторического отдела Государственного музея-заповедника (ГМЗ) «Царское Село» Г. Э. Введенским под научным руководством заместителя директора по научной и просветительской работе И. К. Ботт.

Музейная экспозиция 2014 г., созданная на первом этаже Ратной палаты ЗАО «Республиканский Музейный центр ГИМ», имела 14 тематических разделов и строилась на демонстрации около 900 собранных и хранящихся в фондах ГМЗ «Царское Село» подлинных предметов вооружения, знамен, военных мундиров из личного гардероба императора Николая II, бытовых вещей стран-участников Первой мировой войны, документальных и фотографических материалов. В композиционный центр экспозиции была помещена модель французского истребителя-полутороплана Nieuport 17. Дополняли экспозицию электронные информационные киоски, подробно рассказывающие об основных событиях, сторонах и участниках войны. Во внутреннем дворе установлены образцы военной техники, некогда использовавшиеся на войне: две гаубицы Мейдзи, сделанные в Японии по заказу России в 1910- х гг. (из собрания Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи), и бронеавтомобиль «Руссо-Балт» [2, с. 100–101].

В стенах Ратной палаты началось формирование музейно-научного центра, деятельность которого направлена на изучение и популяризацию истории России в годы Великой войны. С осени 2014 г. работает лекторий, проводятся научно-практические конференции и акции «Ночи музеев». При музее формируется библиотека и архив, как было задумано при создании первого музея в начале XX в.

Несмотря на декларируемое желание иметь собственные музеи, посвященные Первой мировой войне, изъявляемое властями и общественными инициативными группами ряда российских регионов, Ратная палата, на данный момент, является первым и единственным существующим подобным российским музеем.

За время ее работы в юбилейные 2014–2018 гг., музейным коллективом был реализован ряд выставочных проектов, основанных как на показе предметов из собственных коллекций, не вошедших в основную экспозицию, так и на представлении частных собраний. Несколько выставок было организовано в сотрудничестве с другими российскими музеями, некоторые – при содействии международных организаций и иностранных дипломатических представительств.

Начальным проектом во вновь открытом музее стала выставка «Первая мировая война. Русская армия во Франции», организованная ГМЗ «Царское Село» совместно с Французским институтом при Посольстве Франции в России и Агентством по коммуникационной и аудиовизуальной оборонной продукции (L'Établissement de communication et de production audiovisuelle de la Défense (ECPAD)) Министерства обороны Франции, в период 16 марта по 5 апреля 2015 г. Созданные в идеологических (пропагандистских и контрпропагандистских) и хронографических целях в 1915 г. при французском Военном министерстве Секция фотографии армии (Section photographique des armées (SPA)) и Секция кинематографии армии (Section cinématographique des armées (SCA)) уже в 1917 г. были слиты в единую структуру, которая после многочисленных преобразований с 2001 г. именуется ECPAD [3]. В архиве-медиатеке этого агентства за столетний период существования собраны ценнейшие кинофотофонодокументы по военной истории Франции [4].

При содействии Французского института была отобрана и отпечатана 21 фотографическая копия, посвященная нахождению Русского экспедиционного корпуса во Франции в 1916–1918 гг., направленного российским императором Николаем II для укрепления Западного фронта. Представленные на выставке материалы были разделены на три темы: «Прибытие в Марсель», «Учения в военных лагерях» и «Жизнь в траншее и на фронте». Девизом выставки стали слова маршала Фердинанда Фоша (1851–1929): «Если Франция и не была стерта с карты Европы, то в первую очередь благодаря

мужеству русских солдат» [5].

По словам заместителя директора Французского института в России Мишеля Гранжа, «эта выставка – дань памяти русским солдатам, которые навсегда остались во Франции, свидетельство дружбы между нашими странами» [6].

Во время работы выставки на специально установленном экране в режиме «nonstop» демонстрировался фильм, подготовленный специалистами ГМЗ «Царское Село» на основе архивных материалов о Русском экспедиционном корпусе во Франции.

Довольно необычным элементом для сложившейся выставочной практики российских военно-исторических музеев стало наличие, предоставленной французской стороной видеоигры «Soldat inconnu – mémoire de la grande guerre» («Valiant heart» – «Неизвестный солдат – память о Великой войне» «Храброе сердце»), переведенной на русский язык и доступной посетителям. Эта компьютерная игра в жанре квеста-головоломки, разработанная французской компанией Ubisoft Entertainment, имела в сюжете рассказ о четырех разных людях, оказавшихся на фронте Первой мировой войны. Им предстояло пройти все испытания войны плечом к плечу и достигнуть победной цели. Используя мультипликационную рисовку, в графическом исполнении напоминавшую комикс, разработчики хотели рассказать подрастающему поколению о сложных вещах более простым языком.

Вторая выставка – «У героев былых имен не осталось теперь имен...» прошла с 1 августа по 31 октября 2018 г. Ее автором выступил Владимир Николаевич Доброхотов – фотожурналист, член правления Союза фотохудожников Республики Саха и лауреат Государственной премии Республики Саха (Якутия). На выставки экспонировалась 71 фотография из архива его деда, Константина Анатольевича Доброхотова (1885–1964), выходца из костромской купеческой семьи, выпускника Императорского Харьковского университета, участвовавшего в Великой войне в качестве военного врача 46-й (парковой) артиллерийской бригады. Будучи фотографом-любителем, К. А. Доброхотов запечатлел на свою складную пленочную камеру «Kodak» более 200 снимков военной жизни: лица офицеров, солдат, фельдшеров и медсестер, их повседневность. Автор делал не только официальные групповые и портретные фото, но фиксировал то, что казалось ему интересным, и поэтому его фотографии так хорошо передают дух военного времени. Опасаясь репрессий, при жизни автор, прошедший военврачом и Вторую мировую войну, так и не решился проявить и опубликовать снимки, но успел передать негативы своему внуку [7].

Печать в формате 50х70 см и доставку уникальных изображений из Якутии в Царское Село осуществило ОАО «Республиканский Информационно-издательский холдинг „САХА-МЕДИА“». Стараниями организации в сети Интернет была открыта страница «Война и жизнь. Фотовыставка, которой могло не быть», демонстрирующая часть фотоматериалов выставки и рассказ о них [8].

Из-за того, что в течение десятилетий негативы не были проявлены, отпечатанные фотографии не представлялось возможности атрибутировать, чем и объясняется название выставки. Разместившая на втором этаже Ратной палаты выставка была поделена на разделы: «Фотографии и документы членов семьи Доброхотовых», «Групповые фотографии», «Парные фотографии», «Одиночные фотографии», «Госпиталь и лечение раненых», «Бытовые и хозяйственные сцены».

Ранее в августе-декабре 2014 г. материалы выставки демонстрировались в Культурном центре Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Амосова в Якутске [9], а после демонтажа в Ратной палате в Костромском государственном историко-архитектурном и художественном музее-заповеднике (январь-февраль 2016 г.) [10] и в Центральном клубе Министерства внутренних дел РФ в Москве (август-декабрь 2016 г.) [11].

Следующим проектом стала выставка «Сестры милосердия Первой мировой», основу которого составило ни государственное собрание или семейный архив, а частная коллекция открыток кандидата медицинских наук, главного врача санатория «Детскосельский», члена Санкт-Петербургского клуба любителей истории Виктора Георгиевича Палагнюка. На 14 настенных стендах были представлены 115 открыток и фотографических карточек, предоставленных коллекционером. Открытки благотворительных обществ отражали образ сестер милосердия из разных социальных слоев дореволюционного общества, оказывавшихся в самых различных обстоятельствах: на передовых позициях при оказании первой помощи раненым под обстрелом, выхаживании искалеченных и больных воинов в лазаретах, санитарных поездах, госпиталях. На авторских открытках, исполненных известными русскими живописцами и графиками М. В. Нестеровым, П. И. Геллером, М. В. Добужинским, Т. И. Мозговым, С. И. Ягужинским и их современниками, воспроизведен запоминающийся образ сестры милосердия в ее нелегком военном труде.

Фотографические карточки представляли

запечатленные реальные эпизоды деятельности медицинской службы с участием сестер на фронтах войны. Уникальными являются карточки сестер милосердия с дарственными надписями родным и близким людям, а также открытки, отправленные по почте в адрес самих сестер милосердия.

Открытие выставки было приурочено к годовщине высочайшего утверждения 3/15 мая 1867 г. императором Александром II устава Общества попечения о раненых и больных воинах, в 1879 г. переименованного Российское общество Красного креста. В 5 витринах, разместившихся в Розовой галерее Ратной палаты, был выставлен 51 предмет из собрания ГМЗ «Царское Село» (хирургические инструменты, пасхальные яйца, документы, награды, журналы, куклы для переодевания), объединенный темой Красного креста и позволявший, по мысли авторов, «увидеть образ сестры милосердия в изначальном, христианском понимании служения ближнему, которое в свое время было положено в основу сестринского движения в России» [2, с. 109].

Дополнением временной выставки, работавшей в период с 5 мая по 5 сентября 2016 г., стали две эскизные модели памятника «Сестра милосердия» скульпторов Л. А. Бейбутяна и Я. Я. Неймана, торжественно открытого 23 июня того же года на территории 3-го Центрального военного клинического госпиталя имени А. А. Вишневского в подмосковном городе Красногорске.

Одновременно с выставкой «Сестры милосердия Первой мировой» в стенах Ратной палаты прошли выставки «Новых поступлений» (21–25 мая 2016 г.) и «Русские Анзаки: нити потерянной истории» (31 мая–30 августа 2016 г.).

Выставки «новых поступлений» являются интересной формой профессионально-общественной коммуникации в музейной сфере, позволяющей посетителю соприкоснуться с «закрытой» для публики стороной жизни музея – текущей работой по комплектованию фондов, документированию и изучению предмета; проследить по «горячим следам» цикл и способы появления новой вещи в фондах и на экспозиции, опосредовано познакомиться с личностью дарителя, продавца, коллекционера, хранителя и т. д.

На выставке, прошедшей в музее «Россия в Великой войне» во время проведения общероссийской акции «Ночь музеев», были представлены мундиры стран-союзников России в Первой мировой войне: английского и шотландского пехотинца (дар музею известного новозеландского кинорежиссера, лауреата трех премий «Оскар» сэра Питера Джексона), а также французского кирасира начала XX столетия (купленный у частного лица) [2, с. 144, 220].

Выставка «Русские Анзаки: нити потерянной истории» стала внешним проектом, реализованным по инициативе Посольства Австралии в Российской Федерации.

Тема участия Австралийско-Новозеландского армейского корпуса (акроним – Анзак) в Великой войне очень важна для национального мировоззрения и идентичности австралийского общества, коммеморации его исторической памяти [12]. Потери Австралии в Первой мировой войне в Северной Африке, Галлиполи, Палестине, Месопотамии, Персии, Закавказье и на Западном фронте в Европе составили более 50 тыс. убитыми при 5-миллионом населении. Трепетное отношение к памяти воинов Первой мировой проявляется в Австралии в национальный праздник – День Анзака, отмечаемый с 1916 г., а также на еженедельной церемонии в Австралийском военном мемориале в Канберре.

До недавнего времени малоизвестным фактом являлось то, что самой большой неанглокельтской этнической группой в составе Австралийско-Новозеландского армейского корпуса были выходцы из Российской империи [13, с. 5]. Благодаря многолетним исследованиям научного сотрудника Колледжа искусств и общественных наук Австралийского национального университета, доктора философии Елены Говор, выступившей автором выставки «Русские Анзаки: нити потерянной истории», перед российской публикой предстали имена, фотографии и судьбы соотечественников-анзаков. Подданные Российской империи, оказавшиеся в южном полушарии как трудовые мигранты, поступали на службы в Австралийско-Новозеландский корпус, стремясь интегрироваться в австралийское общество. Желая восстановить их жизненный путь, Е. Говор проделала значительную научно-исследовательскую работу в архивах, библиотеках и музеях Австралии, России и Беларуси, а также в частных семейных собраниях. Результатом стал выход монографии [14], запуск авторской страницы в сети Интернет [15], публичные лекции и выставочные проекты.

В рамках выставки в Ратной палате, в открытии которой принял участие чрезвычайный и полномочный посол Австралии в России Петер Теш, экспонировались 39 планшетов из пенокартона формата А1 (600х845 мм), на которых были напечатаны копии фотографий и личных документов, а также подробные биографические данные о более 30 российских анзаках различного этнического происхождения (русских, поляках, украинцах, белорусах, финнах, евреях,

немцах, эстонцах, латышах, литовцах, грузинах, осетинах и др.). Информационные щиты содержали сведения об Австралии в Великой войне и статистику ее потерь. Центральной темой выставки являются жизненные истории и судьбы эмигрантов из России, ставших сыновьями двух стран и проливавших кровь как за свою новую страну, так и за историческую родину [2, с. 110].

Выставка имела большой успех, широко освещалась в прессе и была воспроизведена австралийской стороной в атриуме корпуса Европейского учебного института при МГИМО (У) МИД России в Москве (с 25 апреля по 5 мая 2017 г.), в Саратовском историко-патриотическом комплексе «Музей боевой и трудовой славы» (с 1 августа до 20 августа 2018 г.) и в выставочной галерее Большого зала Ульяновского областного государственного автономного учреждения культуры «Ленинский мемориал» (24 августа – 20 октября 2018 г.) [16].

Завершающая выставка в Ратной палате в 2016 г. носила название «Отряд особой важности атамана Пунина, 1915–1917».

Легендарное партизанское формирование численностью в 250 человек – Конный отряд особой важности, созданное 26 ноября 1915 г. под командованием поручика 8-го Финляндского стрелкового полка Леонида Николаевича Пунина (1892–1916), в период 1915–1917 гг. участвовало в Августовской, Скоминтерской, Зимней Карпатской, Митавской, Рижской, Двинской и других боевых операциях. Более половины личного состава, включая самого атамана Л. Н. Пунина и его братьев Александра (1890–1942) и Льва (1897–1963), стали георгиевскими кавалерами. После смертельного ранения создателя отряда боевое подразделение, ставшее носить его имя, просуществовало в составе Северного фронта до февраля 1918 г. [17].

Автором проекта стала доцент кафедры истории и теории искусств Санкт-Петербургского государственного университета промышленных технологий и дизайна, кандидат искусствоведения Ольга Андреевна Хорошилова – внучка Льва Пунина. Основу выставки составили ранее не воспроизводившиеся фотоматериалы (более 90) из семейного архива О. А. Хорошиловой, содержащие хронику жизни Отряда особой важности, образы офицеров и нижних чинов, изображения трофеев и военнопленных. Также были представлены личные вещи и документы братьев Пуниных (икона, книги, фотоальбомы, рисунки, газеты, немецкая пропагандистская листовка, элементы униформы и пр.) и образцы холодного и огнестрельного оружия времен Первой мировой войны, из коллекции фонда «Оружие» ГМЗ «Царское Село». Столь насыщенная по количеству предметов и информативному материалу выставка, размещалась в галерее второго этажа Ратной палаты с 7 декабря 2016 г. по 26 февраля 2017 г. [18].

В 2017 г. в связи с реэкспозицией Ратной палаты выставки не проводились. 2 августа 2017 г. в музее «Россия в Великой войне» министром культуры Российской Федерации В. Р. Мединским была торжественно открыта «завершающая очередь» экспозиции (общей площадью около 960 кв. м), включившая почти 1500 предметов, разместившихся на двух этажах. Имевшиеся разделы были существенно дополнены и обновлены. Появились 8 новых тематических разделов, посвященных: Кавказскому фронту, Галицийской операции, обороне крепости Осовец, «окопной» войне, национальным формированиях Русской императорской армии, наградам стран-участниц, жизни Петрограда в революционном 1917 г. и выходу России из войны. Разработкой дизайн-проекта и монтажом новых разделов экспозиции занималась ООО «Исторические реконструкции» (художник – И. Ю. Минаков); мультимедийные программы были подготовлены специалистами «Mantrastudio» [19, с. 108].

Расширение основного экспозиционного пространства в Ратной палате привело к сокращению свободных площадей, ранее приспосабливаемого под временные выставки. Новые выставочные проекты, реализуемые после 2017 г., требуют временного демонтажа части стационарной экспозиции.

В 2018 г. в Георгиевской галерее Ратной палаты последовательно прошли две монографические выставки: «Дети в Великой войне» (с 1 июня по 24 сентября 2018 г.) и «Англо-российский госпиталь в Петрограде, 1915–1918» (с 22 ноября 2018 г. по 31 января 2019 г.).

Выставка «Дети в Великой войне» давала возможность увидеть, как отразилась Первая мировая война на жизни детей начала XX в., самой уязвимой категории жертв боевых действий. Гуманистический посыл ее авторов, научных сотрудников ГМЗ «Царское Село» М. П. Филипцевой и Е. Н. Швиглевой, состоял в том, чтобы вслед за маленьким ребенком пройти «путь от детской, где были оставлены игрушки, до фронта и тыла, где ребята воевали и трудились на благо своей отчизны, чтобы еще раз убедиться – детство не должно знать войн» [20].

В витринах были представлены 65 предметов из собрания ГМЗ «Царское Село»: оружие, кивер и мундир Лейб-гвардии Егерского полка, принадлежавшие цесаревичу Алексею Николаевичу, детские игрушки, куклы, настольные игры, платья, костюмчики, письма, фотографии, мемориальные предметы, а также 49 оловянных

солдатиков из личной коллекции Г. Э. Введенского. На информационных стендах размещались коллажи из детских фотографий военной поры.

Международный комитет Красного Креста (Швейцария) предоставил на выставку 56 копий с архивных фотографий, отражавших гуманитарную деятельность организации по помощи детям, пострадавшим от войны в России, Германии, Австро-Венгрии, Сербии, Румынии, Болгарии и др.

Государственный исторический музей представил копии с нескольких десятков детских рисунков времен Великой войны, собранных исследователем народного искусства В. С. Вороновым (1887–1940). Порой очень наивные, по-детски простодушные рисунки завораживали силой эмоционального воздействия. В них отражались подвиги героев, смерти, ранения, осада городов, бои аэропланов и многое другое переосмысленное детским восприятием [21]. Реквизитом выставки были три школьные доски и парта начала XX в. На двух досках были закреплены копии с рисунков из коллекции Воронова. На третьей доске размещались рисунки современных детей-посетителей выставки, которые они могли нарисовать при помощи цветных карандашей, сидя за партой. Данный интерактивный элемент, как и сама выставка, пользовался большим успехом, вследствие чего ее работа была продлена до 18 ноября.

Выставка «Англо-русский госпиталь в Петрограде, 1915–1918» знакомила посетителей с историей благотворительного медицинского учреждения, созданного и финансируемого британцами и работавшего в столице Российской империи и в прифронтовой полосе Западного и Юго-Западного фронтов с ноября 1915 г. по январь 1918 г. Среди благотворителей Англо-русского госпиталя были король Георг V, королева Александра, королева Мария, Британский Красный Крест, Орден Святого Иоанна Иерусалимского, правительство доминиона Канада и т. д. Комитет госпиталя под руководством лорда Ивлина Бэринга, 1-го графа Кроумера (1841–1917) собрал 30 000 фунтов. Англичане жертвовали не только деньги, но и перевязочный материал, автомобили, даже вино и шампанское. За первый год работы госпиталь, располагавшийся во дворце великого князя Дмитрия Павловича на Невском проспекте, принял более 6000 человек. Деятельность госпиталя стала хорошим примером русско-британской дружбы и общественной инициативы в самые тяжелые годы Великой войны [22].

Информация по истории госпиталя, хроника его деятельности, список его персонала, копии фотографий и документов из частных коллекции внука соуправляющей Англо-русским госпиталем леди Сибил Грей – Саймона Бойда и профессора Полины Монро, разместились на 21 настенном плакате. В витринах были представлены 118 подлинных предметов: медицинские инструменты, перевязочный материал, походные кровати, больничное оборудование начала XX в., из собрания Военно-медицинского музея Министерства обороны Российской Федерации и ГМЗ «Царское Село» [23].

Столь интенсивная выставочная деятельность, предпринятая в годы столетия памяти Великой войны, интерес со стороны музейного сообщества, частных коллекционеров и средств массовой информации, говорят об особой востребованности тематики «молодого» музея со стороны российской общественности. Оригинальность и разноплановость затрагиваемых тем, стремление отразить ранее неизвестные широкой публике страницы и эпизоды Первой мировой войны, повлияли на динамику развития музея, расширение его экспозиционной площади. Большое число «внешних» выставок объясняется тем, что в недавно созданном музее большинство предметов представлены на основной экспозиции, а не в фондохранилищах.

В целом коммеморативный язык и формы показа вполне типичны для отечественных и зарубежных военно-исторических музеев, характерной чертой которых является определенный «консерватизм», недостаточность использования мультимедиа-продуктов, современных технологий, интерактивных и инсталляционных элементов при организации временных выставок. Преобладают мемориальные, монографические, коллекционно-тематические и фотографические типы выставок.

В то же время основание музея «Россия в Великой войне» в Государевой Ратной палате в 2014 г. является хорошим начинанием по возвращению в российскую музейную и просветительскую практику памяти о событиях вековой давности, выпавших из нее в силу идеологических причин, а его деятельность при рассмотрении в ближней ретроспективе необходимо признать важной площадкой для межкультурного обмена и поиска точек соприкосновения с иностранным культурным и коллекционным сообществом.

Список литературы

1. Жердева Ю. А. Музеализация Великой войны: региональная история // Человек и общество в условиях войн и революций: материалы II Всерос. науч. конф. 15 дек.

2015 г. / под. ред. Е. Ю. Семеновой. Самара: Самар. гос. техн. ун-т, 2015. Вып. 2. С. 181–187.

2. Отчет Государственного музея-заповедника «Царское Село». 2016. Санкт-Петербург; Пушкин: ГМЗ «Царское Село», 2017. 240 с.

3. L'Établissement de communication et de production audiovisuelle de la Défense (ECPAD). URL: http://www.ecpad.fr/ (дата обращения: 11.11.2019).

4. Archives E.C.P.A.D. URL: http://archives.ecpad.fr/ (дата обращения: 11.11.2019).

5. В Ратной палате открылась фотовыставка «Первая мировая война. Русская армия во Франции». URL: https://pushkin.ru/news/carskoselskay-gazeta/gmz-tsarskoe-selo-the-first-world-war-the-russian-army-in-france-and-the-exhibition-and-puzzle-game.html (дата обращения: 11.11.2019).

6. Выставка фотографий «Первая мировая война. Русская армия во Франции» и компьютерная игра «Soldat inconnu - mémoire de la Grande guerre» на русском языке. URL: https://www.institutfrancais.ru/ru/sankt-peterburg-i-severo-zapad-rossii/vystavka-fotografiy-pervaya-mirovaya-voyna-russkaya-armiya-vo-francii-i-kompyuternaya-igra-soldat (дата обращения: 11.11.2019).

7. «У героев былых имен не осталось теперь имен...». Фотовыставка Владимира Доброхотова. Государственный музей-заповедник «Царское Село». Санкт-Петербург; Пушкин; Якутск: ОАО «Медиа-холдинг „Якутия“, 2015. 32 с.

8. Война и жизнь. Фотовыставка, которой могло не быть. URL: http://project9550.tilda.ws/ (дата обращения: 11.11.2019).

9. Якутский профессиональный фотожурналист Владимир Доброхотов презентует бесценный фотоархив своего деда. URL: http://yakutia.com/culture/256/ (дата обращения: 11.11.2019).

10. В Костроме открылась выставка фотографий Первой мировой войны. URL: http://перваямировая.рф/kos/160130/v-kostrome-otkrylas-vystavka-fotografiy-pervoy-mirovoy-voyny (дата обращения: 11.11.2019).

11. В МВД России открылась выставка уникальных фоторабот военного врача Константина Доброхотова (апрель-май 2016). URL: https://мвд.рф/news/item/7630814/ (дата обращения: 20.05.2019).

12. Маньков С. А. Память о Первой мировой войне в государственных наградных системах после 1945 года // Великая война 1914–1918 гг. Итоги и уроки: сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию окончания Первой мировой войны. Санкт-Петербург: ИД «Морская энциклопедия», 2019. С. 311–318.

13. Говор Е. Русские Анзаки: нити потерянной истории. Санкт-Петербург; Пушкин: ГМЗ «Царское Село», 2016. 16 с.

14. Govor E. Russian Anzacs in Australian History. Sydney: UNSW Press in association with NAA, 2005. 310 p.

15. Russian Anzacs. URL: https://russiananzacs.net/ (дата обращения: 20.05.2019).

16. Говор Е. В. Российские анзаки Первой мировой: уроки из прошлого // Великая война 1914–1918 гг. Итоги и уроки: сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию окончания Первой мировой войны. Санкт-Петербург: ИД «Морская энциклопедия», 2019. С. 183–187.

17. Хорошилова О. А. Всадники особого назначения. Москва: Рус. витязи, 2013. 247 с.

18. Хорошилова О. А., Швиглева Е. Н. Отряд Особой важности имени атамана Пунина, 1915–1917. По материалам Ольги Хорошиловой. Санкт-Петербург: ГМЗ «Царское Село», 2016. 13 с.

19. Отчет Государственного музея-заповедника «Царское Село». 2017. СПб.: ГМЗ «Царское Село», 2018. 256 с.

20. Выставка «Дети в Великой войне». URL: http://www.tzar.ru/news/1541852849 (дата обращения: 20.05.2019).

21. Филипцева М. П., Швиглева Е. Н. Дети в Великой войне. Санкт-Петербург: Изд-во «Русская коллекция», 2018. 16 с.

22. Купцова И. В. Англо-русский госпиталь в Петрограде // Клио. 2011. № 5 (56). С. 89–93.

23. Швиглева Е. Н. Англо-русский госпиталь в Петрограде, 1915–1918. Санкт-Петербург: Изд-во «Русская коллекция», 2018. 24 с.

References

1. Zherdeva Yu. A. Musealization of Great war: regional history. Man and society in context of wars and revolutions: proc. of 2nd All-Russ. sci. conf. Dec. 15, 2015 / ed. E. Yu. Semenova. Samara: Samara State Technical Univ., 2015. 2, 181–187 (in Russ.).

2. Report of the Tsarskoe Selo State Museum and Heritage Site. 2016. Sankt-Petersburg; Pushkin, 2017. 240 (in Russ.).

3. L'Établissement de communication et de production audiovisuelle de la Défense (ECPAD). URL: http://www.ecpad.fr/ (accessed: Nov. 11.2019).

4. Archives E.C.P.A.D. URL: http://archives.ecpad.fr/ (accessed: Nov. 11.2019).

5. The photo exhibition «The First World War. The Russian army in France». URL: https://pushkin.ru/news/carskoselskay-gazeta/gmz-tsarskoe-selo-the-first-world-war-the-russian-army-in-france-and-the-exhibition-and-puzzle-game.html (accessed: Nov. 11.2019) (in Russ.).

6. Exhibition of photographs «The First World War. The Russian army in France» and the computer game «Soldat inconnu – mémoire de la Grande guerre» in Russian. URL: https://www.institutfrancais.ru/ru/sankt-peterburg-i-severo-zapad-rossii/vystavka-fotografiy-pervaya-mirovaya-voyna-russkaya-armiya-vo-francii-i-kompyuternaya-igra-soldat (accessed: Nov. 11.2019) (in Russ.).

7. «The heroes of former names no longer have names...». Photo exhibition of Vladimir Dobrokhotov. The Tsarskoe Selo State Museum and Heritage Site. Saint-Petersburg; Pushkin; Yakutsk: Yakutia Media Holding OJSC, 2015 32 (in Russ.).

8. War and life. Photo exhibition, which could not be. URL: http://project9550.tilda.ws/ (accessed: Nov. 11.2019) (in Russ.).

9. Yakut professional photojournalist Vladimir Dobrokhotov presents the priceless photo archive of his grandfather. URL: http://yakutia.com/culture/256/ (accessed: Nov. 11.2019) (in Russ.).

10. An exhibition of photographs of the First World War opened in Kostroma. URL: http://firstweller.rf/kos/160130/v-kostrome-otkrylas-vystavka-fotografiy-pervoy-mirovoy-voyny (accessed: Nov. 11.2019) (in Russ.).

11. An exhibition of unique photographs by the military doctor Konstantin Dobrokhotov (April-May 2016) opened at the Russian Interior Ministry. URL: https://mvd.rf/news/item/7630814/ (accessed: Nov. 11.2019) (in Russ.).

12. Man'kov S. A. The memory of the First World War in state honours systems after 1945. The Great War of 1914–1918. Results and lessons: Coll. of articles of the Intern. Sci. and Practical Conf. dedicated to the 100th anniversary of the end of the World War I. Saint-Petersburg: «Maritime Encyclopedia» Publ. house, 2019. 311–318 (in Russ.).

13. Govor E. Russian Anzacs: the threads of a lost history. Sankt-Petersburg; Pushkin: the Tsarskoe Selo State Museum and Heritage Site, 2016. 16 (in Russ.).

14. Govor E. Russian Anzacs in Australian History. Sydney: UNSW Press in association with NAA, 2005. 310.

15. Russian Anzacs. URL: https://russiananzacs.net/ (accessed: Nov. 11.2019).

16. Govor E. V. Russian Anzacs of the First World War: Lessons from the Past. The Great War of 1914–1918. Results and lessons: Coll. of articles of the Intern. Sci. and Practical Conf. dedicated to the 100th anniversary of the end of the World War I. Saint-Petersburg: «Maritime Encyclopedia» Publ. house, 2019. 183–187 (in Russ.).

17. Khoroshilova O. A. Special riders. Moscow: Russian vityazi, 2013. 247 (in Russ.).

18. Khoroshilova O. A., Shviglyova E. N. Detachment of the special importance of the name of ataman Punin, 1915–1917. According to Olga Khoroshilova. Saint-Petersburg: the Tsarskoe Selo State Museum and Heritage Site, 2016. 13 (in Russ.).

19. Report of the Tsarskoe Selo State Museum and Heritage Site. 2017. Saint-Petersburg, 2018. 256 (in Russ.).

20. The exhibition «Children in the Great War». URL: http://www.tzar.ru/news/1541852849 (accessed: Nov. 11.2019) (in Russ.).

21. Filiptceva M. P., Shviglyova E. N. Children in the Great War. Saint-Petersburg: «Russian Collection» Publ. house, 2018. 16 (in Russ.).

22. Kuptcova I. V. English-Russian Hospital in Petrograd. Klio. 2011. 5 (56), 89–93 (in Russ.).

23. Shviglyova E. N. English-Russian hospital in Petrograd. 1915-1918. Saint-Petersburg: «Russian Collection» Publ. house, 2018. 24 (in Russ.).

УДК 069:351.85

Е. И. Мамаева

Музеефикации объекта культурного наследия: опыт корпоративной инициативы

Частная инициатива музеефикации объекта культурного наследия регионального значения – уникальный прецедент. В процессе музеефикации инициатор музеефикации Пермский аптечный холдинг проходит все этапы: научно-исследовательские изыскания, консервация и реставрация объекта культурного наследия, экспозиционная интерпретация. Инициатор преследует не только цель сохранить объект культурного наследия, но также и корпоративные цели – реализацию маркетинговой стратегии, развитие бренда компании, привлечение молодых специалистов в отрасль компании. Успешность музеефикации объекта культурного наследия обеспечивается компетентным подходом к выбору инструментов управления процессом музеефикации, возможностью привлечения достаточного объема финансирования и профессиональных участников. Вместе с тем музеефицированный объект культурного наследия, находящийся в частной или корпоративной собственности, несет в себе риски корпоративных музеев: отсутствие специальной законодательной базы в отношении музейного фонда, неустойчивость ресурсного обеспечения, незащищенность от волюнтаризма руководителей и собственников.

Ключевые слова: музеефикация, объект культурного наследия, реставрация, консервация, экспозиционная интерпретация, корпоративный музей

Yelena I. Mamaeva

Museumification of cultural heritage: experience of corporate initiative

The private initiative of museumification of the object of cultural heritage of regional significance is a unique precedent. In the process of museumification the initiator of museumification – Perm pharmacy holding – goes through all stages: research, conservation and restoration of cultural heritage, exhibition interpretation. The initiator pursues not only the goal to preserve the object of cultural heritage, but also corporate goals – the implementation of the marketing strategy, the development of the company's brand, attracting young professionals to the company's industry. The success of museumification of the cultural heritage object is provided by a competent approach to the choice of tools for managing the process of museumification, the ability to attract sufficient funding and professional participants. At the same time, the museumified object of cultural heritage, which is in private or corporate ownership, bears the risks of corporate museums: the lack of a special legal framework for the Museum Fund, the instability of resource provision, the vulnerability of managers and owners from voluntarism.

Keyword: museumification, cultural heritage, restoration, conservation, exposition interpretation, corporate museum

DOI 10.30725/2619-0303-2019-4-83-87

Сохранение и освоение историко-культурного наследия являются объектом пристального внимания мирового сообщества и многих национальных государств. Наиболее эффективным способом сохранения культурного наследия является музеефикация. Авторитетным музееведом и историком М. Е. Каулен предложено следующее определение музеефикации – это «направление музейной деятельности, заключающееся в преобразовании историко-культурных или природных объектов с целью максимального сохранения и выявления их историко-культурной, научной, художественной ценности» [1, с. 13]. В более узком смысле музеефикация означает превращение недвижимых памятников в музейные объекты на месте их бытования. Автор отмечает, что музеефикация как особое направление музейной работы не получило достойного освещения в научной и учебной музееведческой литературе.

Музеефицированное наследие является важной основой исторической среды региона и несет большой потенциал для раскрытия региональной культуры в общенациональном масштабе [2, с. 367]. Инициатором процесса музеефикации в подавляющем большинстве случае являются федеральные, региональные и муниципальные органы власти. Случаи, когда процесс музеефикации объекта культурного наследия является частной или корпоратив-

ной инициативой, очень редки. Одним из таких объектов является памятник архитектуры регионального значения – здание Земской аптеки 1812 г. постройки, расположенное в столице Пермского края в исторической части города. Описание уникального опыта музеефикации является целью данной публикации.

В процессе музеефикации различных объектов культурного наследия можно выделить наиболее общие этапы, применимые к любым видам памятников: выявление и исследование объекта, реставрационно-консервационные мероприятия, экспозиционная интерпретация и дальнейшее использование в качестве объектов музейного показа.

Основой для музеефикации объектов культурного наследия является федеральное и региональное законодательство. В 2002 г. в Российской Федерации был принят Федеральный закон «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации», регламентирующий отношения в области сохранения, использования и государственной охраны объектов культурного наследия. Согласно закону, объекты культурного наследия могут находиться как в государственной (и муниципальной), так и в частной собственности. Юридические и физические лица, имеющие в собственности объекты культурного наследия, обязаны соблюдать все требования к содержанию и использованию, сохранению и обеспечению доступа к данному объекту. Взамен федеральный закон предоставляет право на компенсацию произведенных ими затрат на работы по сохранению объекта, но относится это только к памятникам федерального значения. Право на компенсацию затрат, понесенного собственником – физическим или юридическим лицом – при проведении работ по сохранению объекта культурного наследия регионального значения, закрепляет законодательство субъектов Российской Федерации. В Пермском крае такое право закреплено в законе Пермского края «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации, расположенных на территории Пермского края» от 7 июля 2009 г. Таким образом, государство пытается стимулировать сохранение объектов культурного наследия, находящихся в частной собственности.

Здание земской аптеки, расположенное по адресу: Пермь, ул. Ленина, 30, было принято под охрану государства как памятник архитектуры и градостроительства «Аптека земская» решением Малого совета Пермского Облсовета 20 мая 1993 г. № 683 [3, с. 50]. Это был первый шаг в процессе музеефикации объекта культурного наследия – признание культурной и исторической ценности и необходимости сохранения его для потомков. Особенностью объекта культурного наследия стал тот факт, что на протяжении более двухсот лет здание не меняло своего назначения – с 1812 г. и по сей день здесь располагается городская аптека. Само здание аптеки было построено, вероятно, на рубеже XVIII–XIX вв. как жилой дом мещанина Калашникова [4, л. 7 об]. В объемно-пространственной композиции здание представляет собой разновременную постройку, возводимую в течение 90 лет (с начала XIX в. до 1889 г.).

Дальнейший процесс музеефикации объекта культурного наследия регионального значения продолжился только в 2016 г. Инициатором музеефикации объекта стал холдинг «Пермфармация» – одна из крупнейших в Пермском крае аптечных сетей. Финансирование музеефикации объекта осуществляется без государственной поддержки.

Инструментом музеефикации объекта культурного наследия «Земская аптека» стал исторический проект «Аптекарский двор». Таким образом, частная корпоративная структура в выборе инструмента достижения поставленных целей включилась в общегосударственную тенденцию применения проектного управления в социальной и культурной сферах. В свое время Пермский край был флагманским регионом, где раньше всех в России стали применять проект в качестве инструмента достижения целей государственной политики в различных сферах. Становление системы проектного управления в сфере культуры все еще продолжается, поэтому полное соблюдение всех правил и принципов проектного управления по тем или иным причинам отсутствует. В рамках подготовки реализации исторического проекта «Аптекарский двор» был сформирован проектный офис, определены куратор, руководитель и исполнители проекта, сформулированы цели и задачи проекта и пр. Значительным отступлением от правил проектного управления стало неполное оформление проектной документации.

Изначально была выбрана форма «мягкой» музеефикации – предполагалось сохранение первоначальных функций объекта (действующей аптеки). В результате реализации проекта в центре краевой столицы должен появиться многофункциональный природно-архитектурный ансамбль «Аптекарский двор», объединяющий в себе действующую городскую аптеку, рекреационную зону, деловую зону и музей. Все объекты, которые появились или еще только появятся в результате реализации объекта,

объединены фармацевтической тематикой, что вполне очевидно, исходя из бизнес-профиля заказчика проекта – холдинга «Пермфармация».

В отличие от органов государственной, региональной и муниципальной власти заказчик проекта ставил перед собой не только цель сохранить и популяризировать объект культурного наследия, находящийся в его собственности. Цели процесса музеефикации были идентичны целям создания любых корпоративных музеев, созданных и функционирующих в составе отечественных и зарубежных предприятий. Отечественные и зарубежные авторы относят к целям деятельности корпоративных музеев следующее: реализация маркетинговой стратегии предприятия, инструментом которой является корпоративный музей как своеобразная «витрина» для продукции и услуг предприятия; повышение доверия к бренду компании, ее узнаваемости среди клиентов и широкой общественности; повышение доверия потенциальных и реальных клиентов компании, поддержание корпоративной культуры работников и служащих посредством презентации корпоративной истории и традиций через музей. Холдинг «Пермфармация» посредством реализации исторического проекта «Аптекарский двор» преследовал как вышеозначенные цели, так цели популяризации профессии фармацевта и привлечения молодого поколения в фармацевтическую отрасль вследствие постоянного кадрового голода, как самого холдинга, так и фармацевтической отрасли в целом. Отличительной особенностью музеефицированного объекта и созданного при нем фармацевтического корпоративного музея должна стать его общедоступность, в отличие от большинства корпоративных музеев, которые часто являются недоступными для широкой аудитории.

В ходе реализации исторического проекта «Аптекарский двор» были пройдены все этапы музеефикации объекта культурного наследия.

1. Консервация и реставрация

В 1998 г. к 275-летию города Перми был осуществлен косметический ремонт здания. Частичный ремонт фасада был осуществлен также в 2008 г. В 2012 г. был произведен ремонт кровли. Несмотря на усилия собственника в процессе поддержания объекта культурного наследия в нормативном состоянии, в 2013 г. акт технического осмотра зафиксировал неудовлетворительное состояние памятника: массовое разрушение штукатурки и разрушение кирпича по фасаду, аварийное состояние внешнего декоративного убранства, трещины на потолке внутри здания, протечки и др. Территория вокруг здания находилась выше уровня гидроизоляции фундаментов, что грозило постоянным подтоплением всего здания. В целях сохранения памятника было предписано выполнить вертикальную перепланировку двора с опусканием грунта и водоотведением, ремонт помещений и реставрацию фасадов с восстановлением рисунка переплета, лепного декора и окраски.

В 2016 г. была разработана научно-проектная документация на ремонт помещений и инженерных сетей. В процессе разработки проектной документации были проведены историко-архивные и историко-архитектурные научные исследования. В этот же год полуразрушенные подсобные строения во дворе здания «Земской аптеки» были снесены. Вместо дворовых складов и подземного склада-ледника в 2017 г. был разбит сквер, и построено новое здание для конференц-зала.

Аптекарский сквер стал не только приятным тихим местом в самом центре города, но и живой «экспозицией» лекарственных трав и растений. По окончании реализации проекта планируется использовать аптекарский сквер как дополнительную локацию в ходе экскурсионного музейного маршрута, посвященную истории организации аптечного дела; как самостоятельную площадку для проведения мероприятий на открытом воздухе; а также как самостоятельную площадку для выставочных проектов. Построенный конференц-зал предназначен для проведения различных деловых и образовательных мероприятий.

В 2017 г. был полностью отремонтирован фасад объекта культурного наследия «Аптека земская», а в 2018 г. был осуществлен капитальный ремонт в помещении действующей аптеки на первом этаже. Интерьер аптеки оформлен в стиле губернской аптеки XIX в. Фармацевты в аптеке не только консультируют о подходящих лекарственных препаратах, но и рассказывают об истории первой пермской аптеки. Помещения объекта культурного наследия, предназначенные для размещения музейной экспозиции, находятся в стадии ремонта.

2. Исследования

Проведение историко-архивных и историко-архитектурных научных исследований началось в 2016 г. в рамках разработки научно-проектной документации на ремонт помещений и инженерных сетей. В целях исследования истории первой пермской аптеки были привлечены многочисленные документы, хранящиеся в архивах и музеях города Перми и Санкт-Петербурга.

27 апреля 2017 г. на базе Пермской государственной фармацевтической академии

состоялась конференция «Музей-аптека как информационно-культурный объект в современной городской среде». На конференции обсуждались вопросы музейного законодательства, выставочной и экскурсионной работы, места музеев в процессе профессиональной ориентации. Также был представлен первоначальный проект музея «Аптекарский двор». Участники конференции старались дать практические советы по планированию будущего музея: ориентация экспозиции и музейных программ на широкий круг посетителей и разумное использование мультимедийных технологий [5].

Параллельно с научно-исследовательскими мероприятиями ведется работа по комплектованию фондов будущего музея. Ядро музейной коллекции составил клад, обнаруженный на чердаке объекта культурного наследия «Аптека земская» в декабре 2017 г. в ходе проведения капитальных ремонтных работ. Обнаруженные в составе клада документы и предметы имеют непосредственное отношение к деятельности первой пермской аптеки. В 2018 г. была проведена атрибуция и консервация найденных предметов. Анализ найденного клада позволяет судить о деятельности пермской аптеки с 1903 по 1923 г.: ассортимент лекарственных средств, которые изготовлялись и продавались в аптеке, имена лаборантов и аптекарей и многое другое. Большинство предметов аптечного клада войдет в экспозицию будущего музея. Комплектование музейных фондов – это непрерывный процесс. Большинство скомплектованных предметов бытовали в аптеках и на фармацевтических производствах с 1950-х гг. до настоящего времени. Особый интерес представляют собой альбомы с фотографиями, которые изготовляли сотрудники той или иной аптеки (а также аптечного склада). Сдатчиками являются не только сотрудники холдинга «Пермфармация», но и жители города Перми. Вместе с предметами сдатчики оставляют в музее информацию о предметах, биографические данные о родственниках, служивших в пермских аптеках.

3. Экспозиционная интерпретация

Музейная экспозиция, которая будет располагаться в объекте культурного наследия «Аптека земская», в настоящее время находится в стадии проектирования. В 2018 г. была сформулирована концепция и художественный эскиз экспозиции.

Первоначально концепция будущего музея тяготела к интерьерной экспозиции. Предполагалось, что в музейных залах будут воссозданы интерьеры центральной городской аптеки в разные исторические периоды. В последующем данная концепция была подвергнута критике: интерьерная музейная экспозиция не уникальна – другие мировые и российские аптечные музеи в большинстве построены именно на основе воссоздания обстановки аптеки в тот или иной исторический период; такой подход ограничивает хронологические рамки и общую тематику всей экспозиции – невозможно через интерьер аптеки, которая существовала с начала XIX в., показать историю развития официальной фармации более раннего периода или историю развития народной фармации.

Была разработана концепция будущей экспозиции на основе образно-сюжетного метода проектирования. Для этого к процессу создания концепции специально был привлечен театральный художник. В то же время началось проектирование музейных мультимедийных систем. Акцент делался на музейную интерактивность и разнообразие формы восприятия: где-то будет задействована зрительный способ подачи информации (через экраны), где-то – звуковой (через наушники или колонки), где-то – через моторику (сенсорные экраны и макеты, доступные тактильному взаимодействию). Весь комплекс мультимедийных систем объединяет идея постоянного взаимодействия с посетителем музея – через игру, поиск, запросы.

При создании тематико-экспозиционного плана особое внимание уделяется разумному балансу между традиционным формами музейного показа и использованием мультимедийных технологий. Музей немыслим без подлинных предметов, их игнорирование в музейной экспозиции может поспособствовать превращению музей в учреждение музейного типа или парк аттракционов.

Открытие музейной экспозиции запланировано в 2020 г.

Таким образом, можно прогнозировать и частично констатировать успешную музеефикацию объекта культурного наследия посредством частной инициативы. Корпоративная инициатива тяготеет к комплексному подходу в процессе музеефикации, синтезируя общегосударственные задачи сохранения и популяризации культурного наследия, развития региональной культуры, а также частно-корпоративные интересы. Успешность процессов музеефикации объекта культурного наследия заключается в компетентном подходе к выбору инструментов управления процессом музеефикации, возможности привлечения достаточного объема финансирования и профессиональных участников реализации процесса: архитекторов,

историков, музейщиков, художников и других. Немаловажным, как оказалось, стало привлечение профессионалов из сферы бизнеса – для успешного дальнейшего существования музеефицированного объекта, его развития, немаловажным становится фактор самоокупаемости объекта. Вместе с тем музеефицированный объект культурного наследия, находящийся в частной или корпоративной собственности, несет в себе риски корпоративных музеев и подобных им институций: отсутствие специальной законодательной базы в отношении музейного фонда, неустойчивость ресурсного обеспечения, незащищенность от волюнтаризма руководителей и собственников.

Список литературы

1. Каулен М. Е. Музеефикация историко-культурного наследия России. Москва: Этерна, 2012. 432 с.

2. Музейное дело России / под ред. М. Е. Каулен, И. М. Косовой, А. А. Сундиевой. Москва: Изд-во «ВК», 2003. 614 с.

3. Памятники истории и культуры Пермской области: [каталог]: в 2 т. Пермь: Арабеск, 1993. Т. 2: Памятники истории, архитектуры и искусства / авт.-сост.: А. Б. Киселев, В. И. Сузутов. 236 с.

4. Реестр на недвижимые имения, принадлежащие Приказу в Перми и в уездных городах. 1829 г. // Гос. арх. Перм. края. Ф. 82. Оп. 1. Д. 75. 16 л.

5. Музей-аптека как информационно-культурный объект в современной городской среде: сб. ст. I ежегод. Всерос. конф. «Аптека в городской среде – 2017». Пермь: Растр, 2017. 70 с.

References

1. Kaulen M. E. Museumification of historical and cultural heritage of Russia. Moscow: Eterna, 2012. 432 (in Russ.).

2. Kaulen M. E. (ed.), Kosova I. M. (ed.), Sundieva A. A. (ed.) Museum business of Russia. Moscow: Publ. house «VK», 2003. 614 (in Russ.).

3. Kiselev A. B. (comp.), Sozutov V. I. (comp.) Monuments of history and culture of the Perm region: [catalog]: in 2 vol. Perm: Arabesque, 1993. 2: Monuments of history, architecture and art. 236 (in Russ.).

4. The Register on the real estates belonging to the Order in Perm and in district cities. 1829. State archive of Perm Region. F. 82. Op. 1. 75. 16 (in Russ.).

5. Museum-pharmacy as an information and cultural object in the modern urban environment: col. of art. of the I an. all-Russ. conf. «Pharmacy in the urban environment – 2017». Perm: Raster, 2017. 70 (in Russ.).

УДК 069:2-736

К. Г. Назанян

Современный церковный музей: продолжение традиции или актуальная тенденция

В статье используются выводы проведенного автором исследования о вкладе православного духовенства в сохранение и изучение культурного наследия России в XIX в., которые призваны подтвердить мнение о том, что дореволюционная традиция создания «музеев древних вещей», древлехранилищ Русской православной церкви возрождается с 1990-х гг. По причине того, что имущественные отношения между музеями и церковными организациями в существующем информационном поле обсуждаются очень часто, вполне закономерно, что действительно значимые инициативы священноначалия в сфере охраны памятников часто остаются как вне исследовательского внимания, так и вне внимания широкой общественности. Деятельность Патриаршего Совета по культуре, утверждение должности епархиального древлехранителя, создание типового устава церковного музея, проведение профильных мероприятий (съезды древлехранителей и др.), появление новых музеев как культурных маркеров музейной сферы России нуждаются в популяризации. Предлагается по-новому взглянуть как на социальную, так и на научную проблему, раскрыв современные тенденции существования церковных музеев и организаций, способствующих их развитию.

Ключевые слова: культурное наследие, музей, православное духовенство, этнография, священники, краеведы, церковная культура, светская культура

Karina G. Nazanyan

Modern Church Museum: a continuation of the tradition or trend

The article uses the findings of the author's research of the contribution of Orthodox clergy to the preservation and studying of the cultural heritage of Russia in the XIXth century, which are designed to confirm the view that the pre-revolutionary tradition of creating «museums of ancient things», the repositories of the Russian Orthodox Church has been revived since the 1990s. Due to the fact that property relations between museums and Church organizations in the existing information field are discussed very often, it is quite natural that really significant initiatives of the Church in the field of protection of monuments often remain outside the research attention and outside the attention of the public. The activities of the Patriarchal Council for culture, the approval of the position of the diocesan keeper of antiquities, the creation of a model charter of the church museum, the holding of specialized events, the emergence of new museums as cultural markers of the museum sphere of Russia, in our opinion, need to be popularized. It is proposed to take a new look at both the social and scientific problem, revealing the current trends in the existence of church museums and organizations that contribute to their development.

Keywords: museum, Orthodox clergy, local study, ethnography, clerymen local historians, church culture, secular culture

DOI 10.30725/2619-0303-2019-4-88-92

Современное медийное поле регулярно транслирует обществу вопросы взаимодействия музейных институций и Русской православной церкви (РПЦ). Пристальное внимание уделено административно-хозяйственным отношениям в контексте передачи религиозным организациям имущества религиозного назначения, находящегося в государственной или муниципальной собственности [1], в то время как вопрос шире и сложнее.

Если рассматривать такой социальный институт как РПЦ в ретроспективе, то можно утверждать, что она являлась генератором культурных ценностей на всех этапах своего существования – со времен принятия христианства в 988 г. и по настоящее время. Церковное наследие как часть культурного наследия России материального (храмы, иконы, богослужебные облачения, литургические предметы) и нематериального (традиция крестных ходов, церковное пение, иконописные каноны и др.) в отечественной традиции приобрело значительный интерес у исследователей в XIX веке (Н. П. Покровский, Н. Кондаков и др.), и изначально этот интерес был связан с проблемой научного изучения сакральных древностей и особенностей методологии подобных исследований. РПЦ не только является хранитель-

ницей культурных традиций, но и имеет свою собственную традицию создания и развития музеев. В том же позапрошлом столетии начали появляться, используя современную терминологию, специальные места для хранения, изучения и демонстрации сохранившихся церковных реликвий.

Места сохранения древностей были разными: от музеев наглядных пособий при духовных академиях до крупнейших собраний епархиальных древлехранилищ с грамотно составленными каталогами и описями предметов, атрибуцией которых занимались непосредственно священнослужители.

Основными направлениями деятельности в сфере охраны культурного наследия и предпосылками становления музейной сети (сети древлехранилищ) были следующие: собирание предметов церковного и светского быта, редких книг, икон; изучение местных традиций, в том числе и в рамках миссионерской деятельности среди инородцев (фольклор, обычаи, религиозно-нравственные воззрения прихожан); исследование истории местных монастырей и храмов; и локальной церковной иерархии; участие в создании и работе местных церковно-исторических, археологических, статистических обществ, управляемых Московским археологическим обществом.

В дореволюционную эпоху значительный вклад в создание и развитие древлехранилищ и музеев наглядных пособий внесли преподаватели семинарий, духовных училищ, церковно-приходских школ и приходские священники, преподававшие в сельских школах.

Деятельность представителей духовного сословия наполняла общественное служение РПЦ новым содержанием. Представители церковной интеллигенции выводили духовное сословие из состояния корпоративной замкнутости. Благодаря им стало складываться «осознание епархиального единства, общности его прошлого и настоящего» [2, с. 109]. По инициативе энтузиастов были созданы музеи древностей и церковные древлехранилища, формой деятельности которых стали выявление и сбор информации, а также собирание письменных и вещественных материалов. Научные статьи, очерки по истории и этнографии занимали значительное место в периодических изданиях, корреспондентами которых были и священники.

Инициатива частных лиц в организации древлехранилищ, церковных библиотек и научных обществ, будучи характерной чертой жизни пореформенной России, зачастую приводила к консолидации заинтересованных светских и духовных лиц в деле изучения местных достопримечательностей и распространении знаний на общественных мероприятиях и публикацию научных достижений. Изучение древностей повлекло за собой тенденции к их собиранию, потребности сохранить и показать предметы старины. Изучение культурных практик, краеведческие занятия и устройство древлехранилищ в XIX – начале XX в. стали значительной частью деятельности священнослужителей. Таким образом, аккумулированный ими материал до сих пор остается ценным источником по истории епархий, монастырей, храмов и народных традиций. К концу XIX в. в России насчитывалось 16 музеев, входящих в состав церковно-археологических обществ, комитетов и духовных семинарий, чаще всего они именовались церковно-археологическими древлехранилищами [3, с. 335].

Как и многие другие достижения научной и культурной жизни царской России, организация церковных музеев вместе с изучением и сохранением предметов церковной старины прервалась после Октябрьской революции 1917 г. Как было сказано выше, РПЦ имеет свою собственную традицию создания и развития музеев, развитие которой прервала советская власть: с 1922 г. разворачивается кампания по изъятию церковных ценностей, которая являлась частью политического курса ликвидации Церкви как таковой. Древлехранилища подверглись разграблению наряду с храмами. Насильственный сбор материальных ценностей не мог не сопровождаться репрессиями по отношению к священникам и мирянам, пытавшимся спасти святыни, что привело не только к уничтожению памятников, но и к лишению жизни тех людей, которые эти памятники защищали [4]. Если комиссия по изъятию церковных ценностей признавала, что изъятые предметы имеют художественную ценность, то они передавались в Государственный музейный фонд и распределялись по музеям. Советская действительность прекратила существование церковных музеев. Состояние стагнации продолжалось до 1990-х гг. В это время начинается новый, современный этап возрождения и развития музеев РПЦ.

Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл заявил: «Сама по себе Церковь – это не музей, Церковь – это живая община людей. В Церкви хранятся духовные и часто – материальные ценности, которые достаются нам от прошлого, однако Церковь сама по себе не является музейным экспонатом. Но при всем этом в Церкви как хранительнице культурной традиции должны быть и музеи» [5]. Заявления предстоятеля Церкви являются продолжением

поступательных движений в деле популяризации культурного наследия и создания специальных органов изучения.

В основах социальной концепции РПЦ выделены следующие интересующие нас «области соработничества Церкви и государства в нынешний исторический период» [6]: «охрана, восстановление и развитие исторического культурного наследия, включая заботу об охране истории и культуры» и «культура и творческая деятельность». В 2011 г. Священным Синодом РПЦ был принят типовой устав епархиального музея, которого нет в свободном для исследователя доступе наряду с другими актуальными сведениями сферы охраны памятников в Церкви [7]. Тем не менее, среди последних позитивных инициатив нельзя не отметить издания «Церковный древлехранитель: методическое пособие по сохранению памятников церковной архитектуры и искусства» [8] (2015) и «Методических рекомендаций по сохранению объектов культурного наследия религиозного назначения» [9] (2018).

Рассмотрим существующие сегодня органы Церкви, которые призваны заниматься сохранением и изучением, также кураторством широкого спектра вопросов, касающихся культурного наследия. Патриарший совет по культуре под председательством Патриарха Московского и всея Руси образован решением Священного Синода Русской Православной Церкви в 2010 г. В его компетенции включены вопросы взаимодействия с государственными учреждениями культуры, творческими союзами, общественными объединениями в странах канонического пространства Московского Патриархата. Также решением Синода от 31 мая 2010 г. при Патриаршем совете образована Комиссия по взаимодействию Русской Православной Церкви с музейным сообществом. В проектную деятельность Совета входят такие направления, как конференция «Международные Рождественские образовательные чтения», «Епархиальный древлехранитель», деятельность исторических парков «Россия – моя история», церковные музеи, общество русской словесности и др. Экспертный совет по церковному искусству, архитектуре и реставрации – постоянно действующий орган, изучающий и дающий экспертную оценку по искусствоведческим, реставрационным, архитектурным и иным проектам в структурных подразделениях на всей канонической территории Русской Православной Церкви.

Во исполнение Постановлений Архиерейского Собора Русской Православной Церкви от 2–5 февраля 2013 г. о надлежащем использовании, сохранении, учете, ремонте, реставрации и восстановлении памятников церковной архитектуры и искусства в штатах «исторических» епархий вводится должность епархиального древлехранителя. Он призван осуществлять контроль за сохранением памятников истории и культуры – объектов недвижимого имущества со связанными с ними произведениями иконописи, живописи, скульптуры, декоративно-прикладного искусства, иными предметами церковного наследия, находящихся в собственности (пользовании) епархии и ее канонических подразделений. В компетенцию епархиального древлехранителя также входит профессиональное взаимодействие с музейным сообществом и организациями культуры.

Также Патриарх в своем выступлении на заседании Высшего Церковного Совета 17 апреля 2019 г., говоря о родственности музейной и церковной реальности, подчеркнул, что передавать людям красоту божественной гармонии можно разными способами и что Церковь сегодня видит музеи во всей полноте их культурного служения, начиная от научных исследований и заканчивая возвышением человеческой души [10]. Заявления церковных иерархов находят свое подтверждение в официальных документах РПЦ и в проводимых ею мероприятиях.

Спустя практически столетие современная РПЦ в рамках своей культурной политики обратила внимание на возрождение церковных музеев и связанных с ним социокультурных практик. С 1990-х гг. возрождается церковная жизнь в России, и вполне закономерно начинают появляться небольшие церковные музеи. Учредителями таких музеев являются официальные канонические подразделения РПЦ – митрополии, епархии, монастыри, приходы, учебные заведения, братства, сестричества, миссии, а также священнослужители, выступающие как частные лица [11]. Среди особо значимых подобных музеев необходимо назвать Патриарший музей в Храме Христа Спасителя (Москва), музей Санкт-Петербургской епархии (Санкт-Петербург), Музей «Христианское просвещение чувашского народа» храма Новомучеников и Исповедников Российских Чебоксарско-Чувашской Епархии (Чебоксары).

Безусловно, сегодня Церковь большое внимание уделяет своему миссионерскому служению, а музей при храме и монастыре – одна из форм миссионерской деятельности, один из каналов распространения традиционных духовно-нравственных ценностей среди посетителей.

В настоящее время можно зафиксировать тенденцию увеличения количества таких музеев: если светский «музейный бум» был характерен для 1980-х гг., то 2010-е гг. можно по праву охарактеризовать как период активного строитель-

ства церковных музеев. В некоторых случаях можно говорить о преемственности дореволюционных собраний и современных музейных учреждений даже без сохранения коллекции (к примеру, музей-древлехранилище Александро-Невской лавры [12] до революции обладал собранием, которое сейчас находится в Государственном русском музее, тем не менее епископ Назарий (Лавриненко) благословил создание музея, который собрал коллекцию петербургского церковного быта, на основе которой и открыл экспозицию. В историческом помещении ризницы Лавры экспозиция, открытая в 2017 г., содержит иконопись и религиозную живопись, облачения и богослужебные предметы, исторические документы и фотографии.

Формы организации и юридической регистрации церковных музеев рассмотрены в публикации О. Г. Кирьяновой [11]. По классификации этого исследователя церковные музеи представляют собой большей частью просветительские, учебные и мемориальные. Современные церковные музеи, строго говоря, не всегда отвечают всем требованиям, которые сегодня должны выполнять музеи, поэтому верно будет называть их учреждениями музейного типа. К примеру, большинство таких музеев не обладает подлинными предметами или их количество незначительно по отношению ко всей коллекции; зачастую отсутствуют ведущие тексты и этикетаж, что усложняет восприятие информации при самостоятельном посещении; чаще всего помещения можно посетить в ограниченное время или только с экскурсией (что, в принципе, было характерно для дореволюционных древлехранилищ: священники, ведающие музеями, первостепенно были заняты богослужениями). Особенно важно подчеркнуть, что низкая осведомленность о существовании музеев Русской Православной Церкви также является проблемой.

В рамках изучения деятельности церковных музеев как институтов, в которых сосредоточено наследие Церкви, автором было внесено предложение о создании научного комитета по изучению церковного наследия при Санкт-Петербургском отделении Национального комитета ИКОМОС (Россия). Предложение было внесено в резолюцию II Межрегиональной научной конференции НК ИКОМОС (Россия «Охрана культурного наследия: проблемы регионов» (г. Орел, 25–26 апреля 2019 г.). Целью научного комитета будет являться изучение, сохранение, актуализация и популяризация отечественного церковного наследия на международном уровне. Создание такого комитета, на наш взгляд, способствовало бы решению проблемы аккумуляции научных и общественных деятелей, связанных с церковным наследием, представителей государства, общественных организаций, профессионалов; поддержке региональных тематических проектов в области сохранения, актуализации и популяризации отечественного церковного наследия; содействию диалогу культурного и церковного сообществ в деле охраны церковной старины; подготовке обучающих программ по проблемам сохранения церковного наследия (в том числе для Санкт-Петербургской духовной академии).

Подводя итоги, стоит сказать, что вышеуказанные процессы будут и дальше способствовать развитию церковных музеев. Наличие специализированных органов РПЦ, деятельность энтузиастов из числа современного духовенства, перекликаясь с традицией дореволюционной России, запросы на проектирование новых музейных пространств в храмах и монастырях, проведение профильных мероприятий в крупных городах и регионах – все эти факты уже сейчас позволяют сделать вывод о перспективном развитии церковных музеев.

Список литературы

1. Реституция по-русски: правовые аспекты// Информационно-аналитический центр «Сова». URL: https://www.sova-center.ru/religion/publications/2017/01/d36269/ (дата обращения: 13.11.2019).

2. Камкин А.В. Епархии // Камкин А. В. Православная церковь на Севере России : Очерки истории до 1917 г.: Любителю старины. Краеведу. Учителю. Студенту. Вологда, 1992. Гл. 3. С. 92–116. URL: https://www.booksite.ru/civk/8_st-43.html (дата обращения: 13.11.2019).

3. Дедюхина В. С., Масленицына С. П., Шестопалова Л. В., Лифшиц Л. И., Потапова Н. А. Сохранение памятников церковной старины в России XVIII – начала XX вв.: сб. док. Москва, 1997. 396 с. URL: https://www.booksite.ru/fulltext/orthodox/sohran/text.pdf (дата обращения: 13.11.2019).

4. Кривова Н. А. Власть и Церковь в 1922–1925 гг. URL: http://web.archive.org/web/20090407140353/http://www.unilib.neva.ru/dl/327/Theme_10/Literature/Krivova.htm (дата обращения: 13.11.2019).

5. Речь на открытии музея во Владимирском скиту Валаамского монастыря 10 июля 2009 г. URL: https://valaam.ru/publishing/4975/ (дата обращения 30.05.2019).

6. Основы социальной концепции Русской Православной Церкви // Патриархия.ру. URL: http://www.patriarchia.ru/db/text/419128.html / (дата обращения: 13.11.2019).

7. Священный Синод утвердил типовой устав церковного музея // Патриархия.ру. URL: http://www.patriarchia.ru/db/text/1587324.html (дата обращения: 13.11.2019).

8. Тихон (Шевкунов), архим. и др. Церковный древлехранитель: метод. пособие по сохранению памятников церковной архитектуры и искусства. Москва, 2015. 261, [2] с.

9. Методические рекомендации по сохранению

объектов культурного наследия религиозного назначения. URL: http://expsovet.ru/методические-рекомендации/методические-рекомендации-по-сохран/ (дата обращения: 13.11.2019).

10. Слово Святейшего Патриарха Кирилла на заседании Высшего Церковного Совета 17 апреля 2019 года // Патриархия.ру URL: http://www.patriarchia.ru/db/text/5414889.html (дата обращения: 13.11.2019).

11. Кирьянова О. Г. Музейные учреждения Русской Православной Церкви: современное состояние и перспективы // Доклад на XXVII Международных Рождественских образовательных чтениях. URL: https://mroc.pravobraz.ru/muzejnye-uchrezhdeniya-russkoj-pravoslavnoj-cerkvi-sovremennoe-sostoyanie-i-perspektivy/ (дата обращения: 13.11.2019).

12. Музей-древлехранилище Александро-Невской лавры // Свято-Троицкая Александро-Невская лавра. URL: https://lavra.spb.ru/subdivision/museum.html (дата обращения: 13.11.2019).

References

1. Restitution in Russian: legal aspects. Information and Analytical Center «Owl». URL: https://www.sova-center.ru/religion/publications/2017/01/d36269/ (accessed: Nov. 13. 2019) (in Russ.).

2. Kamkin A. V. Dioceses. Kamkin A. V. The Orthodox Church in the North of Russia: Essays on History until 1917: To the lover of antiquity. Local history specialist. To the teacher. To the student. Vologda, 1992. 3, 92–116. URL: https://www.booksite.ru/civk/8_st-43.html (accessed: Nov. 13. 2019) (in Russ.).

3. Dedyukhina V. S., Maslenitsyna S. P., Shestopalova L. V., Lifshits L. I., Potapova N. A. Preservation of church antiquities in Russia of the 18th – early 20th centuries: coll. of books. Moscow, 1997. 396. URL: https://www.booksite.ru/fulltext/orthodox/sohran/text.pdf (accessed: Nov. 13. 2019) (in Russ.).

4. Krivova N. A. Power and the Church in 1922–1925. URL: http://web.archive.org/web/20090407140353/http://www.unilib.neva.ru/dl/327/Theme_10/Literature/Krivova.htm (accessed: Nov. 13. 2019) (in Russ.).

5. Speech at the opening of the museum in the Vladimir monastery of the Valaam Monastery on July 10, 2009. URL: https://valaam.ru/publishing/4975/ (accessed: Nov.13 .2019) (in Russ.).

6. Basics of the social concept of the Russian Orthodox Church. Patriarchy.ru. URL: http://www.patriarchia.ru/db/text/419128.html (accessed: Nov. 13. 2019).

7. The Holy Synod approved the model charter of the church museum. Patriarchy.ru. URL: http://www.patriarchia.ru/db/text/1587324.html (accessed: Nov. 13. 2019) (in Russ.).

8. Tikhon (Shevkunov), archim. etc. Church wood preserver: a methodological guide for the preservation of monuments of church architecture and art. Moscow, 2015. 261, [2] (in Russ.).

9. Methodological recommendations for the preservation of objects of cultural heritage of religious purpose. URL: http://expsovet.ru/методические-рекомендации/методические-рекомендации-по-сохран/ (accessed: Nov. 13. 2019) (in Russ.).

10. The word of His Holiness Patriarch Kirill at a meeting of the Supreme Church Council on April 17, 2019. Patriarchy.ru. URL: http://www.patriarchia.ru/db/text/5414889.html (accessed: Nov. 13. 2019) (in Russ.).

11. Kiryanova O. G. Museum institutions of the Russian Orthodox Church: current status and prospects. Report at the XXVII International Christmas Educational Readings. URL: https://mroc.pravobraz.ru/muzejnye-uchrezhdeniya-russkoj-pravoslavnoj-cerkvi-sovremennoe-sostoyanie-i-perspektivy/ (accessed: Nov. 13. 2019) (in Russ.).

12. Museum-treasury of the Alexander Nevsky Lavra. Holy Trinity Alexander Nevsky Lavra. URL: https://lavra.spb.ru/subdivision/museum.html (accessed: Nov. 13 .2019) (in Russ.).

УДК 316.77:7.036-028.22

А. Н. Назаренко

Визуальный образ в контексте современных исследований медиа

В работе рассматривается онтологическая проблематика визуального образа как феномена культуры и медиа. Дается очерк становлениия онтологической проблематики визуального образа в рамках теории и философии фотографии. Рассматриваются ключевые подходы к исследованию современной визуальности, а именно концепция пикториального (визуального) поворота У. Дж. Т. Митчелла, теория визуальной культуры Н. Мирзоева, проекты софт-культуры и постмедиальной эстетики Л. Мановича. На основе натуралистической и феноменологической интерпретаций выдвигается трактовка визуального образа как оптического виртуального интерфейса. Рассматривается наднациональная повестка визуальной культуры. Обнаруживаются постгуманистические аспекты феномена визуального образа в контексте цифровой культуры. Делаются выводы о техногенности и субстанциональности визуального образа, о его связи с виртуальностью, медиальностью и пространством воображаемого.

Ключевые слова: визуальный образ, визуальная культура, медиакультура, визуальные исследования, медиа, медиатеория, виртуальность

Aleksej N. Nazarenko

Visual image in the context of modern media research

The ontological perspective of the visual image as a phenomenon of culture and media is considered in the work. An essay on the formation of the ontological perspective of a visual image within the framework of the theory and philosophy of photography is given. The author considers the key approaches to the study of modern visuality, namely the concept of the pictorial (visual) turn of W. J. T. Mitchell, the theory of visual culture by N. Mirzoyev, the projects of soft culture and post-medial aesthetics of L. Manovich. On the basis of naturalistic and phenomenological interpretations, the interpretation of the visual image as an optical virtual interface is put forward. A supranational agenda of visual culture is considered. The post-humanistic aspects of the visual image phenomenon are found in the context of digital culture. Conclusions are drawn on the technogenicity and substantiality of the visual image, on its connection with virtuality, mediality and imaginary space.

Keywords: visual image, visual culture, media culture, visual studies, media, media theory, virtuality

DOI 10.30725/2619-0303-2019-4-93-97

Визуальный образ понятие весьма сложное и многогранное. Культурология и философия, антропология и социология ставят перед собой задачу выработки подробной теории образа. Обратной стороной интерпретационного и методологического многообразия стало порой неоднозначное, а иногда и противоречивое представление о феномене визуального образа. Отсюда и ключевая проблема – неопределенность и противоречивость наиболее фундаментальных, онтологических аспектов визуальности на современном этапе. В рамках данной проблемы, актуализируются вопросы: что такое визуальный образ? как связаны образ и предмет, который он отображает? является ли визуальный образ субъективной ментальной конструкцией или это часть объективной реальности?

Цель данной статьи состоит в определении общих фундаментальных параметров, характеризующих феномен визуального образа как объект культуры и коммуникации. Исследование онтологии визуального образа позволит в дальнейшем эффективно и систематизировано обращаться к данной категории в рамках культурологических исследований. В этой связи необходимо проанализировать теоретические разработки проблемы онтологии визуального образа, выделить ключевые концепты, раскрывающие потенциал теории визуальности, выработать путей решения наиболее явных противоречий в концептуальном осмыслении феномена.

Исследованиям визуального образа в медиа предшествует этап теоретического осмысления феномена фотографии, начавшийся в первой трети XX в. На этом этапе выдвигается онтологическая проблематика визуального образа. Фотография – плод технико-технологического сдвига, она отразила в себе переход к индустриальной фазе развития общества. Заняв место между искусством и документом, фотография впервые в истории доподлинно от-

делила образ от носителя и тем самым вынесла на повестку онтологическую проблематику визуального образа.

Исследователи фотографии предложили ряд значимых концепций и идей на пути к осмыслению визуальности в медиа. Так в работе В. Беньямина «Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости» принципиально важной оказывается мысль о том, что образ и носитель (вещь) в условиях технической репродуцируемости могут быть рассмотрены отдельно друг от друга [1, с. 70–139]. Это, в свою очередь означает, что с появлением фотографии образ перестает быть свойством вещи, он обретает субстанциональный статус и собственное онтологическое измерение. Критик А. Базен в статье «Онтология фотографического образа» отмечает, что именно фотографическое изображение обладает способностью устанавливать «онтологическое тождество модели и портрета» [2]. Согласно А. Базену, фотографическое изображение – это не интерпретация предмета, «оно и есть сам этот предмет» [2]. Примерно в ту же эпоху феноменологом Э. Левинасом были высказаны оригинальные идеи относительно визуальности в изобразительном искусстве, он вводит понятие «экзотики» [3, с. 31–34] и рассматривает образ как посредник между объектом и зрителем: «В результате вклинивания между нами и вещью ее образа вещь вырывается из перспективы мира. Нарисованная ситуация, рассказанное событие должны прежде всего воспроизводить реальную ситуацию, факт; но факт нашего косвенного обращения к ним посредством картины и рассказа их существенно изменяют» [3, с. 31]. Образ, отделенный от объекта, обладает своей собственной спецификой, он исключителен и экзотичен. Экзотика трактуется как некая внеположенность миру, исключительность формы изображенного. Р. Барт в работе «Camera lucida: комментарий к фотографии» предлагает оригинальную методологию, основанную на семиологическом анализе визуального образа, а также на опыте феноменологической редукции фотографии, которая позволяет качественно анализировать и интерпретировать визуальность [4]. В. Флюссер в работе «За философию фотографии» рассматривает фотографию как форму коммуникации и социокультурную практику. Флюссер разграничивает природу технических (фотографии, кино и т. п.) и традиционных образов разделяя их исторический и онтологический генезис: «С точки зрения онтологии традиционные образы означают феномены, тогда как технические означают понятия» [5, с. 14]. И если В. Беньямин интерпретирует изобретение фотографии как индустриальную революцию в сфере искусства, то В. Флюссер идет дальше, определяя этот феномен как черту постиндустриальной культуры и принципиально новый способ взаимодействия человека и мира, требующий разработки специальной субдисциплины – философии фотографии.

Осмысление визуального образа в контексте современных исследований медиа началось в конце 80-х – начале 90-х гг. XX в. В это время возникает понятие визуального поворота в гуманитарных науках. Этот условный поворот принято выделять для обозначения отхода от традиций лингвоцентричного анализа культуры и становления визуальных исследований (visual studies) – междисциплинарной области изучения визуальных образов, культуры, медиа. Отметим разработки таких знаковых представителей визуальных исследований наших дней, как У. Дж. Т. Митчелл, Н. Мирзоев и Л. Манович, поскольку их объединяет не только проблематика визуального образа, но и понимание его места в структуре современных медиа.

Профессор Чикагского университета Уильям Джон Томас Митчелл ведет научные исследования визуальности и медиа с середины 80-х гг. прошлого века, к его наиболее значимым трудам можно отнести «Язык образов» (1980), «Иконология: образ, текст, идеология» (1986), «Наука образа: иконология, визуальная культура и медиаэстетика» (2015). В работе 1994 г. «Теория изображения: эссе о вербальной и образной репрезентации» звучит идея пикториального (визуального) поворота в гуманитарных знаниях. Митчелл манифестирует пикториальный поворот, продолжая идеи Ричарда Рорти о том, что история философии – это история поворотов, а философия XX столетия это плод лингвистического поворота. Действительно, неопозитивизм, герменевтика, структурализм и постструктурализм выстраивали свои системы с общим знаменателем – незыблемым статусом языка (текста, концептуального мышления). Визуальность оставалась второстепенной, ею занималась эстетика, а концептуальное имело неоспоримое преимущество перед образным. В то же самое время Митчелл останавливается на тех направлениях философии, которые предвосхитили поворот гуманитарного знания к образному. Автор отмечает работу Ч. Пирса «Икона. Индекс. Символ», идеи феноменологов относительно воображения и визуального опыта, или идеи Ж. Дерриды о высказанном им в «Грамматологии», сдвиге фоноцентричного языка к визуальному, или разработки

франкфуртской школы о массовой культуре и визуальных медиа [6, с. 126]. В то же самое время он отмечает и то, что с визуальным философия связывает много проблем, которые только предстоит решить. Философия не только объективировала искусство, но и низвела его познавательную способность к разряду маргинальных акциденций. Однако к концу XX в. ошеломительным образом актуализируется индустрия визуальной коммуникации, она усиливается и проникает во все сферы общества. Таким образом, в вопросах визуальности перед философией встают задачи методологического, гносеологического и эпистемологического порядка.

Американский культуролог Николас Мирзоев в 1999 г. представил работу «Введение в визуальную культуру», в которой он рассматривает как морфологические параметры изображения, так и различные виды визуальных медиа. Его работа начинается с анализа феномена фотографии. Мирзоев прослеживает логику развития фотографии от ее восприятия как искусства, к фотографии как демократичному медиа [7, p. 88]. Венчает раздел о фотографии довольно громкое утверждение, о смерти фотографии [7, p. 88]. Конец фотографии автор связывает с развитием цифровых технологий, которые начали еще в самом начале 1980-х гг. трансформировать сферу аналоговой фотографии. Цифровая ретушь, цветокоррекция и прочие программные манипуляции не имеют четко определенной границы с коллажированием, созданием своего рода химеры, условно имеющей связь с реальностью. Отсюда и констатация: онтологическая связь объекта и фотографического образа нарушена. Фотограф больше не добывает образы, как говорил Флюссер, а создает цифровые фейки. Подход Мирзоева натуралистичен, но он отмечает, что вторжение технологии в пространство изображения отрывает его от реальности. Образ спекулятивен и условно един с реальностью. Единство определено происхождением образа, а условность – его культурной, социальной и технологической искаженностью.

Технические образы Николас Мирзоев предлагает рассматривать и как своего рода виртуальные интерфейсы [7, p. 107]. Эффект присутствия кино-, теле-, а ныне и цифровой образности позволяет говорить о визуальном как о виртуальном. Мир визуальных медиа – виртуальность, которая не существует в реальности, но обладает возможностью своего воплощения. Главным в рамках данного подхода становится поворот к исследованию виртуальности и ее свойств.

Визуальная культура в понимании Н. Мирзоева относится к сфере глобального общества. Методология интерпретации образов не отвергает учета локальных культурных особенностей, однако наибольший интерес представляют те аспекты визуальной культуры, которые усиливаются в силу становления наднациональных новых медиа.

Проблемам понимания визуальности в контексте новых медиа посвящает свои исследования российско-американский ученый Л. Манович. В 2017 г. на русском языке вышла его работа «Теории софт культуры», объединившая разработки ученого с 1999 по 2015 гг. в сфере теории медиа и визуальной культуры.

Л. Манович развивает концепт «софт-культуры» – культуры программного обеспечения. Ученый обращает внимание на то, что новые медиа формируют масштабную виртуальную среду. Человек взаимодействует с этой средой посредством визуальных интерфейсов, но ключевую роль играет не человек а программная среда преобразующая традиционные медиа в современные мультимедийные объекты. Так в разделе «Постмедиальная эстетика» [8, с. 33] Л. Манович говорит о кризисе традиционного представления о медиуме в связи с цифровизацией культуры: «На материальном уровне переход к цифровой репрезентации и общему набору инструментов для модификации/редактирования, применимых к большинству медиа… и заменившие традиционные обособленные художественные инструменты, стер различия между фотографией и живописью и между фильмом и анимацией. На уровне эстетики благодаря интернету новым стандартом коммуникаци стал мультимедийный документ (файл, который совмещает и смешивает разные медиа: текст, фотографию, видео, графику, звук)» [8, с. 37–38]. Мультимедийные объекты не могут быть интерпретированы исключительно как сумма их составляющих, а визуальный образ трактуется как его интерфейс. Мультимедиа-объекты требуют особой методологии анализа, но Манович не углубляется в гносеологическую и методологическую проблематику, он лишь говорит о необходимости постмедиальной эстетики. Автор исходит из идеи мультимедийности современных культурных объектов. Современная визуальность требует новой аналитической стратегии, а становление цифровой культуры и новых медиа становится точкой окончательного разрыва с традиционным подходами к интерпретации визуальных образов.

Подводя итоги, отметим ключевые положения, характеризующие онтологию визуального образа в современных медиа.

Феномен визуальности в современных медиа неразрывно связан с технико-технологическими изменениями общества и культуры. Наиболее актуальной интерпретацией визуального образа становится понимание его как технологического феномена. Согласно этому подходу визуальный образ мы можем понимать как культурный и информационный объект постиндустриального общества, продукт культурного и технологического освоения реальности.

Образ генетически связан с реальным объектом, но существование его самобытно. Экзотичность и чуждость образа повседневному положению вещей и его одновременное единство с реальностью – ярчайший пример диалектического тезиса и антитезы. Из этого противоречия можно синтезировать определение визуального образа как оптического виртуального интерфейса. Если виртуальность – это «объект или состояние, которые реально не существуют, но могут возникнуть при определенных условиях» [9], то в этом контексте интерфейс понимается как канал межсистемной коммуникации. Визуальный образ в таком случае, становится оптическим каналом коммуникации с потенциальной реальностью.

Глобальность визуальной культуры в цифровую эпоху универсализирует структуру образа. Новые медиа требуют единого принципа взаимодействия, общего языка и универсального интерфейса. Именно это обстоятельство порождает необходимость в формализации визуальных образов. Формализация необходима как для межкультурных коммуникаций, так и для цифровой обработки и анализа изображений.

Цифровая культура, цифровая виртуальность и глобальный характер визуальной культуры формируют транс- и постгуманистическую повестку проблем визуального образа. Визуальный образ всегда был ориентирован на человека, но в эпоху цифровой культуры он оказывается ориентированным и на нейросетевые алгоритмы. Можно предположить, что на повестку визуальных исследований будет вынесена и проблематика искусственного интеллекта. На данный момент отметим, что разработка машинного алгоритма исходит из человеческой практики создания визуальных образов, но интересно, что и практика создания визуальных образов все больше ориентирована на возможность машинного анализа.

Наконец, теория визуального образа с самого своего начала и по сей день рассматривает этот феномен в контексте исследований медиа. Образ действительно неотвратимо взаимодействует с медиа. Возникает вопрос: отделим ли визуальный образ от медиа вообще? Ответ можно найти, например, в теории воображаемого, предложенной Н. Н. Суворовым: «Под воображаемым понимается субъективная ментальная конструкция, как имеющая, так и не имеющая отношение к объективному миру вещей. Воображаемое создается из образов реального и нереального миров, соединяя в своих конструкциях как следы жизненного опыта, так и отвлеченные иллюзии» [10, с. 43]. Согласно такому подходу, чистый, освобожденный от медиума образ конституируется в индивидуальном сознании, в поле воображаемого. Однако объективная реальность образа неотвратимо связана с медиа. Таким образом, необходимо детально проанализировать теорию медиа в тех ее аспектах, которые обеспечивают становление и развитие визуальной культуры в целом и поддерживают внесубъективное существование визуальных образов в частности.

Список литературы

1. Беньямин В. Краткая история фотографии. Москва, 2015. 168 с.

2. Базен А. Онтология фотографического образа // Что такое кино?: сб. ст. URL: https://predanie.ru/book/217380-chto-takoe-kino/ (дата обращения: 11.11.2019).

3. Левинас Э. Избранное. Тотальность и Бесконечное. Москва; Санкт-Петербург: Универс. кн., 2000. 416 с.

4. Барт Р. Camera lucida. Комментарий к фотографии. URL: https://www.libfox.ru/388655-rolan-bart-camera-lucida-kommentariy-k-fotografii.html (дата обращения: 30.10.2019).

5. Флюссер В. За философию фотографии. Санкт-Петербург: Издво С.Петерб. унта, 2008. 146 с.

6. Деррида Ж. О грамматологии. Москва: Изд-во «Ad Marginem», 2000. 511 с.

7. Mirzoeff N. An Introduction to Visual Culture. London: Routledge, 1999. 274 p.

8. Манович, Л. Теории софт-культуры. Нижний Новгород: Ласточка, 2017. 208 с.

9. Виртуальность // Новая философская энциклопедия: сайт. Москва, 2018. URL: https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH01b7eff9048db8416a128fb7?p.s=TextQuery (дата обращения: 30.10.2019).

10. Суворов Н. Н. Воображаемое как феномен культуры. Санкт-Петербург: С.-Петерб. гос. ин-т культуры, 2018. 300 с.

References

1. Benjamin V. Brief history of photography. Moscow, 2015. 168 (in Russ.).

2. Bazen A. Ontology of photographic image // What is cinema?: coll. of articles. URL: https://predanie.ru/book/217380-chto-takoe-kino/ (accessed: Nov. 11.2019) (in Russ.).

3. Levinas E. Chosen. Totality and Infinite. Moscow; Saint-Petersburg: Univ. kniga, 2000. 416 (in Russ.).

4. Bart R. Camera lucida. Comment on the photo. URL: https://www.libfox.ru/388655-rolan-bart-camera-lucida-kommentariy-k-fotografii.html (accessed: Nov. 11.2019) (in Russ.).

5. Flusser V. For the philosophy of photography Saint-Petersburg: Saint-Petersburg Univ., 2008. 146 (in Russ.).

6. Derrida J. On grammatology. Moscow: «Ad Marginem» Publ. house., 2000. 511 (in Russ.).

7. Mirzoeff N. An Introduction to Visual Culture. London: Routledge, 1999. 274.

8. Manovich L. Theories of soft culture. Nizhny Novgorod: Lastochka, 2017. 208 (in Russ.).

9. Virtuality. New Philosophical Encyclopedia: site. Moscow, 2018. URL: https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH01b7eff9048db8416a128fb7?p.s=TextQuery (accessed: Nov. 11.2019) (in Russ.).

10. Suvorov N. N. Imaginary as a phenomenon of culture. Saint-Petersburg: Saint-Petersburg State Univ. of Culture, 2018. 300 (in Russ.).

УДК [24-425:17.023.34](540)"04/14"

Е. П. Островская

Апология счастья в буддийской нравственной культуре раннесредневековой Индии

История буддийской нравственной культуры вызывает закономерный интерес российских ученых, так как буддизм является одной из традиционных религий народов России. В большинстве исследований преимущественное внимание уделяется проблеме страдания как базовой категории буддийской этической доктрины, разработанной мыслителями раннесредневековой Индии. Вопрос о реальности счастья, детально обсуждавшийся ими, до сих пор остается наименее изученным в культурологи. Настоящая статья посвящена рассмотрению этой дискуссии, изложенной в фундаментальном экзегетическом трактате «Энциклопедия Абхидхармы» («Абхидхармакоша»), приписываемом выдающемуся буддийскому просветителю Васубандху (IV–V вв.). В статье показаны различия философских позиций участников этого спора и содержательные аспекты аргументации. Экзегетический дискурс, направленный на доказательство реальности счастья, имел целью экспликацию этической ценности этого понятия посредством установления его связи с концепцией религиозного блага.

Ключевые слова: раннесредневековая Индия, буддизм, буддийская культура, буддийская этика, Васубандху, Абхидхармакоша, реальность счастья

Elena P. Ostrovskaya

Apology of happiness in Buddhist ethical culture of early medieval India

Buddhism is one of traditional religions of peoples of Russia, therefore the history of Buddhist moral culture is the object of special interest for Russian scholars. Most studies pay primary attention to the problem of suffering as basic category of Buddhist ethics elaborated by Medieval Indian thinkers. The problem of reality of happiness was discussed by them in details but remains the less studied topic in cultural studies. The present article treats the basic aspects of this discussion explicated in the fundamental exegetical treatise «The Encyclopedia of Abhidharma» (Abhidharmakośa) ascribed to eminent Buddhist thinker Vasubandhu (4th – 5th centuries). The article presents differences between the philosophical positions of competitors and substantial aspects of argumentation. The exegetical discourse concerning the demonstration of the reality of happiness was aimed at the explication of ethical value of this concept through its association with the conception of religious virtue.

Keywords: early medieval India, Buddhism, Buddhist culture, Buddhist ethics, Vasubandhu, Abhidharmakośa, reality of happiness

DOI 10.30725/2619-0303-2019-4-98-102

Настоящая статья посвящена одной из задач исследования «Буддийская этика в санскритских экзегетических источниках» (2019–2021), выполняемого по программе НИР Института восточных рукописей РАН. В ней рассматриваются представления буддийских мыслителей раннесредневековой Индии о счастье как переживаемом чувствовании и о религиозно-нравственном смысле этого переживания. Вопрос о счастье в связи с буддийской нравственной культурой вызывает особый интерес, так как в буддизме, базирующемся на общей для религий Южной Азии идее существования реинкарнационного цикла (круговорота рождений – сансары), страдание выступает атрибутом жизненного опыта [1].

Сотериологическая концепция Дхармы (вероучения Будды), нацеленная на избавление от страдания, трактовала спасение как обретение Высшего покоя (нирваны) – освобождения от повторных рождений, обусловленных причинно-следственным законом кармы. Будда в своих проповедях не говорил о счастье в качестве спасительной цели. Он призывал своих последователей к обретению истинного знания реальности – видению всего причинно обусловленного в его непостоянстве и изменчивости, к Просветлению – устранению неведения и аффективных загрязнений сознания, мотивирующих безнравственные поступки и тем самым удерживающих сознание в тенетах реинкарнационного цикла.

Буддизм, являясь религией, отрицающей существование божественного начала и души (субстанциального вечного Я), возлагал только на человека задачу спасения от страдания.

Будда выступает не сверхъестественным существом, Учителем истины, так как он, достигнув Просветления, обрел благо освобождения для себя и затем из сострадания ко всем живым существам открыл путь спасения для других – начал проповедовать Дхарму. «Благо» (санскр. «бхагия») – религиозная категория, от которой произведен один из титулов основоположника буддизма – Бхагаван (Податель блага). Согласно буддийским представлениям не всякий будда («просветленный») является бхагаваном, а лишь тот, кто учит – проповедует учение.

Древние монашеские ордена, письменно зафиксировавшие проповеднические беседы и религиозно-дисциплинарные наставления Бхагавана в своих канонах, функционировали как ранние школы обучения Дхарме – практического освоения науки о спасении от страдания. Эта наука называлась «абхидхармой» – «высшим учением». Этим термином обозначалась также и чистая мудрость, свойственная незагрязненному аффектами сознанию [2, p. 7].

На этапе становления канонической традиции создавались первые экзегетические произведения – абхидхармические трактаты, направленные на систематизацию и теоретико-познавательное истолкование Дхармы. Экзегетический дискурс достиг своего расцвета в Индии в период раннего средневековья, когда наряду с монашескими орденами появились школы буддийской философской мысли – сообщества учеников, объединявшихся вокруг авторитетных учителей [3, p. 39–40]. Диспутальная практика между представителями различных школ – завещанный буддой Бхагаваном способ рационального постижения учения – способствовала включению в орбиту философских дискуссий вопроса о реальности счастья, приятного чувствования, поскольку эта проблема была непосредственно связана с расширением проповеди буддизма в тот период и привлечением мирских последователей в сангху (религиозную общину). Монашеские ордена, имевшие многовековую историю, придерживались идеи абсолюции страдания, акцентируя принципиальную неудовлетворительность человеческого существования, неизбежно сопровождаемого невзгодами и завершающегося смертью. Но эта идея в корне рассогласовывалась с мирским опытом повседневной жизни, с естественным стремлением людей к переживанию приятных чувствований. Критика этой идеи исходила от буддийских экзегетов, ориентированных на интерпретацию понятия «счастье» в связи с концепцией тройственного религиозного блага – «блага освобождения», т. е. приобщения к Дхарме, «блага заслуги», т. е. бескорыстного достойного действия, имеющего исключительно благоприятные кармические следствия, и «блага проникновения», т. е. практики углубленного постижения истин, открытых Учителем. Отказ от страстного влечения к материальному, от неуемной жажды чувственных удовольствий, от стяжательства и потворствования греховным помыслам и поступкам мог мотивироваться для мирян лишь пониманием счастья как наслаждения и удовлетворенности, связанных с осуществлением религиозного блага.

В фундаментальном экзегетическом трактате «Энциклопедия Абхидхармы» («Абхидхармакоша»), приписываемом Васубандху (IV–V вв.), одному из крупнейших буддийских просветителей раннесредневековой Индии, с детальной полнотой изложены позиции ниспровергателей тезиса о реальности счастья – кашмирских учителей, считавших себя наиболее строгими и последовательными теоретиками высшего учения, и их оппонентов, учителей из Гандхары. Этот трактат относится к числу немногих буддийских экзегетических произведений, сохранившихся не только в переводах на китайский и тибетский языки, но и в санскритском оригинале [4]. До сих пор он входит в образовательные программы подготовки ученого духовенства в странах буддийского мира, а также в регионах России, культура которых исторически связана с буддизмом. «Энциклопедия Абхидхармы» охватывает всю проблематику экзегетического дискурса и представляет собой тематическое изложение материала, сопровождающееся его обсуждением с учениками.

Дискуссия о реальности счастья помещена в шестом разделе трактата [5, с. 465–472]. Она начинается, как и было принято в диспутальной практике, с приведения той позиции, которую предстоит оспорить. Кашмирские учители, доказывая нереальность приятного чувствования, руководствовались цитатами из проповедей Будды и далее разворачивали дедуктивную аргументацию. Так они приводили вырванные из контекста высказывания: «Все, что бы ни чувствовалось, есть страдание», «Приятное чувствование следует рассматривать также и в аспекте страдания», «Усмотрение счастья в страдании есть извращение сознания».

В дедуктивном плане кашмирцы опровергали реальность приятного чувствования путем демонстрации логической несостоятельности выводного суждения «Приятное чувствование реально вследствие наличия причины счастья – пищи, питья и других желанных объектов». Если бы, говорили они, свойство «быть причиной счастья» выступало устойчивым дедуктивным признаком, распределенным, например, в понятии

«пища», то приятное чувствование возникало бы даже при поглощении желанных яств в объемах, превышающих вместимость желудка, или при попытке сделать процесс питания непрерывным, независимым от голода и исключающим всю прочую деятельность и сон. Однако очевидно, что эксперименты такого рода чреваты страданием. Если же ввести в рассуждение спецификаторы пищи «умеренная» и «своевременная», то необходимо будет признать, что они относятся не к желанному объекту, а к понятию «дисциплина» – к регламентации правильного пищевого потребления как компонента здорового образа жизни, не вызывающего неприятного чувствования.

Исходя из этих рассуждений, кашмирские учители утверждали, что «причина счастья» как логический термин не установлена в аспекте своего содержания, и формулировали соответствующий силлогистический тезис: «Приятное чувствование нереально вследствие неустановленности причины счастья». Согласно их представлениям, идея счастья как приятного чувствования иллюзорна и является лишь номинальной противоположностью реально переживаемого страдания. А это в свою очередь означало, что у приятного чувствования нет своей собственной сущностной природы – «удовольствия». Развивая далее такой ход рассуждений, они говорили, что люди, пребывающие в неведении, усматривают счастье в избегании страдания, а глупцы – в его видоизменении. Так, глуп, например, носильщик, испытывающий мнимое удовольствие в момент перекидывания тяжкого груза с одного плеча на другое.

Экспонируя позицию кашмирцев, Васубандху поэтапно доказывает ее теоретическую ущербность. Если не упускать из вида тот факт, говорит он, что страдание приносит вред, то все приносящее пользу следует понимать как счастье. Если безусловно верно, что страдание ни для кого не является желанным, то желанное есть счастье.

Если же кашмирцы заявят, что желанные объекты становятся нежеланными для буддийских аскетов, достигших состояния отрешенности от мира, то и такое заявление окажется ошибочным, поскольку в данном случае свойство «не быть желанным» следует рассматривать в иной смысловой связи. По своей сущностной природе «желанное» не может быть одновременно «нежеланным». Но при достижении состояния отрешенности аскет познает непостоянство счастья, доставляемого желанными объектами, и только в этом отношении он не рассматривает эти объекты как желанную цель. Понимания бренность, преходящий характер приятного чувствования, преданный последователь Дхармы не сомневается в реальности этого переживания.

В подтверждение сказанного Васубандху обращается к каноническому тексту «Сутра о Маханамане», цитируя слова Будды Бхагавана: «Если бы, о Маханаман, чувственное было бы только страданием, а не приятным и связанным с удовольствием, удовлетворяющим и связанным с удовлетворенностью, то невозможно было бы познать причину страстного влечения к материальному» [5, с. 466]. Он напоминает ученикам, что Бхагаван в своем наставлении говорит о присущих людям психических способностях испытывать удовольствие, удовлетворенность, безразличие, страдание, неудовлетворенность как соответственно приятное, нейтральное, неприятное чувствование. Видение сущностных природ этих чувствований таковыми, каковы они есть в действительности, – важный этап на пути обретения совершенной мудрости.

Если же вслед за кашмирскими учителями предположить, что представления о приятном и нейтральном чувствованиях порождаются переживанием страдания различных степеней интенсивности, то такая гипотеза приведет к абсурду – ведь и у приятного чувствования есть различная интенсивность. Получится, что интенсивнейшее удовольствие, ощущаемое как всепоглощающее наслаждение, является иллюзией, порождаемой средним, т. е. вполне терпимым, страданием. И верхом нелепости окажется вывод, что невыносимое по своей мучительности страдание вызывает иллюзию пусть очень слабенького, но все же приятного чувствования.

Несостоятельность этой гипотезы Васубандху демонстрирует и применительно к сенсорному опыту, связанному с восприятием превосходных материальных объектов, наделенных приятными для органов чувств качествами. Если допускать, что удовольствие, возникающее в момент их восприятия, – иллюзорная идея, порожденная снижением интенсивности переживаемого страдания, то необходимо указать, в чем именно состоит страдание и в связи с чем оно переживается, например, при вкушении благородной пряности, обонянии аромата сандала, любовании цветом и формой распустившегося лотоса и т. д. А поскольку логически приемлемых ответов на оба эти вопроса нет, следует признать, что приятное чувствование, возникающее при восприятии превосходных материальных объектов, реально, а его сущностная природа есть удовольствие.

Васубандху затем анализирует выводное суждение кашмирцев «Приятное чувствование

нереально вследствие неустановленности причины счастья», демонстрируя его ошибочность. Логический термин «причина счастья» не исследован кашмирцами в полном объеме и именно в силу этого кажется неустановленным. На деле причина счастья не сводится только к наличию желанного объекта. Это комплекс условий, включающий свойства объекта, доставляющие удовольствие или вызывающие чувство удовлетворенности, и психосоматические характеристики индивида, обеспечивающие возникновение приятного чувствования. Например, искусно приготовленное любимое блюдо будет всегда вызывать удовольствие у гурмана, если он, приступая к трапезе, имеет аппетит, но не слишком голоден, а его пищеварение не расстроено. Или другой пример: статуя Будды Бхагавана, изваянная с изощренным мастерством и в должном соответствии с иконическим каноном, неизменно вызывает чувство возвышенной удовлетворенности у почитателя, не утратившего зрение и проникнутого искренней верой. А поскольку причина счастья теперь установлена, необходимо признать, что приятное чувствование реально.

Неверно, продолжает Васубандху, считать глупцом и носильщика, испытывающего приятное чувствование при перекидывании тяжкого груза с одного – натруженного – плеча на другое, свободное. Кашмирские учители ошибаются, когда утверждают, что в этом случае имеет место видоизменение страдания. Ведь не груз сам по себе причиняет страдание носильщику, привычному к переноске тяжестей, а длительное сохранение одного и того же положения тела. Если предположить, что иллюзия приятного чувствования при перекидывании груза на другое плечо обусловлена уменьшением страдания, то это иллюзорное переживание должно становиться все более интенсивным, ибо освободившееся плечо отдыхает. Но в действительности приятное чувствование слабеет и исчезает, и носильщик вынужден снова переместить груз. Умелый носильщик неглуп – он знает особенности своего труда и по мере необходимости изменяет положение тела, испытывая при этом реальное приятное чувствование.

Васубандху также отмечает, что некоторые толкователи, рассуждая о нереальности приятного чувствования, интерпретируют слово «счастье» как конвенциальное обозначение любых средств, избавляющих от переживания страдания и тем самым порождающих иллюзию удовольствия. В качестве примера, якобы подтверждающего правильность такого рассуждения, они приводят врачевание фурункула с помощью целебной примочки, высвобождающей гной и вызывающей у пациента благодаря утолению боли иллюзию приятного чувствования.

Этот частный пример, как объясняет Васубандху, не имеет доказательной силы, так как он не приложим к умозаключению о возникновении приятного чувствования при отсутствии непосредственно переживаемого страдания, вызванного конкретной причиной. Если рассматривать случай, когда здоровый человек, не мучимый ни голодом, ни жаждой, ни палящим зноем или холодом, не угнетенный ни усталостью, ни заботами, ни тревогой, ни горем утраты, наслаждается видом цветущего сада, то невозможно будет указать, лекарством от какого страдания служит для него это восхитительное зрелище. А поэтому нет и основания для вывода, отождествляющего счастье со средством, утоляющим страдание. Счастье реально само по себе, будучи приятным чувствованием, а не иллюзией, не имеющей собственной сущностной природы.

Что же касается цитируемых кашмирцами высказываний Будды Бхагавана, то их не следует толковать изолированно от контекста его учения, как если бы они являлись афоризмами, предназначенными для буквального понимания. Васубандху объясняет, что слова «Страдание присутствует во всем, что бы ни чувствовалось», призваны навести на мысль о непостоянстве и изменчивости всего причинно обусловленного и в том числе чувствований как ментальных факторов, ежемоментно формирующих поток сознания. Но при этом нельзя забывать и слова Бхагавана о наличии у чувствований сущностных природ, различающихся как приятное, нейтральное и неприятное.

Высказывание «Приятное чувствование следует рассматривать также и в аспекте страдания» является практическим наставлением, предостерегающим от ошибок в освоении учения. Если ограничиться рассмотрением сущностной природы приятного чувствования, оставив в стороне непостоянство и изменчивость всего причинно обусловленного, то внимание будет ориентировано только на удовольствие. Поиск удовольствий станет доминирующим содержанием сознания, и привязанность к сансаре усилится. Возникнут лень и нерадивость, отвращающие от благого. Поэтому, когда речь идет о сущностной природе приятного чувствования, надлежит не упускать из вида непостоянство и изменчивость чувственного опыта.

Высказывание «Усмотрение счастья в страдании есть извращение сознания», как констатирует Васубандху, не содержит отрицания

реальности счастья. Смысл этих слов заключается в указании на ошибочность приписывания сансаре счастья в качестве атрибута. Приятные чувствования, возникающие время от времени в потоке причинно обусловленного, не способны превратить реинкарнационный цикл в обитель счастья. Жизнь, подчиненная причинно-следственной кармической закономерности, не бывает свободной от непосредственно переживаемого страдания и от страдания, обусловленного переменами – изменчивостью и непостоянством. Приятные чувствования подобны зернам фасоли или чечевицы, которые можно найти в куче гороха, но ведь очевидно, что не эти примеси, а именно горох образует кучу. Таково и страдание, неизменно присутствующее в круговороте рождений. Однако сознание, опьяненное переживанием чувственных удовольствий, жаждет повторного телесного бытия. И если оно привержено ложной идее существования субстанциального Я, души, эта аффективная жажда принимает характер одержимости. Отсутствие грядущего существования представляется глупцу кошмаром, ибо в продолжении реинкарнационного цикла, бессмысленно и бесцельно воспроизводящего страдание, он усматривает только перспективу приятного чувственного опыта, связанного с индивидуальным телесным бытием.

Говоря о необходимости искоренения жажды бытия, Васубандху отмечает, что умирают не только одержимые ею, но и святые, избавившиеся от нее навсегда. Но отличие одних от других заключается в том, что святые никогда впредь не рождаются. Они уходят вслед за Буддой Бхагаваном в состояние Высшего покоя, в незримую сангху Благородных личностей – подвижников, обретших Просветление.

Но тогда какую ценность представляет счастье? Васубандху разъясняет, что это понятие имеет важное религиозно-нравственное измерение. Если бы приятное чувствование не являлось реальным, то невозможно было бы понять, какое благо несет в себе освобождение от сансары. Человек, не ведавший счастья, никогда не постиг бы природу страдания. Переживание счастья свидетельствует о возможности не испытывать страдания. Преданный последователь Дхармы, в том числе мирянин, испытывает приятные чувствования, возникающие не только благодаря наличию желанных объектов. Он переживает счастье и удовлетворенность, видя практические результаты своих достойных действий. Он помнит и слова Учителя, что счастье – это появление будд, проповедь учения, согласие сангхи (сообщества монахов и мирян) и религиозное подвижничество ее членов.

Список литературы

1. Younger P. The concept of Duhkha and the Indian religious tradition // J. of the Amer. Acad. of Religion. 1969. Vol. 37, № 2. P. 141–152.

2. Dhammajoti Bhikkhu K. L. Sarvāstivāda Abhidharma. Hong Kong: Centre of Buddhist Studies, Univ. of Hong Kong, 2009. 586 p.

3. Bayer A. The theory of Karman in the Abhidharmasamuccaya. Tokyo: The Intern. Inst. for Buddhist Studies, 2010. 484 p.

4. Abhidharmakośabhāsyam of Vasubandhu: Sanskrit text of a work on Buddhist philosophy / ed. by P. Pradhan. Patna: K. P. Jayaswal Research Inst., 1975. 526 p. (Tibetan Sanskrit works series; vol. 8).

5. Васубандху. Энциклопедия буддийской канонической философии. Абхидхармакоша. Разд. V и VI / изд. подгот. Е. П. Островская и В. И. Рудой. Санкт-Петербург: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2006. 519 с.

6. Васубандху. Энциклопедия Абхидхармы или Абхидхармакоша. Разд. I и II / изд. подгот. Е. П. Островская и В. И. Рудой. Москва: Ладомир, 1998. 669 с.

References

1. Younger P. The concept of Duhkha and the Indian religious tradition. J. of the Amer. Acad. of Religion. 1969. 37 (2), 141–152.

2. Dhammajoti Bhikkhu K. L. Sarvāstivāda Abhidharma. Hong Kong: Centre of Buddhist Studies, Univ. of Hong Kong, 2009. 586.

3. Bayer A. The theory of Karman in the Abhidharmasamuccaya. Tokyo: The Intern. inst. for Buddhist Studies, 2010. 484.

4. Pradhan P. (ed.) Abhidharmakośabhāsyam of Vasubandhu : Sanskrit text of a work on Buddhist philosophy. Patna: K. P. Jayaswal research inst., 1975. 526. (Tibetan Sanskrit works series; 8).

5. Vasubandhu; Ostrovskaia E. P. (comp.); Rudoi V. I. (comp.). Encyclopedia of Buddhist canonical philosophy. Abhidharmakosha. Sect. V and VI. Saint Petersburg: Saint-Petersburg Univ. press, 2006. 519 (in Russ.).

6. Vasubandhu; Ostrovskaia E. P. (comp.); Rudoi V. I. (comp.). Encyclopedia of Abhidharma or Abhidharmakosha. Sect. I and II. Moscow: Ladomir, 1998. 669 (in Russ.).

УДК [745.042:599.61](396.4)(-03/-01)

А. А. Попов

Серебряные фалары со слоном из коллекции Эрмитажа

Актуальность работы заключается в новом взгляде на два серебряных фалара с изображением боевого слона. Эти предметы прикладного искусства хранятся в Государственном Эрмитаже и были опубликованы известным исследователем К. В. Тревер. Цель данного исследования – уточнить и расширить с помощью новейших данных знания об этих фаларах. Исходя из современных данных, фалары были изготовлены в диапазоне III–I вв. до н. э. Их произвели на территории или Греко-Бактрии, или какого-то индо-греческого царства, или Селевкидской державы.

Ключевые слова: эллинистический период, эллинистическая культура, Бактрия, Греко-Бактрия, фалар, боевые слоны

Artem A. Popov

Silver phalerae with elephant from the Hermitage Collection

The actuality of this work is the new view on the two silver phalera with the war elephant image. These applied arts items are kept in the Hermitage and were published by the well-known researcher K. V. Trever. The aim of this research is to make more exact and to broaden, with the help of the newest facts, the knowledge about these phalerae. On the basis of modern facts these phalerae were made between the III –I centuries BC. They were produced in the territory of either Greco-Bactria or some Indo-Greek kingdom or the Seleucid state.

Keywords: Hellenistic period, Hellenistic culture, Bactria, Greco-Bactria, phalera, war elephants

DOI

Культурное наследие античного времени является фундаментом современной культуры. Процессы глобализации не только не уменьшают ее значение, но скорее увеличивают, распространяя античные семена по всему миру.

Памятники материальной культуры, артефакты – свидетели и современники многих значимых событий того времени. Некоторые из них привлекают многочисленных зрителей, путешествующих по местам их нахождения. Некоторые сами, будучи в хранении крупных музеев, путешествуют по планете и демонстрируются на выставках. Они способны оживить для многих людей события, изложенные в литературе, и дают возможность осязаемо ощутить прошлое.

Об одном таком движимом шедевре античного культурного наследия эта статья. Существует много научной или научно-популярной литературы об эллинистическом военном деле или о войнах периода эллинизма, где говорится о двух серебряных фаларах с изображением боевого слона с башней из коллекции Эрмитажа.

Одна из целей данного исследования – установить время и место изготовления фаларов, а также рассмотреть значение этого памятника искусства для реконструкции культурных реалий античности.

Научная методика, позволяющая максимально объективно взглянуть на данные артефакты, базируется на фундаменте классиков «лингвистического переворота» в культурной антропологии: американского профессора Х. Уайта и нидерландского профессора Ф. Р. Анкерсмита. Это позволяет по-новому взглянуть на научную традицию, касающуюся эрмитажных фаларов. Несмотря на многочисленные публикации научных исследований в современной историографии и «интеллектуальный алкоголизм» [1, с. 317], невозможно не осуществлять обобщений, выводя науку на качественно новый уровень. При этом работы ученых-гуманитариев следует воспринимать как литературу [13, с. 12]. Она всегда имеет автора, который ставит перед собой историософские задачи. Автор часто не может быть до конца объективным, зависит от культурной и политической среду. Особое воздействие на него оказывают работы предшественников. Он пытается их усовершенствовать или дополнить новой информацией.

В период Второй мировой войны начинается острая полемика относительно культурного наследия эллинистической Бактрии. Во французской литературе появляется термин «бактрийский мираж» [17, с. 73–144]. Попытки найти «тысячи» бактрийских городов на территории Афганистана закончились для руководителя Французской археологической миссии А. Фуше фиаско. Существовал диссонанс между сведениями античных литераторов, обильной греко-бактрийской и индо-греческой нумизматикой, накопленной со времени Просвещения в огромном количестве и очень высоком качестве, и полным отсутствием памятников монументальной архитектуры и круглой пластики, относящимся к эллинистическим школам и стилям.

С другой стороны, еще до столь пессимистического взгляда советский ученый К. В. Тревер осуществляет

масштабную работу по атрибуции памятников греко-бактрийского искусства, хранящихся в Эрмитаже. К ним она отнесла и интересующие нас фалары [12, с. 38, 45–48, табл. 1–2]. Крупная и очень значимая работа К. В. Тревер была опубликована в 1940 г., 80 лет назад.

Произошло это на волне публикации работы У. В. Тарна «Греки в Бактрии и Индии» [20]. Спустя два столетия после выхода в свет первого обобщающего исследования о Греко-Бактрии и индо-греческих царствах Г. З. Байера, работа У. В. Тарна вновь подводила черту под новым столетием изучения этого предмета. Неслучайно, что в этом же 1938 г. вышла книга Н. К. Дибвойза «Политическая история Парфии» [16]. Ведь эти темы, касающиеся античного периода в истории Старого Света, идут рука об руку с эпохой Просвещения, когда наряду с исследованием Г. З. Байера [14], в 1725 г. была напечатана работа Ж. Фуа-Вайяна по истории Парфии и ее царей, в которой некоторые части касались и греко-бактрийских реалий [18].

Мотивы, которые привели К. В. Тревер к обращению к предметам из коллекции Эрмитажа, понятны.

Во-первых, научная рефлексия относительно выхода в свет крупного труда. Действительно, творчество У. В. Тарна привлекало гуманитариев во всем мире. Часто субъективно, но очень образно и ярко с точки зрения литературных риторических оборотов, он рождал неизменный интерес к своим книгам. «Эллинистическая цивилизация» была им написана еще в довоенный период, а монументальный труд об Александре – после окончания Великой войны.

Во-вторых, будучи сотрудником Эрмитажа, К. В. Тревер хотела устранить источниковедческие лакуны при изучении бактрийского эллинизма. Даже работа У. В. Тарна основана преимущественно на данных литературной традиции, сохранившейся с древности от античных и восточных авторов, и обширного нумизматического материала. Эрмитаж не мог не содержать в своих недрах предметы материальной культуры, относящиеся к эллинистической Центральной Азии. В этой связи советский исследователь осуществил поиски этих артефактов. Первые два фактора определили ход мыслей ленинградского ученого, высказанные во введении. Она отметила, что в труде британского ученого «довольно интересно, но не всегда убедительно» изложен материал «без привлечения каких бы то ни было памятников искусства, за исключением монет, которые могли бы, впрочем, быть использованы и полнее» [12, с. 3].

В-третьих, эти поиски шли в период противостояния различных политических лагерей и систем. Большая игра в период борьбы с фашизмом обретала новое звучание. Борьба за сферы влияния в Центральной Азии происходила уже не только между Россией и Англией (СССР и Великобританией), но и Германией (Третьим рейхом), находящейся в союзе с силами, исповедавшими фашизм и нацизм, в том числе в Азии. Афганистан в то время стал ареной активной борьбы разведок различных государств. Недаром первая встреча между главами антигитлеровской коалиции состоялась в 1943 г. в иранской столице Тегеране, некогда территории Персии и Парфии. Таким образом, для К. В. Тревер работа над данным проектом была «делом чести» отечественного ученого и носила прагматический характер. При этом здесь нельзя намекать на некий конформизм советской интеллигенции сталинского времени. Было бы странным полагать, что в душе ученого не откликалась ужасающая драма Второй мировой войны. В 1938 г., когда вышла работа У. В. Тарна, состоялся Мюнхенский сговор. В 1940 г. закончилась Советско-финляндская война, а Ленинград был на военном положении. К. В. Тревер создавала свою работу под аккомпанемент пуль, бомб, двигателей танков и самолетов, глядя в заклеенные бумагой крест-накрест окна.

Учитывая вышеизложенное следует устранить некоторые неточности, допущенные К. В. Тревер.

По отношению к 1940 г. наука обладает значительным набором памятников искусства эллинистической Бактрии. Некоторые из них изучены совсем недавно и, казалось бы, подтверждают атрибуцию фаларов К. В. Тревер. «По технике и стилю» она их относит к Бактрии середины II в. до н. э. [12, с. 38].

На попоне, которая украшает слона, изображена химера в виде гиппокампа. В бактрийском археологическом комплексе храма Окса в Тахти-Сангине найдена бутероль из слоновой кости в виде схожей химеры – ихтиокентавриссы. Хорошая сохранность столь древнего артефакта позволило Б. А. Литвинскому и И. Р. Пичикяну датировать это изделие II–I вв. до н. э. [5, с. 269, табл. 79/4, 80].

Изображенные на фаларах стреловидные бойницы на башне, в которой сидят воины на слоне, найдены в Кампыртепа, археологическом комплексе на территории древней Бактрии. Прекрасно сохранились стены и башни городища селевкидского и греко-бактрийского времени (конец IV – вторая половина III в. до н. э.). Они приведены в соответствующий вид усилиями экспедиций под руководством выдающего исследователя Э. В. Ртвеладзе. В них расположены значительного размера типичные для той эпохи бойницы, по форме напоминающие стрелы [8, с. 203].

Во время создания каталога К. В. Тревер в 1937–1940 гг. произошла знаменитая Хорезмийская экспедиция С. П. Толстова, известного советского первооткрывателя древней хорезмийской цивилизации. Его записки читаются как иллюстрации к рассказам из «Тысячи и одной ночи» с изображением странствий на верблюдах, заброшенных в пустыне городов, усеянных античной керамикой, имеющими сырцовые стены и квадратные башни, которые покрыты «частыми высокими щелями стрельчатых бойниц» [11, с. 27]. Описания его путешествий по-настоящему эпичны: «Иногда это целые мертвые города, селенья,

крепости, замки, развалины целых, некогда населенных районов, постройки которых поднимают на 10–12, а то и на 20 м над руслами сухих, развеянных ветром и занесенных песком каналов свои суровые стены с узкими щелями стреловидных бойниц, грозные башни, круглые и стрельчатые арки» [11, с. 27].

После покорения империи Ахеменидов Александр Великий вступил в дипломатические сношения с Хорезмом. Исходя из описаний С. П. Толстова, уже в античное время хорезмийские фортификации могли иметь схожий внешний вид с цитаделью Кампыртепа.

Казалось бы, эти вещи должны лишь утвердить нас в правильном мнении К. В. Тревер. Однако усиливают убеждение в этой правильности «общие места» в изображении боевого слона на фалярах: его индийское происхождение, так называемый «индиец» в качестве погонщика, облик воинов, находящихся в башне, и, конечно, она сама.

Уже в начале эллинистической эпохи во время Восточной кампании Александра Великого эллины не только столкнулись с боевыми слонами индийского происхождения, но и стали ими обладать уже после победы при Гавгамелах (331 г. до н. э.) [19, p. 31]. Впоследствии многие эллинистические армии активно используют этот вид вооружения. Эти животные представляли порой весьма грозную силу, считались наравне с оружием массового поражения и аналогом современной бронетехники [3, с. 9]. По этой причине римляне старались лишить своего противника боевых слонов, как это случилось после победы при Магнесии (190 г. до н. э.) над селевкидским царем Антиохом III по условиям Апамейского мира. Вплоть до конца эллинизма слоны не сходили с полей сражений. Даже великий римский полководец Юлий Цезарь привел их в Британию, а потом сразился с ними в битве при Тапсе против помпеянцев (46 г. до н. э.). Таким образом, 331–46 гг. до н. э. – это первый яркий период в истории боевых слонов, связанный эллинистическими государствами, а потом и Римом [3, с. 128–130].

На фалярах изображен погонщик, который имеет одежду и антропологический облик явно восточного вида. Действительно, корнаки рассматриваемого периода часто были индийского происхождения. Однако говорить, что они происходили исключительно из Индии, не является верным тезисом. Другой вопрос: как называли в античное время погонщика слонов? Как правило, использовался термин «инд». Сегодня он звучал бы «индиец». Даже выходцев из Эфиопии, управлявших или дрессировавших слонов, награждали таким эпитетом во времена Гезихия Александрийского, филолога и автора словаря V в. н. э. [3, с. 16].

Античное вооружение воина, сидящего сразу за погонщиком, то есть первым в башне по отношению к голове слона, очевидно лишь по типу шлема. Его доспех не виден, он скрыт за стеной башенки. Копье не является исключительно греко-македонским по своей форме. На таком изделии прикладного искусства было бы сложно изобразить сариссу, длинную македонскую пику, даже в силу ее пропорций. Шлем же относится к эллинскому беотийскому типу, имеющему характерную форму каски. Действительно, в греко-бактрийском искусстве встречаются схожие изображения. К. В. Тревер в своем каталоге опубликовала серебряную тетрадрахму греко-бактрийского царя Екратида I Великого, которого венчает такой шлем, схожий с изображаемым на фалярах [12, с. 120, табл. 36/1–2]. В 2005 г. увидела свет полная подборка греко-бактрийских и индо-греческих монет из собрания Государственного Эрмитажа. В опубликованной Н. М. Смирновой подборке оказались монеты с портретом Евкратида I, на которых он изображен в беотийском шлеме. Этот тип портрета имеют его бактрийские и индийские серебряные и бронзовые круглые и квадратные чеканы, а также коммеморативные эмиссии Гелиокла и Лаодики в честь Евкратида I [9, с. 150–151, табл. XIV/88–110, XV/111–117].

Наличие же башни на боевом слоне говорит о многом. Во-первых, по общепринятому мнению, они появились на слонах в эллинистический период. В биографии Евмена у Плутарха [6, с. 22–34] мы встречаем примеры применения их отрядов в войсках этого полководца и его противника Антигона. В девятнадцатом параграфе этой биографии существует описание войск последнего накануне битвы при Габиене на просторах Ирана (316 г. до н. э.). Вероятнее всего, эти сведения Плутарх заимствовал у участника этих событий Иеронима из Кардии, описавшим историю войн диадохов. Здесь встречается пассаж, в котором боевые слоны, облаченные в «пурпурные покрывала», несут на себе башни.

Использование башень на слонах и противоборство находящихся в них воинов красочно описывает Полибий, рисуя знаменитую битву при Рафии (217 г. до н. э.) между войсками Антиоха III и Птолемея IV.

Вплоть до конца истории древности и начала Средневековья на боевых слонах воздвигались башни. Судя по количеству воинов, расположенных в башне, изображенной на фалярах, этот вид боевых слонов относится к «среднему варианту», так как самый «легкий» имеет всего лишь одного погонщика, а «тяжелые» – четырех воинов в башне, как в битве при Магнесии [3, с. 23].

Какую функцию исполняли фалары? Они служили украшением или защитой? Музейное описание одного из фаларов наталкивает на мысль, что они являлись частью конского снаряжения. Он характеризуется как «щит, на котором изображен слон». Фалары происходили из коллекции петровского времени, сформированной из предметов, обнаруженных «частью около Астрахани и в стране между Камою и Волгою, частью вырытых из татарских могил в Сибири» [4, с. 21]. Так как под «татарскими моги-

лами» можно воспринять захоронения кочевника, а указанная местность находки также могла иметь отношение к народам, ведшим кочевой образ жизни, следует сделать вывод об использовании этих предметов для украшения и защиты коня.

Было ли такое положение вещей изначальным? На этот вопрос может дать ответ пассаж из «Естественной истории» Плиния Старшего, в котором описана одна из переправ селевкидского правителя Антиоха. Вожак стада, слон по кличке Аякс, воспротивился переходить вброд реку. Было объявлено, что первенство получит тот, кто перейдет ее. Слон по кличке Патрокл отважился на это. За этот поступок царь наградил Патрокла «серебряными фалерами, которым слоны очень радуются» и другими привилегиями для предводителя. К сожалению, по сведениям Плиния, этот забавный случай закончился отнюдь не весело: Аякс, подвергнутый критике, «предпочел голодную смерть бесчестью» [2, с. 399].

Таким образом, мнение о том, что фалары служили украшением сбруи коня [4, с. 21], не может быть до конца точным. Вес фаларов весьма значительный. Для кратковременного конного парадного мероприятия или быстрой кавалерийской схватки такие предметы могли быть применены. Однако изначально они служили для украшения боевых слонов как знаки отличия их доблести и показателя статуса в иерархии стада или подразделения. Благодаря незаурядным ментальным способностям слоны вполне могли оценить их значимость. Фалары служили важными атрибутами в качестве элементов распознавания «свой – чужой» в сражении или установления значимости того или иного слона [3, с. 88].

В том числе они исполняли защитную функцию. Недаром они указаны в описи как «щиты». Они, действительно, похожи на маленькие щиты. На них присутствуют многочисленные вмятины и пробоины от копий, дротиков и других метательных снарядов с острым наконечником. В этой связи мог ли использовать их человек в качестве элемента нагрудного доспеха? Нельзя полностью отрицать такую возможность.

Фалары могли привлечь внимание К. В. Тревер в том числе по причине своей исключительной материальной ценности. Достаточно вспомнить аттический (афинский) стандарт классического и эллинистического периодов.

В Эрмитаже есть полная подборка серебряных эмиссий царя Евкратида, о котором уже шла речь выше. Они имеют два вида портрета и надписей. В одном случае, где монарх изображен в диадеме без шлема, вес следующих хорошо сохранившихся полновесных монет составляет: обола 0,65 г [9, с. 149, табл. XIII/73], драхмы – 4,16 [9, с. 149, табл. XIII/75], тетрадрахмы – 16,77 г [9, с. 149, табл. XIII/84]. В другом, где монарх в шлеме, вес таких же монет составляет: обола 0,65 г [9, с. 150, табл. XIV/105], драхмы – 4,16 [9, с. 150, табл. XIV/94], тетрадрахмы – 16,77 г [9, с. 150, табл. XIV/93]. Как уже говорилось, одну из тетрадрахм Евкратида, хранящихся в Эрмитаже, опубликовала К. В. Тревер.

Например, можно еще рассмотреть хорошо сохранившиеся монеты греко-бактрийского царя Деметрия I, являющиеся вершиной медальерного искусства античности, которые выполнены из серебра по этому стандарту. За образчик возьмем самые полновесные экземпляры из каталога О. Бопеараччи, известного исследователя культуры Бактрии и Индии, крупнейшего специалиста по данному вопросу. В его работе указан вес серебряного обола равный 0,68 г [15, p. 166, pl. 5, ser. 3/9], драхмы – 4,05 г [15, p. 164, pl. 4, ser. 2/6], а тетрадрахмы – 16,73 г [15, p. 164, pl. 4, ser. 1/1].

Размер одного из фаларов имеет диаметр 24,7 см и вес 634,5 г, сделан он из тонкого серебряного листа с вычеканенным и по большей части позолоченным изображением [4, с. 21]. Изделия выполнены по шаблону, поэтому идентичны по своим параметрам. Их сохранность схожа. Соответственно их материальная ценность и оценка стоимости одинакова.

Пользуясь этими исходными данными, можно сказать, что только по весу стоимость одного из фаларов в период правления Деметрия I и Евкратида I (II в. до н. э.) примерно равна 1000 оболов. Эта сумма не малая по тем временам, если учитывать, что на Балканах на нее можно было скромно прожить небольшой семье около года из расчета около 3 оболов в день. При этом Страбон говорит о плодородии Бактрии [10, с. 488]. В распоряжении одного человека оказались два фалара, которыми он пользовался в качестве украшения животного. Видимо, это был очень богатый человек, который мог себе позволить украсить свое транспортное средство по стоимости эквивалентной цены автомобиля в современном мире.

Значимость монет Деметрия I заключается еще в том, что изображенный на них царь увенчан шлемом в виде скальпа слона. Так как некоторые монетные эмиссии хранятся и в Эрмитаже, К. В. Тревер опубликовала одну из его тетрадрахм в хорошей сохранности [12, табл. 36/5–6]. При описании этого артефакта она отмечает, что «наличие своеобразного головного убора, подчеркивающего определенные и большой важности политически события (завоевание им Индии)» [12, с. 123]. Действительно, это могло символизировать и о покорении индийских земель, о чем мы знаем из античной литературы, и о наличии в его войске боевых слонов. Возможен и комбинированный вариант: этот символ означал победу над индийцами, возможно, с помощью подразделений слонов и их приобретение в индийских территориях. Так или иначе «слоновий шлем» Деметрия I – косвенный аргумент в пользу мнения К. В. Тревер об атрибуции фаларов.

К. В. Тревер опубликовала и медную монету царя Деметрия I с изображением головы слона [12, с. 124–125, табл. 36/7]. Однако другие нумизматические данные стали для нее очередным прямым подтверж-

дением атрибуции фаларов. Ей была опубликована квадратная медная монета Гелиокла I Справедливого, на которой был изображен шагающий слон и легенда на индийском языке карошти. Относительно этого нумизматического источника К. В. Тревер отметила, что слон играл значительную роль в военном деле и в экономике, «очень часто изображался на греко-бактрийских монетах». При этом ученый сделала акцент на том, что слоны изображались часто на монетных эмиссиях тех правителей, которые обладали индийскими владениями. Касаясь облика слона, К. В. Тревер говорит, что слон на монете показан «в той же постановке, как на фаларах с боевыми слоном, что еще раз подтверждает правильность определения этих фаларов как памятников, относящихся к культуре греко-бактрийского царства» [12, с. 133, табл. 37/7].

Тема слона, действительно, часто встречается на монетных изображениях царей, чьи династии относятся к греко-бактрийским по своему происхождению. Однако кроме монет монархов собственно Греко-Бактрии, следует выделять и эмиссии индо-греческих правителей, т. к. последние относятся к династиям, преемственным греко-бактрийским. Существует подборка такой нумизматики [3, с. 90–95]. Она в основе базируется на каталоге О. Бопеараччи, в котором образ слона присутствует на серебряных и бронзовых монетах следующих греко-бактрийских и индо-греческих правителей: царя Деметрия I [15, p. 164, pl. 4, ser. 1/3; p. 165, pl. 4, ser. 2/6; p. 165–166, pl. 5; p. 167, pl. 5, ser. 5/15], царя Евкратида I [15, p. 210–p. 216, pl. 20–22, ser. 17–20, 22–25], царя Антимаха I [15, p. 185. pl. 10, ser. 5/B; p. 186–187, pl. 10, ser. 8/16], царя Лисия I [15, p. 266, pl. 38, ser. 1/1; p. 267–268, pl. 38, ser. 4/12; p. 270, pl. 39, ser. 9/A; p. 269–270, pl. 38, ser. 8/22], царя Деметрия III Непобедимого [15, p. 287, pl. 43, ser. 3/G], царя Аполлодота I [15, p. 188, pl. 11, ser. 2/1; p. 189–190, pl. 11, ser. 4/26], царя Антиалкида I [15, p. 271–272, pl. 39, ser. 3/2; p. 273, pl. 39, ser. 6/D; p. 276, pl. 40, ser. 13/42; p. 279, pl. 41, ser. 18/G], царя Зоила II [15, p. 367, pl. 68, ser. 8/G; p. 367, pl. 68, ser. 9/I], царя Менандра I [15, p. 241, pl. 31, ser. 26/H; p. 242, pl. 32, ser. 28/167], царя Гелиокла II [15, p. 284, pl. 42, ser. 7/12; p. 285, pl. 42, ser. 8/K], царя Епандра I [15, p. 306, pl. 48, ser. 3/4], царя Архебия I [15, p. 324, pl. 52, ser. 12/C].

К. В. Тревер уделяет значительное внимание теме слонов, касаясь других памятников, которые она датирует II в. до н. э.: серебряной монеты Аполлодота со слоном зебу [12, с. 134, табл. 37/8], найденной недалеко от Ташкента золотой печати с изображением стрелка из лука, сидящего на слоне [12, с. 139–140, табл. 38/7–8], фрагмента поливного сосуда с изображением боевого слона [12, с. 140–141, табл. 38/9].

Все эти памятники материальной культуры для К. В. Тревер стали весомым аргументов к атрибуции фаларов к Греко-Бактрии II в. н. э.

Помимо этого, сведения античной литературной традиции свидетельствуют о наличии боевых слонов в греко-бактрийском государстве. Полибий передает сведения, касающиеся договора царя Греко-Бактрии Евтидема I и селевкидского царя Антиоха III. Греко-бактрийский правитель вынужден был передать Селевкиду своих боевых слонов [7, с. 176].

Сама судьба фаларов может быть сценарием целого романа или даже серии приключенческих произведений. Их обнаружили около 1725 г. и до 1727 г. они хранились в Летнем дворце Петра I, после чего их передали в Кунсткамеру. С 1859 г. они хранятся в Эрмитаже [4, с. 21]. Однако их путь в известный музей, минуя захоронение кочевника, мог оказаться весьма длинным. И главный вопрос – где и когда он начался?

Фалары сделаны по одному клише. Были ли еще подобные предметы и насколько они были тиражированы? Вряд ли их количество могло быть большим. Возможно, их тираж был всего два экземпляра. При этом отрицать отсутствие единой формы для их изготовления нельзя. И если такое изначальное изделие существовало, оно могло стать исходным пунктом для дальнейшего копирования в последующее время, как и монетные штемпели. Например, существует большое количество так называемых «варварских» подражаний эмиссиям известных греко-бактрийских царей. Тем не менее, будем исходить из реального наличия двух фаларов. Предположим, что других не было.

Учитывая историю боевых слонов с башнями, эти прекрасные памятники прикладного искусства смело можно датировать диапазоном III–I вв. до н. э. Кроме греко-бактрийского государства, они могли быть сделаны в индо-греческих царствах или на территории державы Селевкидов, у которых отряды боевых слонов имели подчас гигантские размеры. У селевкидских царей некоторое время в руках находились индийские владения, кроме территорий Западного и Восточного Ирана [3, с. 65–78]. Таким образом, место изготовления могло быть не только на территории Восточного Ирана, но и на остальной его части. Кроме этого, Индия и даже Ближний Восток могли быть местом производства фаларов.

Остальные части эллинистической ойкумены можно исключить. Так, Африка располагала своим видом слонов. Часто они служили ее символом, включая «слоновий шлем» при изображении ее аллегории или ее правителей. Европейское производство также весьма сомнительно, так как стиль и характер изображения типично восточный. Нахождение фаларов на территории Урала, Нижнего Поволжья или Сибири говорит о том, что в ходе контактов с евразийским Востоком до границ с Китаем эти предметы могли попасть к кочевникам указанных регионов.

В науке часто присутствует скепсис относительно античной литературной традиции, которая подчас выглядит как мифологема. Одна из таких гиперкритических оценок касалась и наличия башень

на слонах. Прекрасные образцы эллинистической материальной культуры – фалары из Эрмитажа – зримое подтверждение правильности сообщений древних классиков. Публикация их отечественным классиком науки К. В. Тревер – важный вклад в развитие знаний о культуре эллинизма.

Список литературы

1. Анкерсмит Ф. Р. История и тропология: взлет и падение метафоры / пер. с англ. М. Кукарцева, Е. Коломоец, В. Кашаева. М.: Прогресс-Традиция, 2003. 496 с.

2. Банников А. В. Эпоха боевых слонов (от Александра Великого до падения персидского царства Сасанидов). СПб.: Евразия, 2012. 480 с.

3. Банников А. В., Попов А. А. Боевые слоны в Античности и в раннем Средневековье. СПб.: Изд-во СПбГУКИ, 2013. 168 с.

4. Иванов А. А., Луконин В. Г., Смесова Л. С. Ювелирные изделия Востока. Древний, средневековый периоды. М.: Искусство, 1984. 216 с.

5. Литвинский Б. А. Храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Т. 2. Бактрийское вооружение в древневосточном и греческом контексте. М.: Вост. лит., 2001. 528 с.

6. Плутарх. Сравнительные жизнеописания в двух томах / пер. С. С. Аверинцева, М. Л. Гаспарова, С. П. Маркиша; отв. ред. С. С. Аверинцев. 2-е изд. М.: Наука, 1994. Т. 2. 672 с.

7. Полибий. Всеобщая история / пер., вступ. ст. и комм. Ф. Г. Мищенко, отв. ред. и вступ. ст. А. Я. Тыжова. В 3 т. 2-е изд. СПб.: Наука; Ювента, 1995. Т. 2. 424 с.

8. Ртвеладзе Э. Д. Великий индийский путь: из истории важнейших торговых дорог Евразии. СПб.: Нестор-История, 2012. 296 с.

9. Смирнова Н. М. Греко-бактрийские и индо-греческие монеты из собрания Государственного Эрмитажа // Нумизматика и эпиграфика. М.: Вост. лит., 2005. Вып. 17. С. 139–180.

10. Страбон. География. В 17 кн. / пер., статья и комм. Г. А. Стратановского, под общ. ред. С. Л. Утченко, ред. пер. О. О. Крюгер. 2-е изд. М.: Ладомир, 1994. 944 с.

11. Толстов С. П. Древний Хорезм: Опыт историко-археологического исследования. М.: Изд-во МГУ, 1948. 352 с.

12. Тревер К. В. Памятники греко-бактрийского искусства в собраниях Эрмитажа. М.–Л.: АН СССР, 1940. Т. 1. 180 с.

13. Уайт Х. Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX века / пер. с англ.; под ред. Е. Г. Трубиной и В. В. Харитонова. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002. 528 с.

14. Bayer Th. S. Historia regni Graecorum Bactriani. Petropoli, Typographia Academiae Scientiarum, 1738. 270 p.

15. Bopearachchi O. Monnais gréco-bactriennes et indo-grecques. Catalogue raisonné. Paris: Bibliothèque Nationale, 1991. 459 p.

16. Debevoise N. C. A Political History of Parthia. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1938. xliii, 303 p.

17. Foucher A. La vieille route de l'Inde // Mémoires de la Délégation Archélogique Française en Afganistan. T. I. 1942. P. 73–144.

18. Foy-Vaillant J. Arsacidarum Imperium, sive Regum Parthorum Historia: Ad fidem Numismatum accommodata. T. 1. Parisiis, Carolus Moette, 1725. 521 p.

19. Kistler J. M. War Elephants. Lincoln–London: Univ. of Nebraska Press, 2007. 334 p.

20. Tarn W. W. The Greeks in Bactria and India. Cambridge: Cambridge University Press, 1938. xxiii, 539 p.

References

1. Ankersmit F. R.; Kukartsev M., Kolomoets E., Kashaev V. (transl.). History and Tropology. The Rise and Fall of Mataphor. Moscow: Progress-Traditsiya Publ., 2003. 496. (In Russ.).

2. Bannikov A. V. Epoch of War Elephants (from Alexander the Great to the Fall of Sassanid kingdom). Saint Petersburg: Eurasia, 2012. 480 (in Russ.).

3. Bannikov A. V., Popov A. A. War Elephants in Antiquity and Early Middle Ages. Saint Petersburg: Saint Petersburg State Univ. of Culture and Arts, 2013. 168 (in Russ.).

4. Ivanov A. A., Lukonin V. G., Smesova L. S. Jewelries of the East. Ancient and Medieval periods. Moscow: Iskusstvo, 1984. 216 (in Russ.).

5. Litvinskii B. A. The temple of Oxus in Bactria (South Tajikistan). Bactrian arm and armour in the ancient Eastern and Greek context. Moscow: Vost. lit., 2001. 2, 528 (in Russ.).

6. Plutarch; Averintsev S. S. (ed., transl.), Gasparov M. L. (transl.), Markish S. P. (transl.). Parallel lives. In 2 vol. 2nd ed. M.: Nauka, 1994. 2, 672 (in Russ.)

7. Polybius; Mishenko F. G. (transl., art., comment.), Tizhov A. Ya. (ed., art.). Histories: in 3 vol. 2nd ed. Saint Petersburg: Nauka: Yuventa, 1995. 2, 424 (in Russ.).

8. Rtveladze E. V. The Great Indian Road: from the history of the most important trade routes of Eurasia. Saint Petersburg: Nestor-Historia, 296 (in Russ.).

9. Smirnova N. M. Greco-Bactrian and Indo-Greek coins from the collection of the State Hermitage Museum. Numismatics and Epigraphy. Moscow: Vost. lit., 2005. 17. 139–180 (in Russ.).

10. Strabo; Stratanovskii G. A. (transl., art. and comment.), Utchenko S. L. (ed.), Kruger O. O. (ed. of transl.). The Geography. In 17 books. 2nd ed. Moscow: Ladomir, 1994. 944 (in Russ.).

11. Tolstov S. P. Ancient Khwarasm: Experience of the Historic-Archeological Research. Moscow: Moscow State Univ., 1948. 352 (in Russ.).

12. Trever K. V. Monuments of the Greco-Bactrian art in the Hermitage Collection. Moscow–Leningrad: The Academy of Sciences of the Soviet Union, 1940. 1, 180 (in Russ.).

13. White H.; Trubina E. G. (ed., transl.); Kharitonova V. V. (ed., transl.). Metahistory: The Historical Imagination in Nineteenth-century Europe. Yekaterinburg: Ural Univ., 2002. 528 (in Russ.).

14. Bayer Th. S. Historia regni Graecorum Bactriani. Petropoli, Typographia Academiae Scientiarum, 1738. 270.

15. Bopearachchi O. Monnais gréco-bactriennes et indo-grecques. Catalogue raisonné. Paris: Bibliothèque Nationale, 1991. 459.

16. Debevoise N. C. A Political History of Parthia. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1938. xliii, 303.

17. Foucher A. La vieille route de l'Inde. Mémoires de la Délégation Archélogique Française en Afganistan. 1942. I, 73–144.

18. Foy-Vaillant J. Arsacidarum Imperium, sive Regum Parthorum Historia: Ad fidem Numismatum accommodata. T. 1. Parisiis, Carolus Moette, 1725. 521.

19. Kistler J. M. War Elephants. Lincoln–London: Univ. of Nebraska Press, 2007. 334.

20. Tarn W. W. The Greeks in Bactria and India. Cambridge: Cambridge University Press, 1938. xxiii, 539.

УДК 7.074:94(32)"-03/-01"

В. П. Поршнев

Художественные коллекции династии Птолемеев (205–30 гг. до н. э.)

Большой исторический период, последовавший за кончиной Птолемея IV Филопатора (205 г. до н. э.), не благоприятствовал сохранению и дальнейшему приумножению накопленных в первое столетие правления династии коллекций. Государство утратило внешние владения, его периодически сотрясали внутренние беспорядки и дворцовые перевороты, в ходе которых многие ценности оказывались утраченными. Тем не менее в эти сто семьдесят пять лет в Александрии продолжали работать талантливые скульпторы, камнерезы, живописцы. Сохранение торговых связей с Востоком (Нубия, Эфиопия, Южная Аравия, Индия) обеспечивало доставку в столицу достаточного количества как материалов (драгоценные камни и металлы, слоновая кость, дерево, жемчуг), так и готовых артефактов. Особое внимание в статье уделено времени совместного правления Клеопатры VII и Марка Антония (41–30 гг. до н. э.), когда Египет вновь стал центром большой империи, охватывавшей восточные провинции и зависимые государства Рима. Значительная часть коллекций Клеопатры VII была вывезена в Рим Октавианом Августом, что дало огромный стимул для развития художественного коллекционирования у римлян.

Ключевые слова: Египет, Александрия, династия Птолемеев, художественные коллекции, Марк Антоний, Клеопатра VII, Антирродос, Октавиан Август

Valerii P. Porshnev

Art-collections of Ptolemaic dynasty (205–30 BC)

The big historical period which followed after the death of Ptolemaeus IV Philopator (205 BC) I didn't favor to preservation and further enhancement of the collections, which are saved up in the first century of board of a dynasty. The state lost external possessions, its occasionally shook internal disorders and palace overturns during which many values were lost. Nevertheless, these hundred seventy five years in Alexandria talented sculptors, stone-cutters, painters continued their working. Preservation of commercial relations with the East (Nubia, Ethiopia, Southern Arabia, India) provided to the capital enough both material (jewels and metals, ivory, timber, pearls) and ready artifacts. The special attention in article is paid to time of common ruling of Cleopatra VII and Marcus Antonius (41 – 30 BC), when Egypt became again the center of the great empire, covering east provinces and the dependent states of Rome. The considerable part of collections of Cleopatra VII was taken out to Rome by Octavianus Augustus that gave huge incentive for development of art collecting by Romans.

Keywords: Egypt, Alexandria, Ptolemaic dynasty, art-collections, Marcus Antonius, Cleopatra VII, Antirrhodos, Octavianus Augustus

DOI 10.30725/2619-0303-2019-4-109-115

Десятилетия, последовавшие за кончиной Птолемея IV Филопатора, не благоприятствовали столь же масштабному накоплению художественных ценностей как при первых правителях династии. Упадок державы, помимо утраты владений за пределами Египта, сопровождался усиливающимися внутридинастийными распрями. Теряя влияние, правители старались привлечь египетское жречество, щедро одаривая местные храмы. Лучшим свидетельством заискивания перед жрецами является двуязычная надпись на знаменитом Розеттском камне, перечисляющая царские дары [1, p. 140–163]. Среди даров упоминаются золото, серебро и драгоценные камни, главные поделочные материалы царских ювелиров. Надпись была составлена в 196 г. до н. э., после того как Птолемей V был увенчан в Мемфисе двойной короной фараона Верхнего и Нижнего Египта. Изваянная к коронации алебастровая голова малолетнего царя (Берлин, Египетский музей, inv. 14568) выполнена, в общем, в египетской манере, если не считать испуганного детского лица правителя, полностью зависящего от своих опекунов. Следовательно, царские скульпторы даже в тяжелые годы не оставались без работы.

Скульптурные портреты царей и цариц условно можно разделить на два класса. Те, что предназначались для установки в храмах или на площадях, изображали правителей в образах египетских богов. Их поручали ваять египетским мастерам или грекам, освоившим египетский стиль. И те, что стояли в дворцо-

вых залах или на священных участках храмов Александрии, где даже среди поклонников египетских богов преобладали греки. Здесь консервировались лучшие традиции греческой классики. К этой же категории относятся статуи и бюсты, которыми Птолемеи одаривали дружественные государства. В качестве примеров можно привести два изображения Птолемея VI. В образе египетского фараона он предстает в собрании музея Метрополитен (Нью-Йорк, inv. 66 99 166). В образе греческого правителя – в собрании Лувра (inv. Ma 3168 (MND 479)). Или два портрета Птолемея XII Авлета: статуя египетского стиля, установленная перед входом в Новую Библиотеку (Александрия), прежде ошибочно отождествлявшаяся с Птолемеем I, основателем династии, и греческий мраморный бюст (Лувр, inv. Ma 3449). Наконец, портрет Клеопатры VII, в котором греческий ваятель не скрывает даже большой нос царицы (Берлин, Altes Museum, inv. 1976.10), и ее изображение в облике Исиды (Эрмитаж, inv. 3936; прежде статуя ошибочно отождествлялась с Арсиноей III).

Если царские скульпторы были по-прежнему обеспечены заказами, этого нельзя сказать о живописцах. Есть прямое свидетельство об отъезде из Александрии художников. В 164 г. до н. э. Птолемей VI прибыл в Рим с жалобой на брата, узурпировавшего власть. Ожидая решения Сената, царь поселился в бедном квартале, на верхнем этаже одной из римских insula (доходных домов), на квартире художника Деметрия, которого он хорошо знал в Александрии [2, p. 360]: topographos – в данном контексте, художник-пейзажист, также – pictor [3, p. 217]. Знакомство с царем указывает на то, что прежде это был художник царской мастерской. Отъезд в Рим, город еще «варварский», но приобщающийся к культуре, вследствие чего у богатой верхушки римского общества возникает спрос на произведения искусства, объясним пошатнувшимся материальным положением александрийского живописца на родине. Пока это были единичные случаи эмиграции, в отличие от 145 г. до н. э, когда начнется массовый исход представителей творческих и ученых профессий.

Вернувшись во власть, Птолемей VI между 163 и 145 гг. делал заказы придворным камнерезам. Гемма, хранящаяся в Лувре (inv. Bj 1093), показывает нам Птолемея VI как греческого монарха с «интеллигентной» бородкой и с большим крючковатым носом. О том, что мастера вновь стали получать заказы, напоминает и так называемая чаша Фарнезе (Неаполь. Национальный археологический музей, inv. MANN 27611), выполненная из разноцветного сардоникса ок. 150 г. до н. э. Изображенные на ней фигуры, получающие блага от Нила, отождествляют с Птолемеем VI и его обожествленными родителями. Добавим две инталии – профильные портреты Клеопатры II без короны, с обычной греческой прической (США, Балтимор, Walters Art Museum, inv. 42 1319; 42 2319).

Плиний Старший [4, p. 393, 421, 422] ссылается на некоего Сатира, автора трактата «О геммах». Им мог быть ученый из Александрийского Мусея, ученик знаменитого Аристарха Самофракийского. После 163 г. до н. э. у писателей и ученых Мусея вновь пробуждается давний интерес к резным камням. Сочинение Сатира свидетельствует о возобновлении торговых связей с Индией, Эфиопией и другими заморскими странами, о том, что в распоряжении александрийских мастеров оказываются индийские карбункулы, хризолиты, ониксы, аметисты, камни из Эфиопии, а также янтарь.

Трактат «О геммах» писал автор, для которого на первом плане стояли не физические свойства камней, а их взаимосвязь с мифологией. Повествуя, к примеру, о янтаре, он излагает миф об окаменевших слезах сестер Гелиад, упавших в воды Эридана. Причем автор не помещает янтароносную реку на краю света, как ранее Геродот, но отождествляет ее с Падом (По) в Италии. Севернее устья Пада располагалась Аквилея, крепость и порт, построенные римлянами ок. 180 г. до н. э. Сразу же Аквилея становится крупным центром продажи янтаря, завозимого из Северной Европы.

В 145 г. до н. э. к власти в Египте, в результате переворота, приходит Птолемей VIII Фискон. Заручившись лояльностью армии, царь, обрушил репрессии на противившихся ему жителей Александрии. В большинстве случаев их принуждали к «добровольному» бегству за пределы царства. Для того чтобы сделать невозможным или максимально затруднить последующее возвращение, имущество изгнанников конфисковывалось [5, p. 18].

Жертвами оказались многие представители творческих и ученых профессий, О массовом бегстве пишет Афиней, опираясь на сочинения писателей, близких по времени к описываемым событиям: «Царь этот, перебив многих александрийцев, вынудил бежать множество граждан, выросших при его брате, и все острова и города наполнились грамматиками, философами, геометрами, музыкантами, живописцами, учителями гимнастики и многими другими искусниками [technitai]. Вынужденные по бедности своей преподавать науки, в которых они пре-

успели, эти люди воспитали много замечательных учеников» [6, с. 234].

Так Александрия, ценой собственных больших потерь, надолго обеспечила интеллектуалами и мастерами другие регионы эллинистического мира.

Следующие полтора десятилетия не дают нам информации о художественных коллекциях. Но не позднее 112 г. появляется сочинение, подробно рассказывающее о заморских диковинах, привозимых в Александрию, и о тех материалах, которыми пользовались царские скульпторы, ювелиры и камнерезы. Ученый из Александрийского Мусея Агатархид Книдский издал описание Красного (Эритрейского) моря [7].

Агатархид рассказывает о золотоносных шахтах, где непрерывно трудится множество людей. О золотоносных реках и пещерах, где рассыпаны самородки. Об островах, где прямо на поверхности земли лежат драгоценные топазы. О залежах белоснежного мрамора, столь необходимого царским скульпторам и архитекторам.

Нужно отметить, что Птолемей VIII и его супруга-племянница Клеопатра III в своей страсти к собиранию драгоценностей, в отличие от более благовоспитанных предшественников, прибегали к прямому насилию. Об этом свидетельствует история мореплавателя Евдокса Кизикского [8, с. 101–103]. Птолемей VIII доверил Евдоксу отплыть в Индию. Вернувшись в Александрию, Евдокс был ограблен царем, забравшим себе весь груз привезенных мореплавателем благовоний и драгоценных камней (lithoi polyteleis). Вскоре Птолемей VIII умер, и ставшая регентом при сыновьях Клеопатра III, более благосклонная к Евдоксу, вновь снаряжает под его началом экспедицию в Индию. Но плавание затянулось, и Евдокс вернулся, когда Птолемей IX отстранил мать от власти. Новый царь пошел по пути отца, забрав в казну богатства Евдокса.

Накопленные сокровища – коллекцию золотых изделий и ювелирных украшений из редких драгоценных камней – Клеопатра III, ввязавшись в войну с сыном, перевезет на о. Кос [9, p. 56], где они будут захвачены Митридатом VI Евпатором [10, p. 280]. Кроме казны (gaza), царю Понта достанутся произведения искусства (technai – статуи, картины), камни (lithoi – драгоценные камни и геммы) и женские украшения (kosmoi gynaikeioi). Сам отличавшийся страстью к коллекционированию Митридат VI приумножил свою сокровищницу высокохудожественными изделиями ювелиров Египта.

В 87 г. до н. э., в Александрию прибыло римское посольство, во главе с Луцием Лицинием Лукуллом. Плутарх дает ценную информацию, свидетельствующую о том, что, несмотря на неурядицы в стране, при дворе Птолемеев не прекращали работу мастера-камнерезы. Птолемеем IX Лукуллу был сделан ценный подарок – оправленная в золото гемма с царским портретом [11, с. 551]. Плутарх говорит о смарагде, но тут явно подразумевается не изумруд (smaragdos), а более пригодные для изготовления геммы зеленый полевой шпат или зеленая яшма, более редкая, чем красная египетская (нильская) яшма, но и более дорогая. Кроме местной зеленой яшмы это могла быть доставленная из-за моря индийская яшма, схожая по своей фактуре с изумрудом.

Новые сведения о художественных коллекциях относятся к царствованию Клеопатры VII, в первые годы которого Александрия сильно пострадала в ходе войны 48/47 гг. до н. э., когда после пожара пришлось, например, восстанавливать Александрийскую библиотеку.

Восстановление Библиотеки станет частью больших градостроительных начинаний Клеопатры VII.

К 47 г. относится начало возведения храма Божественного Цезаря (Kaisareion, Caesareum), завершенное римскими властями после оккупации Египта. Цезарь, перед отъездом из Александрии, заложил новую площадь, получившую его имя. Желая возместить потери, нанесенные городу его легионерами, он предполагал окружить ее портиками, разместить в них библиотеку и украсить площадь произведениями искусства. Затем Клеопатра освятила в центре площади, примерно соответствующей современной площади Саада Заглула, храм-героон обожествленному диктатору.

Портики уже были отстроены, и в них, вероятно, поместили на обозрение статуи и картины – часть огромной коллекции царских дворцов. Позже, при римлянах, перед храмом были установлены обелиски, привезенные из Гелиополя, за которыми закрепилось название «игла Клеопатры», те, что сейчас стоят в Лондоне, на наб. королевы Виктории, в Нью-Йорке, в Центральном парке, и в Париже, на пл. Согласия.

Но на нью-йоркском обелиске к именам фараонов Тутмоса III и Рамсеса II добавлено имя Клеопатры. Значит, он был доставлен в столицу ранее. В столице были и другие обелиски, которые Октавиан Август распорядится переправить в Рим и поставить на Марсовом поле и на арене Большого цирка.

Царица, таким образом, продолжила начинания своих предшественников, свозивших в Александрию египетские артефакты, в основном – из Гелиополя и Фив. Ко времени Клеопатры VII также относят многочисленные фигуры сфинксов, ныне выставленные под открытым небом вокруг Серапея и Одеона. Они, в свою очередь, служили образцами для новых статуй, изготовленных придворными скульпторами царицы. Таковые были подняты в 1990-е гг. со дна александрийской бухты.

С начала войны был занят римскими солдатами Александрийский Маяк [12, с. 369–371]. Цезарь приказал построить на дамбе оборонительный вал, а проход для кораблей перед Маяком заложить камнями. Для этого хорошо подходили как мостовые, так и декоративная облицовка нижнего яруса Маяка. Оставлять надолго даже небольшие повреждения было нельзя. При этом работы, проведенные по повелению Клеопатры VII, не только устранили следы военных действий, но, возможно, придали более парадный вид морским воротам города.

Как выяснилось в ходе археологических изысканий 1990-х гг., на гранитной террасе у основания башни Маяка стояли двенадцатиметровые статуи (мужская и женская) три обелиска, несколько фигур сфинксов, и еще шесть малых статуй, от которых сохранились пьедесталы и фрагменты [13, p. 64–87].

Ко времени Клеопатры VII можно отнести установку двух больших статуй, сфинксов и обелисков. Что касается мужской статуи, то ее первоначально отождествили с изображением Птолемея I Сотера, основателя Библиотеки и строителя Маяка. В начале нашего тысячелетия статуя была возведена на пьедестал перед входом в Новую Библиотеку. Но сомнения возникли в связи с тем, что царь изображен в облике совсем юного бога [14, p. 19]. Не Птолемей I, но именно Птолемей XII имел титул Нового Диониса (для египтян, соответственно – Нового Осириса). Эпитет Neos переводится не только как Новый, но и как Молодой, т. е., – вновь явившийся бог. Парная женская статуя (изображает царицу династии Птолемеев в облике египетской богини (Александрия, Греко-Римский музей, inv. 106), скорее всего Исиды или Хатхор, судя по короне с рогами, перьями и солнечным диском, полному подобию той короны, в которой Клеопатра VII предстает на рельефе храма в Дендере. Известно, что Клеопатра VII часто появлялась перед своими подданными в одеяниях Исиды.

На о. Антирродос, связанном с материком дамбами, Клеопатра VII строит себе дворец, следуя сложившейся традиции, когда каждый новый правитель династии добавлял новое здание к уже существовавшим дворцам [8, с. 733].

Дворец Клеопатры VII был затоплен водами Средиземного моря, и лишь подводные изыскания, начавшиеся в 1996 г., раскрыли фрагменты этого сооружения (результаты продолжающихся подводных работ регулярно публикуются на сайте: Franck Goddio. URL: https://www.franckgoddio.org). До сих пор в бухте, на пятиметровой глубине, лежат фигуры сфинксов (лик одного из них схож с портретами Птолемея XII Авлета), голова статуи, отождествляемая с портретом Цезариона, сына Клеопатры от Юлия Цезаря, статуя царственного льва, изображения Исиды и Осириса, обломки колонн и арок, многочисленные амфоры и отдельные каменные плиты.

Здесь, во дворце, несомненно, были произведения живописи, камнерезного и ювелирного искусства, ковры, ткани, дорогая посуда и прочая утварь. Клеопатра VII в страсти к коллекционированию не уступала своим предшественникам, правившим в лучшие времена династии. Представление об утраченных ценностях дворца, дает его поэтическое описание, сделанное римским поэтом Луканом [15, p. 598–600].

Лукан нарушает хронологию, описывая дворец как место пиршества по случаю благополучного для Цезаря и Клеопатры окончания военных действий. На самом деле в 47 г. до н. э. дворец на Антирродосе еще не был построен. Тем не менее, эти поэтические строки можно рассматривать как достаточно надежный источник. Царские дворцы достались римлянам в неприкосновенности и посещались путешественниками. После захвата Александрии Октавиан Август распорядился составить опись имущества Птолемеев, проявив такую мелочность, что даже спровоцировал Клеопатру на скандал, когда она попыталась утаить часть драгоценностей [15, p. 598–600]. Много ценностей (regia gaza) было вывезено в Рим [17, с. 51], но сдирать украшения со стен и потолков римляне, конечно же, не стали.

Дворец был похож на храм, причем египетский, что подтверждает найденный многотонный пилон главного входа, типичный для египетских святилищ. Для облицовки стен были использованы местные сорта камня. Агат, названный массивным (non segnis – букв. «не тощий»). В Египте агатовые месторождения повсеместно встречаются в виде россыпей галек. В данном случае имеются в виду специально подобранные крупные камни: порфир (lapis purpureus) (Изделия из красного порфира

известны уже со времен Среднего царства, когда из него были вытесаны колонны залов фаюмского Лабиринта [4, p. 338]); оникс (Месторождения оникса также представляют собой галечные россыпи, для облицовки пола подходят небольшие кругляки). Цвет красный, но камень часто имеет молочно-белые прожилки. Далее Лукан упоминает черное дерево (ebenus Meroetica). Это привозимое по Нилу из Мероэ (Судан) африканское черное дерево (Diospyros crassiflora). Поэт подчеркивает его использование во дворце в качестве простых подпорок, несмотря на дороговизну. В Древнем Египте, например, из него изготавливали мебель для дворцов фараонов и вельмож и музыкальные инструменты.

Галереи, окружавшие внутренние световые дворы (atria) имели кровли, выложенные слоновой костью. Ведущие туда из залов двери были инкрустированы пластинами из панцирей индийских черепах.

Лукан подчеркивает обилие драгоценных камней. Выделяется смарагд (изумруд). Египтяне добывали изумруды в глубоких шахтах, вблизи Асуана. Далее следуют gemma (так обобщенно называют изделия из разных драгоценных и полудрагоценных камней), и iaspis fulva (красно-желтая яшма).

Совершенно в восточном вкусе дворец украшали многоцветные ковры, покрывала и драпировки (разные значения одного слова stratum), окрашенные тирским пурпуром (focus Tyrius) в сочетании с вплетенными огненно-красными и золотыми нитями. Царица, как видно из текста, предпочитала багряные тона в сочетании с золотом, которым облицованы были и балки (trabes) потолков. Все это в симфонии с красным облицовочным камнем (порфир).

Заказами были обеспечены скульпторы, живописцы и камнерезы. Бюсты царицы, хранящиеся в музеях Европы, дают примерное представление о мраморных изваяниях, украшавших залы и атрии (Берлин, Altes Museum, inv. 1976.10; Лондон, Британский музей, inv. 1879,0712.15 Рим, Ватикан, Museo Gregoriano Profano, inv. 38511). Судить о настенной живописи можно по помпейской фреске дома Марка Фабия Руфа, исполненной по мотивам александрийской живописи. На ней изображены Клеопатра VII и Цезариона, в образах Афродиты и Эрота [18, p. 35–46].

В Царской гавани Клеопатра построила корабль, похожий на те, что когда-то сооружали Птолемей III и Птолемей IV [6, с. 261–268]. Старые корабли к тому времени либо пришли в негодность, либо сгорели при пожаре, устроенном солдатами Цезаря. На своем корабле в 41 г. до н. э. царица отправилась в Тарс (Малая Азия) на встречу с Марком Антонием.

Корабль относился к типу porthmeion, в русском переводе Плутарха – ладья [16, с. 411]. На самом деле это было подобие катамарана. С древнейших времен у греков так выглядели суда для паромных переправ – две лодки, скрепленные поперечными брусьями. Но в данном случае это была более сложная инженерная конструкция, позволяющая осуществлять морские путешествия. Корма была позолочена, паруса – окрашены пурпуром, рукоятки (kōpai) весел – серебряные. По бортам стояли курильницы с благовониями. Над царским троном возвышался расшитый золотом шатер. В пиршественной зале «все было из золота, все в драгоценных камнях, все самой тонкой работы; даже стены там были… все в коврах, пурпурных и парчовых» [6, с. 196–197].

Часть дворцовых сокровищ Клеопатра распорядилась перенести в заранее построенную для себя гробницу. А именно – золото, серебро, изумруды (смарагды), жемчуг, черное дерево (ebenos, очевидно – то самое ebenus Meroetica, неясно только были ли это брусья, сами по себе имевшие ценность по причине дороговизны, или, вопреки поэтической гиперболе Лукана, все-таки предметы утвари), слоновую кость [15, с. 437].

Гробница Клеопатры до сих пор не обнаружена. По сообщениям авторов, она находилась напротив дворца, вблизи храма Исиды на мысе Лохиада. Она имела дверь, подъемные решетки (katarraktai), замки (kleithra), засовы (mohloi) и окна (thyrides, скорее – бойницы) [16, с. 438–439]. Внушительные размеры говорят в пользу того, что царские сокровища были бы замурованы, по египетскому обычаю, и в случае естественной кончины царицы, так как усыпальница строилась задолго до римской угрозы.

Здесь наверняка были посмертные маски, причем они могли быть изготовлены из чистого золота. Этот обычай даже не был перенят у египтян; подобные маски у эллинов известны еще в микенскую эпоху. Царицу охраняли статуи египетских и греческих богов. Туда, наверняка, были перенесены из дворца золотая и керамическая посуда, набор парфюмерии и драгоценностей, хотя и меньше того, что был представлен Октавиану в описи. Он, конечно же, объявил часть сокровищ достоянием римского народа. Среди них – большая коллекция гемм, вывезенная в Рим, где началось повальное увлечение камнерезным искусством. Рим-

ляне стали носить резные перстни с изображениями Гарпократа и других египетских богов [4, p. 118–119]. На обозрение выставляются коллекции гемм – при храме Венеры Прародительницы, позднее – при храме Аполлона Палатинского [4, p. 385].

Октавиан переманил из Александрии в Рим лучших мастеров-резчиков. Его придворным камнерезом стал Диоскурид [17, с. 55; 4, p. 383], чьи геммы, по исполнению, очень похожи на александрийские, поэтому произведения Диоскурида относят к александрийской школе [18, с. 80]. Предположительно, до 30 г., он работал при дворе Клеопатры. В Риме будут трудиться его сыновья.

Царские сокровища Октавиан показал римлянам во время триумфа, затем щедро одарив ими храмы и общественные здания Рима. Многие произведения искусства оформили залы Палатинского дворца, заложенного сразу после возвращения правителя из Египта.

Список литературы

1. Orientis Graeci inscriptiones selectae. Supplementum Sylloges inscriptionum Graecarum / ed. W. Dittenberger. Lipsiae: apud S.Hirzel, 1903. Vol. 1. 658 p.

2. Diodorus of Sicily: in 12 vols. / with an Engl. transl. by C. H. Oldfather. Cambridge (Massachusetts): Harvard Univ. Press; London: William Heinemann LTD, 1957. Vol. 11, books XXI – XXXII. 465 p.

3. Valerius Maximus. Factorum et dictorum memorabilium libri novem cum Julii Paridis et Januarii Nepotiani epitomis iterum rec. C. Kempf. Lipsiae: in aedibus B. G. Teubneri, 1888. 672 p.

4. C. Plinius Secundus. Naturalis historiae libri XXXVII / ed. H. Mayhoff. Lipsiae: in aedibus B. G. Teubneri, 1897. Vol. 5, libri XXXII–XXXVII. 511 p.

5. Diodorus of Sicily: in 12 vols / with an Engl. Transl. by C. H. Oldfather. Cambridge (Massachusetts): Harvard University Press; London: William Heinemann LTD, 1967. Vol. 12, books XXXII–XL. VIII, 678 p.

6. Афиней. Пир мудрецов: в 15 кн. / пер. с древнегреч. Н. Т. Голинкевича. Москва: Наука, 2003. Кн. 1–8. 656 с.

7. Ex Agatharchidis de mari Erythraeo libris excerpta, fr. 1–115 // Geographi Graeci minores e codicibus recognovit prolegomenis annotatione indicibus instruxit tabulis aeri incisis illustravit C. Mullerus. Parisiis: editore Ambrosio Firman Didot incituti Franciae typographi, 1855. Vol. 1. P. 111–194.

8. Страбон. География: в 17 кн. / пер. с древнегреч. Г. А. Стратановского. Москва: Науч.-изд. центр Ладомир, 1994. 944 с.

9. Иосиф Флавий. Иудейские древности / пер. с древнегреч. Г. Г. Генкеля. Москва: Ладомир, 2002. Т. 2, кн. 13–20. 614 с.

10. Appian's Roman History: in 4 vols / with an Engl. transl. by H. White. London: William Heinemann LTD; Cambridge (Massachussetts): Harvard Univ. Press; NewYourk: The Macmillan Co, 1912. Vol. 2, libri VIII (2) – XII. 477 p.

11. Плутарх. Лукулл / пер. с древнегреч. С. С. Аверинцева // Плутарх. Сравнительные жизнеописания: в 2 т. Москва: Наука, 1994. Т. 1. С. 549–584.

12. Цезарь. О галльской войне. О гражданской войне. Об александрийской войне. Об африканской войне / пер. с лат. М. М. Покровского. Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1948. 559 с.

13. Empereur J.-Y. Alexandria Rediscovered / Stephane Compoint (photogr.); Margaret Maehler (transl.). London: British Museum Press, 1998. 253 p.

14. Savvopoulos K., Bianchi R. Alexandrian sculpture in the Graeco-Roman Museum. Alexandria (Egypt): Bibliotheca Alexandrina, 2012. 207 p.

15. Lucanus. Pharsalia sive de bello civili /with an Engl. transl. by J. B. Duff. London: William Heinemann LTD; Cambridge (Massachusetts): Harvard Univ. Press, 1962. XV, 638 p.

16. Плутарх. Антоний / пер. с древнегреч. С. П. Маркиша // Плутарх. Сравнительные жизнеописания: в 2 т. Москва: Наука, 1994. Т. 2. С. 398–445.

17. Светоний. Жизнь двенадцати цезарей / пер. с лат. М. Л. Гаспарова. Москва: Наука, 1964. 376 с.

18. Неверов О. Я. Геммы античного мира. Москва: Наука, 1983. 144 с.

References

1. Dittenberger W. (ed.). Orientis Graeci inscriptiones selectae. Supplementum Sylloges inscriptionum Graecarum. Lipsiae: apud S.Hirzel, 1903. 1. 658.

2. Diodorus of Sicily; Oldfather C. H. (transl.). in 12 vols. Cambridge (Massachusetts): Harvard Univ. Press; London: William Heinemann LTD, 1957. 11, books XXI–XXXII. 465.

3. Valerius Maximus; Kempf C.(rec.) Factorum et dictorum memorabilium libri novem cum Julii Paridis et Januarii Nepotiani epitomis iterum rec. C. Kempf. Lipsiae: in aedibus B. G. Teubneri, 1888. 672.

4. C. Plinius Secundus; Mayhoff H. (ed.). Naturalis historiae libri XXXVII. Lipsiae: in aedibus B. G. Teubneri, 1897. 5, libri XXXII–XXXVII. 511.

5. Diodorus of Sicily; Oldfather C. H. (transl.). in 12 vols. Cambridge (Massachusetts): Harvard Univ. Press; London: William Heinemann LTD, 1967. 12, books XXXII–XL. VIII, 678.

6. Athenaeus; Golinkevich N. T. (transl.). The Deipnosophists: in 15 books. Moskow: Nauka, 2003. Books 1–8. 656. (in Russ.).

7. Ex Agatharchidis de mari Erythraeo libris excerpta, fr. 1–115. Geographi Graeci minores e codicibus recognovit prolegomenis annotatione indicibus instruxit tabulis aeri incisis illustravit C. Mullerus. Parisiis: editore Ambrosio

Firman Didot incituti Franciae typographi, 1855. 1, 111–194.

8. Strabo; Stratanovsky G. A. (transl.). Geographica: in 17 books. Moscow: Sci.-publ. house Ladomir. 1994. 944 (in Russ.).

9. Josephus Flavius; Henkel G. G. (transl.). Jewish Antiquities. Moskow: Ladomir, 2002. 2: Books 13–20. 614 (in Russ.).

10. White H. (transl.). Appian's Roman History: in 4 vols. London: William Heinemann LTD; Cambridge (Massachussetts): Harvard Univ. Press; NewYourk: The Macmillan Co, 1912. 2, book VIII (2) –XII. 477 p.

11. Plutarchus; Averintsev S. S. (transl.). Lucullus. Plutarchus. Lives: in 2 vols. Moscow: Nauka, 1994. 1, 549–584 (in Russ.).

12. Gaius Julius Caesar. Pokrovsky M. M. (transl.). Caesar. Commentaries. On the Gallic War. On the Civil War. On the Alexandrian War. On the African War. Moskow; Leningrad, 1948. 559 (in Russ.).

13. Empereur J.-Y.; Stephane Compoint S. (photogr.); Maehler M. (transl.). Alexandria Rediscovered. London: British Museum Press, 1998. 253.

14. Savvopoulos K., Bianchi R. Alexandrian sculpture in the Graeco-Roman Museum. Alexandria (Egypt): Bibliotheca Alexandrina, 2012. 207.

15. Lucanus; Duff J. B. (transl.). Pharsalia sive de bello civili. London: William Heinemann LTD; Cambridge (Massachusetts): Harvard Univ. Press, 1962. XV, 638.

16. Plutarchus; Markish S. P. (transl.). Antonius. Plutarchus: lives in 2 vols. Moskow: Nauka Publisher, 1994. 1, 398–445 (in Russ.).

17. Svetonius.; Gasparov M. L. (transl.). The Twelve Caesars. Moscow: Nauka, 1964. 376 (in Russ.).

18. Neverov O. J. The gemmae of the Ancient World. Moskow: Nauka, 1983. 144 (in Russ.).

УДК 316.733: 32 (477)

В. А. Радзиевский

Культурные процессы в современной Украине

В статье анализируются современные реалии в культурном пространстве Украины с учетом текущей культурной политики, аксиологические приоритеты и попытки исказить культурный код и надежды на изменение вследствие преобразований в политики (в том числе приход к власти талантливого В. А. Зеленского). Отказ от необдуманного стремления пересмотреть историю, отвергнуть многие идеалы, ценности, образы и смыслы, приоритеты, навязывая непривычные оценки прошлого (событий, героев и т. д.) и модели для будущего. Эти вопросы стали актуальными в связи с трансформацией ментальной парадигмы, сопровождающейся общественными и социокультурными изменениями в условиях постсоветской Украины. В работе рассматриваются этические позиции, а также понятия объективности, моральности и честности в контексте изложения истории и культурологии. В нынешних культурологических рефлексиях в культурно-философском дискурсе Украины рассмотрены проблемы культуры Украины второй половины второго десятилетия XXI в. на фоне напряженной обстановки в стране. Также сделаны экскурсы в прошлое, отмечены тенденции и отчасти сделана попытка спрогнозировать возможное будущее.

Ключевые слова: культура, законы культуры, В. А. Зеленский, культурное пространство Украины, культурный код, культурная политика, деонтология, субкультуры

Vitaliy A. Radzievsky

Cultural processes in modern Ukraine

Contemporary realities in the cultural space of Ukraine, taking into account the current cultural policy, axiological priorities and attempts to distort the cultural code and hopes for change due to changes in politics (including the coming to power of talented V. A. Zelensky) are analyzed. The refusal of a rash desire to revise history, reject many ideals, values, images and meanings, priorities, imposing unusual evaluations of the past (events, heroes, etc.) and models for the future. These questions became relevant in connection with the transformation of the mental paradigm, accompanied by social and sociocultural changes in the conditions of post-Soviet Ukraine. The paper examines ethical positions, as well as the concepts of objectivity, morality and honesty in the context of historical and cultural studies. In the current cultural reflections in the cultural and philosophical discourse of Ukraine, the problems of the culture of Ukraine in the second half of the second decade of the 21st century are considered against the background of the tense situation in the country. Excursions into the past were also made, tendencies were noted and an attempt was made in part to predict a possible future.

Key words: culture, laws of culture, V. A. Zelensky, cultural space of Ukraine, cultural code, cultural policy, deontology, subcultures

DOI 10.30725/2619-0303-2019-4-116-122

Говоря о законах, люди обычно имеют в виду конституционные, уголовные, гражданские, административные и иные юридические нормы. Многие юристы (А. Хвыля-Олинтер, С. Лукьянов, В. Шакун и др.) отмечают, что люди больше руководствуются моральными законами (которые лежат в основе права и имеют религиозные истоки), нежели юридическими [1, с. 334]. По подсчетам американского юриста, человечество, пытаясь выполнить 10 заповедей, придумало более 35 млн [2, с. 375]. Существуют иерархии социальных законов, ценностей и норм (не только юридических, политических или корпоративных). Законы культуры часто вбирают в себя не только юридические и нравственные законы. Это понятно, ведь, например, поле правовой культуры – это часть пространства культуры.

Украинский вопрос очень актуален для РФ. Наши народы и страны соседи. В России живут миллионы украинцев, составляя, по мнению многих политиков и историков (В. Путин, В. Орленко, В. Король, Н. Стариков и др.) с русскими, по сути, один этнос. Истории расколов поучительны и показательны. П. Базанов пишет: «„Лженации“ в современном мире – это этнографические и региональные группы, в целом не отличающиеся от своего народа: техасцы, калифорнийцы, дикси (жители южных штатов США), бургундцы, провансальцы, гасконцы, баварцы, пруссаки, поданцы (сторонники так называемой „Лиги Севера“, считающие, что севернее реки По живут не итальянцы, а другая нация), сицилийцы и т. д. К последней категории в России относились украинцы, белорусы, сибиряки, уральцы, волгари и казаки. Про уральцев и вол-

гарей… почти никто не помнит, сибирский и казачий („казакийский") сепаратизм российское общество в целом воспринимает как пародию на здравый смысл» [3, с. 307].

Цель статьи – исследование закономерностей в отдельных культурфилософских дискурсах при трансформации культурного кода Украины и поиск решений для преодоления деструктива.

Юнг, анализируя некоторые психзаболевания, говорит о «понижении ментального уровня». Людей часто характеризует потеря ориентиров и векторов, клиповое мышление, деструктивный нигилизм, фрагментарные знания, движение в ризоматическое состояние (А. Дугин).

Контент-анализ основных украинских СМИ (преимущественно газет и журналов) за май 2019 г. свидетельствует: власть поменялась, а контрпродуктивная «порошенковщина» не исчезла – конфронтация и агрессия с соответствующими клише и штампами (агрессивная риторика, русская опасность, воинственный «треш» порой в базарно-скандальном хуторском стиле). Словно победила не «партия мира», а «Дон Педро с камарильей». По нашим соцопросам в Киеве в конце мая 2019 г. более 100 респондентов показывают противоречивые, контрадикторные, двойственные, амбивалентные суждения. Большинство опрошенных – за мир, дружбу (порой и братство) и взаимопонимание с РФ, при этом ощущает себя обделенными, угнетаемыми, «ущемленными от страны-агрессора». Необходимы конструктивные диалоги на основе любви, мира, созидания и взаимопонимания. Важна этика добра и милосердия, смена культурной политики и законодательства.

Д. Лихачев считал, что есть «уровни законов: физический, выше физического – биологический, еще выше – социологический, самый высший – культурный. Основа всего – в первых степенях, объединяющая сила – в культурном уровне» [4, с. 376].

Социальные нормы, как и отмечал Д. Лихачев, не просто стоят над биологическими, но и взаимосвязаны. Не вдаваясь в объемную и многоуровневую проблему «всеобщих временных и вечных законов», заметим, что в целом законы обусловлены «народным фундаментом»: нравами, традициями, обычаями, обрядами и др. Шире – скрепами, архетипами и лифосами (λίθος – греч. «камень»). Книга «Камень» была одной из любимых у царя Алексея Михайловича (написана при участии Петра Могилы в 1644 г. против Кассиана Саковича).

Законы культуры тесно связаны с законами истории, психологии и рядом иных. Психоаналитические и постпсихоаналитические концепции (Фрейд, Адлер, Юнг, Хорни, Салливен, Фромм и др.) часто напоминают «католичество навыворот». Последствия грехопадения подменяется чем-то иным (сублимация сексуального и т. д.). Сублимацию в подобном смысле впервые предложил Ф. Ницше. Религия важна для понимания законов истории и культуры. Вспомним связь протестантизма и капитализма [5], культурообразующую и государствообразующую роль православия в истории России и путь христианства как историю святости. Католицизм – основа западного средневековья. Соотносят постпротестантизм и империализм, неорелигии (тоталитарные секты, деструктивные культы вплоть до проявлений откровенного сатанизма) и «новый дикий капитализм» с глобализацией и трансамериканизацией.

Вчерашняя аномия все чаще рассматривается как новая норма. В постхристианском мире модерновую свободу вуалируют рабством, справедливость – пристрастностью, моду – непотребством. На место правды приходит постправда, на место христианства – псевдохристианство. В психорелигиозном и культурфилософских дискурсах – современный синдром квазихристианства.

Л. Суетов вывел 7 «законов истории» [6, с. 35–37]. В центре истории люди с их мотивами поведения и целями (есть и инстинкты, свойственные и зверям, например, самосохранения). Это верно и может быть рассмотрено и шире, к примеру, в психологии (социальной, юридической, криминальной и т. д.), криминологии, даже в уголовном праве. Субъективная сторона преступления включает мотив и цель и по сути, намерения, установки, смысловые «подтексты», «значимые побуждения» и т. д. [1]. Чтобы понять мотивы, Л. Суетов обращается к учению святых отцов о 7 грехах смертных (гордыня, сребролюбие, гнев, зависть, блуд, чревоугодие, уныние) и 7 добродетелях (смирение, нелюбостяжание, кротость, доброжелательство, целомудрие, воздержание, упование).

Степень греховности и добродетельности у людей различны. Анализ показывает, что поведение большинства политиков разного времени определяют в той или иной степени страсти, пороки и похоти. Закон иронии истории Гегеля: благие намерения при их реализации превращаются в их противоположность. Властолюбцы обычно честолюбивы, беспринципны, лживы. Ш. Талейран говорил: «Если бы народ узнал, какие ничтожества ими управляют, он пришел бы в ужас» [6, с. 36]. Примером этого закона являются и революции. История ничему не учит – поскольку мотивы и поведение (можно и шире – психология и деятельность) политических фигурантов разных времен те же. Роль отдельной личности в истории огромна. Закон (не абсолютный) уста-

лости от власти: «чем дольше у власти находится правитель, тем больше он делает ошибок» [6, с. 36]. Правитель слушает похвалы и все более гордится, совершая промахи. Важны причинно-следственные связи. Любое событие является следствием комплекса причин. Новое следствие становится причиной грядущих (отсюда и связь «следствий-причин» [1]. Важно историческое время, не совпадающее с физическим: «у него своя шкала отсчет. Единицей измерения исторического времени служит частота, интенсивность событий» [6, с. 37]. П. Базанов обогащает научную мысль, анализируя и развивая наследие Н. Ульянова и Л. Суетова [3; 7].

Можно вывести часть законов культуры: культуру созидают люди с их недостатками и успехами, роль личности в культуре важна, причинно-следственные связи объективны, существенны взаимовлияния и воздействия (в большом многообразии), фактор «культурной активности и продуктивность».

Вопросы естественных законов и противоестественных состояний человека становятся все острее. Можно обдумывать таблицу культуры [8] и шире – схему законов в виде «системы вывернутых кругов» (один в другом, но так что с разных позиций и с разных точек зрения круги будут меняться в зависимости от того, откуда и как смотреть на данную схему). При одной позиции [4], внешняя схема законов будет такая: общеприродный круг, в нем физический, внутри – биологический, затем – социологический и в нем – культурный. Если мы расширим эту модель, заимствуя логику и иных ученых (Л. Суетов и др.), то мы получим более углубленный (в схожем взгляде): Божественный (сверхъестественный) Закон, далее – естественные (космический, вселенский, в нем внутри «подраздел» галактический и планетарный). Законы Космоса, как обычные и привычные для нас, влияют не только на разные ритмы – приливы, состояния, самочувствия и т. д. Затем земные круги – общеприродный, в нем физический, потом геологический и биологический, далее – «человеческие» психологический и социологический (с их производными – юридическими и политическим), и, наконец, – исторический и культурный (шире – культурфилософский, куда входят и законы духовной жизни, которые связаны с Вечными законами). Под иным углом зрения все выглядит наоборот – от «человеческого» измерения через природный и космический к Божественному. Подобная схема может не только «скакать» (у конкретных лиц) при разных субъективных точках зрения, но не меняется при стабильно-объективных культурно-исторических и иных научных «глазомерах». Условно некоторые «круги законов» для кого-то могут субъективно «выпадать», существуя объективно (не все знает каждый и т. д.). При всем временном и субъектно-субъективном многообразии получается «фигура» куда более сложная, чем усложненный «Квадратный круг» Гаспара Монжа и ему подобных.

Надо отличать законы от правил, феноменов, эффектов, уроков и иных явлений. Так уроки революционных потрясений, социальной справедливости, грозящей катастрофы, здравого смысла, национальной самобытности, исторической преемственности, большой лжи, двойных стандартов [9]. Один из уроков – русофобия часто сочеталась со славянофобией. На Украине не принято вспоминать, как украинцев выживали, например, из Средней Азии. В Киргизии праздником объявили День истории и памяти предков, связанный с погромами славян в 1916 г. Формальным поводом стал указ Николая II о привлечении мужского инородческого населения империи от 19 до 43 лет для оборонительных работ – на рытье окопов до 8 % мужчин с оплатой по рублю в сутки. Провокаторы (с участием иностранных спецслужб) начали распространять слухи о том, что азиатов хотят отправить «на убой», а русские (славяне, евреи и другие «пришельцы») заберут их имущество. Автохтоны начали громить православные храмы и убивать соотечественников «просто за то, что они русские, не щадя ни женщин, ни детей… причем, самым изуверским образом» [10]. Священник Евстафий Малаховский скорбел: «книгу можно написать о зверствах киргиз. Времена Батыя, пожалуй, уступят» [10]. В некогда почти славянском Казахстане не только переводят алфавит на латиницу. Длящийся где-то клиоцид, традициоцид и частичный геноцид – отдельные темы, как и участие англичан в создании ваххабизма. Для кого-то баварцы – это немцы со знаком качества или «белорус – это русский со знаком качества» (А. Лукашенко). Тогда, может, украинец – «высший белорус и русский с отметкой отличия и особой мудростью: мы, украинцы, – лучшие из лучших». Кто только и где ни пытался, выхолащивать историю и, обедняя, искажать гуманитаристику в целом, создавая свой «культ карго» для «евросчастья» на базе «передовых чайников», «возбужденных чашек» и «свідомих кострюль» (О. Трофимов).

Недавний протест беженцев-мигрантов с лозунгом «французы из Франции убирайтесь прочь» – это следствие провалов и в мировой гуманитаристике.

Согласно А. Мухину, о гуманитарном знании как научном вспоминают в последнюю очередь [11, с. 17]. «Историческая наука (деятельность профессионалов) выдавливается

в маргинальную область, а на ее место приходит история как набор зрелищ и мифов. Подобное свойственно и другим наукам: искусствоведению, культурологии, философии, истории музейного дела» [11, с. 18]. Среди проблем – конфликт «представлений о науке и самой наукой как таковой… Элиминация труда: гуманитарное знание – легкое, само по себе должно усваиваться» [11, с. 19–20]. «Элиминация энтузиазма („бескорыстного служения")». Потому система высшего гуманитарного образования «рискует перейти границу, отделяющую подлинное образование от симулякра. Среди причин, способствующих кризису культурологического знания… общее снисходительное отношение в обществе к гуманитарным наукам, их невысокая репутация в социуме. Это проявляется в уверенности, что историей, философией, историей и теорией культуры может заниматься любой сколько-нибудь грамотный (даже не образованный) человек. Другая причина постепенного упадка культурологического образования заключается в поверхностном отношении к гуманитарным наукам… На этом фоне, по сути, редуцируется традиция глубокого и вдумчивого чтения научных текстов» [11, с. 25]. Концепт «клерка» или «служки» не только от культурологии заменяет ученого-эрудита.

Вспомним выражение В. Путина о культуре: «Вопросы культуры – не только многогранные и сложные. Они имеют определяющее значение практически для всей нашей жизни: для экономики, образования, технологического развития, обеспечения суверенитета. Не буду повторять общих фраз, тем не менее не могу не сказать. Некоторые из них – культура – это мировоззрение, прежде всего, универсальный инструмент сохранения и передачи традиционных моральных, духовных, эстетических ценностей и основа гармоничного, свободного общества, способного сберечь свою самобытность и при этом быть открытым, восприимчивым к глобальным тенденциям развития цивилизации» [12]. Труд, мудрость, откровенность, благородство, чистота, правда, доброта, честность не только входят в понятийно-категориальную аксиосферу законов культуры. Законы культуры творят людей, формируя основы социокультурного бытия. Важны моральные константы.

Субкультура молодеет, «подростковый стандарт интеллекта» стареет, распространяются эйджисты, инфанты часто духовно не взрослеют. Потому в определенных условиях группы типа «Пающие трусы», «Расстегнутый лифчик» или «Made in Ukraine» (их «осовременные» песни – «Смуглянка», «Катюша (Героям АТО!)» и т. д.) фатально воздействуют на новых недорослей и на разновозрастных людей с подростковым мышлением. Психологические рефлексии и «исторические» нарративы «неокультурных» групп для лиц с несформированным (или вывернутом наизнанку) сознанием понятны.

Плюрализм необходим, но антикультурные рефлексии опасны. Для конструктивного развития культуры ключевым становится позитивное единомыслие, полезные дела и лозунги («Да здравствует соборная Украина!» и т. д.). Альтернатива – «лебедь, рак и щука» И. Крылова или «кто в лес, кто по дрова».

Синдром «искушения выборами» на Украине в 2019 г. напоминает 2012 г. [13], но в заостренном и ожесточенном виде. Некоторые депутаты живут по тезису Николая I: «Представительство республиканского образа правления я постигнуть не могу. Это правительство лжи, обмана, подкупа. Я предпочел бы отступать до самого Китая, чем согласился бы на подобный образ правления. Подкупать голоса, подкупать совесть, соблазнять одних, чтобы обманывать других. Я никогда не соглашусь управлять каким-либо народом при помощи хитрости и интриг».

Лейтмотив президентских гонок – «Выборы-2019 – это битва между Порошенко и Путиным» [14]. Пробивались симптомы многих синдромов (Майдана и т. д.). Слоган «Порошенко или Путин» запомнился по-разному: «Выбирай…», «Голосуй…» и т. д. Лозунг заставлял задуматься не только о мире. Порошенко поддержали писатели (Ю. Винничук, А. Подервянский, А. Кокотюха, А. Курков и др.), артисты (Джамала, Т. Петриненко и др. [14, с. 1–8]). Ада Роговцева: «Мы выбираем президента, Петра Алексеевича. Он вообще мне родной, потому что у мужа был отец Петр… Для меня Петр Алексеевич – боец… Потому что армия стала другой» [15]. Тезис М. Джемилева «нынешние выборы – это борьба между Путиным и Порошенко» неудивителен. Диссидент поразил борьбой за Томос: «Мы системно работали и объясняли Эрдогану, как важно для... крымских татар, чтобы в Украине была независимая поместная православная церковь... сейчас Мекка для православных – Москва, а после Томоса… ею станет Стамбул, так и для вас это имеет политическое значение... Эрдоган твердо сказал, что сделает все возможное... Я об автокефалии говорил и с Эрдоганом, и с министром иностранных дел» [16]. Проиграл Порошенко, Филарет и Епифаний начали войну – «томособесие затрещало» и «томосятина засмердела как гнилятина» (народные выражения). М. Денисенко, по сути, отверг Томас как чуждый проект. Глава ПЦУ Епифаний (С. Думенко) имеет двух братьев (живут за границей [17]), высказывает следующее «понимание Московской церкви»: «Сейчас церковь – последний духовный

форпост государства-агрессора, щупальца, которые проникают в души православных украинцев. Мы призваны обрезать их. Когда у агрессора не будет этой поддержки в Украине, прекратится война и вернутся Донбасс и Крым. Я в это верю» [17]. Глупо верить в то, что Порошенко и Филарет – реинкарнации Мазепы и Иуды.

В 2006 г. академик П. Толочко как бы прорицал: «Я назвал период нашей суверенности своеобразным периодом мифотворчества… все от наших комплексов... ничем основательным украинская государственность в прошлом не подкреплена... И начали называть правителей Киевской Руси украинскими… Украина отрезается от своих корней… в первоисточниках нет слова „Украина", есть слово „Русь". Многие из историков, даже академических, профессиональных, почему-то решили, что украинцы были всегда... я не признаю до сих пор единой политической украинской нации. Нет такой нации! Если бы она существовала, у нас не было бы раздора в стране… Мы собраны из кусочков лишь в послевоенное время... Когда-то в Украине естественным образом было 10–11 земель: Среднее Поднепровье, Галичина, Волынь, Полесье, Покутье, Новороссия... Почему бы не сделать эти земли снова самодостаточными... Появится совсем другая скрепа – федеральная. Идея унитарности, причем жесткой, на правах победителя (сегодня… доминируют галичане), ни к чему хорошему не приведет... (выделено мной. – *В. Р.*) Как человек законопослушный, я принимаю эти символы... Но, как человек мыслящий, осознаю, что ни один из них не является оптимальным для Украины. Цвет флага – „жовто-блакитний" – мы позаимствовали из Нижней Австрии... В Украине всегда превалировал красный (или малиновый) цвет... Поэтому я бы сделал для флага триколор – к голубому и желтому цвету добавил бы малиновый... Гимн… совершенно неудачный... явное эпигонство. Поляки поют: „Ище Польща не згинела"… Та же история с трезубом… государственные символы единению Украины не способствуют… сегодня молодое поколение воспитывают на примере, скажем, гетмана Мазепы… ставить эту фигуру в назидание молодому поколению нельзя… он предал, нарушил клятву. От комплекса неверности следует избавляться… Вести себя по отношению к истории так, как мы ведем, – преступно, безответственно, безнравственно. Случилась Переяславская Рада – отказываемся от нее. Произошла Великая Отечественная война – это не наша война. Во всем проклинаем москалей: Российская империя была тюрьмой народов, и Советский Союз тоже угнетал украинцев. Но ведь мы все это создавали вместе и единым строем отстаивали в смертельных боях. Плохая власть была, заблудилось общество с этим социалистическим экспериментом, я согласен… Никуда мы от русских не денемся. Это наш стратегический партнер на все последующие века» [18, с. 14–15].

В 2012 г. В. Путин заявлял, что Россия есть «полиэтническая цивилизация, скреплённая русским культурным ядром», что «стержень, скрепляющая ткань этой уникальной цивилизации – русский народ, русская культура» и что «русский народ является государствообразующим – по факту существования России» [19]. Украинцы – культурообразующий и государствообразующий люд Московского царства, империи, Союза и РФ (В. Матвиенко, В. Мединский и др.).

«Порохоботы» активно выступали против харизматичного В. Зеленского. Д. Корчинский, говоря об «антихристе Зеленском», не столько вспоминал чипизацию и цифровое общество, сколько «сепарню» и «москалей» [20]. (Ср.: «Зеленский хочет чипировать украинцев… с целью осуществлять контроль» [21]). Почти 30 интеллигентов припомнили В.Зеленскому смех «над святыми вещами и самой державой Украиной, представляя ее в образе порноактрисы, самих украинцев как «глупых гуцулов» и «хохлов-салоедов», а «лозунг «Слава Украине» – то для галицких туалетов». Дзюба: «во главе государства… может и себя сжечь, и государство» [22].

Говоря языком избирателей, в битве «кота в мешке» и «старого волка в овечьей шкуре» победил достойный «Бонапарт экрана», сравниваемый сторонниками с Рейганом и Бушем. Звезды русского культурного пространства (Н. Басков, Д. Билан, И. Горбачева, С. Лобода, Н. Королева, Л. Кудрявцева, М. Галкин, Л. Милявская и др.) с восторгом реагировали на победу В. Зеленского. Владимир – знаковое имя Руси (Креститель, Мономах и др.). Славный В. Зеленский и его талантливая супруга-сценаристка из Кривого Рога. Бóльшая часть территории Донецко-Криворожской Советской Республики была передана Москвой образованной Украинской Советской Республике [23].

Подведем итог. Опасны «боевая культурология» (шире – «воинствующая гуманитаристика») в руках лжецов, ибо это инженерия массового сознания и отдельных душ [1]. В 1911 г. в Госдуме В. Бобринский говорил о Галиции и галичанах-москвофилах: «Я не знал, что за границей существует настоящая Русь, живущая в неописуемом угнетении, тут же под боком своей сестры – Великой России. Как

любить Русь и бороться за нее надо всем, нам поучиться у галичан» [цит. по: 24]. Прошло тридцать с небольшим лет, и в Галиции «расцвели» бандеровцы. В Севастополе в президентство Ющенко на стенде «Украинский холокост» были фото депрессии США и голодающего Поволжья [25]. По мнению исследователей, почти все нормы «Закона об украинском языке» носят «карательный характер» [26]. По-русски можно думать, инакомыслящих ущемляют [27], людей губят «реформы» [28], «проигравшая сторона намерена мстить победителям» [29, 30] и т. д.

Целесообразен культурный Киево-Московский проект. Ради народного лидера и отдельных представителей его команды, хотя бы кинопроект во главе с мудрой Первой леди. Для этого есть великое и многогранное наследие. Имперское (не ограничивается Гоголем, Данилевским, Некрасовым и иными выходцами из Украины), советское (Довженко, Корнейчук, Галан и др.) и современные работы («Менталмутации в Малороссии», «Невыполненная миссия», «Тайна. Любовь по-русски», «Главное дело Владимира Великого», «За чужой невестой», «За Святую Русь», «В браке с американской миллионершей» и др.).

Девиантность, делинквентность и аномию легитимизируют и так называемые «фантастические» культурология и история. Нужны культурологи-системщики, а не фальшкультурологи и фальшгуманитарии. Эстетизация безобразного и воспевание аморального – тоже сфера аномии как опасного беззакония в сфере культуры.

Русофобия и украинофобия – это нарушение законов культуры и бытия.

Необходима защита от гуманитарной агрессии и духовных интервенций. Потому востребованы объективные, честные, всесторонние, глубокие, исчерпывающие методы и приемы по духовной и культурной безопасности.

Можно констатировать: повышается уровень культуры – улучшаются условия жизни. Законы культуры скреплены творчеством и любовью. Важен и деонтологический момент: ценить, беречь историю и развивать культуру.

Целесообразна клятва гуманитария (культуролога, историка и т. д.) – «не навреди человеку и обществу».

Хочется надеяться, что при президенте В. А. Зеленском на Украине воцарятся мир, спокойствие и взаимопонимание.

Список литературы

1. Радзієвський В. О. Нотатки з субкультури аномії: монографія. Київ: Вид-во «Логос», 2012. 368 с.

2. Шакун В. І. Суспільство і злочинність. Київ: Атіка, 2003. 784 с.

3. Базанов П. Н. «Петропольский Тацит» в изгнании: Жизнь и творчество русского историка Николая Ульянова. Санкт-Петербург: Владимир Даль, 2018. 511 с.

4. Лихачев Д. С. Время сближения. Москва: АСТ, 2019. 400 с.

5. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. Москва, 2016. 180 с.

6. Суетов Л. Философия истории: некоторые исторические понятия и законы // Вестн. С.-Петерб. гос. ин-та культуры. 2018. № 4 (37). С. 35–37.

7. Базанов П. Н. Послесловие: Леонид Александрович Суетов и его «законы истории» // Вестн. С.-Петерб. гос. ин-та культуры. 2018. № 4 (37). С. 38–39.

8. Радзиевский В. Украина: время перемен. Saarbrücken: LAP LAMBERT Acad. Publ., 2017. 148 с.

9. Зюганов Г. Уроки XX века // Наш современник. 2017. № 3. С. 190–195.

10. Топоров А. Почему «братья» так откровенно не уважают Россию. 30.10.2017. URL: https://tsargrad.tv/articles/pochemu-bratja-tak-otkrovenno-ne-uvazhajut-rossiju_93022 (дата обращения: 23.05.2019).

11. Мухин А. С. Культурологическое образование в XXI веке // Вестн. С.-Петерб. гос. ин-та культуры. 2018. № 3 (36). С. 17–25.

12. Под председательством Владимира Путина в Кремле состоялось заседание Совета при Президенте по культуре и искусству. 21 декабря 2017 года. URL: http: // kremlin.ru/events/president/news/56456) (дата обращения: 23.05.2019).

13. Радзиевский В. Украина перед выбором // Наш современник. 2012. № 9. С. 164–170.

14. Солідарність: інформ. бюл. Київ, 2019. Лютий. 8 с.

15. Роговцева А. Если солдаты выбирают Порошенко, то я с ними. URL: https://antikor.com.ua/articles/286004-rogovtseva_esli_soldaty_vybirajut_poroshenko_to_ja_s_nimi (дата обращения: 23.05.2019).

16. Джемілєв М. З насолодою спостерігаю, як біситься Кремль через Томос. 18.09.2018. URL: https://zik.ua/zmi/bbc/2018/09/18/features-45525505_96649 (дата обращения: 25.05.2019).

17. Юркова О. Епифаний «Церква – останній форпост держави-агресора. Ми покликані обрізати її щупальця» // Країна: тижн. журн. по-укр. 2019. 10 січ. С. 18–22.

18. Назаренко М. Ведущий специалист по древнему Киеву академик Петр ТОЛОЧКО: «Мы уже договорились до того, что Иисус Христос был щирим украинцем, гуцулом» // Бульвар Гордона. 2006. Март. С. 14–15.

19. Бортко В. Мы русские! Какой восторг! // Наш современник. 2017. № 1. С. 208–210.

20. «Зеленский – Антихрист, посланный Украине за грехи, – Корчинский // Narodna Vlada – YouTube. URL: https://www.youtube.com/channel/UCn5TteCYueiEl83yU6r15TQ (дата обращения: 25. 05. 2019).

21. Вопрос: показывает ли Зеленский публично знак сатаны, и про чипирует ли он население Киевской Руси? URL: https://pravdoiskanie.livejournal.com/4315268.html (дата обращения: 26.05.2019).

22. «Це зовсім не смішно!»: Зеленському пригадали його слова, про Україну-«порноакторку» // Високий Замок.

2019. URL: https://wz.lviv.ua/news/387926-tse-zovsim-ne-smishno-zelenskomu-pryhadaly-ioho-slova-pro-ukrainu-pornoaktorku (дата обращения: 25.05.2019).

23. Шкуренко О. «Курс краткой истории Донецко-Криворожской Советской Республики» // Коммерсантъ. 2015. 13 февр., № 25. С. 4.

24. Дикий А. Крестный путь Галицкой Руси // Русь Триединая. 2017. № 9 (79). С. 2.

25. Голодомор: история и современные интерпретации. URL: https://forumodua.com/archive/index.php?t-108749-p-13.html (дата обращения: 28. 05. 2019).

26. Павлов Ю., Ткачук О., Хрусталев А. Скандальный закон о языке: что изменится в жизни украинцев // Вести. 2019. 26 апр. С. 2.

27. Лузан А. Политические репрессии продолжаются // Славян. новости. 2019. 14–28 мая. С. 3.

28. Манекина С. Украинцы умирают на пороге больниц: после медреформы врачи отказывают в помощи пациентам с пневманией, инфарктом и корью // Славян. новости. 2019. 14–28 мая. С. 8.

29. Дунина А. Как выборы на психику повлияли // Вести. 2019. 26 апр. С. 6.

30. Конгресс Европейской федерации журналистов принял спецзаявление по Украине // Славян. новости. 2019. 14–28 мая. С. 3.

References

1. Радзієвський В. О. Нотатки з субкультури аномії: монографія. Київ: Вид-во «Логос», 2012. 368.

2. Шакун В. І. Суспільство і злочинність. Київ: Атіка, 2003. 784.

3. Bazanov P. N. «Petropol's Tacitus» in exile: the life and work of the Russian historian Nikolai Ulyanov. Sankt-Petersburg: Vladimir Dal, 2018. 511 (in Russ.).

4. Likhachev D. S. Closing time. Moscow: AST, 2019. 400 (in Russ.).

5. Weber M. The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism. Moscow, 2016. 180 (in Russ.).

6. Suetov L. Philosophy of History: Some Historical Concepts and Laws. Bull. of the Saint-Petersburg State Univ. of Culture. 2018. 4 (37), 35–37 (in Russ.).

7. Bazanov P. N. Epilogue: Leonid Aleksandrovich Suetov and his «laws of history». Bull. of the Saint-Petersburg State Univ. of Culture. 2018. 4 (37), 38–39 (in Russ.).

8. Radzievsky V. Ukraine: a time of change. Saarbrücken: LAP LAMBERT Acad. Publ., 2017. 148 (in Russ.).

9. Zyuganov G. Lessons of the XX century. Nash sovremennik. 2017. 3, 190–195 (in Russ.).

10. Toporov A. Why the «brothers» so frankly do not respect Russia. URL: https://tsargrad.tv/articles/pochemu-bratja-tak-otkrovenno-ne-uvazhajut-rossiju_93022 (accessed: May 23.2019) (in Russ.).

11. Mukhin A. S. Cultural education in the XXI century Bull. of the Saint-Petersburg State Univ. of Culture. 2018. 3 (36), 17–25 (in Russ.).

12. A meeting of the Council under the President on culture and art was held under the presidency of Vladimir Putin in the Kremlin. 21.12.2017. URL: http:// kremlin.ru/events/president/news/56456) (accessed: May 23.2019) (in Russ.).

13. Radzievsky V. Ukraine before the choice. Nash sovremennik. 2012. 9, 164–170 (in Russ.).

14. Солідарність: інформ. бюл. Київ, 2019. Лютий. 8 с.

15. Rogovtseva A. If the soldiers choose Poroshenko, then I'm with them. URL: https://antikor.com.ua/articles/286004-rogovtseva_esli_soldaty_vybirajut_poroshenko_to_ja_s_nimi (accessed: May 23.2019) (in Russ.).

16. Джемілєв М. З насолодою спостерігаю, як біситься Кремль через Томос. 18.09.2018. URL: https://zik.ua/zmi/bbc/2018/09/18/features-45525505_96649 (accessed: May 25.2019).

17. Юркова О. Епифаний «Церква – останній форпост держави-агресора. Ми покликані обрізати її щупальця». Країна: тижн. журн. по-укр. 2019. 10 січня, 18–22.

18. Nazarenko Michael. Leading expert on ancient Kiev, academician Peter TOLOCHKO: «We have already agreed to the fact that Jesus Christ was expanded Ukrainian, Hutsul». Gordon Boulevard. 2006. March. 14–15. (in Russ.).

19. Bortko V. «We are Russian! What a delight!». Nash sovremennik. 2017. 1, 208–210 (in Russ.).

20. «Zelensky – Antichrist, sent to Ukraine for sins» – Korchinsky. Narodna Vlada – YouTube. URL: https://www.youtube.com/channel/UCn5TteCYueiEI83yU6r15TQ (accessed: May 25.2019) (in Russ.).

21. The question is: does Zelensky publicly signify Satan, and does he chip over the population of Kievan Rus? URL: https://www. https://pravdoiskanie.livejournal.com/4315268.html (accessed: May 25.2019) (in Russ.).

22. «Це зовсім не смішно!»: Зеленському пригадали його слова, про Україну-«порноакторку» // Високий Замок. 2019. URL: https://wz.lviv.ua/news/387926-tse-zovsim-ne-smishno-zelenskomu-pryhadaly-ioho-slova-pro-ukrainu-pornoaktorku (accessed: May 25.2019).

23. Shkurenko O. The course of the brief history of Donetsk-Krivoy Rog Soviet Republicю Kommersant. 2015. Febr. 3 (25), 4 (in Russ.).

24. Wild A. The Way of the Cross of Galician Russia. Triune Rus. 2017. 9 (79), 2 (in Russ.).

25. The Holodomor: History and modern interpretations. URL: https://forumodua.com/archive/index.php?t-108749-p-13.html (accessed: May 28.2019) (in Russ.).

26. Pavlov Y., Tkachuk O., Khrustalev A. Scandalous law on language: what will change in the life of Ukrainians. Vesti. 26, 2019. Apr. 26. 2 (in Russ.).

27. Luzan A. Political repression continues. Slavic news. 2019. May 14–28. 3 (in Russ.).

28. Manekina S. Ukrainians die on the doorstep of hospitals: after the medical system doctors refuse to help patients with pneumonia, heart attack and measles. Slavic news. 2019. May 14–28. 8 (in Russ.).

29. Dunina A. How did the election influence the psyche Vesti. 26, 2019. Apr. 26. 6 (in Russ.).

30. Congress of the European Federation of Journalists adopted a special statement on Ukraine. Slavic news. 2019. May 14–28. 3.

УДК [008:39]:001.895

И. Х. Улинова

Динамика традиций в культуре: общая характеристика и фактор взаимодействия с инновациями

Статья посвящена рассмотрению такого феномена, как традиции в культуре. Приводятся основные характеристики традиций, а также культур традиционного типа. Ставится проблема динамики традиций в рамках культурогенеза, включающего процесс диалектического взаимодействия традиций с инновациями культуры. Дается общая характеристика инноваций и инновационного типа культуры. Отслеживается цикл появления и принятия инноваций на определенной традиционной основе с их постепенным превращением в традиции, создающие почву для появления последующих инноваций. Затрагивается фактор наличия и преобразования традиций в инновационных культурах. Ставится проблема фиксации традиций в рамках культурогенетических процессов и составления их исчерпывающих статичных перечней. В рамках архитектонического подхода обозначается связь традициосферы с культурным наследием. Фиксируются архитектонические трансформации традиций в контексте взаимодействия их актуальных, снятых и потенциальных составляющих.

Ключевые слова: традиция, инновация, динамика культуры, культурогенез, культурное наследие, архитектонический подход

Inna Kh. Ulinova

Dynamics of traditions in culture: general characteristics and factor of interaction with innovations

The article is devoted to the consideration of such a phenomenon as traditions in culture. The main characteristics of traditions, as well as traditional cultures are given. The problem of the dynamics of traditions in the framework of cultural genesis, which includes the process of dialectical interaction of traditions with cultural innovations, is posed. The general characteristic of innovations and innovative type of culture is given. The cycle of emergence and adoption of innovations on a certain traditional basis is tracked, with their gradual transformation into traditions, creating the ground for the emergence of subsequent innovations. The factor of existence and transformation of traditions in innovative cultures is touched upon. The problem of fixing traditions within the framework of cultural-genetic processes and compiling their exhaustive static lists is posed. In the framework of the architectonic approach, the connection between the tradition-sphere and the cultural heritage is indicated. The architectonic transformations of traditions are fixed in the context of the interaction of their relevant, removed and potential components.

Key words: tradition, innovation, culture dynamics, cultural genesis, cultural heritage, architectonic approach
DOI 10.30725/2619-0303-2019-4-123-130

Изучение традиций в культуре предполагает рассмотрение данной проблематики в контексте определенной модели культурогенетических процессов, включающих сложные диалектические процессы взаимодействия традиций и инноваций. Кроме того, своего решения требует задача определения сущности и содержательной наполненности такого явления, как культурное наследие, включая сложные процессы, обуславливающие его архитектонические трансформации.

Термин «традиция» (от лат. traditio, tradere – «передавать»), на самом общем уровне применяемый для обозначения элементов социокультурного наследия, передающихся от поколения к поколению и сохраняющихся в определенных обществах, классах и социальных группах в течение длительного времени, имеет множество научно-дисциплинарных конкретизаций [1, с. 53–58]. Так особые оттенки интерпретации «традиции» существуют в исторической науке, искусствоведении, этнографии, обществоведении, науковедении и др.

Являя собой комплексы представлений, обычаев, привычек и навыков человеческой деятельности, передаваемых из поколения в поколение, культурные традиции выступают одним из регуляторов общественных отношений; они представляют собой выраженный в социально-организованных стереотипах групповой опыт, который путем пространственно-временной трансмиссии аккумулируется и

воспроизводится в различных человеческих коллективах. В качестве традиции выступают определенные общественные установления, нормы поведения, ценности, идеи, обычаи, обряды и т. д. Традиции присутствуют в любой культуре и во всех областях общественной жизни. Они возникают в результате трансформации индивидуального опыта в опыт коллективный, посредством отбора и стереотипизации группового фонда инноваций (т. е. принятых новаций), источником которых является человек [2, с. 41–42].

Один из вариантов культурологической интерпретации указанного термина был предложен советским и российским культурологом Э. С. Маркаряном, отмечавшим, что «Традиция является способом аккумуляции и трансляции коллективного опыта человеческой деятельности, выраженного в социальных стереотипах» [3, с. 154]. Тем самым ученый, заложивший в конце 1970-х – начале 1980-х гг. теоретические основания науки о динамике традиций, названной им «традициологией», обозначил явную связь традиций культуры со сферой ее наследия. На данную связь традиций с культурным наследием также указывает российский культуролог А. Я. Флиер, отмечая, что культурные традиции «… это основные накопители и трансляторы стандартизированного социального опыта сообщества» [4, с. 242].

Сфера традиций в культуре не ограничивается четкими рамками. Традиции являют собой устойчивые и стабильно транслируемые феномены культуры, имеющие самые разные воплощения и конкретизации. Указанные феномены на определенное время получают широкое распространение в социокультуре и транслируются во времени. Отмеченное свойство традиций, включая фактор их распространенности, неизменности и воспроизводства, увеличивает вероятность их вхождения в сферу культурного наследия.

В данном случае уместно говорить о том, что каждая культура, в независимости от ее инновационного потенциала, имеет некую традиционную сердцевину, предстающую как ее «геном», обеспечивающий необходимый минимум для того, чтобы культура могла сохраняться и устойчиво воспроизводиться. Данное обстоятельство позволяет говорить о том, что традиции играют роль сдерживающего фактора, или упорядочивающего начала, противостоящего «хаосу», предохраняющего культуру от распада и обеспечивающего ее сохранение и ретрансляцию. Традиции являются необходимым компонентом культурогенеза, без которого реализация данного процесса была бы невозможной.

Именно традиционная составляющая лежит в основе самобытности и уникальности различных культур, включая их этнические вариации. Через различные традиционные комплексы сохраняются и воспроизводятся соответствующие им культуры, обеспечиваются основы формирования этнокультурной идентичности, создается почва для межкультурных контактов и диалога, передаются ментальные и мировоззренческие структуры, транслируются этико-эстетические и ценностно-смысловые составляющие восприятия и переживания реальности.

Противоположное традициям явление представляют инновации культуры. На самом общем уровне инновации в культуре выражены в возникновении неких новых культурных феноменов (артефактов, смыслов, норм, ценностей и т. п.), которые изначально не имеют широкого хождения, а механизмы их воспроизводства не носят устойчивого характера. Определяющим качеством инноваций в культуре является то, что они обеспечивают ее обновление, изменение и развитие. Даже в самых традиционных культурах обязательно находит свое проявление фактор инноваций, поскольку без них культура не сможет выполнять роль эффективного адаптивного инструментария человека. В ней нет традиций, способных стать «идеальными», на все случаи жизни, и неизменными. По данному поводу Э. С. Маркарян указывал, что «так же, как и генетическая программа биологического вида, культурная традиция исторической общности людей никак не может предвидеть всего реального многообразия условий и ситуаций даже самой стабильной среды ее существования. Адаптация к непредвиденным культурной традицией многообразным условиям и ситуациям, в которых приходится действовать людям, происходит благодаря индивидуальной модификации традиционных моделей деятельности» [5, с. 85], т. е. через их обновление.

Чистые инновации возникают достаточно редко – как правило, их появление связано с преобразованием, дополнением или видоизменением традиций, включая их комплексные изменения. Инновации культуры наравне с традициями обеспечивают процесс культурогенеза, реализуя человеческую способность к культуротворчеству и вступая с традициями в диалектическое взаимодействие. Путей появления инновации несколько – к таковым относятся заимствования из других культур, непосредственное создание новых феноме-

нов культуры, а также «реанимирование» и переосмысление неактуальных традиций прошлого, которые возвращаются в форме инноваций. При этом в большинстве случаев присутствие традиций в процессах создания инноваций в той или иной форме и степени обнаруживает себя, являя необходимый базис для культуротворчества.

Появление инновации, как правило, сталкивается с определенными традиционными аспектами культуры, которые представляют собой некую преграду для ее распространения и воспроизводства. Тем не менее в данном случае возможны разные сценарии освоения инноваций, включая постепенный процесс превращения инновации в традицию. Обозначенный процесс включает: постепенное принятие инновации и преодоление ею традиционных барьеров; окончательную победу инновации над прошлой традицией и процесс ее максимального распространения; наконец, превращение инновации в традицию. Представленный цикл рождения и принятия инновации показывает, что традиция, с одной стороны, призванная сдерживать культуру, в том числе через особые барьеры противодействия ее энтропии, с другой – выступает специфическим механизмом, упорядочивающим и структурирующим жизненный опыт посредством стереотипизации инноваций. В отмеченном случае показательно мнение советского и российского этнографа, социального антрополога, историка С. А. Арутюнова, отмечавшего, что «любая традиция – это бывшая инновация, и любая инновация – в потенции будущая традиция. В самом деле, ни одна традиционная черта не присуща любому обществу искони, она имеет свое начало, откуда-то появилась, следовательно, некогда была инновацией. И то, что мы видим как инновацию, либо не приживется в культуре, отомрет и забудется, либо приживется, со временем перестанет смотреться как инновация, а значит, станет традицией» [6, с. 160]. Необходимо учитывать, что инновации не возникают на пустом месте. Основу для их появления представляет традиционный базис культуры: «Процесс культурогенеза характерен тем, что все зачатки будущих инноваций заложены еще в традиции, но развиваются и рождаются лишь те из них, которые актуализированы внешними вызовами» [7, с. 129].

В любой культуре устанавливается баланс традиций и инноваций, обеспечивающий механизм ее устойчивости и развития на уровне реализации культурогенетических процессов. При этом в разных культурах данный баланс носит разный характер, и в случае явной доминанты одной из крайностей соответствующие культуры попадают в раздел «традиционных» либо «инновационных». И здесь необходимо напомнить, что абсолютно «чистых» типов культуры, построенных исключительно на традициях либо на инновациях, не бывает. В каждой культуре (даже в самой консервативной или инновационной) есть как традиции, так и инновации.

Традиционные и инновационные культуры существенно отличаются друг от друга по ряду характеристик, которые уместно обозначить ниже.

В традиционных культурах особую роль играет их природно-климатическая, ландшафтная обусловленность и фактор сопряженности способа существования людей с определенным устойчивым видом деятельности, в первую очередь, собирательством, охотой, земледелием или скотоводством. Данные обстоятельства обеспечивают полную повторяемость и циклическую воспроизводимость одних и тех же процессов и форм культуры в течение одного года. В рассматриваемых культурах «способ жизни» людей отточен и фактически не изменяется. Культура сохраняется с малой степенью изменений, стабильно транслируясь последующим поколениям. В ней доминируют определяющие образ жизни всех людей нормы, а также табу, которые нередко сакрализуются (объявляются незыблемыми и священными); люди во всем следуют устойчивым коллективным образцам, обычаям, ритуалам, способам и приемам деятельности; в культуре развит фактор послушания и почитания старших. Представители данных культур склонны с недоверием и осторожностью относиться ко всему «чужому». В рассматриваемом случае показательна пословица (несправедливо приписываемая в современном массовом сознании Конфуцию), в которой говорится – «Хочешь пожелать человеку зла – пожелай, чтобы он жил в эпоху перемен». Попытки изменения привычного уклада жизни в таких культурах в основном принимаются неохотно и осуждаются.

Особым маркером таких культур выступает фольклор, являющихся квинтэссенцией коллективного опыта и одновременно «наследственным материалом» традиционных культур, выполняя множество неэстетических функций, связанных с сохранением и трансляцией знания, ценностей, стереотипов поведения, способов деятельности, гендерных аспектов и т. д. Фольклор в таких культурах имеет малую степень изменчивости и на уровне коллективного творчества являет собой устойчивую сферу, основанную на буквальном и вариативном

воспроизводстве неких инвариантных начал, выраженных в устойчивых идеях, ценностях и смыслах, сюжетах, образах и деятельностных комплексах. Данная устойчивость фольклора обусловлена тем, что, будучи специфической формой переживания народом самого себя и мира в художественных образах, он полностью сопряжен с устойчивым способом существования, т. е. с определенным «ответом» общества на некую «адаптивную ситуацию». Таким образом, фольклор предстает как важная составляющая породившей его культуры, природа которой малоизменчива и консервативна, т. е. традиционна.

В свою очередь, инновационные культуры основаны на повышенном факторе появления новых феноменов. В отличие от традиционных культур, имеющих достаточно сильные «фильтры» в отношении появления инноваций, нацеленность на создание и принятие нового, включая акцент на способность человека к культуротворчеству, в указанных культурах становится весомым компонентом их ценностно-смысловой сферы. Наиболее ярко, согласно концепции отечественного культуролога М. С. Кагана, зафиксировавшего и обосновавшего наличие трех деятельностных оснований, исторически разделивших культуру на три самостоятельных типа, а именно: номадический (кочевой), земледельческий и ремесленный (или личностно-креативный), данный фактор проявляется в ремесленных или личностно-креативных культурах.

В инновационных культурах образ жизни не всегда напрямую связан с природно-климатической обусловленностью основных видов деятельности. В этих культурах «способ бытия» людей, живущих преимущественно в городах (центрах ремесла и производства), постоянно изменяется и совершенствуется. Отсюда инновации приобретают особую ценность, реализуя направленность личностно-креативных культур на постоянное обновление и прогресс. При этом застой, ориентация исключительно на традиции и неизменность образа жизни воспринимаются в таких культурах как нечто неполноценное и нежелательное. Коллективизму и коллективным видам творчества (которые доминируют в традиционных культурах) в инновационной культуре противопоставляется индивидуализм, личные свободы, а также свобода творчества и самовыражения отдельного человека.

Важным фактором появления инновационных культур является город, как центр ремесла и производства; соответственно, в вопросе перехода от традиционного типа культуры к инновационному особый статус имеют процессы урбанизации, достаточно сильно меняющие облик традиционных культур. При этом сами указанные процессы, с точки зрения их влияния на традиционные культуры, воспринимаются неоднозначно, вызывая массу негодований у сторонников культурной архаизации и локализации. С другой стороны, многие исследователи интерпретируют их в положительном ключе. В частности, М. С. Каган характеризовал личностно-креативный путь развития как наиболее перспективный, видя основную причину данного движения именно в городах, указывая, что в период античной Греции «в эстафете культурного развития человечества жезл передан городу, и передан безвозвратно» [8, с. 343].

Возвращаясь к традиционным типам культуры, необходимо напомнить, что в них неизбежно присутствуют инновации. Однако в отличие от личностно-креативных культур, темп внедрения инноваций в общую «ткань» традиционной культуры таков, что не меняет кардинально ее строй и сущностные характеристики. Тем не менее анализ историогенеза многих традиционных культур показывает, что на протяжении смены различных периодов их существования они испытывают «вливания» инновационных составляющих, однако данный процесс, как правило, не носит революционного характера. Скорее, этот процесс похож на эволюционные и постепенные трансформации традиций, их «мутации», в ходе которых они совершенствуются, частично дополняются инновациями и изменяются, не теряя своих корневых структур. Слишком быстрый темп появления инноваций, затрагивающий основы традиционного образа жизни, представляет опасность для таких культур, угрожая их «размыванию». Все новое в традиционных культурах принимается крайне избирательно и, не диссонируя с их природой, органично «вплетается» в существующий строй, подстраиваясь под устоявшийся уклад. Таким образом, «на сложившиеся ранее традиции на протяжении длительного времени наслаиваются новые оттенки», постепенно дополняя «традициосферу», «в то же время, из них вытесняются устаревшие элементы» [9, с. 93].

Многие традиции культуры «пронзают» различные периоды культурогенеза, но при этом они постоянно обновляются, полностью или частично сохраняя свои инвариантные качества, – «в любой культуре в разные периоды ее истории происходит подчас незаметная смена традиций» [9, с. 93]. Данная ситуация ставит весьма интересный и на первый взгляд

тривиальный вопрос, выраженный в фиксации «традиций» в «традиционных культурах», а также более сложную проблему относительно возможности фиксации традиций в культурах инновационного типа. При всей простоте первого вопроса, на него достаточно трудно дать исчерпывающий ответ. Анализируя указанную проблематику, И. В. Леонов и В. Л. Соловьева приводят общеизвестные традиционные компоненты русской культуры, возникшие как в сфере самой русской культуры, так и пришедшие в ее пространство извне в течение последних 300 лет. В ряду таких «новых традиций» находятся «самовар; балалайка; картошка; Петрушка; матрешка; русские сказки в интерпретации А. С. Пушкина, «вернувшиеся» в народную среду; песня „Из-за острова, на стрежень" на слова Д. Н. Садовникова, песня „Ой, мороз, мороз", законченный вариант которой связан с именем М. П. Уваровой, также ставшие „народными"; иллюстрации к русским сказкам, выполненные И. Я. Билибиным, дополнившие образы традиционного фольклора у современников и потомков; а также многие другие феномены» [10, с. 96]. Отмеченный перечень показывает, что историогенез традиций русской культуры сопряжен с инновационными вкраплениями, которые делают трудновыполнимым выявление исчерпывающего и устойчивого перечня традиций русской культуры, применяемого ко всем этапам ее генезиса.

На частном уровне достаточно интересным примером, приводимым российским ученым С. Т. Махлиной, выглядит восприятие современных форм и образов (история которых насчитывает чуть менее столетия) традиционных лаковых промыслов села Холуй, поселков Палех и Мстера. Лаковые шкатулки черного цвета, созданные из папье-маше, с размещенными на них лубочными сюжетами, сценами из сказок Пушкина, образами живописи Васнецова, пейзажами русской равнины, крестьянскими бытовыми сценами, изображением народных гуляний, «тройками» и т. д. – это всего лишь нововведение советского времени, направленное на сохранение промыслов, содержанием которых ранее было создание икон. В результате названного нововведения, выраженного в соединении мастерства иконописцев с созданием бытовых предметов с изображениями нерелигиозного характера, пройдя через сложную метаморфозу, обусловленную советской идеологией, лаковая миниатюра обрела новое звучание, ставшее в наши дни «традиционным» [11, с. 72].

Традиции даже в рамках самых «традиционных» культур носят непостоянный характер, преобразуясь и дополняясь преимущественно эволюционно. Тем не менее «схватить» их в виде некоего универсального перечня не всегда представляется возможным в силу их динамичной природы. Отсюда вырастает достаточно спорная ситуация, затрагивающая множество исследований различных традиционных комплексов, созданных на основании фиксации указанных «статичных» перечней, на материале культур со сложным и многослойным историогенезом. В такой ситуации формируется некое обобщенное и достаточно огрубленное понимание старины в ее «плоском» и неизменном виде. В свою очередь, современность и ближайшее прошлое нередко оказываются вне пределов анализа таких исследований, что не вполне корректно, поскольку традиции существуют всегда, и задача ученого – выявить их с учетом фактора преобразований данных феноменов на современном этапе.

Что касается возможности фиксации традиций в культурах инновационного типа, то здесь ответ приобретает «зеркальный» характер – как уже было отмечено, традиции есть в любой культуре! Только степень их трансформаций и взаимодействия с инновациями имеет достаточно высокий коэффициент. Даже в период модернизации, когда начались радикальные трансформации традиций, вовсе не отрицается, а порой даже прямо подчеркивается, что одним из источников современных инноваций, претендующих на роль новых традиций, являются традиции прошлого, например «народные обычаи, обогащенные новым идейным содержанием» [12, с. 3]. Формирование традиций и их трансляция во взаимодействии с инновациями – процесс весьма сложный. Соответственно, и выявление многих традиций в современных условиях становится порой трудноразрешимой, но все же выполнимой задачей. Причем выявляемые в современности традиции могут иметь достаточно большую дистанцию с их первофеноменами и историко-культурными вариациями, бытовавшими в рамках прошлых периодов культурогенеза.

Любое общество, по справедливому утверждению Н. Е. Шелупенко, не может развиваться без притока новых идей, форм и «программ деятельности». Как было показано в ряде примеров, таким «источником обновления и развития культуры являются инновации» [9, с. 93], представляющие «собой феномены, лежащие за пределами нормы, не существовавшие в культуре ранее и на первых порах чуждые ей. Они возникают

непреднамеренно <…> или инициировано, т. е. в результате преднамеренной деятельности социума» [9, с. 93–94]. Первоначально это происходит в виде единичного элемента культуры, который в процессе эволюции принимается большинством, укореняется в пространстве культуры и становится традицией либо, соединяясь с предшествующей традицией, дополняет и видоизменяет ее.

Фактор инноваций, вступающих в диалектическое взаимодействие с традициями, лежащее в основе процесса развития культуры, рождает ситуацию неоднозначного отношения к ним. С одной стороны, они видоизменяют культуру, трансформируя при этом ее традиционные основы (нередко существенно), тем самым ставя проблему их сохранения, с другой – процесс обновления культуры носит естественный характер, и держаться за ее прошлое, стараясь «воскресить» и «законсервировать» его – так же малопродуктивно, особенно с учетом изменившихся условий современности. Кроме того, необходимо учитывать, что в вопросах взаимодействия традиций и инноваций возможны различные модели, включающие смещения баланса между традициями и инновациями в пользу первых или последних, а также моменты отсутствия историко-генетических «точек соприкосновения» между ними. И если в данных соотношениях между традициями и инновациями происходят «разрывы», это может привести к нарушению преемственности культурогенетических процессов. Соответственно, оптимальной формой взаимодействия между указанными составляющими культуры должен быть их синтез, основанный на сохранении и обновлении культурной целостности как исторически развивающегося организма.

Изложенный выше материал, раскрывающий диалектическое взаимодействие традиций и инноваций, подводит к более широкому аспекту изучаемого вопроса, в частности его культурогенетической составляющей, поскольку традиции и инновации являются частью общего механизма реализации процессов воспроизводства культуры, сопровождаемых наслоением, постоянным соприсутствием, сопряжением и взаимодействием различных «годовых колец» ее истории на каждом конкретном этапе. Соответственно, в изучении традиций культуры необходимо учитывать фактор ее постоянных историко-генетических преобразований, логика которых накладывает свой отпечаток и на преобразование традиций.

Указанные трансформации позволяют выявить архитектонический подход, разработанный одним из ведущих российских культурологов И. В. Кондаковым в отношении анализа общих механизмов развития культуры, включая сферу ее наследия. В рамках данного подхода культурное наследие (и «традициосферу» в целом) можно рассматривать как сложноорганизованную и динамичную целостность, генезис которой составляет процесс напластования его различных состояний. Наследие и «традициосфера» в таком видении предстают как нарастающие «лестницы смыслов» или «ступенчатые пирамиды» культурных значений, в конструкции которых каждый последующий этап «наслаивается» на предшествующий, одновременно и продолжая, и преодолевая его [13, с. 159]. Данный подход позволяет раскрыть многослойную архитектонику традициосферы и наследия, которое, по мнению И. В. Кондакова, включает снятую, актуальную и потенциальную составляющие, в изменении содержания и пропорций которых происходят его метаморфозы [14, с. 535]. Исходя из того, что история культуры носит многоуровневый характер, И.В. Кондаков заключает, что «круг ценностей, норм и традиций, выработанных в предшествующий период, продолжает сохраняться и в последующем» [15, с. 52]. Такой подход позволяет утверждать, что в каждом из явлений культуры, включая традиции и их современное состояние, «в свернутом виде запечатлена история культуры, бесконечное число надстраивающихся друг над другом природных, социальных и культурных текстов, несущих в себе различные „следы“, „отпечатки“ и „тени“ культурно-исторического прошлого, взаимосвязанные между собой пласты генетической и культурной памяти человека, сообщества, человечества» [15, с. 54].

Роль культурного наследия и, соответственно, «традициосферы» в реализации культурогенетических процессов чрезвычайно высока, поскольку последнее являет собой квинтэссенцию «социокода», фиксирующего, по мнению В. С. Степина, «программы социальной жизнедеятельности, которые надстраиваются над биологическими программами и управляют поведением, общением и деятельностью людей» [16, с. 6]. В отмеченном ракурсе наследие являет собой минимум информации, необходимой для полноценного воспроизводства соответствующей культуры. Отсюда возрастает статус традиций как ее укрепляющих и стабилизирующих звеньев, которые даже в современных условиях, сохранившись, либо «мутировав» и трансформировавшись, выполняют свою основную

антиэнтропийную функцию, преобразуясь и коррелируясь с общими трендами культурогенеза.

Таким образом, изучение традиций культуры на том или ином этапе истории, включая ее современное состояние, должно предполагать учет таких обстоятельств, как диалектическое соотношение традиций и инноваций в культурогенетических процессах, неустойчивый характер традиций, так или иначе сопряженных с инновациями и подверженных перманентным изменениям, связь традиций со сложной архитектонической организацией наследия культуры, периодически претерпевающего трансформации.

Учет указанных факторов позволяет фиксировать и изучать традиции не в статике, а в динамике, т. е. выявлять сложные траектории историко-генетического развития традиционных аспектов культуры, отслеживать их современное состояние с опорой на фактор обновления и изменения данных феноменов, а также в их органической связи с прошлым.

Список литературы

1. Мурахтанов А. В., Воротилина Т. Л. Понятие традиции в социальных науках: содержание, структура, значение // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Сер. Право. 2002. № 1. С. 53–58.

2. Бондарев А. В. Культурная традиция // Культура школы: толковый слов. для учителя. Санкт-Петербург, 2016. С. 41–42.

3. Маркарян Э. С. Теория культуры и современная наука: (логико-методологический анализ). Москва: Мысль, 1983. 284 с.

4. Флиер А. Я. Культурология для культурологов: учеб. пособие для магистрантов и аспирантов, докторантов и соискателей, а также преподавателей культурологии. Москва: Акад. проект, 2000. 496 с.

5. Маркарян Э. С. Культурная традиция и задача дифференциации ее общих и локальных проявлений // Методологические проблемы исследования этнических культур: материалы симпозиума. Ереван, 1978. С. 84–90.

6. Арутюнов С. А. Народы и культуры. Развитие и взаимодействие / отв. ред. Ю. В. Бромлей. Москва: Наука, 1989. 243 с.

7. Бондарев А. В. История и основные направления развития отечественных теоретических исследований культурогенеза: дис. … канд. культурологии: 24.00.01. Санкт-Петербург, 2008. 253 с.

8. Каган М. С. Философия культуры / Акад. гуманитар. наук. Санкт-Петербург: Петрополис, 1996. 416 с.

9. Шелупенко Н. Е. Взаимодействие традиций и новаций в контексте современного развития национальных культур // Вестник Белорусского государственного университета культуры и искусств. 2015. № 2 (24). С. 91–99.

10. Леонов И. В., Соловьева В. Л. Этно-традиционный сувенир в пространстве массовой культуры // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2019. № 1 (38). С. 93–98.

11. Махлина С. Т. Палех вчера и сегодня // Петербургские искусствоведческие тетради. Санкт-Петербург, 2017. Вып. 43. С. 70–85.

12. Советские традиции, праздники и обряды: Опыт, проблемы, рекомендации: сборник / сост. М. Д. Довбуш и др. Москва: Профиздат, 1986. 333 с.

13. Кондаков И. В. Архитектоника русской культуры // Общественные науки и современность. 1999. № 1. С. 159–172.

14. Кондаков И. В. Архитектоника культурного наследия // Культурогенез и культурное наследие / науч. ред., сост. А. В. Бондарев. Москва; Санкт-Петербург: Центр гуманитар. инициатив, 2014. С. 533–544.

15. Кондаков И. В. Архитектоника культуры: эпохальное и локальное // Перспективы исторической и региональной культурологии в современной России: сб. науч. ст. Санкт-Петербург: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2019. С. 51–64.

16. Степин В. С. О «генах культуры» и главной задаче философии и социально-гуманитарных наук // Экология и жизнь. 2012. № 11 (132). С. 4–12.

References

1. Murakhtanov A. V., Vorotilina T. L. The concept of tradition in social sciences: content, structure, meaning. Bulletin of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod. Ser. Right. 2002. 1, 53–58 (in Russ.).

2. Bondarev A. V. Cultural tradition. Culture of school: explanatory dict. for teachers. Saint-Petersburg, 2016. 41–42 (in Russ.).

3. Markaryan E. S. Theory of culture and modern science: (logical and methodological analysis). Moscow: Thought, 1983. 284 (in Russ.).

4. Flier A. Ya. Culturology for culturologists: textbook for undergraduates and postgraduates, doct. students and applicants, as well as teachers of cultural studies. Moscow: Acad. Project, 2000. 496 (in Russ.).

5. Markaryan E. S. Cultural tradition and the task of differentiation of its general and local manifestations. Methodological problems of research of ethnic cultures: materials of the symp. Yerevan, 1978. 84–90 (in Russ.).

6. Arutyunov S. A., Bromley Yu. V. (ed.). Peoples and cultures. Development and interaction. Moscow: Nauka, 1989. 243 (in Russ.).

7. Bondarev A. V. History and main directions of development of domestic theoretical studies of cultural genesis: dis. on competition of sci. degree PhD in culturology: 24.00.01. Saint-Petersburg, 2008. 253 (in Russ.).

8. Kagan M. S. Philosophy of Culture / Acad. of humanities sciences. Saint-Petersburg: Petropolis, 1996. 416 (in Russ.).

9. Shelupenko N. E. Interaction of traditions and innovations in the context of modern development of national cultures. Bulletin of the Belarusian State University of Culture and Arts. 2015. 2 (24), 91–99 (in Russ.).

10. Leonov I. V., Solovyova V. L. Ethno-traditional souvenir in the space of mass culture. Bulletin of the Saint-Petersburg State University of Culture. 2019. 1 (38), 93–98 (in Russ.).

11. Makhlina S. T. Palekh yesterday and today. Petersburg art history notebooks. Saint-Petersburg, 2017. 43, 70–85 (in Russ.).

12. Dovbush M. D. (comp.) et al. Soviet traditions, holidays and ceremonies: Experience, problems, recommendations: compilation. Moscow: Profizdat, 1986. 333 (in Russ.).

13. Kondakov I. V. The architectonics of Russian culture. Social sciences and modernity. 1999. 1, 159–172 (in Russ.).

14. Kondakov I. V. The architectonics of cultural heritage. Cultural genesis and cultural heritage / A. V. Bondarev (sci. ed., comp.). Moscow; Saint-Petersburg: Center for humanitarian initiatives, 2014. 533–544 (in Russ.).

15. Kondakov I. V. The architectonics of culture: epochal and local. Prospects of historical and regional culturology in modern Russia: coll. of sci. art. Saint-Petersburg: Publ. house of the Herzen State Pedagogical Univ., 2019. 51–64 (in Russ.).

16. Styopin V. S. On the «genes of culture» and the main task of philosophy and social-humanitarian sciences. Ecology and life. 2012. 11 (132). 4–12 (in Russ.).

УДК 069(470:001.895)

О. Е. Черкаева

Современный музейный ландшафт и новые тенденции музейной деятельности

Музеи современной России представляют собой один из самых важных социокультурных институтов. Внимание к музею со стороны общества обусловлено различными факторами, среди которых многообразие музеев и их активная деятельность. Музейный ландшафт страны формируется благодаря созданию музеев разными категориями собственников, но все созданные ими музеи можно разделить на государственные и негосударственные. Профессионализации музейной деятельности способствует образование ассоциаций и объединений музеев и музейных работников. Новые темы, отвечающие запросам общества, представлены нередко в специально созданных музеях. Новые формы работы с музейной аудиторией и привлечение новых категорий посетителей, ориентированность на конкретную целевую аудиторию, поиски и эксперименты в области экспозиционных решений, активная выставочная деятельность, внедрение в музейную практику новых информационных технологий – вся эта деятельность направлена на доступность и открытость музея и хранимого им наследия для российских граждан.

Ключевые слова: музеи России, музейный ландшафт, государственные музеи, негосударственные музеи, ассоциации музеев, доступность музея

Olga E. Cherkaeva

Modern museum landscape and new trends of museum activity

Museums of modern Russia are among the most important sociocultural institutions. Attention to the museum from the society is due to different factors including the diversity of museums and their effective activities. The museum landscape of the country is formed thanks to the creation of museums by different categories of owners. All museums can be divided into two large groups, state and non-state ones. The formation of museums and museum workers associations contributes to the professionalization of museum activities. New topics responsive to needs and demands from society are often presented in specially created museums. The modern Russian museums strive for accessibility and openness of the heritage that they conserve for Russian citizens. This factor determines the current trends of museum activity: new forms of work with the museum audience and attracting new categories of visitors, focus on a specific target audience, research and experiments in the field of exhibition solutions, effective exhibition activities, introduction of new information technologies in the museum practice.

Key words: museums of Russia, museum landscape, state museums, non-state museums, associations of museums, accessibility of a museum

DOI 10.30725/2619-0303-2019-4-131-136

Музеи России, являясь одной из самых важных современных социокультурных институций, находятся в центре общественной жизни и привлекают посетителей разного возраста. Посещение музея стало одной из важнейших составляющих проведения свободного времени для работающего населения страны (кратковременных выходных или спланированного индивидуально/организованного туристической компанией продолжительного отпуска) и для других категорий посетителей, в зависимости от конкретной возрастной группы и степени включенности в активную социальную жизнь.

Музей функционирует в современном социуме, конкурируя с различными культурными, образовательными и развлекательными институциями, сохраняя при этом свою устойчивую позицию и высокий социальный статус.

Характеризуя многообразие музеев России и их общественную значимость, следует остановиться на проблеме музейной статистики. Точное количество музеев в стране неизвестно – по приблизительным данным и представлениям музеологов, в России около 6 тыс. музеев. Отсутствие точных статистических данных о количестве музеев в Российской Федерации обусловлено комплексом причин. Во-первых, музеи имеют различную подчиненность, соответственно, собственниками музеев выступают разные владельцы; во-вторых, музеи целого ряда организаций конкретных ведомств не имеют

самостоятельного юридического статуса, являясь лишь отделами этих организаций, и поэтому не фигурируют в качестве музеев в статистической отчетности; в-третьих, музеями называют себя учреждения, которые по своей сути ими не являются.

Наиболее полная статистика по музеям страны представлена на сайте Министерства культуры Российской Федерации – в настоящее время в списке указан 2731 музей [1]. Это группа государственных музеев. Среди них – федеральные музеи, непосредственно подведомственные Министерству культуры РФ и предоставляющие статистическую отчетность в Министерство, а также музеи, данные о которых поступают в Министерство культуры РФ из региональных органов управления культурой (министерств, департаментов, комитетов, управлений). Примечательно, что в Государственном докладе о состоянии культуры в Российской Федерации не указывается даже общее количество музеев, представленных на сайте Министерства. В докладе Министерство оперирует сопоставимой статистикой лишь по федеральным музеям – она выверена и соотносима по разным параметрам, что дает возможность корректно использовать ее для аналитики музейной работы [2, с. 14].

Поскольку Государственный доклад за 2018 г. появится лишь в конце 2019 г., имеет смысл обратиться к другому документу Министерства культуры для характеристики федеральных музеев и их деятельности в 2018 г. В непосредственном ведении Министерства культуры РФ находится сейчас 64 федеральных музея [3, с. 28], которые финансируются из федерального бюджета, их собственником и учредителем выступает Российская Федерация. Среди федеральных музеев – крупнейшие национальные музеи, известные на весь мир, такие как Эрмитаж, Русский музей, Третьяковская галерея, Исторический музей, Политехнический музей и др. По сути, это музеи особого (национального) значения и масштаба. Многие из них имеют свои филиалы: так, в 2018 г. филиалом Центрального музея Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. стал музей «Ставка Сталина» в г. Ржеве (Тверская область). В настоящее время федеральные музеи имеют 33 филиала [3, с. 28].

Все остальные музеи в России, количество которых можно указать лишь весьма приблизительно – негосударственные. В этой группе важную роль играют сейчас частные музеи – среди них количественно преобладают небольшие по масштабу музеи в населенных пунктах, расположенных по известным туристическим маршрутам (Музей советского автопрома в г. Иваново, музей «Русский самовар» в Касимове и т. д.). Крупные частные музеи открылись в столичных городах: Музей русского импрессионизма, Музей Русской иконы, Музей русского реалистического искусства, Музей техники Вадима Задорожного, Музей Отечественной военной истории (все в Москве или ближайшем Подмосковье), Музей современного искусства Эрарта (Санкт-Петербург) и др. В настоящее время на портале «Культура.РФ» зарегистрировано 170 частных музеев [2, с. 16]. Частные музеи, как и другие негосударственные музеи, находятся в фокусе внимания профессионального музейного сообщества – один из номеров журнала «Музей» (№ 2) за 2019 г. был посвящен теме «Частные инициативы: между обществом и государством».

Активно увеличивается группа церковных музеев. Интересно, что музеи, принадлежащие церкви, посвящены не только церковной истории, но и определенным периодам российской истории или ее отдельным событиям. В 2018 г. на Бутовском полигоне открылся Музей памяти пострадавших (храм Новомучеников и исповедников российских), создается музей героя Куликовской битвы Дмитрия Донского с панорамой Куликовской битвы (храм святого благоверного князя Дмитрия Донского) (оба в Москве); в 2014 г. открылся музей-диорама «Великое Стояние на реке Угре» (мужской монастырь Свято-Тихонова пустынь, Калужская область) и т. д.

Монастырские музеи играют ведущую роль не только среди церковных музеев, но и в музейном ландшафте страны в целом, что в значительной степени определяется двумя основополагающими факторами. Первый из них – соответствующее финансирование, второй – участие в их создании профессиональных ученых-археологов (Подземный музей в Зачатьевском монастыре, Москва) и опытных музейщиков (Музейный церковный комплекс «Музей Патриарха Никона. Центр по изучению духовной культуры Московского государства XVII – первой половины XVIII вв.»).

Еще одну значимую группу негосударственных музеев, динамично развивающуюся в XXI в., представляют собой корпоративные музеи. В декабре 2018 г. в г. Ханты-Мансийске состоялась IV Международная конференция «Корпоративные музеи сегодня» [4].

Для консолидации деятельности столь разных по принадлежности и профилю музеев в музейном сообществе созданы (или продолжают функционировать) организации, координирующие общие вопросы музейной жизни в масштабе страны: Союз музеев, ИКОМ России, а также «специализированные» объединения музейных работников, формирующиеся либо по профильной принадлежности музеев (Ассоциация музыкальных музеев России, Ассоциация литературных музеев, Ассоциация музеев памяти и т. д.), либо по региональному принципу (например, Ассоциация музеев России состоит из музеев Центрального региона России). Создание организаций, объединяющих музейщиков, способствуют профессионализации музейного сообщества, повышению статуса и формированию позитивного имиджа музея.

Интерес к музею со стороны посетителя вызван в значительной степени новыми темами, для представления которых нередко создаются новые музеи. В них отражена тематика, не представленная ранее по идеологическим причинам в музеях советского времени. Можно выделить две основные группы новых музеев: 1) музеи современного искусства; 2) музеи современной истории, посвященные теме политических репрессий.

К настоящему моменту музеи современного искусства прошли два этапа своего развития. Музеи первого этапа отличаются от музеев второго. На каждом из этапов отражаются, во-первых, различное отношение общества к современному искусству; во-вторых, различное содержание понятия «современное искусство». Возникшие в 1990-е гг. музеи отвечали запросам общества на удовлетворение интереса к тем направлениям искусства, которые находились под запретом. Повышенное внимание к неофициальному искусству было вполне закономерно после долгих лет господства социалистического реализма. Однако сейчас большой популярностью в обществе пользуется и реалистическое искусство. Так, в 2011 г. был создан частный Институт русского реалистического искусства, цель которого – представить и пропагандировать национальную реалистическую школу XX в. На постоянной экспозиции музейно-выставочного комплекса Института представлено более 400 произведений реалистического искусства [5, с. 3], а в специально отведенном пространстве устраиваются масштабные выставки по теме.

Еще одна группа музеев, возникшая в 1990-е годы и посвященная запретной ранее теме, – это музеи современной истории, отражающие тему политических репрессий. Причем в настоящее время «старые» музеи переживают реэкспозиции, но одновременно с этим появляются новые музеи. Так в 2018 г. была проведена реэкспозиция в Музее истории ГУЛАГа (основан в 2001 г., в новом здании с 2015 г.), и создан новый музей под названием Музей памяти пострадавших [6] (оба в Москве).

Значимое место занимают в музейном ландшафте страны «музеи одной темы» или специальные музеи. Чаще всего они связаны с темами, погружающими в контекст русской культуры (музеи русского валенка, русского платка и шали, Музей водки в Угличе). Их нельзя назвать новыми, но в XXI в. они выдвинулись на первый план и создаются, как сказано выше, в основном, по частной инициативе. Как правило, такие музеи возникают в городах и поселениях, входящих в туристические маршруты и ориентируются на привлечение внимания туристов.

Независимо от принадлежности тому или иному собственнику, масштаба, профиля, темы, для всех музеев России характерны общие черты. Они обусловлены одной целью – обеспечить доступность музея населению страны и зарубежным гостям, приобщить их к объектам национального наследия. В этом контексте активно применяется понятие «открытый музей», служащее синонимом понятию «доступный музей».

Один из действенных способов в достижении этой цели – активная выставочная деятельность. Так федеральные музеи, подведомственные Министерству культуры РФ, провели в 2017 г. 3558 выставок (внутренних и внешних), в том числе – 257 зарубежных выставок; в 2018 г. – 3647 выставок, из которых 274 выставки за рубежом [3, с. 29]. Выставки позволяют не только пропагандировать национальное наследие, но и отработать новые методы и технологии создания постоянной музейной экспозиции. В 2017 г. новые разделы постоянных экспозиций созданы в таких известных музеях, как Музей современной истории России, Музей декоративно-прикладного искусства, Бородинский военно-исторический музей-заповедник. Совершенно новая экспозиции Центрального музея кино открылась в 2017 г. (музей основан в 1989 г., но не имел собственного здания) на территории ВДНХ, где сейчас формируется настоящий музейный кластер. В течение нескольких лет здесь функционирует экспозиция Политехниче-

ского музея (основное здание музея в центре Москвы на реконструкции), в 2018 г. открыта масштабная экспозиция центра «Космонавтика и авиация», посвященная истории отечественной космической отрасли. Формирование мощного музейного блока в северной части города – важное явление в культурной жизни Москвы, так как традиционно большинство известных музеев находится в центре города. Однако новые музеи открываются не только в столице – важным событием последних лет стало создание музейного комплекса «Куликово поле» в Тульской области (около 300 км от Москвы). Музей посвящен важнейшему событию русской истории – первой победе русских войск над татаро-монголами в 1380 г., которая рассматривается как отправная точка развития российской государственности.

Для привлечения посетителей в российских музеях появляются формы работы, нехарактерные ранее для отечественной практики: некоторые музеи функционируют в режиме временных выставок. Отсутствие в музее постоянной экспозиции уже не вызывает удивления у российского посетителя, постепенно привыкшего к сменным выставкам. Такие формы работы используют музеи современного искусства (Государственный центр современного искусства, Московский музей современного искусства, Музей Анатолия Зверева (советский художник-авангардист), Музей современного искусства «Гараж» и др.).

Совсем недавно в Российских музеях появились новые методы в представлении экспонатов, а именно приемы сценографии в построении экспозиции. Театральность, зрелищность, создание особой среды, в которую погружается посетитель в музее, позволяют говорить об особой драматургии экспозиции. В этом случае важнейшая роль в музейной экспозиции, так же как в театре и кино, отводится свету. Ведущим музеем в развитии обозначенных тенденций можно считать Музей Анатолия Зверева. Другой пример – Музей истории ГУЛАГа. Здесь посетитель благодаря приемам сценографии оказывается в отделенном от окружающего мира пространстве. Рассказы репрессированных озвучивают самые известные актеры российского театра и кино, ставшие символом отечественной культуры (Ч. Хаматова, Л. Ахеджакова, И. Чурикова и др.) [7]. Звук, свет, продуманный сценарий экспозиционного построения, аудиозаписи воспоминаний – все вместе оказывает на посетителя сильное эмоциональное воздействие.

Еще один путь, которым идут российские музеи для повышения своей доступности – ориентированность на конкретные группы посетителей. Одна из таких групп – инвалиды. С 2017 г. в России реализуется проект «Инклюзивный музей», который был инициирован ИКОМ России. Партнерами проекта стали известные музеи и благотворительные фонды. В 2017 г. целевой аудиторией проекта были дети с особенностями ментального развития, в 2018 г. – глухие и слабослышащие посетители. Цель проекта – распространение лучших музейных практик социализации и творческой реабилитации людей с инвалидностью музейными средствами. В результате реализации проекта состоялись обучающие семинары для музейных работников, изданы методические рекомендации, обобщающие интересный и полезный опыт с целью его трансляции [8].

В фокусе внимания российских музеев в последние годы оказались такие категории посетителей, как люди «третьего возраста» и подростки. В музеи их привлекают разными способами – от бесплатных билетов и организации бесплатных экскурсий до создания специальных программ. В ГМИИ им. А. С. Пушкина с 2014 г. реализуются так называемые «Программы для третьего возраста», разработанные президентом музея И. А. Антоновой, ежегодно предлагающей людям пенсионного возраста новые авторские циклы. Первый из них – «Искусство – диалоги в пространстве и времени» – наряду с лекциями включал семинары-дискуссии по экспозиции музея, где слушатели выполняли самостоятельное описание-анализ произведения искусства по теме занятия [9].

Подростки всегда были традиционной группой в российских музеях: для них читались циклы лекций, организовывались кружки. Однако сегодня наблюдается тенденция более активного вовлечения их в музейную жизнь, акцент смещен с их пассивного восприятия информации на взаимодействие с ними в пространстве музея. Интересно отметить, что даже в классических художественных музеях (Третьяковская галерея, Русский музей и т. д.) целый ряд программ для подростков связан с современным искусством, что объясняется интересом к нему общества.

Заметным явлением в музейной жизни России XXI в. стало волонтерское движение. Трудно назвать более или менее крупный

музей, где не работали бы волонтеры, однако безусловным лидером в этой области является Эрмитаж – программа «Волонтеры Государственного Эрмитажа» реализуется с 2003 г., когда отмечался 300-летний юбилей Санкт-Петербурга.

Идея «открытости» музея связана, безусловно, и с информатизацией музейной деятельности и использованием в музее новых информационных технологий. Что касается представления музеев в сети Интернет, здесь нужно отметить два уровня – общероссийские ресурсы и ресурсы отдельных музеев. Важным достижением самых последних лет стало активное наполнение единого онлайн-ресурса для российских музеев – Государственного каталога Музейного фонда Российской федерации [10]. Большой объем информации о музеях России, важной как для профессионалов, так и для всех интересующихся культурным наследием граждан, представлен на сайте Министерства культуры РФ, на портале «Культура.РФ» и др.

Второй уровень представления музеев в сети интернет-сайты отдельных музеев и их странички в социальных сетях. В зависимости от возможностей конкретного музея на его сайте, наряду с актуальной информацией для посетителей, можно найти коллекции музеев, виды экспозиционных залов, аудиогиды по нему, виртуальные экскурсии, мобильные приложения, научные издания музея в формате pdf (каталоги выставок и коллекций, материалы конференций и т. д.); практически всегда представлена история музея. Отдавая предпочтение в области развития цифровых технологий самым известным российским музеям (например, в ГМИИ им. А. С. Пушкина работает даже специальная IT-лаборатория, созданная для профессионального межмузейного обсуждения цифрового развития в музейной деятельности), отметим и высокий уровень развития информационно-коммуникативных технологий в регионах. Например, в фондах Музея Природы и Человека в Ханты-Мансийске более 100 тыс. объектов, из которых оцифрована уже 1/5 часть. На сайте музея можно видеть 3D-объекты, панорамы и т. д.; с использованием новых технологий построена современная экспозиция музея [11].

Завершая обзор музеев России и их деятельности, следует отметить, что развитие музейного ландшафта страны, а также новые формы и методы музейной работы связаны, с одной стороны, с запросами и интересами современного социума, с другой – с осознанной для музеев необходимостью сохранять свой высокий статус в условиях конкуренции с другими социокультурными институциями.

Список литературы

1. Музеи. Статистическая информация // Портал открытых данных Министерства культуры РФ: сайт. URL: https://opendata.mkrf.ru/opendata/7705851331-stat_museum#a:eyJ0YWIiOiJidWIsZF90YWJsZSJ9 (дата обращения: 22.10.2019).

2. Государственный доклад о состоянии культуры в Российской Федерации в 2017 году / М-во культуры РФ. Москва, 2018. 84 с. URL: https://www.mkrf.ru/activities/reports/report2017/ (дата обращения: 22.10.2019).

3. Доклад об основных направлениях и результатах деятельности Министерства культуры Российской Федерации в 2018 году и задачах на 2019 год. Москва, 2019. 69 с. URL: https://www.mkrf.ru/activities/reports/index.php (дата обращения: 22.10.2019).

4. Халикова Д. IV Международная конференция ИКОМ России «Корпоративные музеи сегодня» // Музей. 2019. № 4. С. 22–27.

5. Институт русского реалистического искусства: путеводитель по постоянной экспозиции. Москва: Ин-т рус. реалист. искусства, 2016. 76 с.

6 Гарькавый И. Музей памяти новомучеников и исповедников, пострадавших на Бутовском полигоне // Музей. 2019. № 1. С. 21–22.

7. Музей истории ГУЛАГа: сайт. URL: https://gmig.ru/exposition/ (дата обращения: 22.10.2019).

8. Проект «Инклюзивный музей»: сайт. URL: http://icom-russia.com/data/proekty/proekt-inklyuzivnyy-muzey/ (дата обращения: 22.10.2019).

9. Программы для третьего возраста: сайт / Гос. музей изобразит. искусств. URL: https://www.pushkinmuseum.art/visitors/excursions/third_age/index.php?lang=ru (дата обращения: 22.10.2019).

10. Государственный каталог музейного фонда Российской Федерации: сайт / М-во культуры РФ. URL: https://goskatalog.ru/portal/#/ (дата обращения: 22.10.2019).

11. Музей Природы и Человека: сайт. URL: http://www.ugramuseum.ru/ (дата обращения: 22.10.2019).

References

1. Museums. Statistical information. Open data Portal of Ministry of culture of Russian Federation: site. URL: https://opendata.mkrf.ru/opendata/7705851331-stat_museum#a:eyJ0YWIiOiJidWIsZF90YWJsZSJ9 (accessed: Oct.28.2019) (in Russ.).

2. State report on state of culture in Russian Federation in 2017 / Min. of culture of Russian Federation. Moscow,

2018. 84. URL: https://www.mkrf.ru/activities/reports/report2017/ (accessed: Oct.28.2019) (in Russ.).

3. Report on main directions and results of activities of Russian Ministry of culture in 2018 and tasks for 2019 / Min. of culture of Russian Federation. Moscow, 2019. 69. URL: https://www.mkrf.ru/activities/reports/index.php (accessed: Oct.28.2019) (in Russ.).

4. Khalikova D. IV international conference ICOM of Russia «Corporate museums today». Museum. 2019. 4, 22–27 (in Russ.).

5. Institute of Russian realistic art. Guide to permanent exhibition. Moscow: Inst. of Russ. realistic art, 2016. 76 (in Russ.).

6. Garkavy I. Museum of memory of new martyrs and Confessors, victims of Butovo range. Museum. 2019. 1, 21–22 (in Russ.).

7. Museum of Gulag history: site. URL: https://gmig.ru/exposition/ (accessed: Oct.28.2019) (in Russ.).

8. Project «Inclusive Museum»: site. URL: http://icom-russia.com/data/proekty/proekt-inklyuzivnyy-muzey/ (accessed: Oct.28.2019) (in Russ.).

9. Programs for third age: site / Pushkins State Museum of fine arts. URL: https://www.pushkinmuseum.art/visitors/excursions/third_age/index.php?lang=ru (accessed: Oct.28.2019) (in Russ.).

10. State catalogue of Museum Fund of Russian Federation: site / Min. of culture of Russian Federation. URL: https://goskatalog.ru/portal/#/ (accessed: Oct.28.2019) (in Russ.).

11. Museum of Nature and Man: site. URL: http://www.ugramuseum.ru/ru (accessed: Oct.28.2019) (in Russ.)

УДК 069.12:37.033

Е. Д. Чигалейчик

Музей в экологическом образовании: современные технологии

Рассмотрены принципы экологического образования. Раскрыта роль музея в экологическом образовании. Приведен опыт использования современных образовательных музейных технологий в Государственном научном учреждении «Центральный музей почвоведения им. В. В. Докучаева» (ЦМП), который занимается экологическим образованием более ста лет. За последние десять лет роль музея в этом процессе стала более заметной, что подтверждается увеличением посетителей более чем в десять раз. Важная причина этого – применение программ, основанных на эвристическом подходе. Представлены принципы составления образовательных программы для школьников 1–11 классов. Раскрыта роль современных образовательных музейных технологий в экологическом образовании. Показано, что использование программ, включающих разные формы, и стимулирующих самостоятельную деятельность, предусматривающих работу малыми группами дает хорошие результаты. Раскрыта роль рекреационно-образовательных программ, созданных для фестивалей и праздников. Приведены примеры программ 2017–2018 гг.

Ключевые слова: Центральный музей почвоведения им. В. В. Докучаева, музейные технологии, экологическое образование, образовательная функция музея.

Yelena D. Chigaleichik

Museum in environmental education: modern technology

The principles of environmental education are considered. The role of the museum in environmental education has been revealed. The experience of using modern educational museum technologies in the State scientific institution «Dokuchaev central oil museum» is given. Dokuchaev central soil museum has been involved in environmental education for over a hundred years. Over the past ten years, the role of the museum in this process has become more prominent, it is evidenced by an increase in visitors more than ten times. An important reason is the use of programs based on a heuristic approach. The principles of drawing up educational programs for schoolchildren of grades 1-11 are presented. The role of modern educational museum technologies in environmental education is revealed. It is shown that the use of programs, including various forms, stimulating independent activities, providing work in small groups gives good results. The role of edutainment programs created for festivals has been revealed. Examples of programs for 2017–2018 are given.

Keywords: Dokuchaev cenltral soil museum, museum technologies, environmental education, educational function of museums, educational programs

DOI 10.30725/2619-0303-2019-4-137-140

Образование – одна из важных функций музея, присущая этому социокультурному учреждению. В XIX и первой половине XX в. для обозначения этой функции часто использовался термин «просвещение» – передачу, распространение знаний и культуры [1, с. 609]. Современные музеологи обычно используют термин «образование», трактуя его как развитие способностей человека к самостоятельному осмыслению событий и явлений с позиций целостного мировосприятия, сформированного культурой, т.е. процесс совершенствования человека, его культурного роста и развития.

Термин «экологическое образование» получил распространение в России с середины 80-х гг. XX в. и до сих пор имеет различные трактовки [2]. Большинство ученых придерживается определения, предложенного Зверевым: «экологическое образование – непрерывный процесс обучения, воспитания и развития личности, направленный на формирование системы научных и практических знаний, умений и навыков, ценностных ориентаций, нравственно-этических и эстетических отношений, обеспечивающих экологическую ответственность личности за состояние и улучшение социоприродной среды» [3, с. 17].

Впервые принципы экологического образования были сформулированы на Тбилисской конференции в 1977 г. Экологическое образование должно:

- рассматривать окружающую среду в целом: естественную и созданную, а также техническую и социальную;
- быть непрерывным процессом, продолжающимся всю жизнь;
- использовать дисциплинарный подход;

• рассматривать основные вопросы окружающей среды с местной, национальной, региональной и международной точек зрения, с тем чтобы учащиеся хорошо понимали условия окружающей среды в других географических регионах;

• сосредотачивать внимание на нынешнем и будущем состоянии окружающей среды, учитывая историческую перспективу;

• подчеркивать сложность проблем окружающей среды и, таким образом, развивать критическое мышление и навыки решения проблем [4].

Анализ проблемы позволяет утверждать, что сходные идеи были высказаны В. В. Докучаевым во второй половине XIX в. С целью распространения научных знаний в области окружающей среды он стал инициатором создания естественнонаучных музеев [5, с. 14–17]. В 1904 г. по инициативе В. В. Докучаева был создан Центральный музей почвоведения (ЦМП), первый музей почвенно-экологического профиля в мире. При создании музея преследовались две основные цели: научное изучение почв и научное просвещение. Образовательный потенциал музея не оспаривается теоретиками и практиками музейного дела. Экологическое образование предполагает знание законов природы, способов взаимоотношений живых организмов между собой и с окружающей средой, последствий влияния человека на природные процессы. Почва является неотъемлемой частью любой наземной экосистемы, изучая почвы, посетители музея знакомятся с различными экосистемами и прослеживают все многообразие природных взаимодействий. Таким образом, экологическим образованием ЦМП занимается уже более 110 лет. За эти годы музей сформировал богатый коллекционный фонд, создал научно-художественные комплексы, экспозиции и выставки.

Основной деятельностью музея до последнего времени являлось научное изучение почв. Экологическое образование велось путем проведения традиционной экскурсии «показ–рассказ» и лекций. В настоящее время эти формы теряют свою эффективность. Современные школьники имеют широкий доступ и к текстовой, и к визуальной информации благодаря Интернету. Музеи как источник и хранитель этой информации отходят на второй план. Современный музей становится востребованным для посетителей в целом, и школьников в частности, прежде всего как разработчик идей различных коммуникативных практик. Таким образом, перед музеем стоит вопрос поиска актуальных подходов к экологическому образованию, обусловленных новыми требованиями.

Начиная с 2009 г. количество экскурсий в музее по сравнению с предыдущими годами увеличилось более чем в десять раз [6, с. 63–66]. Это увеличение объясняется несколькими причинами. Прежде всего, это создание интерактивных экспозиций «Подземное царство» (2009 г.) и «Шагреневая кожа» (2011 г.), вызывающих повышенный интерес. Второй значимой причиной является использование технологий музейной педагогики, что является новым для академического научного учреждения.

Одним из наиболее востребованных способов является создание программ, включающих в себя несколько форм, объединенных одной темой. Главная особенность таких программ – эвристический подход к экологическому образованию в музее, основанный на различных способах раскрытия творческого потенциала посетителей. Целевая аудитория – школьники 1–11 классов.

Программа объединена общей темой и обычно состоит из нескольких частей, которые дети проходят последовательно, работая малыми группами, что обеспечивает возможность «включить» в работу каждого ребенка. Обычно одна программа включает 3-4 формы и имеет продолжительность от одного часа до двух.

Одна из частей программы – **экскурсия** по экспозиции. Как правило, в одной экскурсии используется целая группа методов: повествовательный, вопросно-ответный, метод сравнения, театрализации и др. Принимая во внимание важность чувственного восприятия, на каждой экскурсии имеются образцы, которые можно проанализировать, используя кроме зрения, осязание, обоняние, иногда – слух и вкус.

Вторая часть программы – **игра**. Игра стимулирует к самостоятельной деятельности, способствует лучшему пониманию и запоминанию материала. Поисковая игра с маршрутным листом (квест) предлагает ряд заданий и вопросов, ответы на которые школьники должны найти в экспозиции. Иногда такие задания оформляются в виде кроссворда с опорным словом. Разгадав кроссворд, дети получают слово или словосочетание, относящееся к теме, например «Кожа планеты», «Докучаев» и т. п. Ведущий не помогает выполнять задания, следя исключительно за правилами поведения в музее. По истечении отведенного времени проводятся проверка и обсуждение.

Кроме квестов используются также ролевые игры и мастер-классы.

Ролевая игра предполагает «проживание» определенного процесса или ситуации, что

способствует проявлению интереса к данному вопросу, лучшему восприятию и пониманию. Так в программе «Хлеб всему голова» младшие школьники играют в ролевую игру «От почвы до магазина». Ребята по очереди «примеривают» на себя различные профессии (агроном, тракторист, комбайнер, технолог, хлебопек, продавец). В результате они представляют всю сложность процессов, которое проходит зернышко, чтобы превратиться во вкусный хлеб, который мы покупаем.

В некоторых программах одной их частью могут быть мастер-классы. В 2017 г. совместно со студенткой СПбГИК О. Целенко был разработан мастер-класс «Домом едины» для экскурсионной программы «Почва – сердце экосистемы», проводимой для учащихся 4-х классов. В этом мастер-классе был использован метод арт-терапии (на примере песочной анимации) в качестве образовательного подхода. Основной задачей было способствовать усвоению знаний об экосистеме и взаимодействиях в ней через чувственное восприятие и переживание. Для этого были сделаны индивидуальные аппараты для песочной анимации. Школьники сначала создавали картину экосистемы соснового леса, а затем прорисовывали и обсуждали все возможные взаимодействия в ней. Результаты анкетирования показали, что в конце занятия все могли свободно объяснить, что такое экосистема и чем занимается наука экология.

Третья часть во многих программах – это **практическая работа** с образцами почв и горных пород. Школьники знакомятся с правилами поведения в лаборатории, учатся самостоятельно подготавливать образцы и препараты, изучают различные свойства и особенности почв, а также ее мезафауну, работая с микроскопами.

В некоторых программах в качестве одной из частей используется просмотр **научно-популярных фильмов** на тему программы. Например, в программе «Подземное царство», рассказывающей о почвенных обитателях, используется фильм «Жизнь ежей», созданный по заказу музея. Фильм позволяет визуализировать некоторые особенности жизни ежей и связи их с почвой.

В 2016 г. автором статьи был разработан цикл экскурсионных программ для начальной школы «Такая удивительная земля!» Цикл опирается на программу для начальной школы «Окружающий мир» (автор А. А. Плешаков), по ней работает большинство школ Санкт-Петербурга. Цикл включает из 11 тем, которые логично построены от простого к сложному. Каждая тема цикла соответствует определенному разделу курса «Окружающий мир». *В первом классе* дается общее представление о почве как удивительном царстве природы, приводятся интересные факты из жизни ее обитателей. *Во втором классе* ребята узнают, из чего состоит почва, о том, что ее неотъемлемой частью являются живые организмы, о важнейшем для человека свойстве почв – плодородии. *В третьем классе* школьники познакомятся с этапами образования почвы, с почвой как «особым царством природы», уникальной средой обитания живых организмов. *В четвертом классе* дается представление о разнообразии почв в разных природных зонах, об основных сельскохозяйственных растениях и развитии земледелия в России. Таким образом, поддерживается система непрерывного экологического образования в музее.

Важной частью экологического образования и воспитания являются экскурсии в природу. Автором разработана экскурсия в Невский лесопарк «Почва – сердце экосистемы». В ходе экскурсии школьники знакомятся с экосистемами ельника-черничника и сосняка-кисличника. Дети учатся закладывать почвенный разрез, проводить описание почвы, работать с полевыми определителями растений, определять структуру экосистемы и типы взаимодействия в ней. В результате экскурсий формируется положительный опыт взаимодействия с природными сообществами.

Сегодня музеи активно решают и рекреационно-образовательные задачи. Поэтому в последнее время в музеях широко распространены программы, созданные по принципу «обучение через развлечение». «Рекреация – это не просто отдых или досуг, это деятельность, направленная на расширение кругозора, духовного потенциала личности, на ее развитие и рост. Именно поэтому рекреация становится частью образовательного процесса в музее…» [7, с. 209]. К таким программам можно отнести все программы, созданные для музейных фестивалей города: «Детские дни в музее», «Большая регата», «Ночь музеев», программы для проведения детского дня рождения в музее и новую стратегическую игру для подростков «Колонизация. Почвы».

Подростки – самая «проблемная» аудитория музея. Игра «Колонизация. Почвы» создана ЦМП совместно с игротехнической мастерской «Ворона на мосту» специально в расчете на интересы современных тинейджеров. Подросткам предлагается почувствовать себя исследователями на новой планете. У них есть участок земли, небольшой запас семян и необходимость прокормить население планеты. Для этого им предстоит выработать свою стратегию и выполнить целый ряд исследований. В результате формируется отношение к земледелию как к очень сложному, но чрезвычайно интересному процессу.

Детские дни рождения музей проводит с 2009 г. Создано несколько программ, рассчитанных на разный возраст от 5 до 12 лет. В музейном сообществе активно обсуждается вопрос возможного превращения музея в чисто развлекательное учреждение. Программы ЦМП построены так, чтобы избежать этого «перекоса», что подтверждается многочисленными отзывами посетителей. Все программы детских дней рождений строятся по общей схеме. Первая часть – это знакомство с гостями в форме игры «Снежный ком» и квест по музею на определенную тему. В результате дети узнают много нового, тренируют коммуникативные навыки. После перерыва на чай дети отправляются в интерактивную экспозицию «Подземное царство», где их ждет экскурсия о различных обитателях почвы. Гости музея узнают интересные факты о жизни кротов, слепышей, сусликов и других млекопитающих, связанных с почвой; о роли различных беспозвоночных в процессе почвообразования и о невидимом, но очень важном мире микроорганизмов. Для разного возраста разработаны разные экскурсии, включающие мультфильмы, элементы ролевых игр и театра теней. Третья часть программы начинается после торжественного поздравления именинника и вручения подарков. Она состоит из подвижных экологических игр («Слепыш», «Сова и мыши», «Путешествие червячка» и т. д.) и игры в фанты. Для игры в фанты приготовлены карточки с заданиями, включающие загадки, вопросы на сообразительность, ребусы, карточки с понятиями, которые ребенок должен объяснить без слов. В результате все дети получаю маленькие сувениры на память. Обратная связь, полученная в результате опроса школьников и отзывов родителей, позволяет делать вывод, что такая форма способствует формированию экологической культуры детей и их родителей.

На основании изложенного можно сделать вывод, что музей, как социокультурное учреждение занимает достойное место в экологическом образовании. Применение технологий музейной педагогики необходимо для повышения эффективности экологического образования школьников.

Список литературы

1. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. 3-е изд., стереотипе. Москва: Азъ, 1996. 928 с.

2. Дзятковская Е. Н. О понятийно-терминологическом аппарате экологического образования // Экологическое образование: до школы, в школе, вне школы. 2012. № 1. С. 14–21.

3. Зверев И. Д. Приоритеты экологического образования // Развитие непрерывного экологического образования: материалы I Моск. науч.-практ. конф. по непрерывному экол. образованию, Москва, 22–25 нояб. 1994 г. Москва, 1995. С. 16–27.

4. Проблемы образования в области окружающей среды: материалы Межправител. конф. по образованию в области окружающей среды, 14–26 окт. 1977 г., Тбилиси. Москва, 1979. 279 с.

5. Апарин Б. Ф. Докучаевская парадигма естествознания. Москва: Триз-профи, 2006. 23 с.

6. Русакова Е. А. 110 лет Центральному музею почвоведения им. В. В. Докучаева (хроника последнего десятилетия) // Материалы по изучению русских почв. Санкт-Петербург: Из-во С.-Петерб. гос. ун-та, 2014. Вып. 8 (35). С. 61–66.

7. Шляхтина Л. М. Рекреационно-образовательная миссия современного музея: образование или развлечение?// Вопросы музеологии. 2013. № 1. С. 206–212.

References

1. Ozhegov S. I., Shvedova N. Y. Explanatory dictionary of the Russian language. 3-rd ed., stereotyp. M .: AZ, 1996. 928 (in Russ.).

2. Dzyatkovskaya E. N. On the conceptual and terminological apparatus of environmental education. Environmental education: before school, at school, outside school. 2012. 1, 14–21 (in Russ.).

3. Zverev I. D. Priorities of environmental education. Development of continuous environmental education: materials of the 1st Moscow sci. pract. conf. on continuing environmental education, Moscow, Nov. 22–25. Moscow, 1995. P. 16–27 (in Russ.).

4. Problems of education in the field of the environment: materials of the intergovernmental conf. on education in the field of the environment, Oct. 14–26, 1977, Tbilisi. Moscow, 1979. 279 (in Russ.).

5. Aparin B. F. Dokuchaevskaya paradigm of natural science. Moscow: Triz-Pro, 2006. 23 (in Russ.).

6. Rusakova Ye. A. 110 years of the Dokuchaev cenltral soil museum (chronicle of the last decade). Materials on the study of Russian soils. Saint Petersburg: St. Petersburg State Univ. 2014. 8 (35), 61–66 (in Russ.).

7. Shlyakhtina L. M. Recreation and educational mission of the modern museum: education or entertainment? The Problems of museology. 2013. 1, 206–212 (in Russ.).

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Pedagogical studies

УДК [784.75.071.2:784.9]:378

Я. А. Радион

Формирование исполнительского аппарата вокалиста

Раскрыты основные теоретические положения преподавания вокального исполнительства. Представлены результаты проведенного автором практического исследования. Проанализированы взгляды современных исследователей. Проведен развернутый анализ существующих методик преподавания вокала. Описана авторская методика преподавания вокала, раскрыт оригинальный взгляд автора. Личный опыт автора статьи как концертирующего вокалиста определил своеобразное осмысление и изложение конкретных практических советов молодым вокалистам. Подробно описана авторская методика преподавания, учитывающая множество важнейших факторов, влияющих на исполнительское мастерство вокалиста. Методика преподавания раскрыта на примере конкретного произведения – джазовой баллады «Misty». Представлен подробный разбор исполнения вокалистом этого произведения. На примере джазовой баллады всесторонне исследуются возможные ошибки исполнения и способы их устранения, обращается внимание на вокальные тонкости и особенности, даются практические рекомендации исполнения каждой вокальной строчки. В основу статьи положены результаты, достигнутые в процессе творческой и педагогической деятельности. Результаты исследования апробированы в творческом и педагогическом процессе. Основанные на личном вокальном опыте автора основные положения статьи представляют своеобразное «руководство к действию»: автор акцентирует внимание исполнителей и педагогов, указывает на необходимость осмысленности пения, анализ музыкального материала, самоконтроль вокалиста. В статье также поставлен вопрос о влиянии общей культуры исполнителя на творческий процесс.

Ключевые слова: педагогика эстрадно-джазового вокала, звукоизвлечение, осознанное пение, работа над музыкальным произведением, джазовая баллада

Yana A. Radion

The formation of the vocalict

The main theoretical positions of vocal performance teaching are revealed. The results of the practical research conducted by the author are presented. The views of modern researchers are analyzed. A detailed analysis of existing methods of teaching vocals is carried out. The author's technique of vocal teaching is described, the author's original view is revealed. The personal experience of the author of the article as a concert vocalist has defined a peculiar understanding and presentation of specific practical advice to young vocalists.

The author's teaching method is described in detail, taking into account the many important factors influencing a vocalist's performance skills. The teaching method is disclosed on the example of a specific work – the jazz ballad «Misty». A detailed analysis of the performance of the vocalist of this work is presented. Using the example of a jazz ballad, possible performance mistakes and ways to eliminate them are comprehensively investigated, attention is paid to vocal subtleties and peculiarities, practical recommendations are given on the performance of each vocal line. The article is based on the results achieved in the process of creative and educational activities.

The results of the study were tested in the creative and pedagogical process. Based on the personal vocal experience of the author, the main provisions of the article represent a kind of "guide to action": the author focuses the attention of performers and teachers, points to the need for meaningful singing, analysis of musical material, and self-control of the vocalist. The article also raised the question of the influence of the general culture of the performer on the creative process.

Keywords: pedagogy of pop-jazz vocals, sound extraction, conscious singing, musical composition, jazz ballad
DOI 10.30725/2619-0303-2019-4-142-146

Сегодня в сфере вокальной педагогики все большую популярность приобретают исследования психофизиологических факторов, оказывающих влияние на профессиональную подготовку вокалистов. Нередки случаи, когда технически способный, имеющий от природы прекрасные возможности начинающий вокалист, в силу своих психологических характеристик, не достигает положительных результатов в образовательном процессе, а, зачастую, и вовсе сходит с дистанции. То есть, несмотря на очевидную положительную динамику в вопросах постановки голоса, певческого дыхания, развития диапазона, управления собственным

голосовым аппаратом, вокалисту не удается достигнуть желаемого профессионального уровня.

Чтобы разобраться в этой проблеме, необходимо понять, что же такое наш голос и какие системы нашего организма принимают непосредственное участие в процессах формирования певческого голоса.

Пение, как известно, является проявлением физической активности человека и относится к разряду произвольных действий. Этот процесс должен быть хорошо осознан вокалистом и должен поддаваться корректировке, изменению. Как правило, опытный вокалист говорит, что он поет не горлом, или что не только диафрагма, гортань, связки и резонаторы принимают непосредственное участие в процессе голосообразования, а он поет всем телом. Поэтому так важно чувствовать и понимать весь свой организм. Начало обучения вокалу – это кропотливая работа по познанию собственного тела, осознание происходящих процессов и приобретение навыков по использованию тех или иных механизмов.

«О том, что в пении должен быть задействован весь организм, говорят все выдающиеся певцы, а если бы мы попытались составить перечень того, что упоминается вокалистами, когда они говорят о технике пения, то в этом списке окажутся все части их тела. Несомненно, что умение включать в фонационный процесс весь организм позволяет певцу полнее использовать свои энергетические возможности и создает оптимальные условия для эмоционального пения: неслучайно необходимость пения «всем существом» Э. Карузо аргументировал тем, что «иначе в звуке не будет чувства, волнения и силы», «той прелести звучания, которая решает успех певца» [1, с. 13].

«Являясь служебной функцией, звучание человека полностью подчиняется направлению мысли, которая управляет всеми процессами звукоизвлечения и дыхания, работающими рефлекторно. Только в этом случае звуковые координации не искажены. Пример – игры детей: максимальные эмоции, максимальная энергетика, при этом нет никаких вредных для голосового аппарата результатов. Т.е. приспособление человека к большой звуковой энергии заложено природной координацией, и наша задача – натренировать эту энергию на природных эмоциональных состояниях (окликание, требование, утверждение, дразнение). Мысль направляет рефлекторные координации. Например, при дразнении все координации направлены на увеличение энергетики произношения (применяется при вялой природной реакции и малозвучном голосе)» [2, с. 82].

Именно поэтому на начальных этапах обучения педагог часто просит студента представить ту или иную пространственную картину (послать звук вперед или взять ноту «сверху»), исполнить фразу «восторженно» или «торжественно». Все это делается для того, чтобы научить студента извлекать правильные звуковые координации и умело применять их на практике.

Рассмотрим очень схематично процесс звукоизвлечения. Для того чтобы исполнить ту или иную музыкальную фразу или ноту, необходимо сначала задумать ее, услышать ее внутренним слухом. Затем мозг должен послать сигналы ко всем органам, участвующим в процессе фонации. Они будут всегда разные, в зависимости от звуковысотности, фонемы, артикуляции, динамики, силы звука, контекста и еще множества других характеристик. Эти сигналы должны дойти. И, наконец, задействованные в процессе мышцы и органы должны быть готовы выполнить работу, «заданную» мозгом. И только если вся эта цепочка работает безотказно, если все без исключения органы (начиная с мышц нижнего пресса и заканчивая «включателями» верхних резонаторов) работают синхронно и слажено, мгновенно принимая нужное положение, только тогда можно говорить, что на выходе вокалист получит ту ноту, которую задумал, спетую той манерой, которой захотел. Если же рассматривать эту цепочку как физиологический процесс, то при наличии каких-либо дисфункций со стороны нервной системы, получить желаемый результат не удастся.

Без сомнения, у большинства начинающих вокалистов, обрыв цепи происходит на самом первом этапе: исполнитель не может правильно или вообще как-то осознанно задумать исполняемую ноту.

Это связано с множеством причин:

1. Непонимание стилистических особенностей исполняемого жанра.

Например, как исполнить первую фразу джазового стандарта «Misty»? Как правило, это произведение звучит как баллада, поэтому необходимо обозначить некоторые параметры, характерные для этого стиля.

2. Эмоционально бессознательное исполнение материала.

Исполнитель не задается вопросом наличия того или иного художественного образа, заложенного в произведении, не видит амплитуды динамических оттенков, определяющих эмоциональный окрас композиции. Точный смысл вокальной интонации (драматизм, тем-

бральная окраска) исполняемой музыкальной фразы может быть передан, в случае распознавания исполнителем эмоционального «подтекста», в виде желаний, побуждений, намерений персонажа.

«Всякая роль в спектакле либо отдельное произведение – песня или поэма, если вообще наделена смыслом, то этот смысл, как правило, заключается в драматизме. Ведь каждый поступок нашей жизни, каждое слово, связанное с определенной целью, несет в себе драматизм! Что же значит слово „драматический"? Оно относится и к замыслу и к исполнению. Драматический замысел означает чувство или страсть – то, что автор желает выразить ясно, убедительно и логически обоснованно. Драматическое исполнение означает выражение данного чувства или страсти артистом, чьи таланты, развитые посредством обучения и практики, позволяют ему воплотить этот замысел ясно, убедительно и логически обоснованно» [3, с. 49].

3. Отсутствие богатого внутреннего мира исполнителя, и возникающие в связи с этим проблемы с передачей музыкальной мысли. В процессе обучения, работая над музыкальным материалом, начинающий певец, как правило, идет по простому пути: он выбирает понравившееся произведение, исполненное любимым вокалистом, и просто пытается скопировать его версию. Однако он не учитывает разницу возможностей, темпераментов, певческого опыта и т. д. Если девушка, обладающая скромными вокальными данными, не большой тесситурой, находящаяся в самом начале своего творческого пути, желая взять в свой репертуар произведение «Misty», бездумно начнет копировать исполнение, например, Сары Воан на знаменитом выступлении «Sassy swings in Tivoly», будет довольно нелепо, или вовсе смешно. Вот что пишет об этом Чарльз Сэнтли в книге «Искусство пения и вокальной декламации»: «Мы слышим много разговоров о традициях и постоянно встречаемся с ленивыми студентами, которые, желая избежать лишних трудностей, просто копируют то исполнение, которое уже видели и слышали у своих предшественников. Такой студент путем внимательного наблюдения может научиться копировать даже характерные особенности и детали игры артиста, которого он берет за образец: однако, тот артист знал, как сделать все эти особенности своим достоинством, тогда как его подражатель порой не только не может извлечь из него выгоды для себя, но, напротив, использует их так, что они делают его исполнение смешным или вызывающим жалость. А трудолюбивый студент, напротив, не обращает внимания на такие особенности и детали, однако, стремится понять и проанализировать, в чем именно заключаются сильные стороны того или иного артиста, и без колебаний берет их на вооружение и стремится применить их в своей игре по-своему. Несомненно, это подражание, но абсолютно правомочное – это не слепое копирование подобострастного подражателя» [3, с. 50]. Мы неоднократно наблюдаем, как начинающий вокалист берет в работу новое сложное произведение, ориентируется на чье-то исполнение (как правило, хорошее), и пытается, не обладая достаточной техникой, не задумываясь над смыслом песни, не ставя никаких художественных задач, слепо скопировать первоисточник. Вместо того чтобы проанализировать оригинал, понять, какими красками пользуется вокалист, как он формирует вокальную строчку, за счет чего добивается необходимого драматизма, и определить свои возможности, средства выразительности, свои «сильные стороны», которыми он может добиваться поставленных задач. Как правило, все эти проблемы и возникают от недостаточно богатого внутреннего мира, всепоглощающей лени и нежелания трудиться.

«Певческое воспитание невозможно без активной психической деятельности: внимания, восприятия, памяти, воображения, эмоциональных и волевых проявлений. В большей степени оно основано на выработке двигательных навыков. И. П. Павлов писал: «Под всеми нашими сложными проявлениями и переживаниями лежат... физиологические основы» [4, с. 29].

Даже небольшое музыкальное произведение, имеющее свое начало и конец и воспринимаемое нами как нечто целостное, нуждается в логичном выстраивании динамического рисунка всего материала, проработкой каждой отдельной фразы, внимательного отношения к каждой ноте. Получится ли баллада «Misty» легкой беззаботной песенкой, или это будет напряженное драматическое произведение, наполненное нешуточными переживаниями? Безусловно, это зависит лишь от личности исполнителя, от задач, поставленных в ходе работы над произведением. «Мы считаем, что осмысленность пения – это целиком природный талант. Ни учебник, ни педагог не могут наделить им ученика, если он начисто его лишен. Образование может помочь развить его, но он должен присутствовать изначально, хотя бы в зародыше – определенные душевные качества и свойства, которые можно культиви-

ровать, с целью обрести основную сущность вокального искусства» [5, с. 65].

Итак: для того чтобы исполнить ту или иную ноту, исполнителю необходимо поставить перед собой и конкретизировать некие задачи. Сфокусировать свое внимание на множестве параметров, которые необходимо учесть, для того чтобы мозг мог определить те сигналы, которые он должен послать в соответствующие органы, для достижения тех или иных целей.

«Из практики известно, что восприятие музыки всегда сопровождается эмоциональной реакцией. В вокальном искусстве она должна быть тесно связанной со слухом и моторикой. Эмоции в пении должны протекать при соотношении силы возбуждения и торможения. Только в том случае все двигательные реакции будут работать слаженно и определенно. Певец постоянно должен контролировать себя со стороны. Шаляпин писал в своей книге «Маска и душа»: «Я пою и слушаю, действую и наблюдаю. Я никогда не бываю один. На сцене два Шаляпина. Один играет, другой контролирует». В психологии такая способность называется «распределением внимания» [4, с. 38]. Здесь мы подходим к очень важному вопросу - концентрации внимания вокалиста, необходимости постоянного самоконтроля и адекватной самооценки во время пения, фокусировки на малейших нюансах. Начинающий певец, как правило, с большим трудом, и не всегда удачно пытается проконтролировать множество параметров. Думая о дыхании, забывает текст, пытаясь правильно оформить звук, не включает нужные резонаторы, старательно интонируя, забывает о ритмическом рисунке… Таким образом, если причины неудач кроются в расстройствах соответствующих участков нервной системы, справиться с проблемами бывает очень трудно, а порой и вовсе невозможно.

Выученное произведение можно рассмотреть как запомненную певцом (т. е. его мозгом) последовательность мышечных конфигураций. Вследствие множества повторений организм фиксирует положения гортани, артикуляторов, дозировку забора и подачи воздуха, площадь, плотность смыкания связок и т. д. Таким образом, при исполнении выученного произведения срабатывает мышечная память. Поэтому очень важно, работая над материалом, повторять правильно, чтобы мышцы запоминали корректно. Бездумное многократное пропевание композиции не имеет никакого смысла, так как качество исполнения в таком случае не повышается. При правильном подходе к работе над произведением индивидуальная память накапливает положительный опыт, трансформируя предыдущий, а это и является двигателем от прошлого к будущему, способствует положительной динамике.

Во время исполнения произведения запускаются две схемы. Первая – система импульсов определенных участков коры головного мозга, направленных на процесс звукоизвлечения, и вторая – одновременная оценка мозгом воспроизводимого звука. «Нервные сигналы поступают от центрального аппарата речи к периферическому, приводя в движение артикуляционные органы. Но имеется и обратная связь, которая осуществляется по двум направлениям: кинестетическому и слуховому. Таким образом, для верного воспроизведения артикуляторной программы необходимы слуховой и кинестетический контроль. При этом контроль кинестетических ощущений, идущих от органов речи к коре головного мозга, имеет особенное значение, поскольку именно этот вид контроля дает возможность исправить ошибку и внести коррективы до момента фонации, в отличие от слухового контроля, который возможен лишь в момент произнесения звука. Слуховой контроль позволяет заметить ошибку и устранить ее, скорректировав артикуляцию. Исправление ошибки происходит за счет обратных импульсов, идущих к центральному аппарату, где выявляется, в какой момент артикуляции произошла ошибка. Затем от центрального аппарата идет импульс, вызывающий коррекцию артикуляции, и вновь посылается в центр импульс с информацией о полученном результате. Процесс обратных связей (формирование второй сигнальной системы) происходит как бы по кольцу, мгновенно и многократно, до полного согласования слухового аппарата с артикуляцией» [6, с. 12]. Это как раз объясняет то, что плохо слышащий себя вокалист (а очень часто бывают проблемы с акустикой или с концертным оборудованием), перестает контролировать свое пение. Пытаясь услышать себя, начинает форсировать звук, от чего страдает интонация. Чрезмерно напрягая голосовой аппарат, певец также рискует приобрести и медицинские проблемы.

Нет необходимости уточнять, что степень сложности описанных процессов, вряд ли возможно переоценить, как и затраты «оперативной памяти» головного мозга. Здесь мы касаемся очень важной темы: должен ли педагог, видя очевидные проблемы физиологического свойства ученика; замечая в процессе обучения явные нарушения в функционировании и взаимодействии различных органов и мышц, отсутствии слаженной и скоординированной их работы, ставить на таком ученике «крест»

и отговаривать его от дальнейшего изучения вокального искусства? Или должен ли педагог, понимая, что тембр голоса, данный ученику от природы, попросту не красив и обогатить его недостающими обертонами, пытаясь включить в работу те или иные резонаторы не удается, напрямую сообщить студенту о тщетности прилагаемых усилий? Не думаю. Только каждодневный интенсивный труд, бесконечный самоанализ, ежедневный тренинг, работа над собой по множеству аспектам, воспитание определенных личностных качеств, самоконтроль, покажут через определенный промежуток времени наличие или отсутствие положительной динамики в обучении вокалу. Для каждого этот промежуток будет разный – одному понадобится месяц, а другому пять лет. Главная задача педагога – выявить проблемные зоны, понять причины неудач, так сказать «поставить правильный диагноз и назначить лечение». Именно поэтому и нет общего для всех учебника по вокалу. Проблемы у всех разные, особенности организма всегда индивидуальны.

В конечном итоге лишь желание вокалиста его воля определяют все вышеуказанные параметры. Только он выбирает нужный режим работы органов, задействованных в процессе пения. В этом вопросе он должен полагаться на свой музыкальный вкус, основанный на музыкальном багаже. Суммируя все вышесказанное, можно резюмировать: человек не просто «как-то поет, потому что у него есть голос», а делает это осознанно. Каждая нота берется определенным образом, специально, исходя из поставленных художественных задач.

Список литературы

1. Юшманов В. И. Вокальная техника и ее парадоксы. 2-е изд. Санкт-Петербург: Деан, 2002. 128 с. URL: http://www.vstudio.ru/books/Ushmanov.pdf (дата обращения: 23.05.2019).

2. Миценко Г. И. Мысль как важнейший компонент психофизиологии вокализации // III Международный междисциплинарный конгресс «Голос» (III Конгресс Российской общественной академии голоса) 29 сентября – 1 октября 2011 года, Москва: сб. науч. тр. Москва, 2011. С. 80–84.

3. Сэнтли Ч. Искусство пения и вокальной декламации: учеб. пособие. Санкт-Петербург: Планета музыки, 2016. 92 с.

4. Боровик Л. Г. Научные основы постановки голоса / Челяб. гос. акад. культуры и искусств. Челябинск, 2013. 105 с.

5. Марафьоти М. Метод пения Карузо: научный подход к голосообразованию. Санкт-Петербург [и др.]: Лань, 2015. 283 с.

6. Покровский А. В. Анатомо-физиологические механизмы речи и специфика работы артикуляционного аппарата в вокальном исполнительстве // Современная наука: актуал. проблемы теории и практики. Сер. Гуманитарные науки. 2014. № 7/8. С. 3–15.

References

1. Yushmanov V. I. Vocal technique and its paradoxes. 2nd ed. Saint Petersburg: Dean, 2002. 128 (in Russ.).

2. Mitsenko. G. I. Thought as the most important component of the psychophysiology of vocalization. III International Interdisciplinary Congress "The Voice" (III Congress of the Russian Public Voice Academy) September 29 - October 1, 2011, Moscow: coll. of sci. art. Moscow, 2011. 80–84 (in Russ.).

3. Sentli Ch. The at of singing and vocal declamation: textbook. Saint Petersburg: Planet of music, 2016. 92 (in Russ.).

4. Borovik L. G. Scientific basis of voice production / Chelyabinsk State Acad. of Culture and Arts. Chelyabinsk, 2013. 105 (in Russ.).

5. Marafioti M. Method of singing Caruso: a scientific approach to voice. Saint Petersburg [et al.]: LAN, 2015. 283 (in Russ.).

6. Pokrovsky A. V. Anatomical and physiological mechanisms of speech and the specifics of the articulation apparatus in vocal performance. Modern science: actual problems of theory and practice. Series of Humanitarian Sciences. 2014. 7/8, 3–15 (in Russ.).

УДК 378.016:[2:008]

О. В. Розина

Специфика культурологической компетентности преподавателей религиозной культуры

Современная война цивилизационных антагонистов направлена на изменение национальной системы ценностей, базирующейся на сакральных образах и Священной истории, поэтому преподавание религиозной культуры в системе вузовского и школьного образования становится одним из факторов национальной безопасности. Однако имеется противоречие между потребностями общества и готовностью преподавателей, их профессиональной компетентностью в сфере культуры традиционных религиозных конфессий. Общекультурная компетентность, как правило, формируется в процессе получения общего и профессионального образования. Однако культурологические компетенции преподавателей религиозной культуры имеют свою специфику, которую необходимо учитывать в процессе их корректировки. Автор выделяет две их особенности: связь с догматами религиозной традиции и особенности исторического развития нашей страны, повлиявшие на характер межрелигиозной коммуникации. В статье приводятся научные наблюдения об особенностях формирования культурологических компетенций в студенческой аудитории будущих педагогов и на курсах повышения квалификации учителей в системе послевузовского образования.

Ключевые слова: культурологическая компетентность, религиозная культура, цивилизационная война, Священная история, национальные ценности, воспитательный идеал

Olga V. Rozina

The specifics cultural competence of teachers of religious culture

The modern war of civilizational antagonists aimed to the change of the national value system based on sacred images and sacred history, therefore the teaching of religious culture in the system of high school and school education becomes one of the factors of national security. However, there is a contradiction between the needs of society and the willingness of teachers, their professional competence in the field of culture of traditional religious denominations. General cultural competence, as a rule, is formed in the process of obtaining general and vocational education. However, the competence of religious culture teachers has its own specifics, which must be taken into account in the process of adjustment. The author identifies two of their features: the relationship with the dogmas of the religious tradition and the peculiarities of the historical development of our country, which influenced the nature of interfaith communication. The article provides scientific observations on the peculiarities of the formation of cultural competences in the student audience of future teachers and on the courses for raising the qualifications of teachers in the system of postgraduate education.

Keywords: cultural competence, religious culture, civilization war, sacred history, national values, educational ideal

DOI 10.30725/2619-0303-2019-4-147-151

В современной высшей и средней школе преподавание религиозной культуры является важным компонентом профессиональной компетентности выпускников и рассматривается как часть духовной культуры человечества, знакомство с которой составляет основу самоидентификации личности. Однако здесь можно наблюдать серьезное противоречие между потребностями российского общества и подготовленностью преподавателей в их реализации.

С одной стороны, Священная история, отраженная в культуре религиозной традиции, является фундаментом национального самосознания. Через ее историко-художественные образы происходит «формирование ценностной матрицы прошлого», потому что она «сопряжена с национальной системой ценностей» [1]. С этим мнением трудно не согласиться, ведь «используемые в рамках нее образы и сюжеты выражают некую, адресуемую обществу, ценностную фабулу» [1].

Священная история лежит в основе национальной системы ценностей, воспитательного идеала и традиционной педагогики. При этом обычно Священной историей называется историю Ветхого и Нового Завета, однако сакральная история есть у любого народа, и любая из них имеет национально-ценностное измерение, которое сплачивает народ в единую

общность. В секулярном обществе она часто сохраняется, пусть и в квазисакральном виде, достаточно длительное время, а ее десакрализация и забвение приводят к нравственной деградации общества и личности, так как разрушают целостность исторической памяти.

Преподавание Священной истории в рамках предметов религиоведческой направленности имеет особое значение в условиях современного глобализирующегося мира и противоборства цивилизационных антагонистов, становясь одним из факторов национальной безопасности. Именно опора на заложенную в ней национальную систему ценностей и национальный воспитательный идеал обеспечивают сохранение единой исторической памяти и самоиндентификацию личности как противодействие попытками противника разрушить сложившуюся веками историческую общность и сакральные образы социума.

С другой стороны, в стране отсутствует система подготовки специалистов – преподавателей религиозной культуры. Религиоведение как учебная дисциплина сравнительно недавно появилась в учебных планах ряда вузов, и она не имеет задачи подготовки таких преподавателей, даже если ее реализация осуществляется в педагогических учебных заведениях, так как ее освоение не предусматривает педагогической практики, а содержание не ориентировано на решение воспитательно-образовательных задач никакой школьной дисциплины. Кафедры теологии, созданные в ряде университетов, также решают комплекс иных задач, не связанных с подготовкой специалистов-педагогов. Что касается преподавателей, давно окончивших вузы, основные знания по предмету они получают на краткосрочных курсах системы повышения квалификации, программы которых различны в зависимости от предпочтений их составителей. Более того, не разработана профессиограмма педагога религиозной культуры, что затрудняет решение методологических проблем его подготовки, как в вузе, так и в постдипломном образовании.

Рассмотрим специфику культурологической компетентности преподавателей религиозной культуры и особенности ее формирования.

В педагогической науке нет единого мнения о содержании культурологической компетентности.

Так, например, исследователи В. Л. Бенин, Е. Д. Жукова и Д. С. Василина рассматривают культурологическую компетентность, как «уровень образованности, достаточный для самообразования и самостоятельного решения возникающих при этом познавательных проблем и определения своей позиции» [2, с. 27]. С. В. Шарохина видит тождественность понятий «культурная компетентность» и «культурологическая компетентность» [3, с. 254]. В. А. Бабаянц рассматривает культурологическую компетенцию «как способность и готовность к диалогу культур» [4]. С. В. Харитонова считает, что «культурологическая компетенция характеризует процесс саморазвития личности» [5]. О. М. Шац полагает, что «культурологическая компетенция – это совокупность взаимосвязанных качеств личности, относящихся к духовной культуре, к жизни людей и их отношениях в обществе» [6].

Эти примеры могут быть продолжены, их многообразие связано, на наш взгляд, с многогранностью понятия «культура», отражающего многообразие способов самовыражения, субъективности и объективности личности. Поэтому для определения содержания культурологической компетенции следует обратить внимание на ее особенности, применительно к религиозной традиции.

Религиозная культура как особая сфера человеческой деятельности основана на религиозном сознании, имеющем свою специфику, прежде всего, – это его удвоение и диалогичность. Любые произведения религиозной культуры есть попытка человека (творца культуры) отразить в своем творчестве (земном и конечном) вечное и бесконечное. И именно диалогичность его сознания (личное общение с Богом) является условием этого творчества. Несоблюдение этого условия приводит к монологичности, т. е. попытке отражения в своем творчестве не религиозной истины, а сначала – своего отношения к ней, а затем и своей «истины», выдаваемой за первоначальную: идея «сделаем себе имя» (Быт. 11, 1) не нова в Священной истории человечества. Это обстоятельство следует учитывать при формировании культурологической компетентности преподавателей религиозной культуры, среди которых немалую часть составляют неофиты, имеющие сказочно-метафорическое религиозное мировосприятие и склонные к обрядоверию, когда внешняя форма (культ) подменяет собой внутреннюю сущность (состояние души) [7]. В условиях господства в современном социуме философии релятивизма это обстоятельство не удивляет, так как оно принимает характер обыденности.

На результат творческой деятельности влияют как общие проблемы различия религиозных традиций, так и их личное восприятие. Приведем лишь два примера, иллюстрирующих данные положения.

Первый: классические русские средневековые иконы и картины западных художников на один и тот же религиозный сюжет и даже одного и того же хронологического периода. Даже при беглом взгляде на эти произведения очевидно их различие: в первом случае – это часть литургического предания и «догматы в красках», во втором – всего лишь иллюстрация к библейскому событию. Причины столь разительного отличия – догматическое расхождение православия и католицизма, которое началось еще с известного Филио́кве (лат. Filioque — «и [от] Сына») и продолжилось в последующее время.

Второй: образ Иисуса Христа и святых в восприятии русских художников XIX в. на чье мироощущение оказывали влияние не только евангельская традиция, но и апостасийные веяния современной им эпохи. Один и тот же евангельский Христос, Богородица, святые столь различны у А .А. Иванова и Н. Н. Ге, Ф. А. Бруни и Г. Г. Гагарина, И. Н. Крымского и В. Д. Поленова и др. [8, с. 170–179].

Поэтому важной особенностью формирования культурологической компетентности преподавателей религиозной культуры является опора на понимание ими основных догматических установок религиозной традиции и их отражении в видимых образах, характерных для этой традиции – архитектуре, иконописи, музыке, скульптуре и т. п.

Однако при подготовке педагогов часто нарушается принцип целостности культуры, когда с чисто дидактическими целями происходит раздельное изучение отдельных видов религиозного искусства. Вместе с тем все его виды – лишь отражение догматики религиозной традиции, как например, в православии архитектура – это «догматика в камне», а иконопись – «догматика в красках». Такое разделение догматики и ее видимого воплощения приводит не только к непониманию сущности религиозной культуры, но и, зачастую, к ее искаженному восприятию.

Вместе с тем постижение догматических положений религиозной традиции не может являться задачей системы внерелигиозного образования, так как в ней исключен индоктринационный подход. Однако знакомство с классическими образцами произведений религиозной культуры дает возможность их понимания на уровне религиозно-философской системы. Наш опыт работы среди учителей – слушателей курсов повышения квалификации и в студенческой аудитории будущих педагогов показывает, что при использовании педагогических принципов природосообразности и доступности догматическая сущность религиозной традиции может быть раскрыта постепенно от видимых и знакомых образов к невидимым и далеким. Однако в студенческой и учительской аудиториях эти подходы реализуются по-разному. В первом случае, при отсутствии достаточного витагенного опыта, «зона ближайшего развития» (Л. С. Выгодский) меньше, чем во втором, поэтому поиск «далекого от близкого» и размышления над его результатами более ограничены среди студентов, чем среди слушателей курсов повышения квалификации.

Еще одна специфическая черта культурологической компетентности преподавателей религиозной культуры, которую необходимо учитывать при ее формировании или коррекции, связана с историческим развитием нашей страны. Она формировалась как многоконфессиональная держава при ведущей роли православия, что отразилось в ментальности, как отдельного национального народа, так и населения в целом.

Нравственные понятия, воспринимаемые как истинные ценности, являются определяющими в воспитании личности. Эти ценности Президент страны В. В. Путин определил как «честность, патриотизм, совесть, любовь, доброта, мужество, достоинство, отзывчивость, ответственность и чувство долга» [9]. К формуле Президента может быть добавлена формула Патриарха Московского и всея Руси Кирилла: «вера – справедливость – солидарность – достоинство – державность» [10].

Во все времена, несмотря на войны, революции и контрреволюции, Россия сохраняла свои цивилизационные основы, а народ – ментальные ценности и национальную идентичность. В условиях современной цивилизационной войны одним из направлений атак противника является попытка разделения и противопоставления, по принципу Филиппа Македонского «разделяй и властвуй», не раз с успехом реализованному в практике межнациональных и межконфессиональных отношений.

Вместе с тем известно, что природа солидарных ценностей социума базируется на их сакральном основании, поэтому культурологическая компетентность преподавателей религиозной культуры должна носить комплексный характер. Без межкультурной эмпатии (мысленного сопереживания и эмоционального сострадания) затруднена межрелигиозная и межэтническая коммуникация. В этом аспекте интересен опыт работы Е. С. Протанской по разработке методики формирования гражданской идентичности и профилактики ксенофобии

и экстремизма среди детей и молодежи Санкт-Петербурга [11; 12].

Как известно, «Концепция духовно-нравственного воспитания и развития личности гражданина России» предусматривает воспитание высоконравственного, творческого, компетентного гражданина, который воспринимает «судьбу Отечества как свою личную, осознающий ответственность за настоящее и будущее своей страны, укоренённый в духовных и культурных традициях многонационального народа Российской Федерации» [13, с. 11].

Однако одновременное «укоренение» во всех религиозных традициях невозможно в принципе. Поэтому при формировании культурологической компетентности преподавателей религиозной культуры необходимо исходить из реальной роли религиозной конфессии в истории и культуре страны. Для центральной России именно православие явилось той религиозной традицией, которая определила историческое своеобразие страны и ее культурный ландшафт. Даже в эпоху секуляризации и «отрицании Бога» Россия не пошла по западному пути замены Царства Небесного господством ценностей Закона, Разума и Рынка, а, благодаря русской культуре (и прежде всего, классической литературе) сохранила «обмирщенный вариант православия» и любовь к ближнему. Поэтому именно солидарные ценности многоконфессионального российского социума должны занять свое место в культурологической подготовленности преподавателей религиозной культуры.

Подводя итог, можно заключить, что в условиях современной цивилизационной войны сохранение опоры на национальные системы ценностей, заложенные в религиозной традиции, является одним из факторов национальной безопасности. Вместе с тем существует противоречие между важностью преподавания религиозной культуры и подготовленностью преподавателей для осуществления этого социального заказа. В педагогических исследованиях отсутствует единое определения сущности культурологической компетентности, что связано с многообразием определений базового понятия «культура». Вместе с тем компетентность у преподавателей религиозной культуры имеет свою специфику, связанную, как с догматическими установками религиозной традиции и их отражением в видимых образцах культуры, так и особенностями исторического развития страны, что необходимо учитывать при ее формировании и коррекции, как в условиях вузовской подготовки, так и в системе повышения квалификации.

Список литературы

1. Багдасарян В. Э. Священная история – основа национального самосознания // Избор. клуб. 2018. № 9/10. URL: http://vbagdasaryan.ru/ (дата обращения: 15.05.2019).

2. Бенин В. Л., Жукова Е. Д., Василина Д. С. Культурологическая компетентность в подготовке специалиста педагогического вуза // Изв. Волгогр. гос. пед. ун-та. 2013. № 7 (82). С. 27–30.

3. Шарохина С. В. Культурологическая компетентность // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. Вольск, 2018. Т. 12, спец. вып.: материалы III Всерос. пед. науч. конф. «Проблемы и современные направления развития образования в области аэронавигации». С. 254–256.

4. Бабаянц В. А. Культурологическая компетентность переводчиков и специалистов по межкультурной коммуникации // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. 2008. № 28, ч. 2. С. 21–25. URL: https://lib.herzen.spb.ru/media/magazines/contents/1/28%2863%292/babayants_28_63_2_21_25.pdf (дата обращения: 27.05.2019).

5. Харитонова С. В. Основные структурные компоненты культурологической компетенции // Современ. науч. исслед. и инновации: электрон. науч.-практ. журн. 2013. № 7. URL: http://web.snauka.ru/issues/2013/07/25475 (дата обращения: 25.05.2019).

6. Шац О. М. Формирование культурологической компетенции в системе интегрированного обучения // Язык и межкультурная коммуникация: современное состояние и перспективы: материалы сб. III Всерос. науч.-практ. междисципл. интернет-конф., 25–30 апр. 2011 г. URL: http://textarchive.ru/c-1634553-p15.html (дата обращения: 17.05.2019).

7. Яцкевич К. В. Теоретические основы христианской психологии. URL: http://psyheo.by/osnovy/(дата обращения: 16.05.2019).

8. Розина О. В. Духовные основы русской культуры: пособие для учителей: в 3 кн. / Пед. акад. последипл. образования, Моск. гос. обл. ун-т. Москва: Наука и Слово, 2009. Кн. 2. 223 с.

9. Путин В. В. Выступление на праздновании Дня знаний с воспитанниками и педагогами образовательного центра для одаренных детей «Сириус». 01.09.2015 г. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/50216(дата обращения: 18.05.2019).

10. Слово Святейшего Патриарха Кирилла на открытии XVIII Всемирного русского народного собора. 11.11.2014. URL: http://www.patriarchia.ru/db/text/3367103.html(дата обращения: 26.05.2019).

11. Протанская Е. С. Формирование гражданской идентичности в условиях этнокультурного возрождения России // Перспективы психолого-педагогической работы в современном образовательном учреждении: сб. материалов III Междунар. науч.-практ. конф. и образоват. семинара (к 100-летию С.-Петерб. гос. ин-та культуры / отв. ред. В. М. Голявич, О. В. Ходаковская. Санкт-Петербург: ООО «НИЦ АРТ», 2018. С. 237–241.

12. Протанская Е. С. Этнокалендарь Санкт-Петербурга в контексте диалога культур // Проблемы психолого-педагогической работы с молодежью в поликультурной среде современного образовательного учреждения: сб. материалов I Междунар. науч.-практ. конф. Санкт-Петербург: ООО «НИЦ АРТ», 2016. С. 144–149.

13. Данилюк А. Я., Кондаков А. М., Тишков В. А. Концепция духовно-нравственного воспитания и развития личности гражданина России. Москва: Просвещение, 2010. 24 с.

References

1. Baghdasaryan V. E. Sacred history is the basis of national consciousness. Izborsk club. 2018. 9/10. URL: http://vbagdasaryan.ru/ (accessed: May 15.2019) (in Russ.).

2. Benin V. L., Zhukova E. D., Vasilina D. S. Culturological competence in training of a pedagogical higher school specialist. News of the Volgograd State Ped. Univ. 2013. 7 (82), 27–30 (in Russ.).

3. Sharohina S. V. Cultural competence. Actual problems of humanitarian and socio-economic sciences. Volsk, 2018. 12, spec. iss.: materials of III all-Russ. ped. sci.. conf. «Problems and modern directions of development of education in the field of air navigation», 254–256 (in Russ.).

4. Babayants V. A. Cultural competence of translators and specialists in intercultural communication. News of Herzen State Ped. Univ. of Russia. 2008. 28 (2), 21–25. URL: https://lib.herzen.spb.ru/media/magazines/contents/1/28%2863%292/babayants_28_63_2_21_25.pdf (accessed: May 27.2019).

5. Haritonova S. V. The main structural components of the cultural competence. Modern scientific research and innovation: electronic j. 2013. 7. URL: http://web.snauka.ru/issues/2013/07/25475 (accessed: May 25.2019) (in Russ.).

6. Shatz O. M. Formation of cultural competence in the system of integrated learning. Language and intercultural communication: current state and prospects: materials of the III Russ. sci.-pract. interdisciplinary Internet-conf., 25–30 Apr. 2011 URL: http://textarchive.ru/c-1634553-p15.html (accessed: May 17.2019) (in Russ.).

7. Yatskevich K.V. Theoretical foundations of christian psychology. URL: http://psyheo.by/osnovy/ (accessed: May 16.2019) (in Russ.).

8. Rozina O. V. The spiritual foundations of Russian culture: a handbook for teachers: in 3 books / Ped. Acad. of Last Education, Moscow State Region Univ. Moscow: Nauka i Slovo, 2009. 2, 223 (in Russ.).

9. Putin V. V. Speech at the celebration of the Day of Knowledge with pupils and teachers of the Sirius educational center for gifted children. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/50216 (accessed: May 18.2019).

10. Word of His Holiness Patriarch Kirill at the opening of the 18th World Russian Folk Council. URL: http://www.patriarchia.ru/db/text/3367103.html / (accessed: May 26.2019) (in Russ.).

11. Protanskaya Ye. S. Formation of civic identity in the context of the ethnocultural revival of Russia. Prospects for psychological and pedagogical work in a modern educational institution: materials of the III Intern. sci.-pract. conf. and educational seminar (on the 100th anniversary of St. Petersburg. State Univ. of Culture) / ed. V. Moliyevich, O. V. Khodakovskaya. Saint Petersburg: OOO «NITS ART», 2018. 237–241 (in Russ.).

12. Protanskaya E. S. Ethno-calendar of St. Petersburg in the context of a dialogue of cultures. Problems of psychological and pedagogical work with young people in a multicultural environment of a modern educational institution: materials of the I Intern. sci.-pract. conf. Saint Petersburg: OOO «NITS ART», 2016. 144–149 (in Russ.).

13. Danilyuk A. Ya., Kondakov A. M., Tishkov V. A. The concept of spiritual and moral education and personality development of a citizen of Russia. Moscow: Prosveshcheniye, 2010. 24 (in Russ.).

УДК 316.71:316.612

Т. В. Рябова

Социально-культурные практики в системе средств развития личности

Актуальной задачей общественного развития становится создание условий, способствующих развитию личности, ее самореализации и инкультурации. Среди факторов, формирующих необходимые для творческого развития гармоничной личности условий, важное место занимают разнообразные социально-культурные практики, педагогический потенциал которых рассматривается в статье. Особое внимание уделяется определению значимости социально-культурных практик как важных механизмов включения человека в процесс непрерывного самообразования, творчества, личностно значимых коммуникаций; исследованию социально-культурных практик в сфере досуга, способствующих формированию гармоничной личности и обеспечивающих реализацию базовых функций процесса инкультурации. Дается попытка классифицировать социально-культурные практики в сфере досуга в зависимости от их направленности на ведущие виды социальных активностей; охарактеризовать выделенные формы социально-культурных практик с учетом накопленного учреждениями культуры опыта. В статье также представлены результаты исследования по выявлению наиболее распространенных в учреждениях культуры и искусства субъектов Российской Федерации форм приобщения подрастающего поколения к различным видам искусства, информационно-творческой деятельности.

Ключевые слова: социально-культурные практики, социально-культурная деятельность, социализация, инкультурация, личность, виды социально-культурных практик

Tatiana V. Ryabova

Social and cultural practices in system of personal development tools

Actual task of social development is creation of conditions conducive to development of personality, its self-realization and inculturation. Among factors that form conditions necessary for creative development of harmonious personality, an important place is occupied by variety of social and cultural practices, pedagogical potential of which is considered in article. Special attention is paid to determining significance of sociocultural practices as important mechanisms for inclusion of person in process of continuous self-education, creativity, and personally meaningful communications; study of social and cultural practices in field of leisure, contributing to formation of harmonious personality and ensuring implementation of enculturation process basic functions. An attempt to classify social and cultural practices in field of leisure, depending on their focus on leading types of social activities; to characterize selected forms of social and cultural practices, taking into account experience of cultural institutions is made. Article also presents results of a study on identification of the most common forms of familiarizing the younger generation to various types of art, information and creative activities in cultural and art institutions of constituent entities of the Russian Federation.

Keywords: social and cultural practices, social and cultural activities, socialization, inculturation, personality, types of social and cultural practices

DOI 10.30725/2619-0303-2019-4-152-158

Актуальным направлением развития российского общества является гармонизация общественных отношений посредством создания условий для формирования всесторонне развитой личности, поддержания в человеке качеств, позволяющих ему более успешно включаться в многообразные политические, экономические, социально-культурные процессы, обеспечения равных возможностей всем гражданам для их культурно-творческого самовыражения, самореализации, проявления талантов. Кроме того, становление и развитие личности на основе духовно-нравственных и культурных ценностей народов России рассматривается как значимый фактор усиления единства российской нации, обеспечения его национальной безопасности и укрепления российской гражданской идентичности.

Личность как относительно устойчивая система социально значимых и индивидуально уникальных черт является, с одной стороны, продуктом индивидуального опыта, а, с другой – приобретает в процессе социализации и социального взаимодействия в конкретной социально-культурной среде определенные черты и качества.

Личность выступает в качестве уникального субъекта «основных социальных деятельностей – труда, общения, познания, посредством которых осуществляется как интериоризация внешних действий, так и экстериоризация внутренней жизни личности» [1, с. 322]. Важным фактором, определяющим структуру человека как субъекта определенных деятельностей, по Б. Г. Ананьеву, является баланс между интериоризацией (под которой ученый понимает переход внешних действий во внутренние, образование внутреннего плана деятельности, осуществляемое не только посредством учения, но и всеми способами накопления жизненного и трудового опыта) и экстериоризацией, связанной с созидательной деятельностью, с воплощением замыслов и реализацией намеченных программ [1, с. 323].

Сфера труда, познания и общения выступает в качестве основы для разнообразных видов социальных активностей, расширяясь за счет появления новых форм деятельности либо трансформации существующих. Прочно утвердившимся в отечественной науке является подход М. С. Кагана, обосновавшего наличие пяти ведущих форм социальной деятельности, включая познавательную; ценностно-ориентационную; преобразовательную или творческую; коммуникативную (общение); художественную (или эстетическое освоение действительности) [2]. Различные комбинации этих видов деятельности, доминирование одних и периферийное существование других создают предпосылки для формирования определенного типа социального субъекта, способного к саморазвитию, самоорганизации, к инновационной деятельности в различных сферах.

Одним из специфических видов социальной активности, по сути, интегрировавшим указанные формы деятельности, является социально-культурная деятельность, определяемая М. А. Ариарским как процесс «взаимодействия людей в создании, освоении, сохранении и распространении значимых ценностей культуры, в ходе которого удовлетворяются и возвышаются их духовные интересы, изменяется человек и окружающий его мир» [3, с. 80]. Посредством различных технологий, форм, методов, в совокупности образующих конкретные социально-культурные практики, обеспечивается вовлечение человека в ценностно-ориентационную, познавательную, творческую, художественную, коммуникативную деятельность; протекают процессы социализации и инкультурации личности.

Следует дифференцировать процессы социализации и инкультурации как этапы становления и развития личности. Как отмечает М. А. Ариарский, «в отличие от социализации, осуществляемой на основе удовлетворения единых требований социума к гражданским качествам каждого члена общества, инкультурация строится на обратном векторе, она исходит от каждой конкретной личности, ее способностей, наклонностей, дарований, интересов и потребностей, от специфики каждой индивидуальности. Процесс социализации для всех един, процессов инкультурации ровно столько, сколько людей постигают культуру» [4, с. 38].

Важным аспектом инкультурации является не просто понимание человеком культуры и ее эмоционально-логическое восприятие, но, прежде всего, интериоризация, т. е. преобразование полученных знаний и накопленного жизненного опыта в морально-нравственные убеждения, эстетические ценности, этические принципы и нормы поведения. При инкультурации происходит существенная культурно-ценностная трансформация личности, что проявляется в самоотождествлении индивида со значимыми для него идеями, ценностями, представлениями.

Развитие различных сторон личности в процессе инкультурации достигается, в том числе, посредством включения человека в разнообразные социально-культурные практики. Социально-культурные практики, понимаемые в прикладной культурологии как устоявшиеся формы взаимодействия людей в процессе производства, сохранения и передачи культурных кодов сообщества, классифицируются по разным основаниям, в том числе: в зависимости от особенностей институтов, отраслей сферы культуры (театральные, выставочные), регионов (сельские, городские), социальных групп (молодежные, детские), ведущих функций (просветительские, творческие) и т. д. [5, с. 551].

О значимости вовлечения человека в мир культуры посредством разнообразных социально-культурных практик писал М. А. Ариарский, подчеркивая, что «историко-культурное просвещение в учреждениях базового образования малоэффективно в силу того, что строится на механическом перенесении на него методик обучения основам наук и не учитывает, что культура постигается иными приемами и способами, ибо имеет свою природу и специфику» [4, с. 35]. По мнению ученого, именно участие молодых людей в реальной культурной деятельности, овладение ими

разнообразными социально-культурными практиками способствует «преобразованию знаний о культуре в нравственно-эстетические качества личности», превращению молодежи «из объектов просветительного воздействия в субъектов социально-культурного творчества» [4, с. 35].

В рамках настоящей статьи внимание сфокусировано на анализе социально-культурных практик в сфере досуга, способствующих формированию гармоничной личности и обеспечивающих реализацию базовых функций процесса инкультурации:

– социализирующую, связанную сформированием и развитием значимых социальных качеств, ценностей, идеалов личности посредством ее включения в различные формы социально-культурных активностей;

– просветительскую, способствующую постижению человеком смыслового многообразия ценностей культуры и интерпретации им культурных кодов, направленную на включение человека в систему непрерывного образования, как формального, так и неформального и информального;

– коммуникативную, направленную на реализацию потребности человека в неформальном, личностно значимом общении и взаимодействии с другими людьми на основе общности интересов, добровольности участия в коммуникативном процессе, взаимного уважения и принятия субъектов взаимодействия;

– рекреационную, ориентированную, прежде всего, на восстановление физических, интеллектуальных и эмоциональных сил человека, затраченных в различных сферах жизнедеятельности;

– гедонистическую, обеспечивающую реализацию потребности человека в получении интеллектуального и эмоционального удовольствия, положительных впечатлений от участия в разнообразных видах культурно-досуговой деятельности и общения с другими людьми;

– креативную (функцию самореализации), способствующую реализации творческого потенциала человека в различных формах художественного, научно-технического, прикладного творчества.

В социально-культурных практиках воплощаются индивидуальные потребности, установки и смыслы субъектов, формируются условия для разнообразных форм совместной деятельности в микро- и макрогруппах, направленных на достижение различных пересекающихся личностно значимых задач. Кроме того, включение личности в различные виды социально-культурных активностей создает предпосылки для более успешной интериоризации ценностей и кодов культуры, что становится «неотъемлемой частью процесса формирования гармонично развитой личности, то есть формирования такого человека, который был бы способен участвовать в социальном взаимодействии, вступать в социальные отношения, рефлексировать результаты индивидуальных и групповых социальных действий, классифицировать ресурсы и возможности достижения целей» и др. [6, с. 165].

В зависимости от направленности на ведущую форму активности (М. С. Каган), с большой долей условности можно выделить следующие разновидности социально-культурных практик: социально-культурные просветительской направленности; ценностно-ориентированные социально-культурные; социально-культурные творческой направленности; социально-культурные коммуникационной направленности; социально-культурные художественного освоения действительности (или социально-культурные практики художественной направленности).

Развитию социально-культурных практик познавательной направленности способствует, прежде всего, утверждение в обществе представления о высокой социальной ценности просвещения, а также наличие инфраструктуры, обеспечивающей включение человека в систему непрерывного образования и в различные формы просветительской деятельности, в том числе, в форме клубов, кружков, общественных объединений просветительского содержания. Актуальные социально-культурные практики музеев, библиотек, многофункциональных культурных центров, клубных учреждений в регионах России, в первую очередь, ориентированы на расширение спектра информационно-просветительских мероприятий. Большой просветительский потенциал заключен в развитии массового краеведческого движения, туризма, в том числе, познавательного, этнокультурного, сочетающего фестивальную практику с работой по широкой пропаганде национальной культуры. Не менее актуальным является активизация деятельности по историческому просвещению граждан посредством театра и кинематографа, военно-исторического туризма и т. п.

В целях выявления наиболее распространенных форм участия подрастающего поколения в деятельности учреждений культуры и искусства был проведен контент-анализ материалов, подготовленных в виде Справки

«О положительной практике регионов в сфере развития театров и привлечения детей и молодежи в учреждения культуры» для коллегии Министерства культуры, состоявшейся 27 февраля 2019 г. [7]. На основе осуществленного анализа было выявлено, что в регионах используются разнообразные формы культурно-просветительной работы (более 200), среди которых самыми распространенными являются:

– различные абонементы (филармонические, музейные, концертные, театральные) – 16,7%;

– лекции и лектории различной направленности и тематики, беседы – 12,4%;

– интерактивные программы, в том числе, музыкально-театрализованные представления, интерактивные экскурсии – 11%;

– творческие встречи – 8,7%;

– уроки (открытые, музейные (в том числе, классный час в музее; тематические музейные занятия), театральные, библиотечные, просветительские) – 8%;

– программы просветительской направленности (музыкально-образовательные, музыкально-театральные, образовательные культурологической направленности, по истории, литературе и т.п.) на базе различных учреждений культуры и искусств (в музеях, театрах, библиотеках, филармониях, выездные программы в учебных заведениях) – 8 %;

– выездные спектакли и концерты для детей разного возраста – 6,8%;

– мастер-классы – 5,6%;

– экскурсии – 5,6%;

– творческие конкурсы по жанрам искусства – 4,3%;

– фестивали – 3,7%;

– творческие смены для талантливых и одаренных детей – 3%;

– квесты (музейные, исторические, интеллектуальные и т. п.) – 2,5%.

В Справке упоминаются и другие формы работы, в частности, литературные и музыкальные гостиные, литературные вечера, шествия-парады, праздники, исторические реконструкции, фольклорно-этнографические экспедиции, творческие лаборатории и студии и многое другое. В отельных регионах используется такая форма, как «культурный рюкзак» (Архангельск), «культурный дневник» (Республика Татарстан), «абонемент класса» (Республика Мордовия).

Значительная часть мероприятий носит выездной характер и проводится в дошкольных учреждениях и общеобразовательных школах; в учреждениях дополнительного образования детей, в санаториях, домах отдыха, загородных школьных и оздоровительных лагерях, в коррекционных школах и детских реабилитационных центрах и т. п.

В целом, можно сделать вывод о том, что социально-культурные практики просветительской направленности учреждений культуры и искусства выступают в качестве основного ресурса развития культурного просветительства в стране и распространения познавательных форм социальной активности детей и взрослых.

Ценностно-ориентированные социально-культурные практики, как правило, сочетаются с другими формами социально-культурной активности, что отражает ценностное отношение различных социальных групп, субкультур, отдельных личностей к тем или иным видам деятельности. В настоящее время актуальными являются практики, транслирующие традиционные ценности российского общества, что обусловлено:

– приоритетами и задачами новой ценностно-ориентированной государственной культурной политики Российской Федерации;

– широкой поддержкой со стороны государства и общественности современных методик и технологий воспитания, образования, просвещения, содержательно базирующихся на лучших отечественных традициях;

– повышением этической и эстетической ценности распространяемой СМИ и другими каналами информации.

Практическим воплощением позитивного ценностного отношения к действительности является участие людей в общественно-полезной деятельности. Добровольческая (волонтерская) деятельность – это самый яркий пример социально направленной и общественно полезной деятельности. В последние годы активизировалась работа добровольческих отрядов и волонтерских организаций, в которых участвует, в том числе, молодежь.

В августе 2018 г. на Всероссийском образовательном форуме «Таврида», где впервые прошла тематическая волонтерская смена, было провозглашено и поддержано предложение о формировании общественного движения «Волонтеры культуры». В настоящее время движение функционирует на базе Ассоциации волонтерских центров; основными направлениями его деятельности являются работа с учреждениями культуры, направленная, прежде всего, на сохранение культурного наследия и восстановление памятников истории, волонтерское сопровождение крупных культурных событий и туристических маршрутов, реализация творческих

и социально-культурных проектов. В 2019 г. Министерство культуры Российской Федерации включило федеральную программу «Волонтеры культуры» в Национальный проект «Культура».

Важно подчеркнуть, что в волонтерской работе все более активно участвует не только молодежь, но и представители старших возрастных групп («Серебряные волонтеры»; корпоративные волонтерские отряды и т. п.).

Социально-культурные практики творческой направленности обеспечивают включение личности в различные формы творческой деятельности; реализацию каждым человеком базового права на самовыражение и творчество (ст. 5 Всеобщей декларации ЮНЕСКО о культурном разнообразии); создание необходимой для этого ресурсной базы. Социально-культурные практики творческой направленности отражают многообразные способы проявления талантов, широкий диапазон форм и способов личностного самовыражения, обеспечивающих человеку возможность достичь высоких творческих результатов.

Важным условием стимулирования творческой активности граждан является выявления одаренных в разных сферах детей; их индивидуальное обучение, педагогическое и психологическое сопровождение в период получения образования; содействие их профессиональной деятельности после завершения образования, что закреплено в Основах государственной культурной политики Российской Федерации.

Конкретными наиболее востребованными формами воплощения разнообразных социально-культурных практик творческой направленности являются: «тематические выставки работ самодеятельного изобразительного и декоративно-прикладного творчества, благотворительные акции, реконструкции фрагментов историко-культурных событий, интеллектуальные, в том числе этнокультурные, игры и спортивные состязания, интернет-соревнования, открытые фестивали искусств, театрализованные праздники, выставки инновационных электронных досуговых развлечений, открытые конкурсы клубных идей и т. д.» [8, с. 164].

Развитию художественных форм социальной активности, обеспечивающих эстетическое освоение действительности, способствует государственная поддержка национальной системы художественного образования детей и взрослых. Национальная система художественного образования, опирающаяся на непреходящие отечественные и мировые культурно-исторические ценности, представляет собой важный инструмент формирования целостной личности, ее духовной и творческой индивидуальности, интеллектуального и эмоционального богатства. Кроме того, художественное образование выступает в качестве действенного механизма трансляции гуманитарных ценностей, сохранения и воспроизводства культурных традиций страны (Концепция художественного образования в Российской Федерации).

Система художественного образования в Российской Федерации включает все типы и виды образовательных учреждений, а также учреждения культуры и искусства; она охватывает все возрастные группы населения, обеспечивая непрерывность образования на протяжении всей жизни, способствуя развитию человеческой индивидуальности, гарантируя право каждого человека без ограничения возраста на гуманитарное и художественное образование, на выбор его форм и способов (Закон Российской Федерации «Основы законодательства о культуре», ст. 13, разд. II).

Важным элементом системы художественного образования является дополнительное образование детей, молодежи, взрослых. ВКонцепция развития дополнительного образования детей до 2020 г., утвержденной Распоряжением Правительства РФ № 1726-р от 04.09.2014, дополнительное образование осознается как основа непрерывного процесса саморазвития и самосовершенствования человека.

Основную работу по вовлечению людей в различные виды творческой деятельности, по реализации программ дополнительного образования детей и взрослых выполняют, прежде всего, учреждения и организации культуры, досуга, туризма. Однако актуальным является поддержка дополнительного образования в семьях, родительских сообществах, а также поддержка совместных (семейных, детско-взрослых) практик дополнительного образования детей. Модернизация инфраструктуры дополнительного образования детей предусматривает, в том числе, создание условий для реализации детско-подростковых интерактивных образовательных программ на базе различных учреждений культуры, досуга, спорта; формирование на новой основе сети клубов по месту жительства.

Коммуникативные социально-культурные практики трансформируются в условиях фор-

мирования сетевого типа социальных структур, характеризуемого «постепенной заменой иерархических структур социально-культурного пространства сложными сетевыми компонентами» [9, с. 97]. Как далее отмечает А. А. Сукало, «система современных культурных коммуникаций представляет собой сложный конгломерат субкультур, творческих и досуговых индустрий, социальных институтов, информационных сетей и ресурсов», формируя специфический сетевой характер организации современного культурного пространства» [9, с. 98].

Наиболее распространенными досуговыми коммуникативными практиками в настоящее время являются разнообразные сетевые интернет-сообщества Рунета, представленные публичными группами в социальных сетях, каждая из которых имеет свои культурные ценности, нормы, образцы поведения и правила общения.

Как показало исследование В. А. Сергодеева, «виртуальный характер взаимодействия членов сообщества, отсутствие физического контакта и повышение плотности общения привели к созданию особых коммуникативных практик, представляющих квазиреальную форму социального взаимодействия» [10]; среди наиболее значимых особенностей коммуникативных практик сетевых интернет-сообществ автор выделяет «повторяемость и рутинизацию коммуникативных действий, постоянный анализ членами сообщества предмета коммуникации и внешнего фона, групповой характер взаимодействия, создание особого дискурса» [10].

Обобщая вышеизложенное в статье, можно сделать следующие выводы.

Развитию личности способствует включение ее в различные виды социально-культурных практик, которые в зависимости от ориентации на ведущую форму активности условно подразделяются на социально-культурные практики просветительской, коммуникативной, творческой, ценностно-ориентационной, художественной направленности.

Социально-культурные практики в сфере досуга обеспечивают реализацию базовых функций инкультурации, что, в свою очередь, способствует интериоризации полученных знаний и опыта в морально-нравственные, эстетические убеждения, ценности, принципы, нормы поведения, а также экстериоризации, связанной с созидательной, творческой деятельностью человека.

Однако многие вопросы, связанные с осмыслением содержания, функций, механизмов воздействия на личность, классификаций социально-культурных практик в сфере досуга, требуют дальнейшего научного осмысления.

Список литературы

1. Ананьев Б. Г. Человек как предмет познания. Ленинград: Изд-во Ленингр. ун-та. 1968. 340 с.

2. Каган М. С. Человеческая деятельность: опыт системного анализа. Москва: Изд-во полит. лит. 1974. 328 с.

3. Ариарский М. А. Социально-культурная деятельность как предмет научного осмысления. Санкт-Петербург: Арт-студия «Концерт». 2008. 992 с.

4. Ариарский М. А. Созидательный потенциал культуры и педагогические условия его реализации // Человек и образование. 2014. № 1 (38). С. 33–37.

5. Федотова Н. Г. Культурные практики в контексте формирования символического капитала места // Обсерватория культуры. 2017. Т. 14, № 5. С. 550–557.

6. Огородников А. Ю. Роль интериоризации ценностей в формировании гармонично развитой личности // Вестн. Кем. гос. ун-та культуры и искусств. 2017. № 27. С. 164–169.

7. Справка к заседанию коллегии Министерства культуры Российской Федерации по вопросу «О положительной практике регионов в сфере развития театров и привлечения детей и молодежи в учреждения культуры». URL: https://www.mkrf.ru/documents/materialy-k-zasedaniyu-kollegii-ministerstva-kultury-rossiyskoy-federatsii-27-fevralya-2019-goda// (дата обращения: 20.05.2019).

8. Шарковская Н. В. Действующий клуб как культурно-просветительное учреждение и общественная самоорганизация // Вестн. Моск. гос. ун-та культуры и искусств. 2018. № 3 (83). С. 161–167.

9. Сукало А. А. Информационно-технологический ресурс модернизации современных социокультурных практик // Вестн. С.-Петерб. гос. ин-та культуры. 2018. № 3 (36). С. 96–100.

10. Сергодеев В. А. Коммуникативная культура в современных интернет-сообществах современного российского общества: дис. ... канд. социол. наук: 22.00.06. Майкоп, 2014. 161 с. URL: http://www.dslib.net/sociologia-kultury/kommunikativnaja-kultura-v-sovremennyh-internet-soobwestvah-sovremennogo.html. (дата обращения: 21.05.2019).

References

1. Ananiev B. G. Man as the object of cognition. Leningrad: Publ. house of Leningrad Univ., 1968. 340 (in Russ.).

2. Kagan M. S. Human activity: A system analysis experience. Moscow: Polit. Lit. publ. house, 1974. 328 (in Russ.).

3. Ariarsky M. A. Socio-cultural activities as a subject of scientific understanding. Saint-Petersburg: Art Studio «Concert», 2008. 792 (in Russ.).

4. Ariarsky M A. The creative potential of culture and the pedagogical conditions for its realization. Man and Education. 2014. 1 (38), 33–37 (in Russ.).

5. Fedotova N. G. Cultural practices in the context of the formation of the symbolic capital of the place. Culture observatory. 2017. 14 (5), 550–557 (in Russ.).

6. Ogorodnikov A. Yu. The role of interiorization of values in the formation of a harmoniously developed personality. Bull. of Kemerovo State Univ. of Culture and Art. 2017. 27, 164–169 (in Russ.).

7. Reference to the meeting of the board of the Ministry of Culture of the Russian Federation on the issue «On the positive practice of the regions in the development of theaters and attracting children and youth to cultural institutions». URL: https://www.mkrf.ru/documents/materialy-k-zasedaniyu-kollegii-ministerstva-kultury-rossiyskoy-federatsii-27-fevralya-2019-goda// (accessed: May 20.2019) (in Russ.).

8. Sharkovskaya N. V. The current club as a cultural and educational institution and public self-organization. Bull. of Moscow State Univ. of Culture. 2018. 3 (83), 161–167 (in Russ.).

9. Sukalo A. A. Information and technological resource for the modernization of modern sociocultural practices Bull. of Saint Petersburg State Univ. of Culture. 2018. 3 (36), 96–100 (in Russ.).

10. Sergodiev V. A. Communicative culture in the modern Internet communities of modern Russian society: dis. on competition of sci. degree PhD in sociology: 22.00.06. Maikop, 2014. 161. URL: http://www.dslib.net/sociologia-kultury/kommunikativnaja-kultura-v-sovremennyh-internet-soobwestvah-sovremennogo.html. (accessed: May 20.2019) (in Russ.).

ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ИНФОРМАЦИЯ

Documentary information

УДК 028:001.8

В. А. Бородина, А. С. Тургаев

Концептуальные основы читателеведения в трудах А. Н. Ванеева и В. С. Крейденко

Рассматриваются концептуальные основы читателеведения в контексте библиотековедения и библиотечной деятельности в трудах А. Н. Ванеева и В. С. Крейденко. Фокусируется внимание на читателеведческой составляющей, органично включенной в библиотечную практику, образование и науку. Анализируются персональные исследовательские интересы ученых, в центре которых находился читатель, его чтение, информационно-рекомендательное и методическое сопровождение и обеспечение читательской деятельности в процессе всей системы библиотечной деятельности, взаимодействия библиотекаря с читателем. Описываются концептуальные подходы к понятийному аппарату читателеведения, их дискуссионность. Выявляется проблемное поле читателеведения на основе названий публикаций ученых. Приводится обоснование общей теории чтения и концептуальных доминант в теории руководства чтением. Намечены перспективы освоения наследия ученых.

Ключевые слова: концептуальные основы, читателеведение, библиотековедение, теория чтения, принцип активности, индивидуализация, телегонический и рекомендательные эффекты, А. Н. Ванеев, В. С. Крейденко

Valentina A. Borodina, Alexandr S. Turgaev

Conceptual foundations of reader studies in the works of A. N. Vaneev and V. S. Kreydenko

The conceptual foundations of reader studies in the context of library science and library activity in the works by A. N. Vaneeva and V. S. Kreydenko are considered. The authors focus on the reader-study component, which is organically included in library practice, education and science. The authors analyze personal research interests of scientists, in the center of which was the reader, his reading, information-advisory and methodological support and provision of reading activity in the process of the whole system of library activity, interaction of the librarian with the reader. The article describes conceptual approaches to the conceptual apparatus of reader studies, their discussion. The problem field of reader studies is revealed on the basis of the names of publications of scientists. The substantiation of the general theory of reading and conceptual dominants in the theory of reading management is given. The prospects for the development of the heritage of scientists are outlined.

Keywords: conceptual foundations, reader studies, library science, reading theory, principle of activity, individualization, telegonic and recommendation effects, A. N. Vaneev, V. S. Kreydenko

DOI 10.30725/2619-0303-2019-4-160-166

Персональный вклад ученых, завершивших по той или иной причине свою научную деятельность, заслуживает осмысления не только в историческом контексте, но и как эвристический потенциал для будущего науки. Завершенность публикационной активности ученых дает основание изучать их наследие дифференцированно и целостно. Обозначенная тема на протяжении почти 70 лет (с самого начала 50-х гг. XX столетия) была предметом профессиональной деятельности Анатолия Николаевича Ванеева и Владимира Семеновича Крейденко. Она всегда находилась в поле зрения их научных интересов в сфере библиотековедения, библиотечного образования и практики. Они были современники, более 50 лет работали вместе и ушли из жизни в этом году с интервалом в три недели. Этих двух крупнейших библиотековедов с полным основанием можно назвать и читателеведами, поскольку читателеведческая составляющая их научно-практической деятельности была органично включена в библиотечную практику, образование и науку.

У каждого из них были собственные профессиональные интересы в библиотековедении и читателеведении, своя исследовательская стратегия, поскольку концептуализация проблемного поля читателеведения имеет разные контексты. Но было много и того, что их объединяло. Главным стержнем этой интеграции была потребность изучать проблемы чтения применительно к библиотековедению. В фокусе постоянных исследовательских интересов А. Н. Ванеева и В. С. Крейденко находился

читатель, его чтение, информационно-рекомендательное, методическое сопровождение, обеспечение его читательской деятельности и в целом – читательского развития в процессе всей системы библиотечной деятельности, взаимодействия библиотекаря и читателя.

А. Н. Ванеев и В. С. Крейденко начинали свою деятельность в библиотеках, и параллельно зарождалась их научно-методическая деятельность читателеведческого характера. Вполне закономерно, что она была связана с публикациями по оказанию помощи читателям в удовлетворении и развитии их разнообразных читательских потребностей в процессе индивидуальной, групповой и массовой работы библиотеки. Они готовили памятки читателю, плакаты, методические и рекомендательные материалы по пропаганде различной литературы (сельскохозяйственной, животноводческой, технической, художественной прозы и поэзии) и самостоятельной работе с ней для разных категорий читателей и в разных целях; анализировали читательские конференции, их недостатки и эффективность.

Уже в ранний период деятельности четко прослеживаются исследовательские устремления и научное осмысление читателеведческих проблем применительно к библиотековедению. У Владимира Семеновича это проявилось по отношению к краеведческой работе национальной библиотеки. Он много занимался просвещением читателей в сфере национальной литературы, что отражено в названиях публикаций. Анатолий Николаевич свои исследовательские способности реализовывал в методической работе, во многом связанной с читателем и чтением. Он обосновывал дифференцированный подход в обслуживании читателей, анализировал передовой опыт библиотек, касался дискуссионных вопросов. Их объединяло стремление к новому в библиотечном деле, его осмысление и интерпретация.

Даже по названиям их публикаций можно увидеть проблемное поле читателеведения применительно к библиотечной деятельности с читателями [1; 2]. Однако в профессиональной лексике того периода отражалась эпоха, ее идеологические установки. Диапазон концептуальных основ читателеведения достаточно велик. Это связано с тем, что читателеведение погружено в поли- и междисциплинарное пространство и как самостоятельная наука трансдисциплинарного типа находится на пути формирования. Однако это не означает, что читателеведческие исследования не имеют смысла на основе дисциплинарного подхода. Напротив, продуктивным становится изучение читателеведческих концепций в рамках отдельной самостоятельной науки (в нашем случае библиотековедения).

Конструктивным является анализ определенных читателеведческих категорий в проблемно-целевом поле библиотековедения и в интерпретации библиотековедческой мысли. Например, по отношению к аналитическому сравнению понятий «читатель» и «пользователь». Их рассматривал ряд авторов, например В. Я. Аскарова. Однако для нашей темы интерес представляет концепция А. Н. Ванеева. Он посвятил этому специальную работу и выявил, анализируя ряд источников, что понятия «читатель» и «пользователь» не являются синонимами [3, с. 3–4]. Обращается внимание на неправомерность замены одного термина на другой, поскольку отсутствует соответствующая аргументация. Возможно, это связано с определенными стереотипами в понятийном сознании библиотекарей. Анатолий Николаевич замечает: «Библиотекарей, употребляющих вместо „устаревшего“ понятия „читатель“ более „современное“ – „пользователь“, не смущает, что нередко такая замена понятий выглядит комично» [3, с. 4]. И приводит фразу, что «на читательской конференции (или на встрече с автором) присутствовали пользователи». Подобная лингво-смысловая культура библиотекарей в области терминологии снижает уровень профессиональной компетентности и далеко небезобидна. Далее он раскрывает концептуально убедительные две основные идеологии, связанные с этими понятиями. Это: технологическая (информационная) и гуманитарная (просветительская). Именно гуманитарная (просветительская) идеология ориентирована на концепцию помощи человеку читающему «в выборе литературы, на активное воздействие библиотекаря, на расширение и углубление читательских интересов, мотивов чтения, восприятия прочитанного» [3, с. 4]. Очевидна концепция читателецентризма: главное лицо в библиотеке – читатель, для которого создана библиотека и трудится библиотекарь [3, с. 4].

Другой аспект концептуальных основ читателеведения можно рассмотреть на категориях «культура чтения» и «информационная культура», а также «просвещение» и «информирование» применительно к теории руководства чтением, анализ которой представлен ниже. При этом зачастую не учитывается сложность этих категорий, интегрирующих в себе как минимум по две категории, а на самом деле больше. Если анализировать смысловые акценты формул этих понятий «культура + чтение» и «информация + культура», то станет очевидным, что гумани-

тарный смысл культуры чтения доминирует над технологическим. И вновь мы убеждаемся в читателецентристской концепции библиотеки как социального института, которую в разных аспектах отстаивали в своих трудах А. Н. Ванеев и В. С. Крейденко. У Владимира Семеновича был даже девиз по отношению к библиотечной деятельности – «Все начинается с читателя, и все возвращается к нему».

Анатолий Николаевич Ванеев читателеведческие проблемы рассматривал органично в панораме развития библиотековедческой мысли в России. Чтение – своего рода стержень всего библиотечного дела и в целом библиотеки как социального института. Неслучайно, изучая истоки развития библиотековедческой мысли, А. Н. Ванеев обоснованно утверждает, что наряду с книгохранительной функцией зарождаются правовая и идеологическая функции, характерные для социума. Он пишет, что организаторов «церковных и монастырских библиотек двигала не абстрактная любовь к книге и чтению, а совершенно четкие политические интересы укрепления через книгу и библиотеку влияния феодальной власти и церкви» [4, с. 27]. В Древней Руси зарождается и цензура в форме списка «истинных» и «ложных» книг в Изборнике 1073 года, что ограничивало читательские интересы, регламентировало круг чтения. Отмечается, что уже тогда в разного рода «поучениях» звучали призывы к чтению, давались советы, как читать и относиться к книге – «духовному руководителю», и что смысл чтения заключался в совершенствовании человека, понимаемого на тот период в религиозно-нравственном ключе. Все это дало основание высказать суждение о начале формирования в Древней Руси системы взглядов на культуру чтения, руководство чтением. Функцию руководителя чтением в монастырских библиотеках выполнял книгохранитель, организуя обязательное коллективное чтение вслух в целях общения, расширения круга читателей.

Историографический анализ взглядов на организацию чтения и руководства им на определенном этапе приводит к обоснованию теории руководства чтением. Это закономерный процесс анализа фактов библиотечной действительности на протяжении многих столетий, их осмысление; смысловое свертывание разных суждений в концептуальные умозаключения, перевода в смысловое пространство читателеведения для решения задач библиотеки как социального института.

Основой теории руководства чтением стал анализ разнообразных аспектов явления чтения в библиотековедении и смежных науках. А. Н. Ванеев рассматривает многообразный пласт проблем чтения. Среди них: читательские интересы, круг чтения, отбор лучшей литературы для чтения и цензура в чтении, библиотекарь как эксперт чтения, читательские вкусы и их изучение, просвещение через чтение, типы читателей, социологические исследования, рекомендательная библиография и др.

Исторический экскурс, проведенный А. Н. Ванеевым, свидетельствует о тернистом пути становления и создания теории руководства чтением в разные эпохи, о серьезных нападках на термин «руководство чтением», искажающих суть того, что стоит за этим термином. Полагаем, что это связано с марксистско-ленинской идеологией советского периода развития библиотековедческой мысли, неприятия ее в перестроечный и пост перестроечный период экономического и социокультурного развития страны. Однако, как уже упоминалось, анализируя истоки развития библиотековедческой мысли, А. Н. Ванеев обоснованно констатирует наличие идеологической функции библиотек в системе взглядов библиотечного права. Замена на другие термины, например, «продвижение чтения» практически не меняет сути руководства чтением.

Концептуальной доминантой в руководстве чтением он считал индивидуальную работу с читателями, отдавая должное и массовой работе. К руководству чтением он подходил комплексно, считая, что комплексность руководства чтением достигается «в ходе взаимосвязанных и взаимообусловленных процессов библиотечного, библиографического и информационного обслуживания читателей в библиотеке» [5, с. 10]. При этом в систему руководства чтением в библиотеке включал: наиболее полное удовлетворение читательских интересов и потребностей; формирование новых читательских интересов и потребностей; помощь читателям в формировании навыков самостоятельного выбора книг; помощь читателям в процессе чтения и восприятия прочитанного; содействие повышению продуктивности чтения через обучение читателей методам рационального чтения [5, с. 11–12]. При этом отмечал, что в руководстве чтением важны инициативные решения на альтернативной основе с последующим их анализом и корректировкой с учетом критерия степени достижения цели чтения. Концептуальность этой идеи распространялась на массовые, научные и специальные библиотеки в логике интеграции науки, образования и практики. Ставил задачу разработки комплексной про-

граммы изучения проблем чтения, а также новой программы и учебника «Теория и методика руководства чтением».

Не вдаваясь в содержание длительной дискуссии о руководстве чтением, отметим, что смысл понятия руководства изменился. Руководство как совокупность процессов взаимодействия между людьми в теории управления направляет усилия коллектива или личности на достижение поставленной цели посредством влияния на их потребности на основе компромисса, согласия и сотрудничества. Но еще в начале 1980-х гг. Анатолий Николаевич резюмировал, что библиотековедение изучает проблемы руководства чтением под углом зрения теории социального управления и коммуникации.

А. Н. Ванеев оставался верен себе, отстаивая свои взгляды. «Руководство чтением в библиотеке представляет систему, включающую наиболее полное и качественное удовлетворение читательских запросов, формирование новых интересов и потребностей, а также помощь читателям в восприятии и использовании прочитанного. Другими словами, в ней объединяются функции организации процесса чтения и управления им» [6, с. 69]. Руководство чтением понималось им и «как воздействие на содержание и характер чтения в целях всестороннего развития личности» [6, с. 69]. Все это осуществлялось через методы индивидуальной, групповой и массовой работы с читателями во взаимосвязи и взаимообусловленности. В большинстве своем концептуальные основы теории руководства чтением имеют позитивные характеристики. Стоит акцентировать внимание на том, что библиотековедческие мысли о теории руководства чтением как части читателеведения стали достоянием не только научного сообщества, но и оказались доступными студентам в базовом библиотечном образовании. Это произошло благодаря обоснованному включению теории руководства чтением в учебник «Работа с читателями».

Каждый исторический период развития библиотековедческой мысли в читателесфере детально аргументирован А. Н. Ванеевым на основе критической интерпретации многообразных фактов разной степени их значимости и выходом на более высокий уровень обобщения. Теоретико-методологической заслугой Анатолия Николаевича является исследование реализации принципа активности в руководстве чтением в целях привлечения населения к пользованию библиотеками и формирования стойкой потребности к чтению, предоставляя читателям лучшие книги. Он солидаризировался с девизом Н. А. Рубакина, отражающего цель библиотеки – «всегда и везде служить возвышению читателя».

Принцип активности рассматривался им в рамках проявления миссии библиотеки как социального института и по отношению к читателю. Он анализирует взгляды многих библиотековедов (И. В. Владиславлева, К. Н. Дерунова, В. А. Зеленко, Е. Н. Медынского, В. А. Невского, А. А. Покровского, Н. А. Рубакина, Л. Б. Хавкиной и др.) на понимание и интерпретацию принципа активности в читательском развитии личности и общества всей системой библиотечной деятельности на основе демократизации. А. Н. Ванеев, сопоставляя все идеи и их обоснование у ведущих библиотековедов, резюмирует, что активная помощь читателям в выборе книг на основе «рациональной теории выбора лучших книг» получает в библиотековедении название «руководство чтением». По его мнению, «наиболее значительный вклад в разработку теории руководства чтением внесли Н. А. Рубакин и Л. Б. Хавкина» [4, с. 216]. Он не просто констатирует, а рассматривает их теоретические взгляды, приводя факты и аргументы. К сожалению, дискуссионность проблемы руководства чтением остается, поскольку закономерны противоречия между свободой личности и стремлением многих институций воздействовать на содержание и характер чтения. Библиотековедческая мысль в интеграции взглядов библиотековедов свидетельствует о необходимости соблюдения баланса в гармонизации свободы и обязательности в читательском развитии. В гуманитарных науках укрепился взгляд на то, что онтологически и онтогенетически развитие осуществляется тремя путями: целенаправленным, стихийным и самоформированием. Задача библиотеки – содействовать «самости» читателя в выборе путей личностной свободы и социальной необходимости.

У А. Н. Ванеева читателеведческие проблемы даны в рамках историографии библиотековедческой мысли. У В. С. Крейденко многие проблемы читателеведения рассматривались не в динамике развития, а как определенный теоретико-методологический фундамент, как отдельные самостоятельные аспекты читателеведения. При этом все равно читателеведческие проблемы изучались в контексте библиотековедения. Он справедливо констатирует, что «нельзя что-либо понять в библиотечной деятельности и пытаться улучшить ее, если все время не ориентироваться на читателя» [7, с. 145]. Выход за пределы библиотековедения характерен для исследовательских поисков В. С. Крейденко. На некоторые концептуальные аспекты читателеведения, находившиеся в поле зрения ученого.

крайне редко другие библиотековеды обращали свои взоры, например, на нейронауку как фундамент человека читающего и языковой личности. В. С. Крейденко старался привлечь внимание специалистов к этой проблеме, рассматривая зоны мозга Поля Брока и Карла Вернике. Эти зоны мозга ответственны за произнесение, восприятие, понимание и усвоение устной и письменной речи; влияют на процесс чтения как труд и творчество [7, с. 95–99]. Речевая деятельность связана с когнитивной деятельностью мозга. Сейчас в условиях цифровой коммуникации проблема становится чрезвычайно острой в связи со смещением вербальной доминанты в текстовой деятельности на семиотически осложненную (поликодовую, мультимедийную, креолизованную).

Другой заслугой В. С. Крейденко стало привлечение внимания к телегоническому эффекту книги, в рамках которого анализировался парадокс непрочитанных книг в библиотеке, подходы к выяснению механизмов влияния непрочитанных книг на общество и каждого отдельного человека, поле действия эффекта, приемы приобщения читателей библиотек к великим авторам и книгам и другие аспекты этого феномена.

Проблему телегонического эффекта книги В. С. Крейденко представил в разных аспектах, детально анализируя и аргументируя целый ряд методологических, теоретических и практических вопросов. Небольшая, но емкая по содержанию и глубокая по смысловому наполнению работа о телегоническом эффекте потребует значительных усилий от специалистов в сфере библиотечного читателеведения по ее освоению. Возможно, поэтому не нашлось последователей для продолжения изучения этой темы. Но она должна стать значимым информационным ресурсом для библиотекарей и занять достойное место в библиотечной науке и образовании.

Другие эффекты, связанные с книгой и чтением, В. С. Крейденко рассматривал применительно к библиотечно-информационному обслуживанию. В основном они связаны со стимулированием чтения, расширением круга чтения, межчитательским общением, читательской модой, формированием жанрового сознания, совершенствованием и углублением читательской деятельности. Все они направлены на индивидуализацию работы с читателями на основе принципа целесообразности в конкретных ситуациях. Отмечается, что эти приемы вызывают определенные психологические изменения у читателей, с помощью которых достигается желаемый рекомендательный результат [7, с. 177]. Приведем названия приемов-эффектов: Андре Моруа (звездное чтение), Бартлета, Пигмалиона, «чужих рук», спорной книги, запрета, цитаты, «шведского стола», бумеранга, отрицательной рецензии, продления книги [7, с. 177–197]. Они детально описаны и представляют своего рода методическую копилку инструментария руководства чтением на основе закономерностей психологии читателя и чтения.

Некоторые концептуальные основы читателеведения нашли свое воплощение в таких проблемах, как библиотечное краеведение, обслуживание читателей в полиэтнических регионах, библиотерапия, нейролингвистическое программирование в практике библиотечного обслуживания. В рамках этих направлений важным достижением было обращение к терминологии, составление словарей. Например, благодаря Владимиру Семеновичу профессиональное сообщество имеет уникальный словарь, посвященный библиотечному обслуживанию в полиэтнических регионах [8]. Обращение к этому направлению неслучайно, поскольку в самом начале своей научно-практической деятельности В. С. Крейденко занимался продвижением национальной культуры и литературы Осетии, работая в должности заведующего научно-методическим и библиографическим отделом Северо-Осетинской республиканской библиотеки им. С. М. Кирова в г. Орджоникидзе. Он не исключал эту тему из сферы своих исследовательских интересов и в дальнейшем. Закономерным стал переход к «этническим портретам» определенных регионов, включающих культуру и литературу, возможности межнационального общения в библиотеке. В 2005 г. им обоснована концепция обслуживания читателей в полиэтнических регионах Российской Федерации.

Интерес представляет то, что многие концептуальные читателеведческие проблемы были встроены им в методологию и методику библиотечных исследований. Например, метод операционализации понятий продемонстрирован на понятии «культура чтения» [9, с. 65–75]. Многие другие методы, их использование в библиотековедческих исследованиях включали разные аспекты читателеведения, стратегию и тактику изучения чтения в рамках конкретного метода также интересовали ученого [9]. Изучение концептуальных основ читателеведения в контексте исследовательских методов может стать самостоятельной темой изучения вклада В. С. Крейденко в библиотечную науку. Несомненно, что это потребует выбора и обоснования определенной научной стратегии, что

существенно обогатит методологию читателеведческих исследований.

Взгляды В. С. Крейденко на читателеведческие проблемы нашли отражение в его воспоминаниях о коллегах и друзьях. И они могут и должны стать источниками изучения читателеведения. В них содержится констатация фактов и концепций, их аналитика, в том числе аксиологическая.

Владимир Семенович понимал, что такая палитра столь разнообразных читателеведческих проблем должна определенным образом интегрироваться в общую теорию чтения. Свое видение такой теории он обосновал, учитывая и то, что чтением занимаются многие науки, у каждой из которых свои научные и практические задачи. Поэтому создание общей теории чтения он обозначил как метатеорию, т. е. теорию, «которая построена на выявлении общего из уже существующих, подчас многовековых, отраслевых теорий чтения» [7, с. 131]. И это только первый этап. На втором этапе необходимы междисциплинарные исследования, уточняющие и углубляющие исходные дисциплинарные знания о чтении для перехода на более высокий теоретический уровень. Решение такой задачи требует и объединения разных специалистов. Опираясь на изменения, происходящие в текстовой деятельности в связи с появлением электронных носителей, и природу чтения, он сформулировал объект общей теории чтения. Это «речевая деятельность человека, которой человек производит и воспринимает информацию, „упакованную" в текст» [7, с. 129]. Предмет – чтение как сложнейший вид речевой деятельности. Солидаризируясь с этой позицией, выскажу сожаление, что такое обоснование общей теории чтения не нашло воплощения в построении общей теории чтения. Общая теория чтения была представлена Ю. П. Мелентьевой на других концептуальных основах. И это свидетельство закономерно существующего сложного феномена чтения, все еще ждущего трансдисциплинарного анализа и синтеза.

Целесообразно обратить внимание на совместную деятельность В. С. Крейденко и А. Н. Ванеева по подготовке ряда изданий. Это дает возможность увидеть интеграцию их взглядов на ту или иную читателеведческую проблему, персональный вклад своих коллег – библиотековедов. Среди них отметим справочник «Домашняя библиотека», где они были авторами и научными редакторами, а также подготовку материалов, посвященных Б. В. Банку [10].

У Анатолия Николаевича и Владимира Семеновича есть любопытная работа, казалось бы, вполне тривиальная. Она написана о гигиене книги, гигиене чтения в 2016 г. Однако и в ней их методологический, теоретический и когнитивный уровень проявился неожиданно для такой работы. Это не советы рядовому и начинающему читателю. Это осмысление читательской деятельности, работы с книгой профессионалов и для профессионалов. Ими проведен экскурс в понимание термина, описан персональный опыт В. Ф. Сахарова по коллекционированию книжных закладок, в том числе зарубежных стран; их использование в пропаганде книги и чтения библиотечными методами. Оригинальным в воспитании «гигиены книги» оказался такой феномен, как «антизакладки». Они привлекли внимание к такому ресурсу «гигиены книги и чтения» как интеллектуальные пометы на книгах в процессе чтения. Правомерно утверждают, что это требует специальных, психолингвистических методов исследования [11]. Это – важный концептуальный поворот в исследованиях по работе с текстами не только на бумажных носителях, но и в электронной среде вполне перспективное направление.

В. С. Крейденко и А. Н. Ванеев в исследованиях по читателеведению обозначили многие пути интеграции дисциплинарных подходов в единое целое в историографии библиотековедческой мысли, библиотечной деятельности, методологии библиотечных исследований. В этом заключен их фундаментальный вклад. Они оставили нам богатейшее читателеведческое наследие, которое содержит фактуальное и концептуальное знание, обладающее эвристическим потенциалом для дальнейших исследований в читателеведении в условиях цифровой эпохи.

Список литературы

1. Библиографический указатель трудов В. С. Крейденко // Владимир Семенович Крейденко: биогр. науч. и пед. деятельности. Санкт-Петербург: СПбГИК, 2015. С. 9–29.

2. Библиографический указатель трудов А. Н. Ванеева // Анатолий Николаевич Ванеев: биогр. науч. и пед. деятельности. Санкт-Петербург: СПбГУКИ, 2014. С. 63–79.

3. Ванеев А. Н. Пользователь или читатель? // Библиотека. 2012. № 5. С. 3–4.

4. Ванеев А. Н. Развитие библиотековедческой мысли в России XI – начало XX в. Санкт-Петербург: СПбГИК, 2018. 348 с.

5. Руководство чтением в библиотеке: учеб. пособие. Ленинград: ЛГИК им. Н. К. Крупской. 67 с.

6. Работа с читателями: учебник / под ред. В. Ф. Сахарова. 3-е изд., перераб. и доп. Москва: Книга, 1981. 296 с.

7. Крейденко В. С. Избранное. Санкт-Петербург: СПбГИК, 2018. 340 с.

8. Крейденко В. С. Библиотечное обслуживание в полиэтнических регионах: терминолог. слов. Санкт-Петербург: Изд-во РНБ, 2003. 100 с.

9. Крейденко В. С. Библиотечные исследования: учеб.-метод. пособие. Москва: Рус. шк. библ. ассоц., 2007. 352 с.

10. Банк Борис Владимирович. Избранное / сост.: А. Н. Ванеев и В. С. Крейденко. Санкт-Петербург, 2011. 427 с.

11. Ванеев А. Н., Крейденко В. С. Вновь о гигиене книги // Библиопанорама. 2016. № 1. С. 15–17.

References

1. Bibliographic index of works V. S. Kreidenko. Vladimir Semenovich Kreydenko: biography of sci. and ped. activities. Saint Petersburg: Saint-Petersburg State Univ. of Culture, 2015. 9–29 (in Russ.).

2. Bibliographic index of works of A. N. Vaneev. Anatoly Nikolayevich Vaneev: biography of sci. and ped. activities. Saint-Petersburg: Saint Petersburg State Univ. of Culture, 2014. 63–79 (in Russ.).

3. Vaneev A. N. User or reader? Library. 2012. 5, 3–4 (in Russ.).

4. Vaneev A. N. Development of library science in Russia XI – beginning of the XX century. Saint-Petersburg: Saint-Petersburg State Univ. of Culture, 2018. 348 (in Russ.).

5. Guide reading in the library: training manual. Leningrad: Leningrad State Institute named after N. K. Krupskaya. 67 (in Russ.).

6. Sakharov V. F. (ed.) Working with readers: the textbook. 3rd ed., rev. and suppl. Moscow: Kniga, 1981. 296 (in Russ.).

7. Kreydenko V. S. Favorites. Saint-Petersburg: Saint-Petersburg State Univ. of Culture, 2018. 340 (in Russ.).

8. Kreydenko V. S. Library services in multiethnic regions: a terminal. dict. Saint-Petersburg: Publ. house of the National Libr. of Russia, 2003. 100 (in Russ.).

9. Kreydenko V. S. Library Research: a training manual. Moscow: Russ. school libr. assoc., 2007. 352 (in Russ.).

10. Bank B. V.; Vaneev A. N. (comp.), Kreydenko V. S. (comp.). Favorites. Saint-Petersburg, 2011. 427 (in Russ.).

11. Vaneev A. N., Kreydenko V. S. Again on book hygiene. Bibliopanorama. 2016. 1, 15–17 (in Russ.).

УДК [02:378.22]:378.600.8(470.23-25)“2011/2019“

М. Н. Колесникова

Некоторые итоги подготовки магистров библиотечно-информационной деятельности в СПбГИК

Рассмотрены некоторые итоги и проблемы подготовки магистров библиотечно-информационной деятельности на базе библиотечно-информационного факультета Санкт-Петербургского государственного института культуры (СПбГИК). Приведена статистика контингента обучающихся за восемь лет (2011–2019 гг.), процентное соотношение приема и выпуска, в том числе по кафедрам факультета; процентное соотношение обучающихся с профильным и непрофильным образованием; статистика трудовой занятости обучающихся по заочной форме обучения; статистика гражданства обучающихся и др. Проведен сравнительный анализ статистических данных, представлены основные выводы. Идентифицированы основные проблемы набора и обучения магистрантов очной и заочной форм, в том числе иностранных граждан; обозначены системные проблемы магистратуры как второго уровня высшего образования в библиотечно-информационной отрасли. Представлена текущая ситуация с разработкой примерной основной образовательной программы в связи с утверждением ФГОС3++ и введением его в действие с сентября 2019 г.

Ключевые слова: магистратура, библиотечно-информационная деятельность, СПбГИК, статистика контингента, проблемы подготовки, образовательные программы

Marina N. Kolesnikova

Some results of preparation of masters of library and information activity in SPbGIK

Some results and problems of training of masters in library and information work on the basis of library-information faculty, St. Petersburg state Institute of culture (SPbGIK) are describe. The statistics of the contingent of students for eight years (2011–2019), the percentage of admission and graduation, including the departments of the faculty; the percentage of students with specialized and non-core education; statistics of employment of students by correspondence; statistics of citizenship of students, etc are shown. The comparative analysis of statistical data is carried out, the main conclusions are presented. The main problems of recruitment and training of full-time and part-time students, including foreign citizens are identified; the systemic problems of magistracy as the second level of higher education in the library and information industry are identified. The current situation with the development of an approximate basic educational program in connection with the approval of FGOS3++ and its introduction in September 2019 is presented.

Keywords: master's degree, library and information activities, SPbGIK, contingent statistics, training problems, educational programs

DOI 10.30725/2619-0303-2019-4-167-170

С 2011 г. в вузах культуры России началась подготовка магистров библиотечно-информационной деятельности. Сейчас уже можно подвести некоторые итоги этой работы на примере библиотечно-информационного факультета (БИФ) Санкт-Петербургского государственного института культуры (СПбГИК) – старейшего факультета старейшего вуза культуры, отметившего в прошедшем году 100-летний юбилей.

В данное время идет восьмой учебный год подготовки магистров – кадров высшей квалификации второго уровня. На БИФе начиная с 2013 г. состоялись семь выпусков дипломированных магистров по очной форме обучения, шесть – по заочной.

Приводимая далее статистика контингента выпускников позволяет сделать некоторые выводы о магистратуре как форме подготовки кадров для библиотечной отрасли.

В 2011 – 2018 гг. были приняты:

– на очную форму обучения – 50 человек, из них окончили магистратуру 30 человека (т. е. на данный момент 60 % от всего приема). Продолжают учиться те, кто был принят в магистратуру в 2018 г. – 7 человек (+один человек находится в академическом отпуске). Таким образом, за указанные годы произошел по разным причинам отсев студентов-очников в количестве 12 человек;

– на заочную форме обучения – 91 человек, из них окончили магистратуру – 50 (то есть, на

данный момент 55% от всего приема). Продолжают учиться 25 человек (+один человек находится в академическом отпуске), принятые в 2017 и 2018 гг. Таким образом, отсев студентов-заочников за все время составил 15 человек.

Причины, по которым обучающиеся отчисляются из магистратуры, разные – неплатежеспособность, тяжелые заболевания, переезд на жительство в другую страну/город, невозможность совмещать учебу с работой, семейные обстоятельства и др.

Итого с 2011 г., включая набор обучающихся 2017 и 2018 гг., которые еще продолжают обучение, были приняты на обе формы обучения 141 человек, из них окончили обучение 80 человек. Продолжают обучение 32 человека (+ двое в академическом отпуске в связи с рождением детей). Если исходить из оптимистического сценария развития событий и предположить, что все обучающиеся ныне магистранты получат дипломы, то их выпуск составит 81% от приема.

Статистика по выпускающим кафедрам (в соотношении принятых в 2011–2018 гг. и окончивших обучение) следующая:

– кафедра библиотековедения и теории чтения: по очной форме обучения – 14/8, по заочной – 12/11;

– кафедра документоведения и информационной аналитики: по очной форме обучения – 12/10, по заочной – 21/19;

– кафедра информационного менеджмента: по очной форме обучения – 14/11, по заочной – 18/16;

– кафедра литературы и детского чтения: по очной форме обучения – 2/1, по заочной – 7/4.

Рейтинг кафедр факультета по результативности выпуска магистров:

1. Кафедра документоведения и информационной аналитики – человек 33/29 (88%).

2. Кафедра информационного менеджмента – человек 32/27 (84%).

3. Кафедра библиотековедения и теории чтения – человек 26/19 (73%).

4. Кафедра литературы и детского чтения – человек 9/5 (55%).

Показательную картину дает статистика контингента магистрантов по некоторым критериям, важным для анализа деятельности магистратуры БИФ.

С профильным образованием по очной форме обучения за все время были приняты 35 человек, т. е. 70% от количества принятых (из них – 29 – выпускники БИФ СПбГИК и шестеро – из других вузов, где осуществляется подготовка бакалавров библиотечно-информационной деятельности (Восточно-Сибирская государственная академия культуры и искусств, Мордовский государственный университет, Монгольский государственный университет (двое), Университет Дамаска, Ханойский национальный университет), с непрофильным – 15 человек.

С профильным образованием по заочной форме обучения приняты 32 человека, т. е. 35% от количества принятых (пятеро – выпускники БИФ СПбГИК, один – Московский государственный институт культуры).

Таким образом, всего с профильным образованием по обеим формам обучения были приняты 67 человек, т. е. 48% от общего количества принятых, что свидетельствует о значительной популярности магистратуры БИФ у специалистов других сфер деятельности.

Непрофильное образование (74 человека) представлено следующими профессиями и специальностями: педагоги (специальности – химия, иностранный язык, социальная педагогика, психология, дошкольная педагогика, математика, филология, история и др.), журналисты, искусствоведы, экономисты, юристы, специалисты по государственному и муниципальному управлению, менеджеры социально-культурной деятельности, философ, социальный работник, регионовед (по Западной Европе), специалист по туризму и предпринимательству, специалист по социокультурному сервису и туризму, политолог, врач-кардиолог, метеоролог, спортивный тренер, дизайнер интерьера, архитектор, инженер-технолог, инженер по прикладной информатике, специалист по IT и др.);

По гендерному признаку преобладающий контингент магистрантов составляют женщины. По очной форме обучения за весь период было принято 10 молодых людей (затем четверо отчислены), по заочной – девять (один отчислен), итого было принято 19 человек.

Анализ по гражданству дает следующие данные: было принято восемь иностранцев, прибывших из следующих государств: Монголия (два человека, окончили обучение), Сирия (один человек окончил обучение), США (один человек окончил обучение), Казахстан (два человека – один окончил обучение, один – отчислен), Вьетнам (один человек, продолжает обучение), Египет (один человек, продолжает обучение).

Сотрудники библиотек и информационных служб организаций (сведения приведены на момент поступления) составили по очной форме обучения – 21 человек (еще восемь человек работали в подразделениях СПбГИК); по заочной форме – 72 человек (один человек – сотрудник СПбГИК), итого – 93 человека (66% от числа поступивших за все время).

Стали аспирантами пятеро магистров: трое учатся в СПбГИК, один – в Московском государ-

ственном областном университете, один – в одном из вузов г. Ростова-на-Дону.

Некоторые итоги

1. В целом, контингент обучающихся в магистратуре по обеим формам обучения состоит из выпускников БИФ СПбГИК (60 человек – 43%); а по очной форме обучения – 58%.

2. Обучающиеся с профильным образованием составили 48% от контингента обучающихся; обучающиеся с непрофильным образованием, в основном, имеют профессии и специальности из социально-гуманитарной сферы.

3. 66% выпускников магистратуры на момент поступления в магистратуру работали в библиотеках и профильных организациях. Основной мотив получения профессионального образования теми, кто его не имеет, – сохранение данной работы и продвижение по служебной лестнице. Те же, кто не имеет профильного образования, и не работал в библиотеках, приходят учиться в магистратуру БИФ, рассчитывая потом трудоустроиться в библиотечной сфере.

Основные проблемы

1) ежегодно отмечается невысокий конкурс поступающих в магистратуру на очное обучение. Выпускники бакалавриата по очной форме обучения, преимущественно, стремятся устроиться на работу, а не продолжаться находиться на иждивении у родителей еще два года обучения;

2) существенной проблемой является неудовлетворительная посещаемость занятий в очной магистратуре, так как практически все обучающиеся вынуждены работать, поскольку стипендия не обеспечивает их жизненных потребностей. Это не может не сказываться на качестве освоения ими образовательной программы;

3) магистранты-заочники сталкиваются с проблемой легитимного выхода на сессии, так как нередко работодатели не предоставляют таким сотрудникам учебный отпуск;

4) существует проблема преподавания в разнородных по составу учебных группах, поскольку вместе учатся магистранты с различным профильным образованием и уровнем подготовки. Например, в группе могут оказаться иностранцы, далеко не всегда хорошо знающие русский язык, что создаст проблемы для всех участников учебного процесса – самого магистранта; преподавателя, пытающегося донести до него нужное знание; всей учебной группы, вынужденной отвлекаться и реагировать на коммуникацию между не(до)понимающим соучеником и «измученным» преподавателем. В магистратуре БИФ подобное происходило и происходит с обучающимися из Монголии, Сирии, Египта, Вьетнама, которые плохо владели (вообще не владели) не только русским, но и английским языком. Подобная ситуация вынуждает преподавателя либо сначала устраивать своеобразный «ликбез» по учебной дисциплине для части слушателей группы, нерационально расходуя лекционное время (которого и так мало по установленным нормативным требованиям), вместо изложения более серьезного по сложности материала, либо просить данных слушателей самостоятельно и быстро «подтянуть» свои знания до уровня обучающихся с базовым образованием. Рассчитывать на 100% выполнение поставленной задачи все равно не приходится, так как магистрант может либо не иметь для этого необходимого времени в силу своей занятости на работе и вообще учится по «остаточному принципу», либо не найти необходимые источники, либо не сумеет самостоятельно разобраться в незнакомой терминологии и концептах, и даже просто поленится заниматься дополнительно вне учебных занятий.

Перечисленные проблемы гипотетически могут иметь определенные решения: введение гибких, модульных, быстро адаптируемых к запросам внешней среды программ обучения, индивидуально настраиваемые графики обучения магистрантов, электронное онлайн-образование и др. Однако эти решения будут противоречить сложившей системе организации учебного процесса и труда преподавателей вузов и породят сложную социальную проблему.

Неустойчивость нормативно-правовой и учебно-методической базы, регламентирующей образовательную подготовку, – так же не менее важная проблема. В течение одного учебного года могут меняться требования и установки Министерства образования РФ, которые обязывают профессорско-преподавательский состав вуза «на ходу» приспосабливать к ним программы, учебные планы и дисциплины.

Статичность, «жесткость» образовательных программ с линейностью освоения учебных дисциплин и отсутствием их свободного выбора обучающимися – препятствует академической мобильности магистрантов.

Отсутствие апробированной, обоснованной, реалистичной модели магистра библиотечно-информационной деятельности (в том числе прогностической модели будущего магистра) как предполагаемого специалиста для работы в профильной отрасли деятельности порождает сложности в подготовке выпускников. С этим связана проблема отсутствия в библиотеках корреляции должностей штатного расписания и уровня полученного образования – бакалавра

или магистра: диплом магистра не дает никакой гарантии получения более высокой должности. Он рассматривается, в первую очередь, как гарантия сохранения работы теми выпускниками, которые не имеют профильного образования. В перспективе это может привести к девальвации идеи магистратуры, если ее выпускники не будут получать ожидаемых статусных преимуществ.

Отдельного обсуждения требуют образовательные программы, согласно которым в стране идет подготовка магистров библиотечно-информационной деятельности.

Кардинальными новациями стали изменения в составе и структуре компетенций.

Введены универсальные (6) и общепрофессиональные (3) компетенции, которые являются общими для освоения по всей укрупненной группе специальностей 51.00.00 «Культуроведение и социокультурные проекты», куда входит и библиотечно-информационная деятельность (БИД).

Профессиональные компетенции теперь разделены на обязательные (6), осваиваемые обучающимися во всех вузах, готовящих магистров БИД, и рекомендуемые (5), которые вуз выбирает в зависимости от направленности образовательной подготовки магистров. Итого в новом ФГОС установлено 20 компетенций. Вариативная часть учебного плана будет составляться из тех дисциплин, которые ведутся в конкретном вузе.

Прошедшие восемь лет деятельности магистратуры БИФ позволяют в ретроспективе оценить достигнутые результаты в целом как положительные, убедительно свидетельствующие о перспективе развития данного уровня высшего образования в СПбГИК с учетом решения имеющихся проблем.

УДК 027.54(470.23-25)(091)

Г. В. Михеева

«Науки словесные» в Императорской Публичной библиотеке (1795–1849 гг.)

В истории библиотечного дела страны вторая половина XVIII в. ознаменована целым рядом значительных событий. Повсеместно в этот период появляются публичные библиотеки. Дальнейшее развитие русской науки и культуры неизбежно требовало создания национального книгохранилища, централизованно аккумулировавшего всю печатную продукцию страны на русском языке и содержащего важнейшие произведения на иностранных языках. Прогрессивно мыслящие деятели страны, среди которых был видный государственный сановник, известный меценат граф А. С. Строганов и его помощник А. Н. Оленин стояли у истоков создания национального книгохранилища. Подробно рассматривается разработанная А. Н. Олениным библиографическая система в части Класса словесности, отмечаются ее достоинства и недостатки, выявляется круг лиц, занятых описанием книг указанной тематики. Подчеркивается, что, хотя библиотекари получали в свое заведование отделения Библиотеки, лица, на самом деле постоянно ответственного за Класс словесности, как и за большинство других отделений, в этот период не было. Упоминаемые уже в период директорства А. Н. Оленина отделения не являлись устойчивыми административными единицами, наблюдался разнобой, как в их числе, так и в названиях. Это были крупные собрания по разным специальностям, которые не были положены в основу административного деления Библиотеки.

Ключевые слова: национальная библиотека, библиографическая классификация, Императорская Публичная библиотека, история библиотечного дела, А. Н. Оленин, А. С. Строганов

Galina V. Mikheeva

«Verbal sciences» at the Imperial Public Library (1795–1849)

In the history of the country's librarianship, the second half of the 18th century marked by a number of significant events. Throughout this period, public libraries appeared. The further development of Russian science and culture inevitably required the creation of a national book depository, which centrally accumulated all the printed materials of the country in Russian and contained the most important works in foreign languages. Progressively minded figures of the country, including a prominent state dignitary, famous philanthropist Count A. S. Stroganov and his assistant A. N. Olenin, were at the forefront of creating a national book depository. The bibliographic system developed by A. N. Olenin in terms of the Class of literature is examined in detail, its advantages and disadvantages are noted, a circle of people engaged in describing books of the indicated subjects is revealed. It is emphasized that, although librarians received library departments in their charge, there was no person actually in charge of the Language class, like most other departments, during this period. The branches already mentioned during the period of A. N. Olenin's directorship were not stable administrative units, there was a discrepancy, both among them and in the names. These were large collections in various specialties, which were not laid in the basis of the administrative division of the Library.

Keywords: national library, bibliographic classification, Imperial Public Library, history of librarianship, A. N. Olenin, A. S. Stroganov

DOI 10.30725/2619-0303-2019-4-171-178

В истории библиотечного дела страны вторая половина XVIII в. ознаменована целым рядом значительных событий. Формулируя «Правила управления», которыми должен руководствоваться просвещенный монарх, императрица Екатерина II первым пунктом в них отмечала: «Нужно просвещать нацию, которой должен управлять» [1]. Это неизбежно требовало кардинальных перемен в деле просвещения и образования народных масс Российской империи того времени. Проведение ряда реформ в области народного образования привело к принятию в 1775 г. правительственного указания об организации народных училищ.

В 1782 г. под руководством бывшего статс-секретаря императрицы П. В. Завадовского (будущего министра просвещения при Александре I) была создана комиссия по разработке устава о народных училищах. Принятый в 1786 г. устав среди прочего предусматривал при главных народных училищах создание «книгохранилищ, состоящих из

разных иностранных и российских книг» [цит. по: 2, с. 46]. Повсеместно в этот период появляются публичные библиотеки и кабинеты для чтения.

К этому времени уже действовали Библиотека Академии наук, библиотеки Московского университета и основанного в 1774 г. в Петербурге при Берг-коллегии Горного училища, Медико-хирургической академии. Началось активное развитие книгоиздательского дела, с 1779 г. стала функционировать при типографии Московского университета книжная лавка Н. И. Новикова – «Типографическая компания». При всей своей значимости эти библиотеки и книжные лавки не могли в полной мере решать важнейшие вопросы прогресса русского общества и формирования интеллектуальной элиты Российской империи. А. Н. Оленин впоследствии очень точно отмечал: «Хотя в России частных библиотек много имеется и одних печатных книг считается до 20 000, но по рассеянности оных, а особливо рукописей, на таком пространстве, каковое имеет обширное сие государство, желающие трудиться в познании отечественной истории, в законоведении, статистике, географии, домоводстве и в словесности российской не имеют к тому никаких способов. И следственно отечество наше лишается полезных и нужных произведений» [3, с. 15].

Дальнейшее развитие русской науки и культуры неизбежно требовало создания национального книгохранилища, централизованно аккумулировавшего всю печатную продукцию страны на русском языке и содержащего важнейшие произведения на иностранных языках.

Прогрессивно мыслящие деятели страны уже в середине XVIII в. ставили вопрос о создании подобной библиотеки, которая должна была укреплять национальное самосознание, помогать осознанию своего места в контексте развития мировой истории и культуры, содействовать наращиванию слоя образованных «государственных людей» и, как справедливо отмечал В. Ф. Ходасевич, оценивая культурную деятельность Екатерининской эпохи, «являться прямым участием в создании государства» [4, с. 248].

Еще в 1766 г. видный государственный сановник, известный меценат граф А. С. Строганов [5] представил на рассмотрение императрицы Екатерины II коллективный проект создания национального книгохранилища в столице. К этому времени во дворце А. С. Строганова на Мойке уже была собрана богатая личная библиотека, владелец которой приобретал книги и рукописи в магазинах и на аукционах и представлял их для публичного чтения. Как отмечалось в «Русском биографическом словаре», библиотека графа была «лучшею из всех бывших тогда в России… особенно богатая ценными рукописями. Владея такими сокровищами и в такое время, когда в России еще почти совершенно не было… значительных общественных книгохранилищ, Строганов любезно предоставлял пользоваться всем им собранным всякому, серьезно интересовавшемуся той или другой областью искусства и литературы» [5, с. 487]. В числе соавторов поданного императрице проекта национальной библиотеки [7] был и известный вольнодумец и вольтерьянец писатель Б. М. Салтыков, неоднократно посещавший Вольтера в Швейцарии, полагавший, что библиотека станет «клубом Вольтера», просветительским центром столицы, центром «распространения и процветания российского языка», со своей типографией и школой и библиотека будет открыта один раз в неделю «генерально для всех». Причины, по которым этот проект не был принят, несмотря на то что историки Публичной библиотеки уделяли ему самое пристальное внимание [8, с. 12; 9, с. 117–118; 10, с. 24, 29–36], до сих пор непрояснены.

Хотелось бы подчеркнуть один факт, который до настоящего времени не анализировался предыдущими историками. Проект носил название «План Публичной Российской библиотеки в Санкт-Петербурге» (выделено мной. – *Г. М.*). Возможно, именно поэтому учрежденное 16 (27) мая 1795 г. по велению императрицы Екатерины II национальное книгохранилище, в первые годы своего существования не имевшее устойчивого наименования и называвшееся то «государственной публичной», то «императорской», то «российской открытой», в бытность А. С. Строганова главным директором императорских библиотек получило свое вошедшее в историю и закрепившееся название «Императорская Публичная библиотека» (выделено мной. – *Г. М.*).

Условия для создания национальной библиотеки в Российской империи сложились к концу царствования Екатерины II и стали, по словам историков, «олицетворением мощи российского государства и одновременно символом ее приверженности веку Просвещения» [10, с. 24].

История создания Императорской Публичной библиотеки (ИПБ)на базе взятого в качестве военного трофея собрания братьев Залуских, нелегкая транспортировка ее из Варшавы в Петербург, начало разборки хаотично

поступивших фондов на основе предварительной обобщенной схемы М. И. Антоновского, попытка расчленить целостное книжное собрание в бытность директором императорских библиотек французского эмигранта М.-Г. Шуазеля-Гуффье, неоднократно излагалась автором настоящей статьи [11, с. 147–148; 12, с. 16–17; 13, с. 6–7; 14, с. 122–124; 15, с. 144–145; 16, с. 161–163; 17, с. 29–30].

Подлинная организация и развитие Императорской Публичной библиотеки начались с 1800 г., когда директором императорских библиотек стал граф А. С. Строганов, в ведении которого находилась и Публичная библиотека и которой он уделял первостепенное внимание в числе других подведомственных ему библиотек. Именно благодаря Строганову Библиотека «сохранила свое бытие» [цит. по: 10, с. 27]. Он способствовал ускорению разбора книг, предназначенных для новой Библиотеки, контролировал строительство здания для ее размещения – первого в России специально строившегося для нужд библиотек. К числу его заслуг следует отнести и то, что именно по просьбе Строганова в 1808 г. его помощником («товарищем директора») по Библиотеке был назначен А. Н. Оленин [18], который «вдохнул в нее живую душу, дал ей первоначальное устройство, ускорил открытие» [10, с. 64].

Организацию фондов Библиотеки тормозили беспрестанные изменения, вносимые в первоначальную систему расстановки, разработанную М. И. Антоновским. Неоднократно он сам, а затем пришедший ему на смену О. О. д´Огар меняли и количество выделенных классов, и внутреннее их деление, и число разрядов при систематической расстановке «поступившей из Варшавы библиотеки». Ко времени прихода в Библиотеку А. Н. Оленина более половины привезенных фондов не были разобраны, не было ни устоявшейся схемы расстановки, ни каталогов, ни тем более инструкций для их составления [8, с. 15].

Сразу же по приходе в Библиотеку Оленин приступил к составлению необходимого методического руководства для библиотекарей, без которого немыслима была дальнейшая организация фондов. Итогом стало вышедшее в свет пособие «Опыт нового библиографического порядка для Санкт-Петербургской императорской библиотеки» [3] – первый отечественный научный труд по организации фондов и каталогов. Система классификации Оленина, отраженная в этом руководстве, была беспрецедентным явлением для своего времени, значительно превосходящим существовавшие в тот период французские и немецкие классификации и заслужившим высочайшие оценки специалистов [19, с. 129–135; 20, с. 19–40].

Логически обоснованная, научно выверенная для своего времени, классификация Оленина отражала естественное разделение человеческих знаний и демонстрировала неразрывную связь между областями. Система делилась на три части: I. Науки, II. Искусства и III. Филология, или Словесность. По мнению Оленина, главное деление составляли Науки и Искусства, а «к сим двум отделениям прибавлена еще третья часть, под названием Словесность; в ней заключается в общем и смешанном виде все то, что в предыдущих двух статьях к каждой Науке в особенности принадлежит» [3, с. 23]. Три начальных основных деления образовывали пятнадцать разделов, связанных между собой. В целом общая схема выглядела следующим образом:

I. **Науки**
Науки умственные
1. Богословие
2. Правоведение
3. Философия
4. История
Науки естественные
5. История естествознания
6. Врачебство
7. Физика
8. Химия
Науки определительные
9. Математика чистая и сложная

II. Искусства
1. Механические искусства
2. Свободные искусства
3. Словесные искусства

III. Филология
1. Языкознание
2. Полиграфия
3. Критика [8, с. 15].

Предполагалось, что «последняя часть под именем Словесности или Филологии… будет в себе… заключать: 1) Общее и частное познание языков, или Языкознание… 2) Общие сочинения о разных предметах или Разнописателей, Полиграфами так называемых. – И, наконец 3) общий разбор всех сочинений или Критику. – Следственно сие последнее из главных отделений под именем Словесности будет составлять то самое звено, которое должно соединять Словесные искусства с Умственными науками, и вместе может… служить или вступлением, или дополнением к Наукам и Художествам, помещенным в первых двух главных отделениях» [3, с. 27].

Разработанная в деталях подробная схема главного отделения «Филология» была следующей:

Филология

(1) Общеписатели; (2) разбор; (3) рассмотрения.

Существенным недостатком оленинской системы следует признать то, что не было четкого разграничения подраздела «Полиграфы» и рубрики «Словесные искусства», выделенной во втором классе «Художества» [3, с. 59–60], в результате чего художественные произведения в стихах и прозе при описании их разными библиотекарями могли попасть в разные отделения.

Необходимо подчеркнуть, что классификационная схема Оленина вообще и раздел «Филология» в частности были рассчитаны на расстановку фондов, а не создание каталогов, поскольку он полагал, что «скорое отыскание книг в огромных библиотеках зависит не столько от сделанного оным каталога, сколько от систематического распределения самих книг и от частного их пересматривания библиотекарями, которым через то книги делаются до того известными, что они помнят не только каждую из них, но шкаф, полку и то место, на которое всякая книга поставлена» [цит. по: 21, с. 184–185].

Подводя итоги проводившейся до его прихода в Библиотеку расстановки фондов, Оленин составил «Выписку из ведомостей, представленных гг. чиновниками Императорской библиотеки» по состоянию на 30 июня 1808 г. Из нее следовало, что книг по классу «Словесность» разобрали: П. Торси – 7567 единиц, Ф. И. Брейткопф – 3467 единиц, М. А. Семигиновский – 7844 единицы, П. П. Попов – 2735 единиц. Всего по этому классу было разобрано 21 613 книг, бóльшая часть которых была занесена в ведущиеся в виде тетрадей описи-каталоги [3, с. 94–95].

В целях ускорения правильной расстановки книг еще 20 марта 1809 г. А. Н. Оленин издал распоряжение: «Вписывание книг в каталог совершенно оставить, до окончательного размещения оных в шкафы по классам, отделениям, подотделениям и разряда[м], означенным в новой библиографической системе» [цит. по: 21, с. 132]. Обратим внимание, что здесь уже речь идет об

отделениях, однако, как справедливо было отмечено историками Библиотеки в свое время, «распределение книг согласно библиографической системе Оленина не обозначало, что то или другое отделение находилось в ведении особого библиотекаря или подбиблиотекаря (помощника библиотекаря. – *Г. М.*): книги распределены были между служащими независимо от отделений библиографической системы» [22, с. 54]. И хотя в соответствии с утвержденным 23 февраля 1812 г. «Начертанием подробных правил для управления Императорскою Публичною библиотекою» библиотекари получали в свое заведование отделения Библиотеки [23, с. 6], лица, на самом деле постоянно ответственного за отделения Класса словесности, как, впрочем, и за большинство формировавшихся других, в этот период не было. Весь библиотечный состав по-прежнему описывал иностранные книги вне отраслевой принадлежности.

В отчете Библиотеки за 1814 г. А. Н. Оленин указывал, кто из библиотекарей отвечал за ту или иную закрепленную за ним работу. (Биографические очерки о всех перечисленных далее чиновниках Библиотеки приведены в биобиблиографическом словаре «Сотрудники Российской национальной библиотеки – деятели науки и культуры» (СПб., 1995. Т. 1. 688 с.)).

Так, Ф. И. Брейтконф «имел в ведении своем» все печатные книги на итальянском, испанском, португальском, польском, литовском и латышском языках. Р. К. фон Сухтелен «заведовал собранием книг, печатанных на разных европейских языках в XV веке» (курсив А. Н. Оленина. – *Г. М.*) и «имел надзор за всеми вообще книгами на голландском языке». М. А. Семигиновский и его помощник Ф. И. Ласковский «имели под своим надзором» книги на латинском языке по философии, истории, механическим, свободным и словесным искусствам, языкознанию, полиграфии и критике, а также книги на восточных языках, главным образом еврейском, и книги на «северных языках» – финском, шведском, датском. А. И. Красовскому были «вверены два отделения»: географические книги, описания путешествий и городов, «хронологические и до всеобщей древней и новой истории относящиеся» на французском языке и «книги на английском языке по всем систематически расположенным частям Библиотеки». А. А. Бюте имел «в своем хранении» книги по философии, механическим, свободным и словесным искусствам, языкознанию, полиграфии и критике на французском языке. «Отделение греческих книг», за исключением богословских, «имел под своим надзором» Н. И. Гнедич. «По всем систематически расположенным отделениям Библиотеки» книгами на немецком языке ведал П. П. Попов. Кроме того, П. П. Попов и М. А. Семигиновский «имели особенный надзор за всеми излишними экземплярами книг» [24, с. 25–29]. Столь подробное изложение того, чем занимались чиновники Библиотеки, неслучайно. Эти сведения еще раз подтверждают, что, несмотря на разделение фондов по перечисленным в системе А. Н. Оленина отделениям, в Библиотеке не было практики закрепления ответственности того или иного библиотекаря за конкретным отделением [25, с. 58]. Кроме того, не существовало и устойчивого определения понятия «Отделение Библиотеки» связанного с систематическим разделением фондов. Тут и там мелькали понятия «Отделение греческих книг», «два отделения на французском и английском языках».

Таким образом, упоминаемые уже в период директорства А. Н. Оленина отделения не являлись устойчивыми административными единицами, они «никогда не были четко зафиксированы в каком-либо нормативном акте, отсюда нечеткость и разнобой как в их числе, так и в названиях» [26, с. 15]. Это были крупные собрания по разным специальностям, которые, за небольшими исключениями, не имели постоянных ответственных лиц.

Как отмечали впоследствии историки ИПБ, «не имея постоянного и энергического (так! – *Г. М.*) руководства, они (чиновники. – *Г. М.*) работали первые годы недостаточно энергично, и в публике не без основания складывалось довольно скептическое отношение в Библиотеке» [3, с. 37].

В первые годы пополнение класса «Словесность» было невелико. К 1810 г. после передачи части книг в отделение «Словесные искусства» в Библиотеке числились 6173 книги по языкознанию, 2682 книги по полиграфии (как она тогда понималась) и 7665 книг по отделению «Критика» [27, табл. I], к 1812 г. по языкознанию поступили 175 книг, по полиграфии – 112, по критике – 168 книг [28, с. 3]. Содействовал пополнению этих отделений в том числе и сам директор: «Из-за границы Олениным приобретались главным образом сочинения по археологии, истории искусства и особенно касательно классического греческого мира» [22, с. 114].

Отсутствие каталогов на разбираемые фонды, смена чиновников, первоначально расставлявших книги на новых, которым по памяти невозможно было «отыскивать» книги и иметь «достаточно ясное представление о составе своих отделений», со всей остротой ставили вопрос о скорейшем создании каталогов. Так, после выхода в отставку Р. К. фон Сухтелена книги на голландском языке (2673 т.) перешли в ведение Ф. И. Брейткопфа, книги на всех славянских языках собирались в Русском отделении С. С. Сопикова и И. А. Крылова и др. [22, с. 54]. Без детально

составленных каталогов ориентироваться в постоянно растущих фондах было очень сложно. Пришел к этому выводу и сам Оленин. В приказе по Библиотеке в ноябре 1816 г. он писал: «Опыт почти трех лет, прошедших от открытия сего книгохранилища для публики, удостоверил меня, что как для посетителей сего заведения, так и для самих чиновников Библиотеки каталоги составляют необходимую надобность: ибо при помощи их много сокращается время трудов в приискании нужных книг» [цит. по: 22, с. 116].

В мае 1818 г. после совещания чиновников Библиотеки по проблемам составления каталогов всем участникам совещания были разосланы 11 вопросов, на которые они должны были дать подробные ответы. Детально все ответы на заданные вопросы проанализированы в капитальном труде М. Н. Коноваловой [20, с. 41–49]. Нас интересуют лишь вопросы и мнения библиотекарей по отделениям, входящим в класс «Филология». Они были следующими: «5. Книги, содержащие в себе разные предметы, по какому общему правилу должны быть помещаемы в библиографические отделения? 6. Какого рода сочинения вносить в полиграфию?» [цит. по: 22, с. 120]. Сама постановка подобных вопросов уже свидетельствовала о том, что изначально в олениинской схеме не прослеживалось четкого размежевания и допускались субъективные решения по этим важным вопросам. В ответах большинства библиотекарей содержались пространные рассуждения о том, что же считать полиграфией и какого рода сочинения следует помещать в это отделение. Вот некоторые из них: «… есть сочинения ни к какому именно классу не принадлежащие… Таковые прилично помещать между полиграфами и называть сей разряд polygraphie et miscellanea philologie… В полиграфию вносятся, во-первых, собрания сочинений одного автора, во-вторых, книги, заключающие в себе одного автора разные трактаты, в-третьих, вышесказанные miscellanea philologie, ни к какому классу не принадлежащие, в-четвертых, журналы, периодические сочинения и acta ученых обществ, содержащие разные материи. <…> Для книг, содержащих разные предметы, ежели они относятся по одной части наук к разным только отделениям, можно при каждой таковой части иметь особое отделение смеси (miscellanea). Но если в одной книге соединены разные части наук, напр[имер], богословие с правоведением или даже разные разделы познаний, напр[имер], науки с искусствами, или искусства с филологиею, то таковую книгу подобно энциклопедии следует поставить в отдел полиграфии. Записки ученых обществ, без сомнения, в таком только случае входят в отделение полиграфии, когда они заключают в себе разные ветви познания, напр[имер], в одной и той же книге: математику, физику, статистику, археологию, языкознание. То же должно разуметь об избранном чтении (choix des lecteurs). Из отделения критики – два подразделения… а именно: журналы и ученые ведомости, кроме тех, которые посвящены одной какой-нибудь науке, ученую историю со всеми ее разрядами, …биографии художников и актеров и историю театра» [цит. по: 28, с. 5–6].

Направление большинства ответов было единодушным: внося усовершенствования, не следует менять саму основу, поскольку частая смена методик и схемы расстановки пагубно влияет и на организацию фондов, и на составление отражающих их каталогов. Относительно интересующих нас вопросов А. Х. Востоков – филолог-славист, палеограф, помощник хранителя Депо манускриптов (Рукописного отделения) – предложил внести поправку в раздел «Филология», полагая оставить в нем только два отделения: Языкознание и Полиграфию, Критику же разделить по другим отделениям и частям, которым данные критические разборы соответствую [20, с. 48–49].

Итогом этого анкетирования стали «Подробные правила для составления каталогов по азбучному порядку», утвержденные Олениным 29 мая 1819 г. Некоторой модификации в них подверглась первоначальная схема, представленная в «Опыте…». Были приняты 18 главных библиографических разделов, увеличено число отделений в классе II Искусства. В классе «Филология» сохранились отделения «Языкознание» и «Полиграфия», материалы бывшего отделения «Критика» частично разошлись в соответствии с предложениями библиотекарей по соответствующим отделениям, частично вошли в новое сформированное отделение «История словесности» [22, с. 126].

Такое нечеткое разделение в классе «Филология» приводило к тому, что в течение всего времени существования отделения в нем то размежевывались, то объединялись, выделялись новые отделения. Так в середине 1830-х гг. выделились особые отделения из греческих и римских классиков, инкунабул и восточных книг, последние (3000 т.) были присоединены к Депо манускриптов [22, с. 134]. Менялась и само название отделений.

В течение 1820–1822 гг. был составлен 31 том рукописных каталогов Императорской Публичной библиотеки, в целом включивший сведения более чем о 81 тыс. томов книг (примерно четверть ее тогдашних фондов), в каталогах были отражены частично фонды отделений «Языкознание», «Полиграфия» и «История словесности» [20, с. 67–68].

Фонды Отделения словесности пользовались в олениинский период большим читатель-

ским спросом, о чем наглядно свидетельствуют цифры выдачи за 1832 г. Всего читателям было выдано в этом году 42 379 томов книг, в том числе:

– по словесности – 10 987 т.;
– по истории и географии – 9736 т.;
– по богословию – 6379 т.;
– по правоведению – 3851 т.;
– по философии – 3149 т.
– по всем другим наукам – 8277 т. [22, с. 94].

То есть выдача по Отделению словесности превысила 25% от общего числа затребованных читателями иностранных источников.

Нечеткое административное разделение отделений приводило и к тому, что в большинстве отделений не велись работы по каталогизации фондов своего подразделения, а составлялись каталоги, главным образом, по языковому принципу. Так в 1825 г. был составлен алфавитный каталог книг на английском языке вне зависимости от их отделенческой принадлежности. В нем отражены около 8 тыс. книг с XVI в. до 1824 г. Он дополнялся по 1835 г. сведениями о новых поступлениях на английском языке по всем отделениям Библиотеки, а затем прекратился [8, с. 38]. В 1843 г. профессор древней истории и истории средних веков М. С. Куторга, служивший в тот период в Императорской Публичной библиотеке, составил систематический каталог иностранных книг, относящихся к греческим и римским древностям, также включивший книги разных отделений.

Окончательное распределение книг по отделениям произошло в период руководства Публичной библиотекой энергичного Д. П. Бутурлина [29]. Эмоциональный В. И. Собольщиков описывал впоследствии, что «все это необозримое море книг долго колыхалось и переносилось с одного места на другое», пока, наконец, не установилось в должном порядке [30, с. 87]. Началась интенсивная работа библиотекарей по описанию книг, в том числе и отделений, входящих в состав раздела «Филология».

Принципиальные изменения в организационной структуре Библиотеки связаны с приходом на пост ее директора М. А. Корфа, который в 1850 г. заложил основы административного деления Императорской Публичной библиотеки, просуществовавшие в ней 80 лет, охватившие в том числе и первые тринадцать лет деятельности Библиотеки в советское время и измененные лишь в 1930 г.

Список литературы

1. «Правила управления» Екатерины II. 1760-е гг. // Российский правовой портал: Библиотека Пашкова. URL: https://constitutions.ru/?p=12382 (дата обращения: 5.10.2019).

2. Воронов А. С. Историко-статистическое обозрение учебных заведений С.-Петербургского учебного округа с 1715 по 1828 год включительно. Санкт-Петербург, 1849. XIV, 293 с.

3. Оленин А. Н. Опыт нового библиографического порядка для С.-Петербургской императорской библиотеки. Санкт-Петербург, 1809. 109, [2] с.

4. Ходасевич В. Ф. Державин. Москва: Книга, 1988. 384 с.

5. Ландер И. Г., Михеева Г. В. 1800–1811. Александр Сергеевич Строганов // История Библиотеки в биографиях ее директоров, 1795–2005. Санкт-Петербург, 2006. С. 30–49.

6. Строганов, гр. Александр Сергеевич // Русский биографический словарь. Санкт-Петербург. 1909. Т. 19. С. 485–488.

7. План Публичной Российской библиотеки в С.-Петербурге, составленный в 1766 году / публ. А. Лазаревского // Библиографические записки. 1861. Т. 3, № 3. СПб. 71–79.

8. История Государственной ордена Трудового Красного Знамени Публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина. Ленинград, 1963. 436 с.

9. Мыльников А. С. Из истории основания Государственной Публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина // Библиотеки СССР: опыт работы. Москва, 1964. Вып. 25. С. 117–130.

10. Грин Ц. И., Третьяк А. М. Публичная библиотеки глазами современников (1795–1917): хрестоматия. Санкт-Петербург, 1998. 694 с.

11. Михеева Г. В. Отделенческая система в Императорской Публичной библиотеке (исторический очерк) // Клио. 2018. № 2 (134). С. 147–154.

12. Михеева Г. В. «Россика» в Российской национальной библиотеке: история, проблемы, перспективы // Материалы I Всероссийского рабочего совещания по проблемам «россики»: Москва, 29–30 июня 1995 г. Москва, 1995. С. 16–26.

13. Михеева Г. В. Историческое отделение в Императорской Публичной библиотеке // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. 2018. № 1 (34). С. 6–15.

14. Михеева Г. В. Отделение философии в Императорской Публичной библиотеке // Клио. 2018. № 8 (140). С. 122–130.

15. Михеева Г. В., Добрусина С. А. Юридическое отделение в Императорской Публичной библиотеке // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. 2018. № 4. С. 144–151.

16. Михеева Г. В. История отделения естественных наук в Императорской Публичной библиотеке // Вопросы истории естествознания и техники. 2019. Т. 40, № 1. С. 161–184.

17. Михеева Г. В. Отделение богословия в Императорской Публичной библиотеке // Труды и переводы / Санкт-Петербург. духовная акад. РПЦ. Санкт-Петербург, 2019. № 1. С. 29–38.

18. Голубева О. Д., Михеева Г. В. 1811–1843. Алексей Николаевич Оленин // История Библиотеки в биографиях ее директоров, 1795–2005. Санкт-Петербург, 2006. С. 50–77.

19. Шамурин Е. И. Очерки по истории библиотечно-библиографической классификации. Москва, 1959. Т. 2. 563 с.

20. Коновалова М. Н. История каталогизации фондов Российской национальной библиотеки, 1795–1917 гг. / подгот. к печати и коммент. Г. В. Михеевой; науч. ред. Г. В. Михеева, Р. С. Гиляревский. Санкт-Петербург, 2014.

303 с. URL:http://vivaldi.nlr.ru/bx000007674/view (дата обращения: 9.10.2019).

21. Файбисович В. М. Алексей Николаевич Оленин: опыт научной биографии. Санкт-Петербург, 2006. 480 с.

22. Императорская Публичная библиотека за 100 лет (1814–1914). Санкт-Петербург, 1914. 481, XXVI с.

23. Акты, относящиеся до нового образования Императорской библиотеки. Санкт-Петербург, 1812. 11 с.

24. Оленин А. Н. Отчет в управлении Императорскою Публичною библиотекою… за 1814 г. Санкт-Петербург, 1815. 63 с.

25. Голубева О. Д. А. Н. Оленин. Санкт-Петербург, 1997. 192 с.

26. Шилов Л. А., Михеева Г. В. Предисловие // Сотрудники Российской национальной библиотеки – деятели науки и культуры: биогр. слов. Санкт-Петербург, 1995. Т. 1. С. 5–36.

27. Отчет в управлении Императорскою Публичною библиотекою… за 1808–1812 гг. Санкт-Петербург, 1813. 78 с.; 11 л. табл.

28. Полежаев Н. И. Исторический обзор фондов Отделения полиграфии / публ. И. Г. Матвеевой. 55 с. URL: nlr.ru/nlr_history/articles/Polezaev.pdf (дата обращения: 11.10.2019).

29. Михеева Г. В. 1843–1849. Дмитрий Петрович Бутурлин // История Библиотеки в биографиях ее директоров, 1795–2005. Санкт-Петербург, 2006. С. 78–93.

30. Собольщиков В. С. Воспоминания старого библиотекаря // Исторический вестник. 1889. Т. 38, № 10. С. 70–82.

References

1. «Management Rules» by Catherine II. 1760s. Russian Legal Portal: Pashkov Library. URL: https://constitutions.ru/?p=12382 (accessed: Oct.5.2019). (in Russ.).

2. Voronov A. S. Historical and statistical review of educational institutions of the St. Petersburg educational district from 1715 to 1828 inclusive. St. Petersburg, 1849. XIV, 293 (in Russ.).

3. Olenin A. N. The Experience of a new bibliographic order for the St. Petersburg Imperial Library. Saint Petersburg, 1809. 109, [2] (in Russ.).

4. Khodasevich V. F. Derzhavin. Moscow: Book, 1988. 384 (in Russ.).

5. Lander I. G., Mikheyeva G. V. 1800–1811. Alexander Sergeevich Stroganov. History of the Library in the biographies of its directors, 1795–2005. Saint Petersburg, 2006. 30–49 (in Russ.).

6. Stroganov, gr. Alexander Sergeevich. Russian Biographical Dictionary. Saint Petersburg. 1909. 19, 485–488 (in Russ.).

7. The plan of the Russian Public library in St. Petersburg. Bibliograficheskiye zapiski. 1861. 3 (3), 71–79 (in Russ.).

8. History of the State Order of the Red Banner of Labor of Saltykov-Shchedrin State Public Library. Leningrad, 1963. 436 (in Russ.).

9. Myl'nikov A. S. From the history of the founding of the Saltykov-Shchedrin State Public Library. Libraries of the USSR: Work experience. Moscow, 1964. 25, 117–130 (in Russ.).

10. Green Ts. I., Tretyak A. M. Public libraries through the eyes of his contemporaries (1795–1917): reader. Saint Petersburg, 1998. 694 (in Russ.).

11. Mikheeva G. V. The branch system in the Imperial Public Library (historical essay). Klio. 2018. 2 (134). (in Russ.).

12. «Rossica» in National Library of Russia: history, problems, perspectives. Proceedings of the First All-Russian Workshop on the Problems of «Rossica»: Moscow, June 29-30, 1995. Moscow, 1995.16–26 (in Russ.).

13. Mikheeva G. V. Historical Department in the Imperial Public Library. Bulletin of Saint-Petersburg State University of Culture. 2018. 1 (34) (in Russ.).

14. Mikheeva G. V. Department of Philosophy in the Imperial Public Library. Klio. 2018. 8 (140), 122–130 (in Russ.).

15. Mikheeva G. V., Dobrusina S. A. Legal department at the Imperial Public Library. Bulletin of Saint-Petersburg State University of Culture. 2018. 4, 144–151 (in Russ.).

16. Mikheeva G. V. History of the Department of Natural Sciences at the Imperial Public Library. Problems of the History of Natural Science and Technology. 2019. 40 (1), 161–184 (in Russ.).

17. Mikheeva G. V. Department of Theology in the Imperial Public Library. Transactions and translations / St. Petersburg. spiritual acad. ROC. Saint Petersburg, 2019. 1, 29–38 (in Russ.).

18. Golubeva O. D., Mikheeva G. V. 1811–1843. Alexei Nikolaevich Olenin. History of the Library in the biographies of its directors, 1795–2005. Saint Petersburg, 2006. 50–77 (in Russ.).

19. Shamurin Ye. I. Essays on the history of the library-bibliographic classification. Moscow, 1959. 2, 563 (in Russ.).

20. Konovalova M. N. History of cataloging of the collections of the National Library of Russia, 1795–1917. / preparation to the publ. and comments. by G. V. Mikheeva; sci. ed. G. V. Mikheeva, R. S. Gilyarevskiy. Saint Petersburg, 2014. 303. URL: vivaldi.nlr.ru (accessed June 23 2017) (in Russ.).

21. Faybisovich V. M. Aleksey Nikolayevich Olenin: the experience of scientific biography. Saint Petersburg, 2006. 480 (in Russ.).

22. Imperial Public Library for 100 years (1814–1914). Saint Petersburg, 1914. 481, XXVI (in Russ.).

23. Acts relating to the new formation of the Imperial Library. Saint Petersburg, 1812. 11 (in Russ.).

24. Olenin A. N. Report in the management of the Imperial Public Library ... for 1814 ... Saint Petersburg, 1815. 63 (in Russ.).

25. Golubeva O. D. A. N. Olenin. Saint Petersburg, 1997. 192 (in Russ.).

26. Shilov L. A., Mikheeva G. V. Preface. Employees of the National Library of Russia – figures of science and culture: a biographical dictionary. Saint Petersburg, 1995. 1, 5–36 (in Russ.).

27. Report in the management of the Imperial Public Library ... for 1808—1812 ... Saint Petersburg, 1813. 78 (in Russ.).

28. Polezhaev N. I. Historical review of the funds of the Printing Department / publ. I. G. Matveeva. 55. URL: nlr.ru/nlr_history/articles/Polezaev.pdf (accessed: 10/10/2019 (in Russ.).

29. Mikheyeva G. V. Dmitriy Petrovich Buturlin. History of the Library in the biographies of its directors, 1795–2005. Saint Petersburg, 2006. 78–93 (in Russ.).

30. Sobolshchikov V. I. Memories of the old librarian's. Istoricheskij vestnik. 1889. 38 (10), 70–82 (in Russ.).

УДК 002.2(075.8):655

Д. А. Эльяшевич, В. А. Мутьев

Отечественные учебники по общему книговедению

В первой статье готовящейся серии публикаций, посвященных современному состоянию и перспективам развития российской учебной литературы по книговедению, рассматриваются отечественные учебники и учебные пособия, посвященные общим (теоретическим) проблемам книговедения. Подробно и всесторонне анализируются учебные издания, принадлежащие перу А. А. Беловицкой, И. Е. Баренбаума, Г. Н. Швецовой-Водки, С. В. Глушкова. Авторы уделяют также внимание учебникам по таким смежным с книговедением дисциплинам, как медиалогия и теория коммуникации и рассматривают работы И. В. Кирии и А. А. Новиковой, Н. Б. Мечковской и Р. С. Гиляревского. В статье делается вывод о том, что существующая отечественная учебная литература, непосредственно посвященная общему книговедению, серьезно отстала от передовых достижений книговедческой мысли, не отражает современного состояния развития книговедения как междисциплинарной сферы знания и нуждается в коренном обновлении.

Ключевые слова: книговедение, теория книговедения, учебник, учебная литература, информация, коммуникация, медиалогия

Dmitry A. Elyashevich, Victor A. Mutyev

Local textbooks on the theory of book science

A prepared series of papers is devoted to the current state of affairs and prospects for the development of Russian textbooks on book science. Local textbooks and workbooks on the theory of book science are explored in the first article. A detailed and comprehensive analysis of educational publications written by A. A. Belovitskaya, I. E. Barenbaum, G. N. Shvetsova-Vodka, S. V. Glushkov is made. The authors also give attention to textbooks on such related disciplines as medialogy, theory of communication and take into consideration the works of I. V. Kiria and A. A. Novikova, N. B. Mechkovskaya and R. S. Gilyarevsky. It is concluded that the existing Russian educational literature directly devoted to the theory of book science has seriously lagged behind advanced achievements of book science thought, does not reflect the current state of affairs in book science as an interdisciplinary field and is in need to be radically updated.

Keywords: book science, theory of book science, textbook, study materials, information, communication, medialogy

DOI 10.30725/2619-0303-2019-4-179-183

Дисциплина «Книговедение и история книги», которая может называться по-разному («Книговедение», «История книги», «История книжной культуры» и т. п.) преподается сегодня, в основном, будущим специалистам библиотечного и издательского дела. История такого преподавания, если вести ее от первых педагогических опытов Н. М. Лисовского, насчитывает в России уже более ста лет. Как и любая другая дисциплина, включенная в учебный план вузовского образования, «Книговедение и история книги» должна быть обеспечена учебниками и учебными пособиями. И подобные издания – правда, не слишком многочисленные – действительно есть. Однако ситуация с учебниками, посвященными различным отраслям книговедения, по нашему мнению, очень далека от благополучия и требует пристального внимания и анализа. Такой анализ и является основной задачей предлагаемой вниманию читателей готовящейся серии статей. В ней мы попытаемся ответить на вопрос, каков сегодня книговедческий учебник и каким ему, по нашему мнению, следует быть завтра. В настоящей, первой статье этой серии, мы рассматриваем существующую отечественную учебную литературу, посвященную проблемам общего (теоретического) книговедения и выявляем ее достоинства и недостатки. Статья не претендует на исчерпывающий охват материала и отражает лишь субъективную точку зрения своих авторов. Последующие статьи будут посвящены отечественным историкокнижным учебникам, зарубежному опыту создания учебной литературы по книговедению и нашему видению «идеального» книговедческого учебника.

Имеющиеся отечественные учебники и учебные пособия могут быть разделены на две неравные в количественном и качественном отношении группы. К первой из них следует

отнести издания, излагающие общую теорию книговедения. Вторую составляют публикации, предметом рассмотрения в которых выступает история книги и книжного дела. На сегодняшний день имеется и несколько примеров учебников, в которых теория и история объединены, правда, теоретическая часть в таких учебниках всегда носит вводный, максимально обобщенный характер.

Если говорить об учебниках первой, теоретической группы, то «пионером» среди них стала работа А. А. Беловицкой «Общее книговедение» (1987) [1]. Она явилась своеобразным итогом всего предшествующего развития так называемой системно-типологической, или московской, книговедческой школы, центром которой был Московский государственный университет печати им. И. Федорова. Этот учебник получил общероссийское признание и на протяжении двух десятилетий, вплоть до своего переиздания в 2007 г., являлся основным пособием для студентов и аспирантов разных специальностей, сталкивавшихся с необходимостью изучения теории книговедения.

Несомненным достоинством учебника А. А. Беловицкой является его методическая выверенность и стройность. В нем содержится довольно подробный анализ развития книговедческого знания в России от его истоков до рубежа 70–80-х гг. XX в., в подобном масштабе предпринятый, по сути дела, впервые. Другие разделы учебника посвящены рассмотрению таких проблем, как определение основных книговедческих понятий (книга, книжное дело, книжное издание и др.), многоуровневая система книговедческого знания (объект, предмет и структура книговедения) и книговедческого метода, место книговедения в системе наук. Иными словами, учебник охватывает все узловые темы книговедческой проблематики и, собственно, декларирует возникновение общего книговедения в качестве самостоятельной и вполне конвенциональной науки. Вероятно, именно в этом следует усматривать его основное значение. Однако на хорошо и подробно изложенной историографии, методической стройности и роли первопроходца достоинства данного учебника и заканчиваются.

Одному из авторов настоящей статьи уже приходилось писать об очевидных проблемах системно-типологического книговедения [2]. Проблемы эти в полной мере нашли свое отражение и в учебнике А. А. Беловицкой. К их числу можно отнести совершенно необоснованное, гипертрофированное внимание к типологическому методу, положенному в основу конструируемой теории, взгляд на книгу как на некую идеальную, вневременную и внематериальную сущность, полную оторванность предлагаемой теории, как от практики книжного дела, так и от мировой гуманитарной науки, несомненную схоластичность намеренно усложненных теоретических построений и дефиниций. Общее книговедение в том виде, в каком оно изложено на страницах учебника, представляет собой науку ради науки, абстракцию, замкнутую систему, не имеющую позитивного культурно-исторического выхода. Характерно, что в этой абстракции вообще не нашлось места читателю и чтению – тем категориям, вне которых никакая книговедческая теория существовать не может.

Небольшой параграф «Понятие „чтение“ как подсистема категории „книга“» появился во втором, переработанном и расширенном издании учебника А. А. Беловицкой, увидевшем свет в 2007 г. и существующем, в основном, в электронном варианте (тираж его бумажной версии был чрезвычайно мал) [3]. Однако чтение здесь рассматривается в полном отрыве от читателя как еще одна нематериальная сущность, отражающая другую столь же нематериальную сущность (книгу). Очевидно, что изучение чтения без читателя, даже на теоретико-абстрактом уровне – бесперспективное занятие, в принципе не имеющее научного значения и в корне противоречащее всему ходу развития современной гуманитарной мысли. Вторая реинкарнация учебника поражает тем, что в ней ни в малейшей мере не нашла отражения информационная революция, свершившаяся за прошедшие после первого издания два десятилетия. Единожды выработанная концепция, которая и на момент своего появления была более чем спорной, не претерпела никаких изменений. Сегодня, в эру гипертекста и стремительно развивающихся коммуникационных технологий, напрямую затрагивающих книгу, учебник А. А. Беловицкой сохраняет лишь историографическое значение и не может быть рекомендован студентам каких бы то ни было специальностей; они его не только не поймут, но и ни в чем с ним не согласятся.

На год позже первого издания учебника А. А. Беловицкой, в 1988 г., увидело свет небольшое учебное пособие И. Е. Баренбаума «Основы книговедения» [4]. Оно представляло собой краткое изложение основ функциональной, или ленинградской, концепции книговедения – научной школы, возникшей благодаря трудам И. Е. Баренбаума и А. И. Барсука и во многом базировавшейся на теоретических достижениях отечественных ученых 20–30-х гг., в первую очередь – М. Н. Куфаева.

Ядро функциональной концепции книговедения заключается в том, что книга и книжное дело изучаются не сами по себе, не как самостоятельные, самоценные и внематериальные сущности, а в качестве вполне осязаемых явлений и процессов и только в соотношении с читателем и практикой чтения. Теория книговедения, таким образом, строится на основе анализа процесса движения книги в социуме, ее жизненного цикла и ее объективных и субъективных общественных функций.

Особенностью учебного пособия И. Е. Баренбаума является простота и доступность изложения материала, демонстрирующая умение автора говорить о достаточно сложных вещах вполне понятным для «среднего студента» языком. В методическом отношении пособие чрезвычайно логично и продумано, в нем последовательно излагаются все основные проблемы теории книговедения – такие, как дефиниция понятия «книга», функции и типология книги, представление о книжном деле, объекте и составе книговедения, книговедческих методах и т. п. Важнейшим достижением учебного пособия, как и всей функциональной концепции в целом, может быть названо включение читателя и чтения в круг интересов книговедения; им посвящен специальный раздел рассматриваемого издания.

Основным недостатком учебного пособия И. Е. Баренбаума является, на наш взгляд, декларируемое в нем рассмотрение книговедения как некой замкнутой системы, не имеющей «выходов» за пределы собственно книжно-библиотечной проблематики. Такие представления, свойственные, правда, не только функциональной школе, но и всему современному отечественному книговедческому дискурсу, в значительной мере обедняют российскую науку о книге и вытесняют ее из культурологического пространства. Вместе с тем, следует признать, что функциональная концепция книговедения все же является наиболее адекватной среди всех других направлений советской науки о книге, а излагающее основы этой концепции учебное пособие И. Е. Баренбаума может рассматриваться в качестве лучшего по сравнению с аналогичными изданиями периода 1980-х – начала 2000-х гг. Однако и оно имеет ныне лишь историографическую ценность, так как совершенно не отражает новых реалий цифровой эпохи.

Как известно, сегодня основной и, по сути дела, единственной концепцией отечественного книговедения все еще выступает концепция документоведческая, что весьма прискорбно, поскольку мы являемся свидетелями того, как совершенно прикладная, частная дисциплина, обслуживающая нужды конкретных документационных процессов (делопроизводство и архивное дело, юридическая практика, учет библиотечных фондов, некоторые разновидности информационно-библиографического обслуживания и т. п.) пытается поглотить гораздо более широкую и фундаментальную гуманитарную науку, имеющую общекультурное значение. В силу этого в рамках настоящей статьи говорить серьезно об учебниках, созданных в лоне документоведения и рассматривающих те или иные вопросы бытия книги, не имеет никакого смысла. Из этого правила должно быть сделано лишь одно исключение. Речь идет о работе Г. Н. Швецовой-Водки «Общая теория документа и книги», скромно названной автором «учебным пособием», но являющейся, на самом деле, полноценным учебником [5]. И учебником, на наш взгляд, весьма интересным и полезным, поскольку в той своей части, которая посвящена книге, он очень последовательно и подробно излагает многие важнейшие постулаты классического общего книговедения, тяготеющего в данном случае к функциональной школе. Когда читатель отвлекается от навязчиво повторяющегося, как заклинание, сравнения книги и документа (сравнения, ничего не дающего для понимания сущности и функций книги и ничего не привносящего в книговедческую теорию), это изложение выглядит достаточно убедительным и логичным. Оно как бы подводит итог, суммирует достижения отечественного теоретического книговедения 1970-х – начала 2000-х гг. В этом – несомненное достоинство труда Г. Н. Швецовой-Водки. Вместе с тем рекомендовать его сегодня студентам тоже невозможно, поскольку документоведческая составляющая в нем все же чрезвычайно гипертрофирована. Еще одной проблемой данного учебника является ограниченность его теоретической базы традиционной формой книги и во многом устаревшими коммуникационными реалиями бумажных медиа.

В заключение этого краткого обзора учебных пособий, освещающих проблемы общего, или теоретического, книговедения, нельзя не сказать о небольшом и пока малоизвестном, но уже успевшем выйти вторым изданием учебнике тверского исследователя С. В. Глушкова «Книговедение. Философия книги» [6]. Конечно, рассмотрением учебника, автор которого всерьез полагает, что «последним западным мыслителем, обратившимся к проблемам родства языка и мышления, был Вильгельм Гумбольдт (1767–1835 гг.)» [6, с. 9], и верит в существование «ассирийского царя Агишурбанипала», жившего «в XVIII – XVI вв. до н. э.» [6, с. 15], можно бы было не заниматься, но, к счастью, не этими «открытиями» определяется достаточно высо-

кое научное качество данного издания. Во всем остальном оно чрезвычайно интересно и представляет собой единственную известную нам попытку последовательно изложить философские представления о сущности и назначении книги, относящиеся к разным эпохам и принадлежащие самым разным философам – от Конфуция и Иоанна Богослова до А. Ф. Лосева. Несмотря на свою, местами ярко проявляющуюся, теологическую догматичность и тенденциозность славянофильского толка, получившаяся в результате этого изложения картина очень познавательна и полезна, она, несомненно, может служить отправной точкой для самостоятельных теоретических рассуждений. Среди прочего, важным достоинством данного учебника является введение заново в научно-книговедческий оборот незаслуженно забытых сегодня идей А. А. Потебни и базирующихся на них утверждения о том, что «важнейшим элементом коммуникации оказывается не мысль, породившая высказывание, а используемые для ее передачи средства» [6, с. 73]. Вопреки подзаголовку работы С. В. Глушкова, рекомендовать ее будущим бакалаврам, конечно, нельзя из-за сложности и дискуссионности излагаемого в ней материала; для расширения же кругозора магистрантов она может оказаться очень полезной.

Какие выводы следуют из предпринятого здесь анализа учебников, посвященных общей теории книговедения? Главный из них, на наш взгляд, очевиден: на сегодняшний день не существует ни одного издания учебного характера, в котором бы в полной мере отражался современный уровень развития теоретических знаний о книге. Учебное пособие И. Е. Баренбаума фиксирует основы функциональной теории – вероятно, наивысшего достижения отечественного теоретического книговедения, базирующегося на провидческих идеях М. Н. Куфаева; однако функциональная теория в силу объективных причин перестала развиваться на рубеже нового столетия и сегодня уже во многом музеефицировалась (следует, однако, отметить, что ее основные положения сохраняют определенный потенциал развития и могут быть ограниченно использованы в учебном процессе). Все остальные учебники излагают или пусть и красивые, но совершенно схоластические концепции, предельно далекие от актуального гуманитарного дискурса, или и вовсе уводят читателя в дебри документных мифологий. Лишь учебник С. В. Глушкова, имеющий преимущественно историографический характер, при всех его очевидных проблемах может быть рекомендован для продвинутых магистрантов и аспирантов, стремящихся познакомиться с эволюцией философских взглядов на феномен книги.

Если ситуация с учебной литературой, освещающей, так сказать, классическое общее книговедение, довольно безрадостна, то иначе дело обстоит с отечественными изданиями, относящимися к пограничным (более общим, материнским по отношению к книговедению) отраслям знания. Собственно, и учебник С. В. Глушкова может быть отнесен к их числу, поскольку он излагает не основные постулаты теории науки о книге, а трансформацию философских и культурологических представлений о сути книжной коммуникации, и тем самым принадлежит, скорее, к общегуманитарной сфере.

Среди учебников, не являющихся книговедческими в строгом смысле этого слова, но совершенно необходимых для уяснения вопроса «что такое книговедение» (вернее, каким оно должно быть), можно выделить несколько русскоязычных публикаций. Прежде всего, это, конечно, учебник преподавателей Высшей школы экономики И. В. Кирии и А. А. Новиковой «История и теория медиа» [7]. В сравнении с довольно многочисленными в последнее время, в силу актуальности и модности темы, отечественными публикациями коммуникационно-медиалогического содержания, по большей части совершенно пустыми и излагающими разнообразные доморощенные теории, он является абсолютным Эверестом. В нем с опорой на новейшие достижения гуманитарного знания последовательно и аргументировано излагается тезис об изначально медийной природе книги и письменности как коммуникативной форме существования социума. Кроме того, в этом учебнике содержится лучший на сегодняшний день и чрезвычайно подробный обзор теорий медиа, возникших в XX в. – от В. Беньямина, У. Липпмана и Г. Лассуэлла до Р. Барта, М. Кастельса и Ф. Уэбстера. Этот обзор может служить путеводной нитью для магистрантов и аспирантов, занимающихся проблемами общего книговедения или стремящихся уяснить для себя перспективы его возможного дальнейшего развития.

Еще одним очень значимым и полезным учебником следует считать труд Н. Б. Мечковской «История языка и история коммуникации» [8]. Написанный, в основном, на лингвистическом материале, он важен, прежде всего, при изучении вопроса об объекте книговедения как науки и учебной дисциплины, включающем в себя процесс письма (кодирования) и текст как результат данного процесса. Помимо этого, в учебнике Н. Б. Мечковской имеется принципиально важный для теории науки о книге раздел

«Информационные технологии и их воздействие на языки и общение», в котором рассматриваются проблемы изменчивости текста в зависимости от каналов его трансляции.

Наконец, нельзя не упомянуть в настоящем аналитическом обзоре и хорошо известную работу Р. С. Гиляревского «Основы информатики» [9]. Изучающим книговедение на всех уровнях образования ее следует рекомендовать в качестве обязательного чтения, поскольку она не только дает основы современных представлений о таких фундаментальных и определяющих для книговедческой науки понятий, как «информация» и «коммуникация», но и в значительной мере прививает культуру умственного труда и информационного поиска. Отметим, что в этом курсе лекций впервые представлен развернутый анализ феномена «электронная книга», возникновение которого несколько десятилетий тому назад, как известно, окончательно «спутало карты» в классическом книговедении. Этот анализ, на наш взгляд, и по сей день является лучшим в русскоязычной литературе. Р. С. Гиляревский совершенно справедливо призывает рассматривать электронную книгу именно в книговедческом аспекте и намечает возможные пути такого ее рассмотрения [9, с. 247].

Список литературы

1. Беловицкая А. А. Общее книговедение: учеб. пособие. Москва: Книга, 1987. 256 с.

2. Эльяшевич Д. А. Книговедение: жизнь после смерти // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2018. Т. 217. С. 60–63.

3. Беловицкая А. А. Книговедение. Общее книговедение: учебник. Москва: Моск. гос. ун-т печати, 2007. 393 с.

4. Баренбаум И. Е. Основы книговедения: учеб. пособие по курсу «Книговедение и история книги». Ленинград: Ленингр. гос. ин-т культуры им. Н. К. Крупской, 1988. 91 с.

5. Швецова-Водка Г. Н. Общая теория документа и книги: учеб. пособие. Москва: Рыбари; Киев: Знання, 2009. 487 с.

6. Глушков С. В. Книговедение. Философия книги: учебник и практикум для бакалавриата и магистратуры. 2-е изд., испр. и доп. Москва: Изд-во «Юрайт», 2019. 122 с.

7. Кирия И. В., Новикова А. А. История и теория медиа: учебник для вузов. Москва: Изд. дом Высш. шк. экономики, 2017. 423 с.

8. Мечковская Н. Б. История языка и история коммуникации: курс лекций. 2-е изд., испр. Москва: Флинта, 2016. 584 с.

9. Гиляревский Р. С. Основы информатики: курс лекций. Москва: Экзамен, 2004. 320 с.

References

1. Belovitskaya A. A. General Bibliography: a study guide. Moscow: Kniga, 1987. 256 (in Russ.).

2. El'yashevich D. A. Book science: life after death. Proceedings of Saint-Petersburg University of Culture. 2018. 217, 60–63 (in Russ.).

3. Belovitskaya A. A. Book Science. General book science: a textbook. Moscow: Moscow State Univ. of Printing Arts, 2007. 393 (in Russ.).

4. Barenbaum I. E. Fundamentals of book science: workbook for the course «Book Science and the History of Books». Leningrad: N. K. Krupskaja Leningrad State Inst. of Culture, 1988. 91 (in Russ.).

5. Shvetsova-Vodka G. N. The general theory of the document and books: workbook. Moscow: Rybari; Kiev: Znannya, 2009. 487 (in Russ.).

6. Glushkov S. V. Book science. Philosophy of the book: textbook and training workshop for undergraduate and graduate programs. 2nd ed., rev. and add. Moscow: Publ. house «Yurait», 2019. 122 (in Russ.).

7. Kiriya I. V., Novikova A. A. History and theory of media: textbook for universities. Moscow: Higher School of Economics, publ. house, 2017. 423 (in Russ.).

8. Mechkovskaya N. B. History of language and history of communication: course of lectures. 2nd ed., rev. Moscow: Flinta, 2016. 584 (in Russ.).

9. Gilyarevskii R. S. Fundamentals of computer science: course of lectures. Moscow: Examen, 2004. 320 (in Russ.).

УДК [004.738.5:821.161.1Бунин.09]:002.55(049.32)

М. М. Аболина

Рецензия на веб-ресурс «Академический Бунин»

Веб-ресурс «Академический Бунин» (http://ivbunin.ru) создан в русскоязычном интернет-пространстве в 2017 г. международной группой ученых, в основном – сотрудниками Института мировой литературы имени А. М. Горького Российской академии наук (ИМЛИ РАН) на средства гранта Российского государственного научного фонда (РГНФ; проект № 17–18–01410) в рамках большого научно-исследовательского проекта по исследованию жизни и творческого наследия И. А. Бунина. Анализируется текущее состояние сайта, подробно рассматривается его содержание, делается прогноз дальнейшего развития ресурса

Margarita M. Abolina

Review of the «Academic Bunin» web resource

The review of the new web resource «Academic Bunin» (http://ivbunin.ru) was created in Russian-speaking Internet-space in 2017 by the international group of scientists, generally – the staff of Institute of the World Literature of A. M. Gorky of the Russian Academy of Sciences at the expense of a grant of the Russian State Scientific Fund (project № 17–18–01410) within the big research project on a research of life and creative heritage of I. A. Bunin. The current state of the website, its contents and the forecast of further development of a resource are considered.

DOI 10.30725/2619-0303-2019-4-184-185

Веб-ресурс «Академический Бунин» (http://ivbunin.ru), появившийся в русскоязычном интернет-пространстве совсем недавно, с 2017 г., создан на средства гранта Российского государственного научного фонда (РГНФ; проект № 17–18–01410) в рамках большого научно-исследовательского проекта, целью которого является подготовка фундаментальной базы для научного исследования жизни и творчества И. А. Бунина, проведение текстологической и источниковедческой работы, накапливание сведений самого разного характера об И. А. Бунине.

Среди участников проекта – известные российские ученые: директор Института мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук (ИМЛИ РАН) В. В. Полонский, сотрудники ИМЛИ РАН О. А. Коростелев, С. Н. Морозов, Е. Р. Пономарев, Т. М. Двинятина и др. Куратор проекта – хранитель Русского архива в Лидсе Р. Дэвис (Великобритания).

В настоящее время ресурс может предложить пользователям пять главных рубрик: «Биография», «Произведения», «Архивы», «Библиография», «Наука», которые, в свою очередь, делятся на подрубрики.

«Академический Бунин» – именно научный ресурс. В нем нет полных текстов произведений: сканированные копии прижизненных изданий книг Бунина и публикаций его произведений в периодике и сборниках, как планируется, попадут в рубрику «Библиотека» после окончания срока авторского права – которое не соблюдают популярные «бунинские» сайты.

На страницах «Академического Бунина» есть более важная для изучения творчества «последнего классика» информация: краткая хроника жизни и творчества писателя; алфавитный список бунинских произведений и других текстов, включая автографы и дарственные надписи; систематический список российских и мировых архивохранилищ, содержащих бунинские материалы; список научных центров буниноведения в России и за рубежом; объявления о будущих конференциях и круглых столах, отчеты о прошедших встречах (например, о состоявшейся в ИМЛИ РАН в ноябре 2018 г. международной конференции «Проблемы изучения жизни и творческого наследия И. А. Бунина (биография, источниковедение, текстология)», в которой приняли участие 42 докладчика из 6 стран).

По завершении работ одной из наиболее презентативных на сайте будет рубрика «Библиография». Материалы в ней скомпонованы по пяти направлениям: сведения о прижизненных изданиях произведений Бунина и публикациях в эмигрантской периодике (1887–1954 гг.); сведения о прижизненных рецензиях, статьях и отзывах на произведения и книги писателя (1892–1954 гг.); сведения о произведениях, изданных после смерти Бунина (1955–2016 гг.); литература о писателе (1955–2016 гг.); текущая

библиография (с 2017 г.), – три последних подрубрики пока не заполнены.

Полные тексты буниноведческих работ также предполагается отразить в подрубрике «Научные статьи», в ней уже доступно несколько документов в pdf-формате: это статьи С. Н. Морозова «История подготовки Собрания сочинений И. А. Бунина в издательстве „Петрополис“ (по материалам переписки)» и «Проблема датировки прозы И. А. Бунина», а также одна глава из диссертационного исследования Т. М. Двинятиной «Поэзия И. А. Бунина: Эволюция. Поэтика. Текстология» (2015).

Ориентированная на ученых направленность сайта, однако, совершенно не исключает интереса к нему со стороны просто интересующейся публики. Рубрика «Биография» содержит информацию, которая может быть полезна, кроме учащихся и ученых, музейным и библиотечным работникам, деятелям театра и кино, издателям, историкам и краеведам, а также самому широкому кругу лиц, интересующихся творчеством И. А. Бунина: документальные аудио- (записи голоса Бунина, читающего несколько своих стихотворений), фото- и видеоматериалы, а также подготовленный Р. Дэвисом и Е. Р. Пономаревым аннотированный список «Круг общения семьи Буниных», являющийся существенным вкладом в будущую «Бунинскую энциклопедию». Эти данные помогают глубже погрузиться в бунинскую эпоху, а ради такого «путешествия во времени», изначально, мы и открываем книги первого нобелевского лауреата из русских классиков.

Эта же идея воплощена и в строгом, лаконичном оформлении «Академического Бунина» (веб-дизайнер Ю. В. Балакин): мягкие тона «под сепию», классический книжный шрифт – сам И. А. Бунин не любил излишеств в оформлении своих книг.

Верхнюю навигационную панель сайта украшают фотопортрет писателя уже в зрелые, эмигрантские годы, а также слегка размытые фотографии бунинских черновиков (на ближайшем листе ясно видно начало рассказа «Роза Иерихона», написанного в 1920-е гг.), позволяющие оценить аккуратный почерк писателя, и неизменный автограф: «Ив. Бунинъ».

Нижняя панель сайта обращает на себя внимание дополнительным иллюстративным материалом: бунинские места – Воронеж, Елец, Орел, пос. Глотово, г. Ефремов, Москва, Петербург, Одесса, о. Капри, Париж, Ницца, Канны, Грасс – представлены в виде слайд-шоу.

Интерфейс сайта простой, интуитивно понятный; работает поиск по ключевым словам.

Работа над сайтом только начата: к примеру, хорошо было бы сделать названия перечисленных архивохранилищ и центров сразу в виде гиперссылок на каталоги соответствующих веб-ресурсов – это экономило бы время исследователям, нуждающимся в обращении к оригинальному документу. Но ресурс активно развивается, дополняется, совершенствуется… И это важное и нелегкое дело представляет собой лишь малую часть куда более масштабного проекта – научного изучения произведений И. А. Бунина, результатом которого, как можно надеяться, в недалеком будущем станет подготовка первого в истории отечественного литературоведения научного Полного собрания сочинений писателя.

УДК 351:323.1(470)(049.2)

А. А. Ермичев

Думают о себе, о гражданской нации

Взгляд в себя: к онтологии национального самосознания России: сб. ст. по итогам Междунар. науч. конф. «Генезис национального самосознания: аспект инструментальности в информационной безопасности России в условиях стихии глобализации», 23 нояб., 2018 г., Санкт-Петербург / С.-Петерб. гос. ун-т, Ин-т философии, каф. социал. философии и философии истории; под ред. К. С. Пигрова. – Санкт-Петербург: ООО «Книжный дом», 2018. – 210 с. – ISBN 978-5-94777-420-7.

Alexander A. Ermichev

Think about themselves, about civil nation

A look into the ontology of national identity of Russia: col. of articles on the results of the Intern. sci. conf. «The Genesis of national consciousness: the aspect of instrumentality in the information security of Russia in the conditions of globalization», 23 Nov., 2018, Saint-Petersburg / Saint-Petersburg State Univ., Inst. of Philosophy, Cathedra social. philosophy and philosophy of history; ed. K. S. Pigrov. – Saint-Petersburg: Book house, 2018. – 210 p. – ISBN 978-5-94777-420-7.
DOI 10.30725/2619-0303-2019-4-186-189

У рецензируемого сборника 27 авторов – и начинающие ученые (магистры и аспиранты) и те, кто уже закрепил свое имя в науке (кандидаты и доктора); есть участница более 20 международных конференций, включая Всемирный философский конгресс в Афинах.

Для книги найдено неплохое название – «Взгляд в себя», то есть в бытие своего сознания. Предмет определил широкий тематический диапазон сборника: прекрасно поданное эссе о русской железной дороге (Е. К. Пигрова); заметки об образе войны в нашем кино (А. Н. Исаков), наблюдения о предпочтениях школьников (Н. А. Худнева), о подростке, вдохновленном книгами (а не людьми, и книгами не своих, а иностранных авторов; это – Е. К. Маранцман); «русский дух» отражен в заметке об отечественном парфюме (Р. И. Волкова). В сборнике небезынтересны статьи по философии глобалистики (А. Н. Змазнев), политики (А. С. Дриккер), истории философии (И. Д. Осипов, И. В. Кузин), историософских и культурфилософских взглядах (А. М. Соколов, К. С. Пигров, А. М. Буровский), имеется даже русофобская статья, написанная после долгих размышлений и в состоянии крайнего раздражения М. Н. Эпштейном, в прошлом нашим соотечественником. Он как будто вчера прочитал Чаадаева, впечатлился и представил Россию ненормальностью мирового значения.

Выделяется несколько сугубо методологических работ – о всякого рода приемах и способах исследования национального самосознания, любого, не только российского. В них прослеживаются тоже разные темы – от места «персонального самосознания» в национальном самосознании (П. А. Мицкевич) до «чужого» (М. Б. Торхова) и возможности диалога в конфликтном обществе (Д. А. Шевелева). Две статьи посвящены «заботе о себе» как условии формирования национального самосознания (С. Х. Мухина и Е. Н. Болотникова). В том же ракурсе Е. В. Юрчук рассмотрел «достоинство личности». Статьи умны, иногда туманны, иногда – остроумны. Однако же русский человек, хотя и понимает пользу от таких статей, читает их неохотно. Он любит конкретику.

Сборник таким разнообразным и получился. Каждый из читателей найдет здесь что-либо нужное ему. Эта книга – о возвращении России из идеального коммунистического «завтра» в греховное и нормальное буржуазное «сегодня». Оно же, «сегодня», требует иного общего регулятора социального поведения, нежели идеалы. Европа уже выработала такой социальный регулятор-скрепу общественного единства – гражданское общество. Предлагаемая книга рассматривает один из сюжетов возвращения России к норме: может ли свойственное нам этническое понимание нации дорасти до европейского юридического понимания? Иначе говоря, может ли «русской правды идеал» отлиться в «формы узкие юридических начал»?

О необходимости подобного «дорастания» говорит первая статья сборника «Национальная идентичность как форма субъекции: этническое и гражданское понимание нации». Ее автор Е. К. Краснухина озаботилась вопросом о духов-

ном или идейном единстве россиян, граждан постсоветской России, уцелевшей после гибели СССР. Она спрашивает: «Что может быть единым и равным для всех россиян?» и отвечает: не культура, не язык, не религия, не история и все потому, что у каждого из народов, живущих в России, своя культура, свой язык, своя религия. Нарочитая чистота ее рассуждений (очевидное игнорирование опыта совместной истории народов России!) как раз и заставляет думать, каково же сегодня «национальное самосознание России», таково ли оно, что принимается и ценится каждым из россиян, независимо от его этнической принадлежности. Действительно, что же нас, граждан постсоветской России, соединяет? Автор отвечает: «Только то и соединяет, что вы все граждане одного государства, у которого есть территория, экономика и идеология» (с. 16). Это, и только это, – территория, экономика, государство и идеология – вот необходимый и достаточный минимум, располагая которым все жители современной России могут считать себя нацией. Но не прежней и устаревшей – с общностью языка, культуры и пр., а современной нацией, именуемой – «гражданской». Теперь, – уверяет автор, – самое время отказаться от этнического понятия нации и говорить только о нации гражданской. Нужно привыкнуть мыслить нацию не через «кровь» и историю, культуру и дух, а нумерически, т. е. сообществом свободных и равных в законной свободе граждан. Каждый из нас – сначала гражданин-россиянин, а потом уже русский, татарин, калмык, чуваш и так далее… Возможно, автор сама шокирована своим беспощадным выводом. И неожиданно задает себе «немаловажный вопрос: является ли гражданская нация в полном смысле видом общества, общностью людей?» Не построена ли она на «правовой атомизации и индивидуализации общества?» (с. 17).

Участники конференции весьма заинтересованно обсуждали непривычную им постановку вопроса о национальной идентичности. Интерес оправдан. Во-первых, уже упомянутый возврат России на «общецивилизационный нормальный» путь велит принять императив гражданской нации. Во-вторых, никому не увернуться от глобализации, о чем с тревогой (возможное стирание многообразия культур) и надеждой (так не должно быть) пишет А. Н. Змазнев. Но что касается отдельного человека, то и ему глобализация может показаться привлекательной, обещая его и всех сделать гражданами мира. Е. К. Краснухина завершает свою статью утверждением, что когда-нибудь космополитический вихрь оторвет гражданина от страны-государства и территории.

Если у Е. К. Краснухиной еще заметна какая-то неуверенность в правильности такого течения дел, то автор статьи «Россия и национализм: парадоксальное наследие самозванческой интернациональности» Г. Л. Тульчинский смело вступает в него. Он знает, что нация – продукт буржуазного общества, к которому Россия еще только приблизилась в Феврале 1917 г. Смелыми антибольшевистскими мазками набросав картину Октября, он показывает, как торопливые победители с их «самозванным» интернационализмом, противореча самим себе, узаконили этническое представление о нации. Получился этнофедерализм – неопасный, пока у власти была Коммунистическая партия. Но как только «руководящая и правящая» потеряла таковое значение, этнофедерализм обрел свое подлинное, а, именно, националистическое значение. Ныне Россия, вернувшаяся к «февральским берегам», должна хотеть стать гражданской нацией. «Тем не менее, – сокрушается Г. Л. Тульчинский, – российский социум не воспринимает идею гражданской идентичности, на которой основывается буржуазный национализм» (с. 25). Советское прошлое и доныне преследует нас. В обыденных разговорах, в публицистике, даже в нормативных документах используется этническое понятие нации – неверное, не соответствующее российскому социально-политическому времени. Автору «не то, что написать, просто подумать о России как многонародной нации не дает упомянутая инерция советского стереотипа этнического понимания нации» (с. 26). Он опасается, что промедление в переходе к правильному пониманию грозит России «националистическим» развалом.

Похоже, что многие участники сборника не разделяют заданную этими авторами направленность разговора. Е. Г. Соколов вообще занял агностическую позицию относительно определения нации. Он уверяет, что существующие на сегодня маркеры идентичности очевидно недостаточны. «Исходя из них невозможно выстроить какую-либо внятную и, главное, соответствующую „положению вещей“ форму идентичности и провести процедуры размежевания „своего-чужого“». Практику установления национальной идентичности по гражданству он называет «формальной», а ее применение к современной России – «порочным и абсурдным»; отмечая, что ее реализация «с неизбежностью ведет к унификации и уничтожению разнообразия» (с. 75).

Другой автор, Ю. А. Разинов, примирительно подсказал, что идентичность совсем неравна тождественности и исходя из этого изложил свое понимание национальной проблемы современной России. Идентичность

«есть результат уподобления и принадлежности и даже сопринадлежности» (с. 153). Надо различать «свое» и «родное». Идентичность подлинна в «родном», а тогда и империя может стать «родной» – все помнят: «Широка страна моя родная!» Сложность имперской идентичности существует, но только в одном отношении – в усвоении сложного символического кода многокультурья. Но такое усвоение вполне возможно в содружестве наций. Именно содружество станет моделью космополитического расширения Родины. Вопреки антипатриотической фронде, полагающей, будто Отечество и Родина – «чудовищные анахронизмы», «зоологизмы», от которых нужно отказаться, глобализация проблематизирует, но не стирает мифологический код Родины.

Многоплановая и обстоятельная статья М. А. Буровского «Мифологическая природа народного самосознания, или путь к правилам национальной безопасности» прямо-таки взывает к «устарелому» этническому пониманию нации (с. 146–147) как к необсуждаемой реальности. Именно на ней возведены здания современной культуры (с. 136–140). Он пишет об историческом мифе как механизме самоиндентификации – ведь «мифы отвечают на основные вопросы людей – кто они такие, зачем живут, что держит их вместе и что им надлежит вместе делать» (с. 143). Автор призывает к тому, чтобы найти (разработать) адекватную мифологию, которая укрепила бы существование эпоса и его процветание. Вот самая актуальная задача: «В настоящий момент адекватной мифологии в России нет. Такой мифологии нет с середины-конца XIX века…, что и предопределило падение Российской империи» (с. 147). Впрочем, «советская мифология была построена на совершенно ложных предпосылках и предопределила падение Советского Союза» (с. 147), – утверждает автор.

Блистательным завершением этого проблематичного разговора нужно считать эссе Н. Б. Иванова «Русский дух: к поэтике самосознания» и философское фэнтези А. К. Секацкого «Этнограмма как космическая константа». Эссе Н. Б. Иванова столь естественно, что ни пересказать, ни цитировать его невозможно. Но смысл его, видимо, таков: «Кто знает, что это за явление русскости, но я живу в нем и это очень здорово! Слава Богу!» А вот А. К. Секацкий прямо заявляет: «… у меня есть основания полагать, что национальность или этническая принадлежность в качестве универсального различителя в недрах человеческого бытия переживет вторжение и гаджетов, и биотехнологий». И автор великолепно оправдывает свое предчувствие при помощи обнаруженной им космической константы национального существования людей.

Нельзя не заметить, что у пропагандистов гражданской нации не нашлось решимости категорически и настойчиво заявить, что гражданская нация – это просто совсем иное, чем этническая нация, и что сходство между ними такое же, как между ежом и сапожной щеткой или между супружеством и союзом гомосексуалистов. Гражданская нация – законное дитя истории и культуры, благородное содружество свободных граждан, но вырастает оно на историческом и социокультурном древе нации этнической.

Сторонники традиционного понимания нации тоже могли бы заявить, что гражданское общество – это всего лишь историческое дополнение к нации этнической, что оно всего лишь упорядочивает национальную жизнь при помощи права. Невозможно не видеть, что этническая нация всегда была немножко гражданской (когда руководствовалась сводом законов, где отстаивалось достоинство человека), а гражданская нация и сегодня продолжает оставаться этнической. В отношении прав личности различия между ними только степенные.

А. М. Соколов резонно замечает: «Сегодня, не боясь ошибиться, можно сказать, что для европейцев вопрос о национальной идентичности оказывается вторичным. Для англичанина, француза, немца и пр. проблема идентичности сводится к вопросу о реализации своих гражданских прав. В конце концов, Европа – это общее государство, общий рынок» (с. 98).

И что же? У нас в Российской Федерации тоже есть общее гражданство и общий рынок, но в силу извечных исторических обстоятельств (и тех, о которых в «Вехах» писал Б. А. Кистяковский, и тех, что накопились за годы советской власти) нам ближе ценности истории и культуры «почвы» и «крови», нежели закона и права. Сегодня мы не против того, чтобы и у нас отношения к гражданской нации было таким же, как в Европе. Наша страна подходила к такому в начале XX в. Первая русская революция подвинула страну к буржуазно-демократическим реформам, а в культуре расцвел русский духовный ренессанс, который умел соединить отечественный религиозный пафос с секулярным гуманизмом. Мы сегодня согласны на такое соединение: пусть этническое будет вторично по отношению к закону и праву. Но признайте его генезис от Бога, космоса, истории и культуры. Не это ли является основанием поворота нашего общества к неоконсерватизму, о чем пишет К. С. Пигров.

Если любовь к дальнему и есть наш мировой недостаток, тогда будем смиренно ждать, когда мы станем «средними европейцами» (если таковые вообще существуют). Этническое и гражданское понимание нации не отрицает друг друга и не сменяет друг друга, а реальная жизнь европейцев ли, россиян ли – это совсем другое, чем только понимание их. Наконец, любовь к своим совсем не ведет к национализму и какому-то этнофедерализму.

Инициаторам и редакторам следующих сборников – а их важно продолжить! – можно пожелать следующее: а) более пространных выступлений всех авторов, – не кратких, в 3-4-5 страниц, а в 2-3 раза больших; б) укрупнения и обогащения тематики; к примеру, исследований по опыту идентичности в Российской империи и СССР и т. п.; в) категорически исключить участие русофобов в такого рода обсуждениях. Пора понимать, что бы они ни говорили о нашей стране, Россия для них всегда будет злом. В свое время «Современные записки» и «Новый журнал» просто не принимали никаких материалов от сторонников большевизма или сочувствующих им. Да и что, собственно, последние могли сообщить первым?

Наконец, невозможно не оценить редактора К. С. Пигрова, поместившего на последней странице сборника отклик А. П. Чехова на смерть Н. М. Пржевальского – человека подвига, веры и ясно осознанной цели – русского путешественника, до последних дней служившего Российской империи, ее многонациональному народу.

Сведения об авторах

Information about authors

Александров Илья Юрьевич, кандидат философских наук, доцент, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный институт культуры»

Aleksandrov Il'ya Yur'evich, PhD in philosophy, associate professor, federal state budget educational institution of higher education «Saint Petersburg State University of Culture», SPIN-код: 3496–6134, ilyamir67@yandex.ru

Аболина Маргарита Михайловна, аспирант, кафедра литературы и детского чтения, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный институт культуры»

Abolina Margarita Mikhailovna, postgraduate, Department of literature and children's reading, federal state budget educational institution of higher education «Saint Petersburg State University of Culture», SPIN–код: 5330–7398, amarguerite@mail.ru

Большаков Валерий Павлович, заслуженный работник высшей школы РФ, доктор философских наук, профессор, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный институт культуры»

Bol'shakov Valerii Pavlovich, honored figure in higher school of Russian Federation, doctor in philosophy, professor, federal state budget educational institution of higher education «Saint Petersburg State University of Culture», SPIN-код: 4717–8649, bolshakov.valerii@mail.ru

Бородина Валентина Александровна, доктор педагогических наук, профессор, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный институт культуры»

Borodina Valentina Aleksandrovna, doctor in pedagogics, professor, federal state budget educational institution of higher education «Saint Petersburg State University of Culture», SPIN-код: 8017–4491, sevaread@yandex. ru

Варова Наталия Леонидовна, доцент, кандидат философских наук, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Омский государственный педагогический университет»

Varova Natalia Leonidovna, PhD in philosophy, associate professor, the philosophy department, Federal state budget institution of higher education «Omsk State Pedagogical University», SPIN-код: 1681-3540, nvarova@mail.ru

Васильева Елизавета Евгеньевна, аспирант, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный институт культуры»

Vasil'eva Elizaveta Evgen'evna, postgraduate, federal state budget educational institution of higher education «Saint Petersburg State University of Culture», SPIN-код: 6530–7190, vasil-liza@yandex.ru

Васинская Мария Владиславовна, аспирант, кафедра музеологии и культурного наследия, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный институт культуры»

Vasinskaya Mariya Vladislavovna, postgraduate, Department of museology and cultural heritage of Saint-Petersburg State University of Culture, SPIN-код: 6418-5276 Vasinskaya-M@yandex.ru

Випулис Ирина Викторовна, старший преподаватель, кафедра культурологии, Московский государственный институт культуры

Vipulic Irina Viktorovna, senior lecturer, Department of cultural studies, faculty of state cultural policy, Moscow State Institute of Culture, SPIN-код: 2516-4790, vipoulis@mail.ru

Власникова Мария Александровна, аспирант, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный институт культуры»

Vlasnikova Mariya Aleksandrovna, postgraduate, federal state budget educational institution of higher education «Saint Petersburg State University of Culture», SPIN-код: 2046–4019, santuanetta@mail.ru

Ермаков Владимир Дмитриевич, доктор исторических наук, профессор кафедры истории и петербурговедения СПбГИК

Ermakov Vladimir Dmitrievich, doctor of history, professor of Department of history and history of Saint Petersburg of Saint Petersburg State University of Culture, SPIN-код: 7598-4960, ermak1913@mail. ru

Ермичев Александр Александрович, доктор философских наук, профессор Частного образовательного учреждения высшего образования «Русская христианская гуманитарная академия»

Ermichev Aleksandr Aleksandrovich, doctor in philosophy, professor, Russian Christian Humanities Academy, 7723516@gmail.com

Викторино Леонардо, аспирант, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный институт культуры»

Victorino Leonardo, postgraduate student of Department of theory and history of culture of Saint Petersburg State University of Culture, iosifvictorino@gmail.com

Сведения об авторах

Information about authors

Игнатова Ольга Анатольевна, соискатель кафедры музеологии и культурного наследия, федеральное государственное бюджетное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный институт культуры», федеральное государственное бюджетное учреждение культуры «Государственный Эрмитаж»

Ignatova Ol'ga Anatol'evna, applicant of department of museology and cultural heritage, federal state budget institution of higher education "Saint-Petersburg State Institute of Culture", federal state budget institution of culture "State Hermitage", SPIN-код: 7971–7191, ignatova.hermitage@gmail.com

Измайлова Эмма Вячеславовна, аспирант, кафедра теории и истории культуры, федеральное государственное бюджетное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный институт культуры»

Izmaylova Emma Vyacheslavovna, postgraduate, Department of theory and history of culture, SPIN-код: 3819–8865, emma. izmailova@yandex. ru

Колесникова Марина Николаевна, доктор педагогических наук, профессор, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный институт культуры»

Kolesnikova Marina Nikolaevna, doctor in pedagogics, professor, federal state budget educational institution of higher education «Saint Petersburg State University of Culture», SPIN-код: 5657–9748, marik008@mail.ru

Лазарева Ольга Викторовна, аспирант, кафедра теории и истории культуры, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный институт культуры»

Lazareva Olga Viktorovna, postgraduate student of Department of theory and history of culture of Saint Petersburg State University of Culture, SPIN-код: 8510–1671, ov_lazareva@mail.ru

Магомедова Ольга Борисовна, аспирант, кафедра музеологии и культурного наследия, федеральное государственное бюджетное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный институт культуры», федеральное государственное бюджетное учреждение культуры Государственный музей-заповедник «Царское Село»

Magomedova Ol'ga Borisovna, postgradute student of department of museology and cultural heritage, federal state budget institution of higher education «Saint-Petersburg State Institute of Culture» federal state budget institution of culture «Tsarskoye Selo», SPIN-код: 3739-6365, magusyan@yandex.ru

Мамаева Елена Ивановна, аспирант, государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный институт культуры»

Mamaeva Elena Ivanovna, postgraduate, federal state budget educational institution of higher education «Saint Petersburg State University of Culture», SPIN-код: 4554-4221, forenergizer@gmail.com

Маньков Сергей Александрович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Государственного музея-заповедника «Царское Село»

Mankov Sergei Aleksandrovich, Ph.D. in history, senior research assistant of the State Museum-Reserve «Tsarskoye Selo», SPIN-код: 8262-1511, mankov21@mail.ru

Михеева Галина Васильевна, заслуженный работник культуры РФ, доктор педагогических наук, профессор, федеральное государственное бюджетное учреждение «Российская национальная библиотека»

Mikheeva Galina Vasil'evna, honored figure in culture of Russian Federation, doctor in pedagogics, professor, federal state budget institution «National Library of Russia», Saint Petersburg, SPIN-код: 1659–2852, mikheeva@nlr.ru

Мутьев Виктор Алексеевич, кандидат педагогических наук, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный институт культуры»

Mut'ev Viktor Alekseevich, PhD in pedagogics, federal state budget educational institution of higher education «Saint Petersburg State University of Culture», SPIN-код: 1371–5339, victor.mutyev@gmail.com

Назанян Карина Георгиевна, младший научный сотрудник отдела просветительской работы и учета музейных экспонатов, Военно-медицинский музей Министерства обороны РФ

Nazanyan Karina Georgievna, Junior Researcher of the department of educational work and accounting of museum exhibits, Military Medical Museum of Ministry of Defense of the RF, SPIN-код: 3134–4261, nazanyan2013@gmail.com

Назаренко Алексей Николаевич, соискатель кафедры теории и истории искусств, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный институт культуры»

Nazarenko Aleksei Nikolaevich, applicant Department of theory and history of culture, federal state budget educational institution of higher education «Saint Petersburg State University of Culture», SPIN-код: 4832–2740, a.n.nazarenko@yandex.ru

Нефедова Людмила Константиновна, доктор философских наук, профессор, федеральное государ-

ственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Омский государственный педагогический университет»

Nefedova Ludmila Konstantinovna, doctor in philosophy, professor, the head of the philosophy department, Federal state budget institution of higher education «Omsk State Pedagogical University», SPIN-код: 7635-9840, konstans50@yandex.ru

Островская Елена Петровна, доктор философских наук, профессор, федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Институт восточных рукописей Российской академии наук»

Ostrovskaya Elena Petrovna, doctor in philosophy, professor, federal state budget institution of science «Institute of Oriental Manuscripts of Russian Academy of Sciences», Saint Petersburg, SPIN-код: 9457–7382, ost-alex@yandex.ru

Попов Артем Анатольевич, кандидат исторических наук, доцент, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный институт культуры»

Popov Artem Anatol'evich, PhD in history, associate professor, federal state budget educational institution of higher education «Saint Petersburg State University of Culture», SPIN-код: 4847–3803, artempopovspb@gmail.com

Поршнев Валерий Павлович, кандидат культурологии, доцент, федеральное государственное бюджетное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный институт культуры»

Porshnev Valeriy Pavlovich, PhD in cultural studies, associate professor, federal state budget institution of higher education «Saint Petersburg State University of Culture», SPIN-код: 3032-2879, vpp2008@mail.ru

Радзиевский Виталий Александрович, кандидат культурологии, доцент, Киевский национальный университет культуры и искусств, Украина

Radzievskii Vitalii Aleksandrovich, PhD in cultural studies, associate professor, Kiev National University of Culture and Arts, Ukraine, vitalont@ukr.net

Радион Яна Анатольевна, доцент, федеральное государственное бюджетное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный институт культуры»

Radion Yana Anatolyevna, associate professor, department of pop-jazz art and musical, federal state budget institution of higher education «Saint Petersburg State University of Culture», SPIN-код: 3063-9766, yanaradion@icloud.com

Розина Ольга Владимировна, доцент, кандидат исторических наук, государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области «Московский государственный областной университет»

Rozina Olga Vladimirovna, associate professor, PhD in history, Moscow Region State University, SPIN-код: 4815-3231, olgarozina2017@yandex.ru

Рябова Татьяна Викторовна, кандидат педагогических наук, доцент, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный институт культуры»

Ryabova Tat'yana Viktorovna, PhD in pedagogics, associate professor, federal state budget educational institution of higher education «Saint Petersburg State University of Culture», SPIN-код: 9823–8525, tv.ryabova812@gmail.com

Тургаев Александр Сергеевич, заслуженный работник высшей школы РФ, доктор исторических наук, профессор, ректор Санкт-Петербургского государственного института культуры

Turgaev Aleksandr Sergeevich, honored figure in higher school of Russian Federation, doctor of history, professor, rector of Saint Petersburg State University of Culture, SPIN-код: 1689–4431, sv-spbizdat@mail.ru

Улинова Инна Хонгоровна, аспирант, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный институт культуры»

Ulinova Inna Khongorovna, postgraduate, federal state budget educational institution of higher education «Saint Petersburg State University of Culture», SPIN-код: 2269–6140, xarada@bk.ru

Черкаева Ольга Евгеньевна, кандидат культурологии, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный гуманитарный университет», Москва

Cherkaeva Ol'ga Evgen'evna, PhD in cultural studies, federal state budget educational institution of higher education «Russian State University for Humanities», Moscow, SPIN-код: 6209–7825, cherkaewa@ yandex.ru

Чигалейчик Елена Дмитриевна, аспирант, федеральное государственное бюджетное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский институт культуры»

Chigaleychik Elena Dmitrievna, postgraduate, federal state budget educational institution of higher education «Saint Petersburg State University of Culture», SPIN-код: 2069-3028, e-chig@yandex.ru

Эльяшевич Дмитрий Аркадьевич, доктор исторических наук, профессор, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный институт культуры»

Elyashevich Dmitry Arkadevich, doctor of history, professor, federal state budget educational institution of higher education «Saint Petersburg State University of Culture», SPIN-код: 6368-1238, dmitry@elyashevich.ru